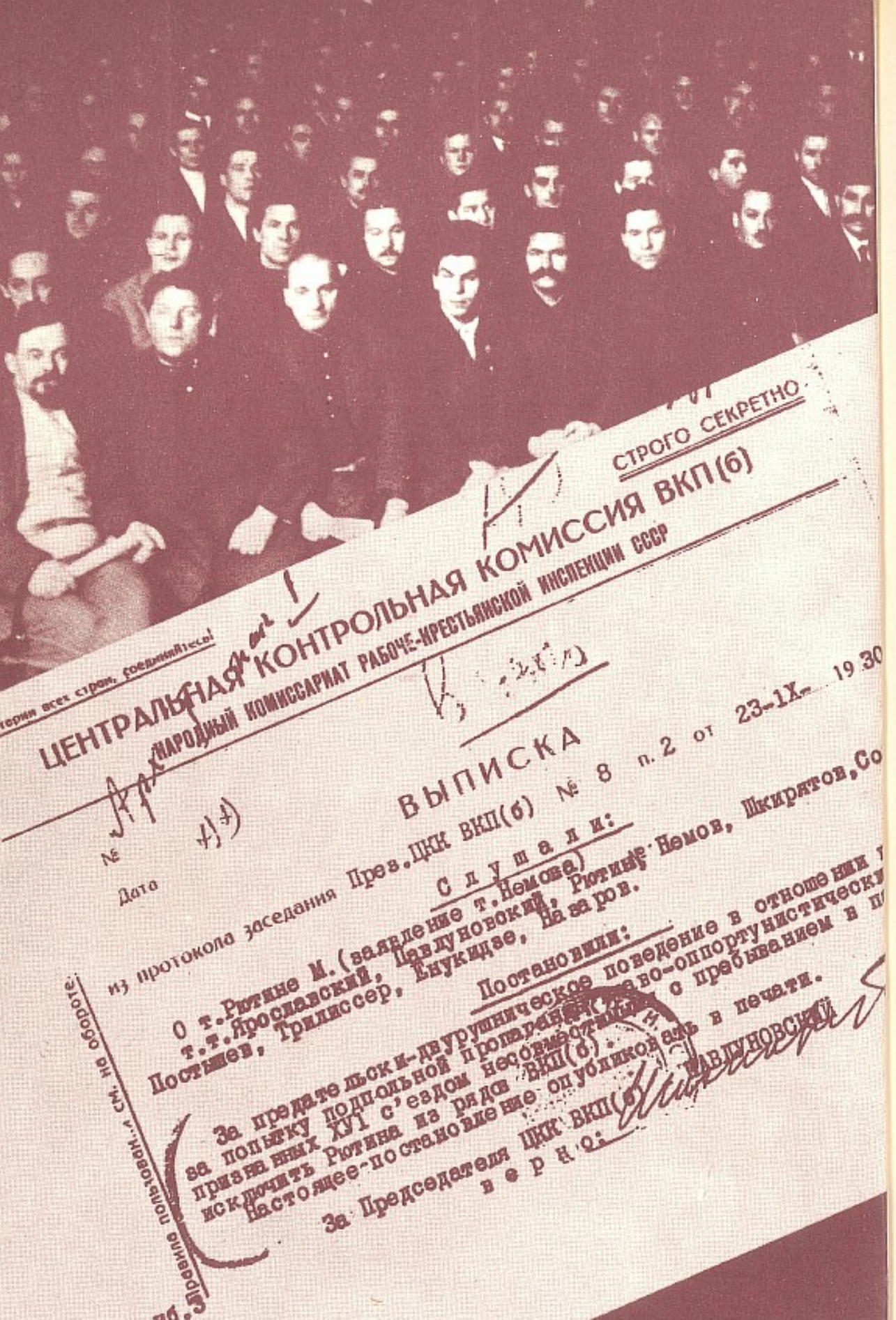


Мартемьян
РЮТИН

НА КОЛЕНИ НЕ ВСТАНУ



НА КОЛЕНИ НЕ ВСТАНУ

Мартемьян РЮТИН

Москва
Издательство
политической
литературы
1992

ББК 66.61(2)8
Р97

Составитель
кандидат исторических наук
Б. А. Старков

Рютин М. Н.
Р97 На колени не встану /Сост. Б. А. Старков.— М.: Политиздат, 1992.— 351 с.: ил.
ISBN 5—250—01483—6

Имя Мартемьяна Никитича Рютина, возвращенное нам лишь в самое последнее время, стало символом сопротивления сталинщине.

В сборник вошли фрагменты публицистических работ Рютина, написанных в 1924 году, его главный труд — «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» (знаменитая ныне «платформа Рютина»), где дается всесторонний анализ явления, о котором не утихают споры. Кроме того, читатель познакомится с автобиографией Рютина, его выступлениями на XIV и XV съездах партии, тюремными письмами. Эти документы дают представление о замечательном человеке, чьи потенциальные возможности оказались нереализованными во времена культа личности.

В сборник включена также статья известного писателя А. М. Борщаговского «Так кто же написал «платформу Рютина»?».

Книга рассчитана на тех, кто интересуется политической историей нашей страны, кого волнуют судьбы репрессированных в страшные 30-е годы.

Р $\frac{0902020000—011}{079(02)—92}$ 204—92

ББК 66.61(2)8

© Б. А. Старков, составление, предисловие, 1992
© Е. Г. Капустянский, худ. оформление, 1992

ISBN 5—250—01483—6

ТЯЖКИЙ ПУТЬ ПРОЗРЕНИЯ

Из глубокого забвения возвращаются к нам имена тех, кто в далекие 20-е, 30-е годы отдавал свои знания, умение и талант делу созидания нового общества. Среди них особое место занимают представители старой большевистской гвардии, выступившие против сталинских деформаций социалистических идей. Это были разные по своему положению и темпераменту люди. Теоретик Николай Бухарин и практик Сергей Сырцов, один из старейших членов большевистской партии Александр Смирнов и молодой, горячий Виссарион Ломинадзе. Рассудительный питерский рабочий Василий Каюров и энергичный наркомснаб РСФСР Николай Эйсмонт. Организатор Коминтерна Иосиф Пятницкий и борец за социалистическую кооперацию Григорий Каминский. Блестящий разведчик Вальтер Кривицкий и профессиональный революционер, литератор, дипломат Федор Раскольников. Поразному складывались их судьбы, различными путями пришли они в революцию, но объединяло их главное: все они нашли в себе мужество поднять свой голос против диктатуры Сталина.

Среди этой плеяды революционеров особенно выделяется Мартемьян Никитич Рютин. Он был одним из тех, кто ценой собственной жизни пытался воспрепятствовать становлению авторитарной командно-бюрократической системы. Вобрав в себя все лучшее из российского демократического революционно-освободительного движения, профессиональный революционер, крупный партийный работник, теоретик, публицист, он стал центральной фигурой антисталинского сопротивления, и сегодня его имя по праву стоит одним из первых в ряду борцов против авторитаризма.

Перелистаем страницы его политической биографии.

«Интеллигентный пролетарий»

Так в одной из анкет ответил Мартемьян Никитич Рютин на вопрос о своем социальном положении. Как такая на первый взгляд странная запись могла появиться в анкете сына крестьянина-бедняка? Забегая вперед, скажем: он имел для этого все основания.

Родился М. Н. Рютин 13 февраля 1890 года в деревне Верхне-Рютино Усть-Удинской волости Балаганского уезда Иркутской губернии. Первыми учителями Мартемьяна были политические ссыльнопоселенцы. У них он научился читать и писать. Когда же в соседнем селе открылась начальная школа, смышленый мальчуган стал в ней лучшим учеником.

Он был старшим сыном в семье Никиты Павловича Рютина, типичного крестьянина-середняка, хозяйство которого постепенно разорилось и пришло в упадок. На плечи маленького Мартемьяна очень рано легла самая тяжелая работа.

Однако мальчика все время тянуло к учению. В феврале 1903 года Мартемьян попадает в губернский город Иркутск. Крепкие пятистенные дома, золотые купола соборов, множество людей на улицах — все это на первых порах ошеломило его. Но самое главное — здесь было много книг и можно было учиться дальше. Он принял первое самостоятельное решение: остался в городе, где сначала работал на кондитерской фабрике, затем «мальчиком» в мелочной лавке. О том, чтобы продолжать учебу, пришлось на время забыть, ибо трудиться нужно было наравне со взрослыми по 10—11 часов.

Случайная встреча с ссыльным социал-демократом Б. В. Марковиным во многом предопределила судьбу подростка. Марковин помог ему поступить в Иркутскую учительскую семинарию, познакомил с произведениями русских писателей-демократов.

Начало учебы в семинарии совпало с событиями первой российской революции. По Сибири прокатилась волна революционных выступлений. Иркутск оказался в центре событий. Как и другие семинаристы, Мартемьян часто бывал на митингах, но еще не мог толком разобраться в политическом смысле происходящего.

После окончания семинарии Рютин учительствовал в Шивере, позже перебрался в Иркутск. К этому времени

он знакомится с марксистской литературой и самостоятельно создает кружок, в котором изучаются произведения В. И. Ленина, К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля, К. Каутского, обсуждаются публикации «Правды», «Просвещения» и других периодических изданий. Дискуссии с меньшевиками, встречи и частые беседы с ссыльными большевиками в значительной степени определили его политические взгляды.

В это же время он начал активно сотрудничать в сибирской социал-демократической печати. Его статьи публиковались в газетах «Иркутское слово», «Сибирские новости», «Сибирские вести», «Восточная Сибирь», а позднее — в «Забайкальском обозрении». С начала первой мировой войны М. Н. Рютин занял последовательную пораженческую позицию, считая, что неизбежным следствием войны будет революция. В острой полемике с меньшевиками об отношении к войне он окончательно утвердился в своих политических пристрастиях и в октябре 1914 года вступил в большевистскую партию.

В июне 1915 года Рютин был мобилизован в царскую армию, а в октябре как имеющий образовательный ценз направлен в 1-ю Иркутскую школу прапорщиков. Через три месяца, после ускоренного производства в чин прапорщика, определен во 2-й Сибирский запасной стрелковый полк, где служил младшим офицером. Там он создал большевистский солдатский кружок и вел революционную пропаганду среди солдат Иркутского гарнизона. «Все мы считали тов. Рютина нашим учителем и руководителем, который никогда не отказывал нам в общении... и в беседах с нами выявил себя как очень хороший агитатор»,— вспоминали о нем сослуживцы.

Для дальнейшего прохождения воинской службы М. Н. Рютина командируют в Харбин, где он продолжает заниматься пропагандой среди солдат местного гарнизона. В России шел последний предреволюционный год.

В годы революции и гражданской войны

Твердый сибирский характер, способность отстаивать свои убеждения наиболее ярко проявились у М. Н. Рютина во время бурных социальных потрясений 1917—1921 годов. Несмотря на запрет командования, прапорщик

Рютин объявил солдатам в марте 1917 года, что в России произошла революция и пало самодержавие. Его пытались арестовать, но по требованию солдат он был освобожден. В Харбине возникают Советы солдатских и рабочих депутатов, Мартемьян Никитич избирается председателем Совета солдатских депутатов, его делегируют в Совет рабочих депутатов от Харбинского гарнизона.

Весной, когда через Харбин стали следовать группы политических эмигрантов, представители меньшевиков и эсеров внесли в Харбинский Совет предложение: «Прибывших эмигрантов с большевистскими идеями не отправлять в Россию, иначе они занесут заразу идей в сердце России и начнется анархия». Однако принципиальная позиция М. Н. Рютина и других большевиков позволила добиться принятия другого решения: проезд эмигрантов в Россию через Харбин был обеспечен.

В конце июля 1917 года, вернувшись из Иркутска, где он принимал участие в работе конференции сибирских организаций РСДРП, Рютин потребовал решительного организационного размежевания с меньшевиками. Выступая на рабочих митингах у Иверской церкви, в библиотеке главных железнодорожных мастерских, он разоблачает соглашательскую политику меньшевиков и эсеров и призывает рабочих и солдат Харбинского гарнизона идти за большевиками. К этому времени оформился Харбинский комитет РСДРП(б), в состав которого вошел и Рютин.

В начале сентября 1917 года М. Н. Рютин был избран председателем объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов. Тогда же он стал председателем Харбинского комитета РСДРП(б) и редактором еженедельного партийного журнала «Борьба». По его инициативе по всей линии КВЖД стали создаваться большевистские организации.

26 октября 1917 года в Харбине проходила мощная демонстрация рабочих и солдат гарнизона под лозунгом «Вся власть Советам!». К этому времени уже были получены первые сведения о событиях в Петрограде. Многое оставалось неясным, но председатель Харбинского Совдепа Рютин призвал поддержать большевиков и взять власть в свои руки. «На нас,— говорил он,— опять посылается куча клеветы, про нас опять будут слагаться тысячи чудовищных небылиц, но мы с презрением пройдем мимо всего этого и будем творить свое великое дело.

Мы не убоимся и не смутимся от буржуазных криков, потому что на нашей стороне жизнь, на нашей стороне народ. Это голос самого народа, и его не заглушит никакая клевета. Сегодняшняя демонстрация является учетом сил и покажет нашим врагам нашу стройность и организованность» *. Через три дня на митинге Рютин заявил: «Несмотря на крайне отрывочные сведения из Петрограда, можно с уверенностью сказать, что выступление большевиков увенчалось успехом. Раз так, то гражданская война неизбежна. Слишком много в России контрреволюционных сил» **. К этому времени Мартемьян Никитич был одной из самых популярных политических фигур. На выборах в Учредительное собрание, которые тогда проходили в Харбине, он получил 6756 голосов (из 22 246). Его кандидатура была второй после меньшевика Стрельцова, получившего 7770 голосов.

Силы контрреволюции на Дальнем Востоке оказались значительно сильнее, чем в центре страны. Большую помощь они получили от дипломатических представителей капиталистических государств в Маньчжурии. Заговор против революции возглавляли управляющий КВЖД генерал Ю. Л. Хорват и американский консул Мозер, основной ударной силой выступили белокитайские части.

Обстановка в Харбине была сложная, а у руководства Совета не хватало политического опыта. Поэтому они обратились по телефону с запросом к В. И. Ленину, как быть с захватом власти. Владимир Ильич ответил, что необходимо устранить Хорвата и старых консулов по всей линии КВЖД. Вместо них предлагалось назначить комиссаров от Харбинского Совета. Однако выполнить это в полной мере не удалось.

6 декабря 1917 года представители китайского правительства предъявили Харбинскому Совету ультиматум о высылке из Харбина и полосы отчуждения КВЖД революционно настроенных воинских частей, а также персонально большевиков Рютина и Славина. Одновременно была выпущена прокламация к русскому и иностранному населению Харбина. В ней сообщалось, что для охраны проживающего на территории китайского и иностранного населения, а также поддержания

* Харбинский вестник. 1917. 28 октября.

** Цит. по: *Саломеник В.* Борьба за Советскую власть на КВЖД // Дальистпарт. Владивосток, 1925. Кн. 3. С. 55.

порядка в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (чему якобы противодействуют «самочинные организации, незаконно провозглашающие себя высшей властью») в Харбин вводятся китайские войска.

Войска были введены по требованию генерала Хорвата и консулов иностранных держав. На заседании Совета это квалифицировалось как начало наступления контрреволюции, было принято вынужденное решение покинуть город. «Мы уходим отсюда не побежденными, а с поднятыми знаменами интернационализма, с призывом еще крепче сомкнуть свои ряды в борьбе со всеми врагами трудового народа» — такими словами закончил свое последнее выступление на заседании Харбинского Совета его председатель.

Нарушив предварительные условия, 12 декабря белокитайские воинские части начали наступление на Харбинский Совет. Силы были неравны, и Советская власть в Харбине пала, начался белый террор. Шли обыски, были расстреляны члены Совета. За поимку Рютина устанавливалась награда, однако ему удалось скрыться.

Мартемьян Никитич оказался в Иркутске и был назначен командующим Иркутским военным округом. В марте 1918 года его избирают заместителем председателя Иркутского губернского исполнительного комитета.

Летом 1918 года политическая обстановка крайне обострилась, Сибирь оказалась отрезанной от Центральной России. Под натиском хорошо экипированных, обученных и дисциплинированных чехословацких войск красногвардейские отряды отступили на восток. 11 июля пал Иркутск. Линия фронта проходила по берегам Байкала. Был создан Прибайкальский фронт, а его командующим назначен бывший начальник штаба Забайкальского фронта, председатель Сибвоенкомата П. К. Голиков. 17 июля его приказом М. Н. Рютин назначается начальником гарнизона Слюдянского района. Поселок Слюдянка, расположенный восточнее Иркутска, на несколько дней становится важным опорным пунктом частей Красной гвардии. Здесь шло переформирование частей, через него осуществлялась эвакуация на восток.

Неделю спустя Рютин становится комендантом Полевого штаба фронта. На него возложены особые обязанности по поддержанию дисциплины и порядка в частях фронта. 26 июля газета «Красноармеец» публикует следующее объявление: «Довожу до сведения ст. Мысовая

и гор. Мысовска, что продажа всякого рода спиртных напитков как красноармейцам, так и частным лицам будет преследоваться самыми суровыми мерами. Виновные будут арестованы и предаваться военно-полевому суду. Таким же суровым мерам наказания будут мною подвергаться и те лица, независимо от их служебного положения, которые будут задержаны в нетрезвом виде. Комендант Полевого штаба Рютин» *.

Реорганизованные части Красной Армии в конце июля сумели остановить наступление белогвардейцев и даже на отдельных участках потеснить их. Однако силы были слишком неравны. Уже 6—7 августа противник вновь переходит в наступление, и после упорных боев ему удается окружить часть войск Прибайкальского фронта. С большим трудом прорвав окружение, красноармейские части продолжают отступать на восток. В эти тяжелые дни Рютин среди тех, кто сдерживает натиск белогвардейцев. 3 сентября 1918 года белогвардейская газета «Дело» писала: «При занятии станции Снежной нашими войсками Рютин находился во главе конного отряда, который был окружен. Рютин и его товарищи намеревались прорваться через кольцо наших стрелков, но меткие пули уложили весь отряд с его начальником».

Журналисты явно поторопились похоронить Мартемьяна Никитича. Под ним убили коня, но он остался жив и вырвался из окружения, а затем с группой красноармейцев ушел в тайгу. Начались долгие скитания. К этому времени Советская власть в Сибири и на Дальнем Востоке пала, большевистские организации перешли на нелегальное положение. 28 августа 1918 года на станции Урульга Забайкальской железной дороги состоялась конференция руководящих партийных, советских и военных работников Сибири. Было принято постановление о прекращении борьбы с врагом «организованным фронтом» и о переходе к партизанским методам. М. Н. Рютин стал одним из командиров партизанских отрядов Прибайкалья.

Колчаковская контрразведка была немало озабочена его деятельностью, и в тайгу неоднократно отправлялись отряды карателей с заданием захватить Рютина. За ним велась настоящая охота.

---

* Цит. по: *Силантьев В.* На Прибайкальском фронте (Неизвестные страницы биографии М. Н. Рютина) // Партийный вестник Иркутского ОК КПСС. 1990. № 3.

«Из доклада начальника контрразведывательного отделения штаба Иркутского военного округа о деятельности Иркутского подпольного комитета РКП(б).

Совершенно секретно.

Согласно проведенного расследования и добытых по настоящее время данных организация большевизма в Иркутском округе представляется в следующем виде.

Тот разгром, который потерпел большевизм при занятии округа в 1918 г. ...заставил деятелей, которые работали в 1917, 1918 гг., сойти со сцены: часть из них погибла (как, напр., Постоловский, Сташевский, Аугул, Лобзин), часть арестована (Луцкий, Гаврилов, Таубе, Шумяцкий, Рябиков), часть бежала на восток или в Монголию и вообще скрылась (Лазо, Постышев, Пережогин, Трилиссер, Клайман, Шевцов, Парняков, Трифонов, Кларк, Зотов, Янсон), но так или иначе они как политические деятели все сошли со сцены, и пока только есть сведения, что Рютин стоит во главе банды, оперирующей севернее Иркутска» *.

Простые мужики в Исети и Шивере укрывали Мартемьяна Никитича от колчаковской контрразведки, а он поддерживал связь с подпольным Иркутским комитетом партии. В 1919 году через связного Рютину было передано поручение Сиббюро ЦК нелегально выехать в Новониколаевск для восстановления партийного комитета, разгромленного колчаковцами.

После освобождения Новониколаевска частями Красной Армии М. Н. Рютин 17 декабря 1919 года вошел в состав Сибревкома и руководил перерегистрацией Новониколаевской партийной организации, а затем вместе с частями 5-й армии вернулся в Иркутск. В марте следующего года его избрали председателем Иркутского губкома партии. Мартемьян Никитич был делегатом X съезда РКП(б) и вместе с другими участниками съезда штурмовал форты мятежного Кронштадта.

В последующие два года судьба бросала Рютина в разные концы страны: в мае 1921 года Сиббюро ЦК направило его в Кузбасс, потом он находился на ответственной партийной работе в Томске, затем решением Центрального Комитета переброшен в Ростов, где был заведующим агитпропотделом Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), редактором газеты «Советский Юг», 15 января 1923 года его назначают секретарем Дагестанского обкома партии.

* Цит. по: Борьба за власть Советов в Иркутской губернии. 1918—1920. Иркутск, 1962.

М. Н. Рютин начал свою работу с поездки по отдаленным горным районам, чтобы на месте изучить состояние экономики и культуры края. За сравнительно небольшой срок он завоевал прочный авторитет в партийной организации. В марте 1923 года в Дагестан прибыла комиссия ЦК РКП (б) во главе с О. Я. Карклиным. «Крупный теоретический и газетный работник, обладает солидной марксистской подготовкой, прекрасный докладчик. Может быть использован на любой ответственной партийной работе... С кем бы я ни говорил, о Рютине отзываются очень хорошо» — так характеризовал его Карклин. Делегатом от Дагестанской организации Мартемьян Никитич Рютин едет на XII съезд партии, а позднее на XIII партконференцию.

15 декабря 1923 года его отзывают в Москву. Дагестанский обком и Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) просили Центральный Комитет партии оставить Мартемьяна Никитича в Дагестане. Однако ЦК настоял на своем. В марте 1924 года М. Н. Рютин был утвержден заведующим агитпропотделом Московского комитета партии. Это было трудное время для столичной парторганизации — время острой внутрипартийной дискуссии, возникновения различных блоков и течений. Члены Политбюро Сталин, Каменев, Зиновьев — так называемая «тройка» — вели наступление на группу Троцкого, в котором они видели главного соперника в борьбе за политическое лидерство в партии и государстве.

Мартемьян Никитич Рютин был одним из активных борцов против различных выступлений оппозиции. Подобно многим другим коммунистам, он совершенно искренне считал, что главную опасность для партии представляет фракционный раскол ее рядов. На XIV съезде в 1925 году он выступил с резкой критикой Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева — «новой оппозиции», а в 1926—1927 годах в Московской партийной организации сражался против «объединенной левой» оппозиции (так называемого «троцкистско-зиновьевского блока»).

Секретарь райкома на Красной Пресне

В 1925 году М. Н. Рютина избирают секретарем Краснопресненского райкома партии Москвы. Это был, пожалуй, один из наиболее ответственных участков работы в столичной партийной организации. При общей численности населения Москвы свыше 2 миллионов человек в районе проживало около 600 тысяч, или 28,2%. Здесь находились 105 промышленных предприятий, вузы, наркоматы, центральные учреждения. Партийная организация насчитывала почти 30 тысяч коммунистов, что составляло 25% численности всей Московской организации.

Рютин много учился, упорно занимался самообразованием. Анализ пометок и замечаний, оставленных им на страницах книг из его частично сохранившейся библиотеки, позволяет сделать вывод о том, что он особенно интересовался экономикой, философией, историей революционного движения. Хорошо знал труды Декарта, Спинозы, Гегеля, Томаса Мора, Кампанеллы, основоположников научного коммунизма К. Маркса, Ф. Энгельса, особенно внимательно изучал произведения В. И. Ленина. Любовь Мартемьяновна Рютина вспоминает, что отец часто перечитывал последние письма и статьи Владимира Ильича, в том числе «Письмо к съезду».

Зарплата секретаря райкома в то время была 200 рублей. Деньги по тем временам немалые, однако семья Рютиных жила скромно, занимая кооперативную квартиру из четырех небольших комнат. Отличалась гостеприимством и хлебосольством. В семье подрастали дети — Василий, Любовь и Виссарион, для которых отец был настоящим учителем, старшим товарищем. Все они жили заботами отца и впоследствии разделили его судьбу. Жена Евдокия Михайловна, женщина редкого обаяния, хотя и не получила хорошего образования, но обладала большой житейской мудростью.

Часто в квартире останавливались гости из Сибири, собирались участники революции и гражданской войны: братья Шумяцкие, М. А. Трилиссер, Е. М. Ярославский и другие. Захаживали в гости М. И. Калинин, А. И. Микоян, К. Е. Ворошилов, коллеги по совместной работе в Дагестане. Особенно часто в доме бывали второй секретарь Краснопресненского райкома ВКП(б) П. А. Галкин, первый секретарь Московского комитета партии Н. А. Угланов, другие ответственные работники МК

и Московской контрольной комиссии. Часто квартира превращалась в своеобразный дискуссионный клуб по проблемам философии и экономики. В спорах с профессорами из «школы Бухарина» Д. П. Марецким, Я. Э. Стэном, А. Н. Слепковым хозяин нередко выходил победителем, неизменно поражая оппонентов эрудицией по специальным вопросам.

В 1927 году, в разгар борьбы с оппозицией, квартира Рютиных напоминала боевой штаб: телефонные звонки, совещания, постоянные выезды. Евдокия Михайловна не успевала готовить крепкий сибирский чай. Позднее в работе «Портреты революционеров» Л. Д. Троцкий, отдавая должное своему оппоненту, назовет М. Н. Рютина «одним из видных деятелей партии, руководившим в столице борьбой с оппозицией, очищавшим все углы и закоулки от троцкизма» *.

Все основания для такого вывода были. Превосходный оратор, талантливый публицист, Мартемьян Никитич появлялся в наиболее «горячих точках»: на заводе «Авиаприбор», в аудиториях Московского института народного хозяйства им. Плеханова, ректором которого был И. Т. Смилга. В институтской партийной организации, среди преподавателей и студентов было немало сторонников Троцкого. Яркие выступления Рютина, насыщенные цифровым и фактическим материалом, убеждали слушателей в правильности линии ЦК. Убеждать Рютин умел. Не случайно именно ему было поручено выступить от имени ЦК в МК ВКП(б) на похоронах видного деятеля партии сторонника оппозиции А. А. Иоффе. Вот как описывали современники это событие:

«На похоронах Иоффе оппозиция выступила вполне организованно, шла отдельной группой, пела революционные песни... Было много народу, более 5000 человек. На кладбище не хотели всех пускать, но кордоны милиции были прорваны. От Совнаркома и НКИД выступали Лежава и Карахан, которых фактически никто не слушал. Троцкий выступил от оппозиции, его после выступления качали. После этого от ЦК и МК с блестящей речью выступил секретарь райкома партии М. Н. Рютин. Его речь быстро привлекла к себе внимание, произвела сильное впечатление и превзошла выступление Троцкого» **.

---

* См.: *Троцкий Л. Д.* Портреты революционеров. Сост. Ю. Фельштинский. Нью-Йорк, 1986.

** Последние новости (Париж). 1927. 4 ноября; Социалистический вестник (Париж). 1928. № 1.

Однако не всегда политические разногласия решались столь корректно, путем споров. 7 ноября 1927 года М. Н. Рютин одним из первых силой ворвался в квартиру И. Т. Смилги в Доме советов, с балкона которой оппозиционеры пытались обратиться к проходившим демонстрантам. После потасовки Смилга, Преображенский и другие оппозиционеры были заперты в одной из комнат. Изрядно помятый, с подбитым глазом Рютин вместе с коллегами вышел победителем из этого поединка. После этого за ним закрепилось прозвище главы «угланов-ских хулиганов».

Поддерживая в борьбе с оппозицией сталинское ядро ЦК, Мартемьян Никитич, конечно же, объективно способствовал становлению режима личной власти Сталина в партии и государстве. Нетерпимость к инакомыслию, отрицание права на существование иной точки зрения на явления общественной жизни было характерно не только для Рютина, но и для большинства партийных и советских работников. Это во многом способствовало деформациям политического руководства и в значительной степени облегчало становление единовластия Сталина. В выступлениях Рютина мы не найдем славословий Сталину, но объективно его партийная честность, бескомпромиссность в политической борьбе, высокий авторитет среди рядовых коммунистов были использованы сталинским окружением для укрепления позиций вождя. Эти же качества выдвинули Рютина в число признанных руководителей не только Московской организации, но и всей партии. Он был членом бюро МК, на XV съезде ВКП(б) избран кандидатом в члены ЦК. Ему приходилось решать хозяйственные, организационные, идейно-политические вопросы. Комиссии Оргбюро ЦК ВКП(б), проверяя работу Краснопресненского райкома, неизменно отмечали высокий уровень политического руководства секретаря РК М. Н. Рютина.

Ситуация резко изменилась в 1928 году, буквально через несколько месяцев после окончания работы XV съезда партии, когда стали предприниматься попытки возврата к политике «военного коммунизма». Группа Н. И. Бухарина выступила против «чрезвычайщины» в экономике, справедливо полагая, что это приведет к дисбалансу в промышленности и сельском хозяйстве, с одной стороны, а с другой — к чрезвычайным мерам в политике. Точку зрения Бухарина поддерживали наиболее авторитетные руководители партии и государства. Об-

становка особенно накалилась к лету, и Сталин вынужден был пойти на временные уступки. Однако же, перейдя в наступление на группу Бухарина, Сталин попытался заручиться поддержкой руководства Московской партийной организации. Поэтому в сентябре — октябре 1928 года он встречался с секретарями, членами бюро МК, членами МКК, первыми секретарями райкомов партии столицы. Беседуя с каждым по 2—3 часа, генсек пытался склонить партийных активистов на свою сторону. Однако ему не удалось привлечь наиболее авторитетных руководителей МК и МКК Н. А. Угланова, Г. С. Мороза, Н. Н. Мандельштама, М. Н. Рютина, М. А. Пенькова. По воспоминаниям Л. М. Рютиной, «отец пришел домой после встречи со Сталиным раздражительным, взволнованным и несколько раз повторил одну и ту же фразу: «Откуда он взялся? Действительно, этот повар будет готовить очень острые блюда».

Стало ясно, что не все руководители партийной организации поддерживают генсека. Тогда Сталин применил другие методы: началась «проработка» руководства МК и районных парторганизаций, неожиданно заговорили о «правой» опасности, об отрицательных сторонах нэпа, о примиренческом отношении руководителей районных парторганизаций к «правому» уклону. Работу Краснопресненского РК проверяла специальная комиссия Центрального Комитета, однако серьезных недостатков не нашла. 24 сентября 1928 года на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) под председательством Л. М. Кагановича были обсуждены результаты деятельности комиссии и отмечена лишь слабая постановка массовой работы в районе. Но буквально через несколько дней после собрания актива районной парторганизации «проработка» неожиданно приняла более жесткие формы. 8 октября на заседание Оргбюро ЦК был специально вынесен вопрос о резолюции по докладу Краснопресненской партийной организации.

На этом заседании присутствовал И. В. Сталин. В протоколе зафиксирован следующий диалог.

«*Сталин.* У меня вопрос к Рютину. Я читал резолюции активов всех районов по Москве, во всех районах, кроме Пресненского, дана определенная политическая установка относительно течения нейтралитета. Вопрос о примиренчестве в отношении к уклонам от ленинской линии. Наша установка — это предостережение рабочих от уклона от ленинской линии. А Пресненский район

промолчал, обошел этот вопрос в резолюции актива. Почему, т. Рютин, чем это объяснить?

Рютин. Я буквально за полчаса до районного актива набросал резолюцию, никто принципиальных поправок не внес. В резолюции подчеркнута борьба с троцкизмом и с оппортунизмом. Я ни в какой мере не могу быть сторонником примиренческого отношения к правому или левому уклону. Если т. Сталин считает, что это не случайно,— в моем распоряжении нет доказательств, которые говорили бы, что это случайно. Т. Сталин может говорить, что это не случайно, это право т. Сталина.

Сталин. Все районные секретари догадались поднять этот пункт на обсуждение своих активов, а т. Рютин почему-то «забыл» об этом. Как это понять? Давайте говорить начистоту. Вы не ведете борьбу с примиренчеством, не отстаиваете линии ЦК. Может быть вы человек смелый, но очень трудно поверить, чтобы ваша политическая ошибка была случайностью» *.

Противостояние

Позднее, находясь под следствием, и после суда М. Н. Рютин мысленно будет возвращаться к событиям 1928 года. Именно тогда он утвердился в необходимости начать борьбу против Сталина и его окружения. Возможно, раньше других увидел, к чему ведет сталинская политика отсечения от руководства партией и государством целых групп коммунистов — теоретически грамотных, опытных практиков социалистического строительства. Он видел беспринципное политиканство генсека, его нелояльность по отношению к ленинскому наследию. Мартемьян Никитич хорошо помнил и по достоинству оценил ленинскую характеристику, данную Сталину в «Письме к съезду». Именно с нее он и начнет теоретическую работу «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», подготовленную в марте 1932 года. В конце 20-х годов ленинское политическое завещание уже не упоминалось, Рютин же нарушил этот неписаный запрет. Еще 11 октября 1928 года, споря на закрытом заседании бюро Краснопресненского райкома партии, он говорил: «Что вы ставите вопрос о тов. Сталине? Мы знаем, что у тов. Сталина есть свои недостатки, о которых говорил тов. Ленин».

15 октября 1928 года группа членов Краснопресненского РК обратилась в Московский комитет партии с заявлением, что секретарь райкома Рютин ведет примиренческую политику по отношению к правым уклонистам. «На последнем заседании бюро РК от 11 октября 1928 года при обсуждении вопроса о самокритике Рютин и другие члены бюро вели недопустимую, безобразную линию, направленную против ЦК и линии партии» *,— говорилось в этом письме. И далее подчеркивалось, что сложилась совершенно ненормальная обстановка в районной партийной организации в связи с неправильным руководством секретаря райкома Рютина.

Реакция последовала незамедлительно. 16 октября состоялось объединенное заседание Секретариата ЦК и МК ВКП(б) с участием председателя ЦКК Г. К. Орджоникидзе и членов президиума МКК. Специально рассматривалось положение в Московской партийной организации. Особенно остро стоял вопрос о секретаре Краснопресненского РК Мартемьяне Никитиче Рютине. Его обвинили в примиренческом отношении к «правому» уклону в ВКП(б), в умалении достоинств руководителей партии. Было принято решение снять его с поста секретаря райкома. Однако мотивировка освобождения в постановлении указана не была.

Наступление сталинцев на столичную парторганизацию продолжалось. 18 октября 1928 года Политбюро утвердило текст обращения ко всем членам Московской партийной организации, в котором, по сути дела, уже перечеркивались решения XV съезда ВКП(б): главное содержание социалистической реконструкции теперь сводилось к форсированному проведению индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Руководители московских коммунистов глухо обвинялись в примиренческом отношении к «правому» уклону.

Для обсуждения положения был созван внеочередной объединенный пленум МК и МКК ВКП(б). Он проходил 18 и 19 октября 1928 года. В докладе Н. А. Угланова была сделана попытка осудить тех, кто своими действиями взбудоражил Московскую парторганизацию, высказывались претензии к Рютину — прежде всего из-за упомянутой выше оценки Сталина. «Этого нельзя было говорить потому, что еще раньше нам об этом говорили троцкисты»,— заявил Угланов. «И второе,— продолжал он,— у него в резолюции, предложенной на активе, отсутствовал момент борьбы с примиренчеством. Из

* Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 154.

* Цит. по: *Ваганов Ф. М.* Правый уклон в ВКП(б) и его разгром. (1928—1930 гг.). М., 1977. С. 188.

секретарей райкомов он в теоретическом отношении является наиболее квалифицированным членом партии. Эту ошибку, конечно, ему следует поставить в большую вину, чем другому» *.

Сталин и его сторонники хорошо подготовились к пленуму, большинство выступавших обвиняли руководство МК в противопоставлении Московской парторганизации Центральному Комитету. Рютин, пытаясь обосновать свою позицию, заявил: «Споры в ЦК вызывали у нас, у многих членов бюро Московского комитета, беспокойство за сплоченность руководящего органа ЦК. И я стал на ту точку зрения, что низовые партийные организации, районные должны будут соответствующим образом воздействовать на руководящих товарищей, чтобы в их рядах были устранены разногласия, трения, которые возникли. Теперь приходится признать, что наш опыт показал, что буфер не только тогда, когда он возникает в среде самих спорящих, но и тогда, когда этот буфер возникает со стороны, он не оправдывает своей роли. Это создало некоторую отчужденность, некоторую замкнутость Московской организации или, точнее, руководящей группы работников Московской организации от Центрального Комитета» **.

На второй день работы пленума с речью о «правой» опасности в ВКП(б) выступил И. В. Сталин. И хотя конкретные носители «правых» настроений не были названы (в составе ЦК, по выражению Сталина, не было ни «правых», ни «левых», а только незначительные элементы примиренческого отношения к «правой» опасности), пленум освободил нескольких руководителей Московской парторганизации от обязанностей членов бюро МК, среди них Мандельштама, Мороза, Пенькова. Уже через месяц Сталин ударил по высшему руководству МК, и от обязанностей секретарей были освобождены Н. А. Угланов и В. А. Котов. 20 октября решением секретариата Московского комитета партии М. Н. Рютину был предоставлен двухмесячный отпуск «для поправки здоровья». Через день пленум Краснопресненского РК и РКК подтвердил снятие М. Н. Рютина с поста секретаря райкома «за примиренческое отношение к правому уклону». Многие из выступавших на пленуме говорили, что Рютин зазнался и отказывается признавать авторитет ЦК.

Для Сталина это была очередная ступенька в его

* Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 110.
** Там же.

продвижении к единовластию. В ходе острой борьбы от политического руководства теперь уже были устранены те партийцы, которые наиболее активно участвовали в дискуссиях с объединенной оппозицией. Н. И. Бухарин был лишен поддержки и опоры в столичной партийной организации. Секретарем МК стал сначала В. М. Молотов, а затем Л. М. Каганович. Изменился состав секретариата и бюро МК ВКП(б).

Бывшие руководители московских коммунистов были перемещены на такие посты, где они уже не могли активно влиять на выработку политической линии партии и принятие решений. Фактически от руководства была устранена значительная часть видных партийных работников.

Одно время М. Н. Рютин работал редактором газеты «Спутник коммуны». По указанию свыше в периодических изданиях, в частности в журнале «Крокодил», появились фельетоны о нем. Его называли «меньшевиком», «бывшим белым офицером». Позднее, уже в 60-е годы, отвечая на запрос дочери Мартемьяна Никитича, один из авторов — Г. Рыклин — напишет, что распоряжение и все материалы для подготовки очерка-фельетона он получил от И. И. Скворцова-Степанова.

Эта волна слухов, порочащих революционное прошлое Рютина, была не первой. Еще в октябре 1926 года, в разгар борьбы с объединенной оппозицией, МКК специально рассматривала обвинения, выдвинутые противниками Рютина, и признала их клеветническими. Виновные были привлечены к партийной ответственности и строго наказаны. Теперь же, спустя два года, М. Н. Рютин вынужден был обратиться в ЦКК со следующим заявлением.

«ЦКК тов. Орджоникидзе
ЦКК ВКП(б)
РК Красной Пресни

Заявление

За последнее время в связи с общей травлей меня в печати в Московской организации снова пускают слухи о том, что я «белый офицер», «бывший прапорщик», что у меня сомнительный партийный стаж.

Я прошу ЦКК положить конец этим слухам и с этой целью проверить все мое прошлое, в том числе и мою партийную биографию.

1928 г., 14 ноября *М. Рютин*».

Партколлегия ЦКК ВКП(б) занималась этим вопросом, и вновь обвинения против М. Н. Рютина были признаны клеветническими. Однако никто из авторов фельетонов и статей не был привлечен к партийной ответственности, так как, по всей вероятности, за кулисами этой кампании уже стояли И. В. Сталин и Л. М. Каганович.

М. Н. Рютин был назначен заместителем редактора «Красной звезды», и в то же время он оставался кандидатом в члены ЦК ВКП(б). В 1929 году его направили уполномоченным ЦК по коллективизации в Восточную Сибирь. Так после долгого перерыва Мартемьян Никитич снова оказался в родных местах. Увиденное там потрясло его. Он убедился, что на практике коллективизация вела к разрушению сельскохозяйственного производства, к росту недовольства крестьян, что поставило деревню на грань гражданской войны. Рютин встречался с партийными и советскими работниками, беседовал с простыми мужиками. Только в родной деревне провел восемь дней. По свидетельству современников, принимал участие в деревенских сходах, в маевке на острове на Ангаре. Эти встречи привели его к выводу, что перегибы — отнюдь не случайность и не ошибки местного руководства, а сознательная линия, которая поощрялась и направлялась лично Сталиным и секретарем ЦК Кагановичем.

Вернувшись в Москву, Мартемьян Никитич не стал молчать и приукрашивать действительность, а подготовил и направил в Политбюро подробное письмо о недостатках и перегибах в колхозном движении. В письме обосновывалась мысль, что, по сути дела, идет свертывание нэпа, отказ от решений XV съезда ВКП(б) о работе в деревне. Все это вызвало резко отрицательную реакцию Сталина и Кагановича, который бросил фразу: «Опять этот левша лезет не в свое дело». Однако есть все основания полагать, что через несколько месяцев многие из положений, высказанных Рютиным, были использованы Сталиным в статье «Головокружение от успехов», а затем в письме ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» *. Вскоре Сталин еще раз поставил «теоретика» Рютина на место. Было это так.

В январе 1930 года «Красная звезда» опубликовала статью М. Н. Рютина «Ликвидация кулачества, как класса». Опираясь на решение XV съезда ВКП(б) «О работе в деревне», Мартемьян Никитич доказывал, что процесс ликвидации кулачества как класса есть логическое продолжение политики вытеснения капиталистических элементов. Через номер там же была опубликована статья Сталина «К вопросу о политике ликвидации кулачества, как класса». Отмечая безусловную правильность статьи Рютина, генсек в то же время обращал внимание на две неточности в формулировках.

Первая поправка относилась к положению о вытеснении капиталистических элементов города и деревни. Сталин весьма произвольно толковал ее как политику ограничения капитализма. Вторая неточность, по его мнению, заключалась в неправильном понимании Рютиным политики ликвидации кулачества как класса. Сталин писал, что «...нынешняя политика партии в деревне есть не **продолжение** старой политики, а **поворот** от старой политики **ограничения** (и вытеснения) капиталистических элементов деревни к новой политике **ликвидации** кулачества, как класса» *. Сталинские поправки фактически сводили на нет решения XV съезда о работе в деревне, его статья ориентировала руководителей партийных организаций на борьбу с кулаками.

В том же номере газеты было опубликовано письмо Рютина, который признавал правильность замечаний, сделанных Сталиным.

25 февраля 1930 года Политбюро рассмотрело вопрос «О председателе и зам. председателя кинообъединения» (тт. Рютин и Шведчиков) и постановило: «1) Оставить в силе решение Политбюро о назначении тов. Рютина председателем кинообъединения, тов. Шведчикова — зам. председателя.

Тов. Рютин назначается членом президиума ВСНХ СССР и коллегии Наркомпроса».

Это назначение было неожиданностью для Мартемьяна Никитича, но тем не менее он принял его и начал осваивать новое дело. Управление фотокинопромышленности было основательно запущенным, отсталым участком работы, предстояло решать многие проблемы.

Вместе с другими членами ЦК Рютин принимал участие в подготовке XVI съезда ВКП(б). Выступать он собирался по хозяйственному вопросу. Однако во время работы съезда к нему подошел Каганович и сказал: «Мы

---

* См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 156.

* *Сталин И.* Соч. Т. 12. С. 183.

решили выставить вашу кандидатуру в ЦК», а затем предложил выступить по политическим вопросам. Рютин понял, что стоит за этим предложением: Сталину нужно было еще одно, кроме А. И. Рыкова и М. П. Томского, покаяние, еще одно осуждение «правого» уклона, признание сталинских заслуг опальным, но еще достаточно авторитетным оппонентом. Рютин этого делать не стал. По его выражению, он «увильнул от этого дела», хотя и пообещал Кагановичу написать статью.

В августе Сталин неожиданно пригласил Рютина к себе в Сочи. В течение двух дней они вели разговоры. После этой встречи судьба Рютина была окончательно решена.

В сентябре 1930 года в ЦК ВКП(б) поступило заявление члена партии с 1917 года А. С. Немова, который сообщил, что на отдыхе в Ессентуках Рютин, периодически встречаясь с ним, вел разговоры антипартийного толка.

А. С. Немов одно время был управляющим трестом Наркомата оборонной промышленности, расположенным в Краснопресненском районе, и хорошо знал М. Н. Рютина по работе. Позднее, в мае 1937 года, Немов, как и многие другие, тоже будет репрессирован. Неизвестно, какие мотивы побудили его напечатать (не написать, а именно напечатать на машинке) это заявление. Заметим только, что в конце он указал: «Печатал сам»,— настолько крамольными ему казались идеи и мысли, излагаемые в заявлении, переданном в ЦКК. Все это походило на хорошо продуманную и организованную провокацию.

Рютин был вызван в ЦКК для объяснений по поводу заявления Немова. Допросы вели Е. М. Ярославский и М. Ф. Шкирятов. Сохранилась стенограмма. Вот фрагмент из нее.

«*Рютин*. Я считаю, тов. Ярославский, это безобразием от начала до конца.

Шкирятов. Что он врет?

Рютин. На 99% лжет... Выступление т. Сталина против меня на Оргбюро я считаю неправильным, недобросовестным. Я считаю доклад тов. Сталина в основном правильным, но некоторых вопросов он не коснулся».

Здесь же была проведена очная ставка Рютина и Немова.

«*Рютин*. Так-то, брат. Здорово ты подтасовал.

Немов. Я не сомневался, что Рютин будет отрицать,

потому что Рютин дал такую установку, чтобы вести эти разговоры с глазу на глаз без свидетелей.

Рютин. Безобразие.

Немов. Чего там, Рютин, ты лучше говори по-большевистски прямо.

Рютин. Не втирай очки. Я знаю, когда ты был с троцкистами.

Немов. Я полагаю, что будет целый ряд товарищей, которые это подтвердят.

Рютин. Где это было?

Немов. В Ессентуках, раз 8—10.

Рютин. Встречались больше, но говорили не всякий раз. И ты каждый раз пытался прощупывать меня.

Шкирятов. Что он говорил о Сталине?

Немов. Фокусник, шулер, политикан, который доведет страну до гибели, самое позднее это будет весной. А потом, когда приехал из Кисловодска, говорил, что его надо спихнуть. А когда мы его смахнем, тогда мы справимся. Дальше, во что бы то ни стало нужно вести и среди рабочих и в деревне такую линию, что все беды — все это следствие политики Сталина. Он глава. Он во всем виноват. Скажи, Рютин, говорил ты, сколько у меня хозяйственников занимается и кто надежный?

Рютин. Лжешь.

Немов. И что нужно подготовить людей на предприятиях, чтобы в нужный момент ударить, и чтобы заключить блок с троцкистами.

Рютин. Видите, товарищи, если так идет дело, то я просто буду вынужден отказаться от показаний.

Немов. Ты меня не экзаменуй, а скажи прямо: говорил так, что если засыпешься, то надо вести линию на отказ.

Рютин. Лжешь, мерзавец, лжешь» *.

21 сентября по просьбе Шкирятова и Ярославского Рютин написал обстоятельный ответ на все изложенные в заявлении Немова обвинения. Случившееся он представлял как попытку троцкистов свести с ним счеты.

Мартемьян Никитич, разумеется, не мог и предполагать, что после разговора с ним в Сочи сам Сталин дирижировал событиями. Сначала он отправил Молотову шифровку по поводу Рютина. А 13 сентября 1930 года в письме Молотову прямо указывал: «Мне кажется, в отношении Рютина нельзя будет ограничиться

* Коллекция ЦГАОР СССР. Подготовительные материалы к заседанию Президиума ЦКК ВКП(б).

исключением. Его придется, спустя некоторое время после исключения, выслать куда-нибудь подальше от Москвы. Эту контрреволюционную нечисть надо разоружить до конца» *.

Сейчас трудно установить, вел ли действительно Рютин с Немовым такие откровенные разговоры. Свидетель, на которого ссылался Немов, Максимов, член партии с 1915 года, писал в своей объяснительной в ЦКК: «По поводу моих разговоров с Рютиным объясняю следующее. В августе с. г. мы с ним встречались раза 2—3. Подробно восстановить в памяти сказанное не могу, но сущность сводилась к следующему.

Первый раз он пришел ко мне в санаторий и пригласил пойти гулять. По дороге говорил о тяжелом положении страны в общих чертах. С нами тогда была работница из Совкино Костеловская. Точно фамилии не помню. Второй раз мы с ним встретились в кисловодском парке одни. Тов. Рютин снова начал говорить о трудностях в стране и указал, что к весне эти трудности еще больше возрастут и вернутся, пожалуй, восстания. Я с этим не согласился и ответил, что все это чепуха, т. к. это трудности роста и т. д. Не знаю, с какой целью тов. Рютин вел со мной эти разговоры, полагаю, что он все еще находится под влиянием правых взглядов». Это объяснение было оглашено на заседании Президиума ЦКК 23 сентября 1930 года, когда слушалось дело Рютина.

Заседание проходило под председательством Павлуновского, присутствовали Е. М. Ярославский, М. Ф. Шкирятов, А. А. Сольц, П. П. Постышев, М. А. Трилиссер, А. С. Енукидзе и С. И. Назаров, а также заявитель А. С. Немов. В своих выступлениях Ярославский, Шкирятов и Енукидзе назвали основной виной Рютина критику Сталина.

Отвечая на это, Мартемьян Никитич говорил: «Сталина даже тогда, когда я в 1928 г. выступил против него на бюро Краснопресненского райкома, я считал самым крупным вождем партии, способным проводить в жизнь ленинские принципы. Я тогда допустил отступление от линии в вопросе о темпах и в оценке положения в деревне. Я считаю, что товарищ Сталин напрасно ошельмовал меня и ловким маневром вышвырнул с партийной работы. Я считаю это нечестным с его стороны по отношению ко мне». Защищаясь от ложных обвинений, он настаивал:

* Цит. по: Коммунист. 1990. № 11. С. 104.

«О термидоре и забастовках я ни слова не говорил. Тут все вымышлено от начала и до конца. Я не троцкист и не устряловец, чтобы городить такую чепуху» *.

Тем не менее Президиум ЦКК принял постановление: «За предательски-двурушническое поведение в отношении партии и за попытку подпольной пропаганды правооппортунистических взглядов, признанных XVI съездом несовместимыми с пребыванием в партии, исключить М. Рютина из рядов ВКП(б)». Проголосовали единогласно. Все держали экзамен на верность Сталину.

5 октября Политбюро под председательством В. М. Молотова подтвердило решение Президиума ЦКК.

13 ноября 1930 года М. Н. Рютин был арестован, ему предъявлялось обвинение в контрреволюционной агитации и пропаганде. Основанием для ареста послужили агентурно-оперативные данные. Однако 17 января 1931 года коллегия ОГПУ признала обвинения недоказанными, и Рютин был освобожден, а дело прекращено. Таким образом, указание Сталина, данное им в сентябре Молотову, осталось невыполненным.

Резиденты разведывательных служб капиталистических государств информировали свои правительства, что причина ареста Рютина заключалась в близости его к группе Председателя Совнаркома РСФСР С. И. Сырцова, в которую входили В. А. Каврайский, И. С. Нусинов, другие партийные и советские работники. Осенью 1930 года они направили в ЦК ВКП(б) письмо, в котором осуждали сталинские методы руководства. Многие из них были арестованы, исключены из партии и высланы из Москвы.

Во главе «Союза марксистов-ленинцев»

После освобождения из-под ареста М. Н. Рютин работал экономистом в «Союзсельэлектро». Серьезные испытания не сломили его, и он решил продолжать борьбу со сталинизмом. К этому времени сталинская практика индустриализации и коллективизации подвела страну к черте экономического кризиса. Реальные доходы трудящихся упали, ухудшилось положение рабочих и крестьян. Среди коммунистов усиливалось недовольство грубей-

* Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 108.

шими нарушениями внутрипартийной демократии, отходом от ленинских принципов, насаждением в партии и государстве командно-административных методов руководства.

Тогда-то у Рютина и возникла идея создать организацию, которая ставила бы своей главной задачей возвращение к попранным идеям ленинизма. Первоначально именовавшаяся «Обществом защиты ленинизма», она более известна как «Союз марксистов-ленинцев». Вокруг него объединились представители старой большевистской гвардии, активные участники революционного движения и социалистического строительства. Среди них были В. Н. Каюров, М. С. Иванов, П. А. Галкин и другие.

Руководившего в 1932 году плановой группой Центрархива Василия Николаевича Каюрова знали многие. Член партии с 1900 года, до революции он возглавлял большевиков завода «Эриксон». В феврале 1917 года Каюров — председатель Выборгского районного Совета рабочих и солдатских депутатов. В июльские дни его квартира на короткое время послужила пристанищем для В. И. Ленина, вынужденного скрываться от ищеек Временного правительства. Участник Октябрьской революции, Каюров активно боролся за укрепление Советской власти, выполнял особо важные поручения Ленина. В 1921—1924 годах Василий Николаевич работал в Сибири, на Урале, в «Грознефти», в 1925—1930 годах — консультантом Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР.

Михаил Семенович Иванов, член партии с 1906 года, во время революции и гражданской войны находился в Сибири на подпольной работе. Позднее занимал ответственные должности в советском аппарате. В 1932 году — руководитель группы Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР. Именно он в 1931 году дал рекомендацию уже опальному, исключенному из партии М. Н. Рютину для вступления в Общество бывших красногвардейцев и красных партизан.

Павел Андрианович Галкин — член партии с 1918 года, участник Октябрьской революции и гражданской войны. В середине 20-х годов — на партийной работе. Был заведующим организационным отделом, а затем секретарем Краснопресненского райкома Москвы, работал вместе с Рютиным. Затем на хозяйственной работе. В 1932 году — директор 26-й типографии Мосполиграфа. П. А. Галкин поддерживал дружеские отношения с Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым.

Кроме них в руководящее ядро «Союза марксистов-ленинцев» входили В. И. Демидов и П. П. Федоров. Это были весьма авторитетные члены партии. Среди других следует выделить А. В. Каюрова и Н. П. Каюрову-Ершову (сына и невестку Василия Николаевича), Я. Э. Стэна, П. Г. Петровского.

О целях организации говорилось в ее программных документах: «Этот «Союз» — союз защиты ленинизма — является частью ВКП(б), не имеет интересов, отличных от интересов партийных масс и рабочего класса. Он, наоборот, будет лишь наиболее последовательно и решительно выражать и защищать эти интересы. Он не противопоставляет себя партии, а противопоставляет лишь Сталину и его клике».

Автором основных программных документов «Союза марксистов-ленинцев» был М. Н. Рютин, написавший к тому времени несколько серьезных теоретических работ по вопросам партийного и советского строительства. Анализируя работы Маркса, Энгельса, Ленина, он увидел главную опасность для партии и государства в сталинском руководстве.

В эти годы в партийных организациях страны по рукам ходило немало различных документов, осуждавших сталинские методы социалистического строительства. По Москве гулял анекдот о том, что останется в результате осуществления первого пятилетнего плана: «Партбилет, Сталина портрет и рабочего скелет» *.

В марте 1932 года М. Н. Рютин завершил работу над большим теоретическим произведением «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», которое впоследствии составило платформу «Союза марксистов-ленинцев», а затем по рекомендации В. Н. Каюрова и М. С. Иванова на этой основе подготовил обращение «Ко всем членам партии» — своеобразный манифест организации.

Документы, подготовленные Рютиным, прежде всего были направлены против режима личной власти Сталина. Политические воззрения и теоретические взгляды Мартемьяна Никитича порой носили спорный, дискуссионный характер, но нигде в программных документах не содержалось даже намека на организацию террористических актов, контрреволюционных выступлений, призывов к ослаблению, подрыву и свержению Советской власти.

---

* Коллекция ЦГАОР СССР. Материалы партколлегии ЦКК.

С содержанием материалов Рютин познакомил Иванова и Каюрова, которые высказали замечания и предложения. Автор внес поправки. Было решено передать эти документы единомышленникам. Обсуждение проходило 21 августа 1932 года в деревне Головино под Москвой, на квартире рабочего П. А. Сильченко (в его отсутствие). Председательствовал на этом совещании В. Н. Каюров. Участники обсудили доклад М. Н. Рютина «Кризис партии и пролетарская диктатура». Здесь же были утверждены платформа организации, в основу которой легла работа Рютина «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», и текст воззвания «Ко всем членам партии». Окончательное редактирование документов поручалось комитету в составе М. С. Иванова, П. А. Галкина, В. Н. Каюрова, В. И. Демидова, П. П. Федорова. Тогда же было принято предложение Рютина назвать организацию «Союзом марксистов-ленинцев». Сам Мартемьян Никитич в комитет не вошел как беспартийный, а также по соображениям конспирации.

Позднее на допросе в ОГПУ он даст такие показания: «Собрание это конституировали как конференцию, хотя формально выборов не было. Здесь мы рассматривали вопрос по существу. Выборы произвести нельзя, так как аппарат ГПУ чрезвычайно разветвленный и при выборах могли засыпаться. По существу, каждый из присутствующих или большинство, по крайней мере, имели за собой единомышленников, взгляды которых они на конференции выражали». Добавим, что по условиям конспирации никаких записей и протоколов не велось.

Второе заседание комитета «Союза марксистов-ленинцев» проходило на квартире М. С. Иванова. Оно было посвящено вопросам распространения принятых документов путем личных контактов, пересылки почтой, возможностям использования множительной техники. М. С. Иванов был избран секретарем комитета «Союза марксистов-ленинцев». Первоначально Каюров и Иванов намеревались направить письмо с изложением своих взглядов в ЦК ВКП(б), однако позднее отказались от этой идеи, понимая, к чему это может привести.

С текстом обращения «Ко всем членам партии» познакомились преподаватели Института красной профессуры А. Н. Слепков, Д. П. Марецкий, Я. Э. Стэн, П. Г. Петровский и другие. Через Стэна оно попало и к бывшим лидерам объединенной оппозиции Г. Е. Зиновьеву и Л. Б. Каменеву. Все высказали свои замечания

и внесли в текст поправки. Кроме того, документ читали В. А. Тер-Ваганян, А. Ю. Айхенвальд, А. Д. Зайцев, С. И. Кавтарадзе, П. С. Виноградская, С. В. Мрачковский, М. Е. Равич-Черкасский, С. П. Медведев, М. А. Палатников и другие. Круг ознакомившихся с обращением постоянно расширялся; срабатывал принцип «прочитал — передай другому».

Вполне естественно, что деятельность «Союза марксистов-ленинцев» попала в поле зрения ОГПУ. К этому времени секретно-политический отдел (СПО) ОГПУ во главе с Г. А. Молчановым приступил к масштабной агентурно-оперативной разработке под условным названием «Противники» для «выявления и пресечения деятельности элементов, враждебных генеральной линии партии». Началось с заявления двух членов партии в ЦК ВКП(б), в котором они обращали внимание на разговоры среди коммунистов, несовместимые, по их мнению, с пребыванием в партии. Разговоры касались руководства Сталиным различными областями хозяйственной и политической жизни страны, оно признавалось губительным для судеб революции. В ОГПУ заявление было передано с резолюцией Сталина: заняться коммунистами, ведущими подобные разговоры.

14 августа 1932 года в СПО ОГПУ поступили агентурные сведения, что в Харькове группа бывших активных троцкистов, поддерживающих связь с московскими троцкистами, обсуждает нелегальное контрреволюционное обращение «Ко всем членам партии» за подписью «Всесоюзной конференции Союза марксистов-ленинцев». Документ получен от троцкистки Лисянской.

Одновременно ОГПУ стало известно, что внутри ВКП(б) образовалась нелегальная контрреволюционная группа, не имеющая никакого отношения ни к одной из существовавших ранее оппозиций и носящая наименование «Союз марксистов-ленинцев».

14 сентября 1932 года в ЦК ВКП(б) пришло заявление от членов партии Н. К. Кузьмина и Н. А. Стороженко, что на именинах у жены А. В. Каюрова они ознакомились с обращением «Ко всем членам партии». К заявлению прилагался текст документа. В разговоре А. В. Каюров сказал им: 1) этот документ является платформой «Союза»; 2) организация состоит из рядовых коммунистов. Известные члены партии, бывшие вожди, не принимают участия в организации, но о контрреволюционной деятельности ее знают.

На следующий день ОГПУ арестовало М. С. Иванова, В. Н. Каюрова, А. В. Каюрова, В. Б. Горелова. Начались непрерывные допросы, и вскоре следствие располагало почти полным списком членов организации. 22 сентября в Ессентуках был арестован М. Н. Рютин, находившийся там на лечении. Его под усиленным конвоем срочно препроводили в Москву, и его первые допросы проводил лично заместитель председателя ОГПУ В. А. Балицкий. На первом же допросе Рютин заявил, что к решению начать борьбу против Сталина он пришел в мае 1928 года.

Первоначальное следствие располагало только текстом обращения «Ко всем членам партии», и Мартемьян Никитич по памяти воспроизвел схему платформы, которая состояла из следующих частей:

1. Маркс о роли личности в истории; 2. Сталин как беспринципный политикан; 3. Сталин как софист; 4. Сталин как вождь; 5. Сталин как теоретик; 6. Классовая борьба и марксизм; 7. Простое, расширенное воспроизводство и марксизм-ленинизм; 8. О построении социалистического общества; 9. Ленинизм и борьба с оппортунизмом; 10. Уроки внутрипартийной борьбы в свете истекших лет; 11. Оценка взглядов пролетарской диктатуры на современное положение вещей в СССР; 12. Кризис Коминтерна; 13. Кризис пролетарской диктатуры (экономический кризис, кризис партии, кризис Советов и приводных ремней пролетарской диктатуры) *.

Кроме ОГПУ делом «Союза марксистов-ленинцев» занималась Центральная контрольная комиссия ВКП(б). Уже 27 сентября 1932 года Президиум ЦКК принял решение об исключении из партии 14 человек, известных как членов «Союза марксистов-ленинцев». В постановлении Президиума ЦКК ОГПУ предлагалось «выявить невыявленных еще членов контрреволюционной группы Рютина, выявить закулисных вдохновителей этой группы и отнестись ко всем этим белогвардейским преступникам, не желающим раскаяться до конца и сообщить всю правду о группе и ее вдохновителях, со всей строгостью революционного закона» **. Органы незамедлительно активизировали свою деятельность, и число привлеченных к ответственности неуклонно росло.

Шли интенсивные допросы М. Н. Рютина, которые проводил Г. А. Молчанов. От него добивались, кто был

* См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 109.
** Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 107.

вдохновителем создания организации. Однако Мартемьян Никитич на очередном допросе заявил: «Никаких вдохновителей за мной не стояло и не стоит. Я сам был вдохновителем организации, я стоял во главе ее. Я один целиком писал и платформу и обращение».

Тем не менее усилиями «романистов» из ОГПУ рождалась версия о грандиозном контрреволюционном заговоре. Этому немало способствовали показания проходивших по делу. На допросе 24 сентября Г. Е. Рохкин * заявил следующее: «В дополнительных показаниях заявляю, что Иванов передал мне документ, доказывающий необходимость и своевременность развертывания активной борьбы с руководством партии, причем это мыслилось в виде активного выступления против ЦК партии всех вождей оппозиции (как троцкистов, так и правых). Не скрою, что Иванов обращался ко мне как к человеку, настроенному критически. В действительности настроение было подавленное, особенно под впечатлением письма Сталина об «исторических ошибках», в связи с которым в конце 1931 года меня исключили из партии. Я высказал свое мнение Иванову, что подобный «единый фронт» всех оппозиций в борьбе с ЦК в таких размерах поставит всех нас вне рядов партии, а поэтому я считаю неправильной такую постановку вопроса. Однако прямого возражения Иванову против документа я не высказал. Иванов ответил, что новая группа состоит из старых большевиков, которые стремятся к объединению всех групп в партии и всех оппозиций. Иванов говорил мне, что в этой группе есть члены ЦК партии. Кроме платформы (160 с.), о которой я давал пока первые показания, я от Иванова получил еще один нелегальный документ — обращение ко всем членам партии, подписанное Всесоюзной конференцией марксистов-ленинцев...».

Сталинское руководство опасалось действительного объединения всех оппозиционно настроенных групп в партии. Ведь открытое недовольство его политикой выражали к этому времени широкие слои населения, прежде всего рабочие и крестьяне. Осенью 1932 года на основе 408 писем, поступивших в ЦИК СССР, была подготовлена специальная информационная сводка для узкого круга лиц из партийного и советского руководства о политических настроениях в стране. «Вы не знаете подлинного настроения трудящихся масс,— говорилось

* Рохкин Г. Е.— профессор Института красной профессуры, член организации «Союз марксистов-ленинцев».

в одном из писем.— Вы взяли курс не на рабочую массу, а на технический персонал и руководящую бюрократическую массу, которая безоговорочно выполнит все, что предписывалось сверху. Даже когда знает, что обречена на гибель и ущерб основной массе (пример — голод на Украине и Северном Кавказе), и все это делается во имя генеральной линии и в угоду Сталину. Боясь показать верхам подлинное положение масс, потому только, чтобы не потерять портфели и звание секретаря соответствующего партийного органа или председателя исполкома. Для нас ясна ставка на руководителей. Это не случайное явление, а политика вождя Сталина, который выгнал лучшие силы из руководящих аппаратов, твердых большевиков-ленинцев, которые могли твердо отстаивать свои взгляды и прислушиваться к нуждам рабочего класса» *.

26 сентября был арестован профессор Ростовского педагогического института А. Н. Слепков, на следующий день — ученый секретарь Академии наук СССР Д. П. Марецкий. Шли активные аресты не только участников и организаторов «Союза марксистов-ленинцев», но и людей, просто читавших документы.

Изначально все следователи по этому делу нацеливались на раскрытие нелегальной организационной работы против Сталина и его окружения, выявление личного состава «Союза марксистов-ленинцев», или рютинско-слепковской группы, как его называли в СПО. Особое внимание уделялось документам, критикующим Сталина и его сподвижников.

ОГПУ интересовало также возможное участие в создании организации и подготовке основных документов Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова. О лидерах так называемого правого уклона М. С. Иванов дал следующие показания: «Разговоры о возможном привлечении бывших оппозиционных лидеров Бухарина и Рыкова неоднократно в нашей среде велись. Припоминаю, что было поручено Галкину, как лично знавшему Угланова, связаться с ним и выяснить его настроение и отношение к нашему документу. Насколько помню, Галкин на втором комитете информировал, что он имел свидание с Углановым и вручил ему документ организации (какой из двух, точно не помню) для ознакомления. Со слов Галкина, Угланов высказался против того, чтобы затевать сейчас организацию фракционной борьбы. Угланов говорил также о том, что виделся со Слепковым и что у него тоже оппозиционные настроения».

* Коллекция ЦГАОР СССР. Материалы ЦИК СССР.

2 октября 1932 года вопрос «О контрреволюционной группе Рютина — Слепкова» был вынесен на обсуждение объединенного Пленума ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б). Он проходил в обстановке повышенной секретности. С информацией по делу Рютина выступали П. П. Постышев, Е. М. Ярославский, В. А. Балицкий. Сохранились тезисы выступления И. В. Сталина, суть которого сводилась к следующему: «Настоящее дело является продолжением борьбы против ленинской линии партии, которую вели в течение всего периода пролетарской диктатуры различные мелкобуржуазные группировки, объединяющиеся внутри нашей партии в период особенных трудностей. Элементы контрреволюционного троцкизма, меньшевизма и анархо-синдикализма, фраз «рабочей оппозиции», кулацких программных установок правых и трусливой критики право-левацкого блока нашли законченное выражение в контрреволюционных документах новой организации, выступившей под обманным флагом «марксистов-ленинцев». И само название тоже не ново. Оно мало отличается от обманного флага троцкистов, называющих себя «большевиками-ленинцами». Ряд тезисов взят из платформ разгромленных антипартийных группировок. Таковы клеветнические выступления о кризисе пролетарской диктатуры, о термидоре, о Советской власти, о роли Красной Армии и ОГПУ, о положении рабочего класса, о коллективизации, о Коминтерне. Но в то же время платформа этой группы отличается от документов, с которыми до сих пор обращались подобные группы. Эта платформа — прямой призыв к террору против ЦК, особенно против руководителей ЦК. Эта платформа — прямой призыв к восстанию. Она проникнута самой острой ненавистью к нашей партии. Она рассчитана на гражданскую войну в условиях пролетарской диктатуры. Она к ней призывает. Эта программа восстановления, реставрации единоличного хозяйства, роспуска колхозов, восстановления кулачества и частника в торговле — в конечном счете, это программа реставрации капитализма, прикрываемая фразами о марксизме-ленинизме. Это насквозь клеветнический, гнусный контрреволюционный документ.

В то же время это документ, рассчитанный на объединение всех недовольных политикой партии, троцкистов,

«правых», «рабочей оппозиции» и т. п. Для активной атаки против партийной линии, в особенности против т. Сталина...

...Перед нами за 15 лет Советской власти прошло много различных групп и немало документов. Но такого гнуснейшего контрреволюционного по существу и форме документа еще не выпускала ни одна группа. Это, между прочим, подтверждает правильность решений XVII партконференции, что и во вторую пятилетку возможно еще обострение классовой борьбы на отдельных участках. Мы не должны рассчитывать на плавное, спокойное движение вперед.

Кто же эти люди из бывших участников группы? Мы видим прежде всего группу «правых» — Рютин, Галкин, Демидов. Это бывшие работники Краснопресненского района. При руководстве тов. Гриши Белецкого этот район начала захватывать группа Зиновьева — Каменева, действовавшая совместно с троцкистами. Под руководством Рютина при Угланове Краснопресненский район превратился в крепость «правых», группы Бухарина, Рыкова, Томского. В 1928 г. снятый с поста секретаря РК Рютин изворачивается, неискренен и признает, что он примиренчески относился к правым. Т. Сталин во время заслушивания Краснопресненского РК на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) от 24 сентября пытался предупредить тов. Рютина об опасности занятой им позиции. Теперь Рютин признает, что с 1928 г. не прекращал своей фракционной борьбы. В 1930 году в ЦКК поступило заявление т. Немова. В этом заявлении т. Немов разоблачил врага Рютина» *.

На пленуме по этому вопросу Сталин не выступал, поэтому, очевидно, перед нами тезисы его выступления на заседании Политбюро, которое собиралось в ходе пленума для предварительного решения о судьбе Рютина и его товарищей. Известно, что на пленуме Сталин предложил текст резолюции: «1. Одобрить постановление ЦКК об исключении из партии членов контрреволюционной группы Рютина — Слепкова, именовавшей себя «Союзом марксистов-ленинцев». 2. Пленум ЦК ВКП(б) и Президиум ЦКК поручают Политбюро и Президиуму ЦКК принять самые решительные меры для полной ликвидации деятельности белогвардейской контрреволюционной группы Рютина — Слепкова, их вдохновителей, их укрывателей. 3. Пленум ЦК ВКП(б) и Президиум ЦКК считают необходимым немедленное исключение из партии всех, знавших о существовании этой контрреволюционной группы, в особенности читавших ее контрреволюционные документы и не сообщивших об этом в ЦКК и ЦК ВКП(б), как укрывателей врагов партии и рабочего класса. И. В. Сталин» *.

* Тезисы к выступлению И. В. Сталина на Пленуме ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) 2 октября 1932 г. хранятся в ЦПА.

Присутствовавшие на пленуме проинформировали узкий круг рядовых коммунистов о «деле Рютина». Органы ОГПУ усилили свою деятельность по розыску всех причастных к рютинской группе.

Через неделю, 9 октября 1932 года, состоялось очередное заседание Президиума ЦКК под председательством Я. Э. Рудзутака. Вновь рассматривался вопрос о «контрреволюционной группе» Рютина — Иванова — Галкина. Решалась судьба людей, которые характеризовались как «разложившиеся, ставшие врагами коммунизма и Советской власти, как предатели партии и рабочего класса, пытавшиеся создать подпольным путем под обманным флагом «марксизма-ленинизма» буржуазную кулацкую организацию по восстановлению в СССР капитализма и, в частности, кулачества» **.

Основным докладчиком выступал Е. М. Ярославский. «Сущность дела... заключается в том,— говорил он,— что ряд членов партии, по преимуществу участники различных оппозиционных и фракционных группировок, разгромленных партией, в течение длительного времени вели подпольную работу и в течение этого лета организовали контрреволюционную группу, которая называлась «Союз марксистов-ленинцев». Летом этого года устроили совещание, которое назвали Всесоюзной конференцией Союза марксистов-ленинцев, на этом совещании был выбран комитет для руководства этой тайной работой. В течение длительного времени два основных документа этой группы: платформа на 150 стр., а затем обращение ко всем членам партии распространялись довольно широко среди членов партии... Эта группа наметила уже определенную работу и связи с целым рядом контрреволюционных группировок, как, например, троцкистами, установила связи с бывшими вождями «рабочей оппозиции», с бывшими вождями объединенного блока, боровшимися против партии в 1926—1927 гг., и с некоторыми вождями бывшей «правой оппозиции».

* Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 107.
** Правда. 1932. 11 октября.

По словам Слепкова, ему удалось за это время 100 человек совратить на сторону своих взглядов. Тов. Зиновьев считает при этом, что он вправе не сообщать партии о чтении того или иного контрреволюционного документа, так же, как он не сообщает о чтении «Последних новостей» или «Возрождения», что в этом деле, по его словам, вреда нет. При этом дело шло не только об одном документе, но и о другом — о платформе, с которой знакомились втроем тт. Зиновьев, Каменев, Стэн.

Каменев. Это неверно. Надо быть точным в этом деле.

Ярославский. Я напомню тов. Каменеву, что он был членом Политбюро, когда выносилось постановление по делу о мясниковской группе *. В этом постановлении говорилось, что каждый должен немедленно сообщать в ЦК и ЦКК о каждом попадающем к нему в руки документе...» **

Все выступавшие требовали сурового наказания.

Особым пунктом постановления предлагалось «коллегии ОГПУ по отношению ко всем организаторам и участникам контрреволюционной группы принять соответствующие меры судебно-административного характера, относясь к ним со всей строгостью революционной законности». Ярославскому и Шкирятову поручалось согласовать текст постановления с Секретариатом ЦК ВКП(б) (то есть со Сталиным) и разработать порядок разъяснения этого документа. Не так просто было убедить столичный партактив, что Рютин и его сторонники, которых хорошо помнили в Московской организации, вдруг стали контрреволюционерами.

24 активных участника оппозиционной организации были исключены из ВКП(б). Как организаторы: П. А.Галкин, М. С. Иванов, П. М. Замятин, П. П. Федоров, В. И. Демидов, В. Н. Каюров. За распространение и содействие контрреволюционной группе: А. В. Каюров, А. Н. Слепков, Д. П. Марецкий, М. И. Мебель, Г. Е. Рохкин, Б. М. Пташной, С. В. Токарев, Н. П. Каюрова, К. А. Замятина-Черных. Знавшие о существовании контрреволюционной группы и скрывшие это от партии:

* Речь идет о «Рабочей группе РКП», организованной Г. Мясниковым в 1921 г. В 1922 г. на заседании Политбюро при разборе «дела Мясникова» было принято решение, по которому члены партии обязаны были информировать о фракционной деятельности не только партийные комитеты, но и органы ГПУ.

** Стенограмма заседания Президиума ЦКК ВКП(б) 9 сентября 1932 г.

Н. И. Колоколов, В. Б. Горелов, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев. Исключены с правом восстановления через год: Я. Э. Стэн (действительно, в 1934 году был восстановлен в партии), П. Г. Петровский, Н. А. Угланов, М. Е. Равич-Черкасский.

В тот же день Ярославский направил Сталину, Кагановичу и Рудзутаку проект постановления со следующей запиской: «Посылаю проект постановления Президиума ЦКК ВКП(б). Не считаете ли вы, что в конце следует дать пункт — призыв ко всем членам партии усилить классовую бдительность к деятельности подобных двурушников, бороться с малейшими проявлениями примиренческого отношения к оппортунистическим взглядам и оппортунистической деятельности отдельных членов партии. Ярославский».

По сохранившимся документам можно проследить, как искусно Сталин «обработал» проект постановления. Он убрал всю констатирующую часть, где раскрывались взгляды и основные положения платформы, поскольку даже это представляло для него опасность. Затем провел манипуляции с фамилиями всех проходивших по этому делу. В результате Каменев и Зиновьев оказались не в числе читавших платформу, а едва ли не организаторами «Союза». Этим Сталин добивал своих бывших единомышленников, а теперь политических противников. По свидетельству очевидцев, когда Ярославский объявил решение, Зиновьеву стало плохо и его вынесли из ЦКК на носилках, Каменев с мрачным видом ходил по комнате. Ярославский сказал, что ничего поделать не может, ибо «такое решение принял сам Иосиф Виссарионович». Дальнейшей судьбой исключенных из партии стало уже заниматься ОГПУ.

К этому времени участь М. Н. Рютина была уже решена на заседании Политбюро. Сталин требовал его расстрела, но члены Политбюро нашли в себе мужество не согласиться с мнением генсека. До сих пор по отношению к заслуженным деятелям партии смертная казнь не применялась. Резко и наиболее определенно против смертного приговора выступил С. М. Киров, которого поддержали В. В. Куйбышев и Г. К. Орджоникидзе. При голосовании сталинское предложение не прошло, и жизнь Рютину была сохранена.

11 октября коллегия ОГПУ — В. Р. Менжинский, Г. Г. Ягода, В. А. Балицкий — во внесудебном порядке вынесла приговор о всех проходивших по делу «Союза

марксистов-ленинцев». Максимальный срок — десять лет политизолятора — получил М. Н. Рютин. Галкин, Рокхин, Федоров, Замятин, Иванов, Демидов подлежали заключению в концлагерь сроком на пять лет; Зиновьева, Каменева, Пташного, Слепкова, Марецкого, Горелова, Каюрова В. Н., Каюрова А. В., Мебель, Токарева, Лисянскую выслали на три года; Стэна и Петровского — на один год; Каюрову Н. П.— освободили.

В декабре и январе дополнительно по этому же делу было осуждено еще несколько человек. Однако следствие не прекращалось, и «дело Рютина» приобретало все большие масштабы. 15 октября 1932 года П. А. Сильченко — рабочий, на квартире которого проходило заседание «Союза марксистов-ленинцев»,— на допросе показал, что Галкин передал ему на хранение архив, платформу и обращение. Документы были спрятаны во дворе дома Сильченко.

Отправленная туда специальная группа откопала железную банку, в которой лежали туго свернутые рукописи и отпечатанные на машинке документы. Это были: брошюра «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», напечатанная на пишущей машинке на 167 страницах; манифест «Ко всем членам ВКП(б)», также отпечатанный на пишущей машинке на 15 страницах, и многие другие материалы.

Так в руках следователей ОГПУ появился документ, о существовании которого они только слышали (в протоколах фигурировали лишь выдержки). С него сразу же была снята копия, а сам подлинник исчез.

«Это была большая победа следователей,— писала впоследствии сотрудница секретно-политического отдела И. К. Гринберг,— обнаружение платформы слепковско-рютинской группы, которая была зарыта где-то на даче. Помню, она была отпечатана на машинке на тонкой бумаге фиолетовым шрифтом. В самом спешном порядке документ был размножен и послан в ЦК не только Сталину, но и еще по некоторым адресам...

Я полагаю, что после выявления платформы последовали новые установки в ведении следствия и агентурной работы: выявление террористических тенденций в работе «противников» по отношению к Сталину... Поисками террора стали заниматься все отделения СПО. О наиболее важных фактах, выявленных на допросах или в ходе агентурной работы, сообщали в ЦК партии. В то время, кроме выявления террористических намерений или тенденций, в следственной и агентурной работе было еще одно: выявление факторов и методов двурушничества со стороны «противников». Мне запомнилась циничная формула «противников»: «Лгать, обманывать, во что бы то ни стало остаться в партии, скрывая свое истинное лицо»...»

В декабре 1932 года на совещании начальников краевых, областных и республиканских управлений ГПУ с директивными установками выступили Я. Э. Рудзутак и Л. М. Каганович. От имени ЦК ВКП(б) они потребовали обратить внимание на выявление и уничтожение всех групп типа рютинской, ужесточение режима содержания политических заключенных. ОГПУ развернуло форсированный поиск «врагов партии и советского народа», и результаты не замедлили сказаться. В 1932—1933 годах такие группы были выявлены в Ленинграде, Таганроге, Иркутске, Новосибирске, Мозыре. Одновременно центральным аппаратом ОГПУ были осуждены еще около 30 человек. В Иркутске арестовали директора сельскохозяйственного техникума И. А. Желтухина, якобы возглавляющего иркутский филиал рютинской организации, в Новосибирске — Г. И. Раевича. Их этапировали в Москву. На всех, кто вел антисталинские разговоры, стали заводить формуляры. «Дело Рютина» послужило своего рода прологом к «большому террору»...

«Я не намерен и не буду говорить неправду»

Сталинское руководство сделало все, чтобы дискредитировать М. Н. Рютина и его сторонников. Однако не все коммунисты поверили в виновность членов «Союза марксистов-ленинцев», о чем свидетельствовали письма (большей частью анонимные), направленные в ЦКК и ЦК ВКП(б). «99% трудящихся остались солидарны с исключенными, которые действительно ленинцы, а сталинское руководство ведет политику на вымирание и обнищание трудящихся. Недоверие к сталинскому руководству увеличивается. Масса хочет ленинской партии, а не сталинской. Открыто нужно признать, что ленинской партии нет, а есть сталинская»,— говорилось в одном из писем. «Как же дошло до такого, что лучших большевиков-ленинцев объявили контрреволюционерами? Угланов, Рютин, Зиновьев — контрреволюционеры? Кто по-

верит этому? Не они, а истинные сталинцы — контрреволюционеры. Вы терроризировали страну, вы загнали партию в подполье. В стране господствует диктатор Сталин — дикий и кровожадный, каких еще не знала страна». Отголоски этих настроений долетали и за тюремные решетки.

Сохранился уникальный исторический источник — более 300 писем М. Н. Рютина жене и сыну Виссариону. Вся переписка с семьей шла через СПО, где эти письма изучались, копировались и следователи определяли, что можно, а что нельзя переправлять семье. «...«Жить» и «сидеть» — конечно, вещи весьма различные. Но и в «сиденье» есть тоже своя жизнь. Основное, надо привыкнуть к однообразию, к монотонности и к одиночеству тюремной жизни»,— писал Мартемьян Никитич в одном из своих первых писем из Верхнеуральского политизолятора.

В заключении Рютин упорно занимался самообразованием и из-за тюремной решетки продолжал руководить обучением младшего сына Виссариона. 13 января 1933 года он писал жене Евдокии Михайловне: «Очень, очень обидно, что Вире пришлось бросить учебу. Ну что ж? Ничего не поделаешь. Пока придется с этим помириться. Ну я тогда рекомендую тебе, Виря, на практике всемерно совершенствоваться, не застывать на одном месте, стараться расширить размах своей работы, следить все же за специальной литературой и все время предъявлять к себе максимум требований. А на службе ты теперь должен быть архи и архи аккуратен и исполнителен. Ни опозданий, ни прогулов на работу ни под каким видом! Ибо твое положение специфическое...» Он настоятельно советует сыну изучить «Капитал», читать «Правду» и другие газеты.

Как оценил Мартемьян Никитич все, что случилось с ним, из тюремной камеры Суздальского политизолятора? Об этом лучше всего свидетельствуют его письма, написанные в дни рождения. 12 февраля 1933 года он пишет: «43 года. Да! Поистине политическая деятельность — это не Невский проспект, выражаясь словами Чернышевского. Теперь я, как горьковский Сокол, упал на камни с разбитой грудью. Но оглядываясь на весь пройденный мною путь, я все же могу сказать, как сказал Сокол Ужу: «Я славно пожил, я знаю счастье». И эти лучшие времена моего прошлого служат утешением в настоящем...»

А вот что он пишет спустя год: «Каков же баланс мой для этого года? Кредит — выучил английский язык, прочел 35 тыс. страниц различных книг; дебет — продолжаю сидеть в тюрьме, а какое будет сальдо — вы увидите уже сами — вам там виднее...» Тюрьма стала для М. Н. Рютина своеобразным университетом, хотя распорядок дня был больше рассчитан на оболванивание. Тюремную жизнь скрашивали лишь прогулки, во время которых заключенные обменивались новостями, играли в волейбол, занимались физическим трудом. Неусыпное наблюдение за каждым продолжалось и здесь: регулярно проводились обыски, в камеры подсаживались провокаторы, систематически приезжали представители прокуратуры и СПО ОГПУ, под особым контролем находились переписка заключенных и возможные каналы связи с домом. Это была одна из самых страшных режимных тюрем. Любое проявление непокорства строго наказывалось переводом в специальный корпус Суздальского политизолятора. Вот что писали современники:

«Заключенного... помещали в камеру-одиночку, где нет ничего, кроме голых нар. Прогулок никаких, оправка один раз в день. В окне вместо стекол деревянный щит. Зимой стоит холод, весной и летом сырость. У заключенного отнимаются его белье и одежда и выдаются халат и ватные брюки, грязное, рваное тряпье большого размера, чтобы морально сломить заключенного. У камер постоянно дежурят часовые, в обязанности которых входит не давать заключенному спать или лежать в дневное время. Нет книг, газет, переписки, свиданий, медицинской помощи практически никакой. Практикуются постоянные ночные допросы и передопросы, которые продолжаются до утра» *.

Но до осени 1936 года общий режим содержания был сносным. Заключенные имели право выписывать и читать газеты и журналы, получать книги из тюремной библиотеки.

Поэтому Рютин все время упорно занимался: «Опять много читаю на русском, английском, на немецком. На немецком наслаждаюсь стихотворениями Гете, на английском читаю Локка, а на русском все еще по самые уши ушел в историю». В последнем «юбилейном» письме от 12 февраля 1936 года Мартемьян Никитич писал: «Так, завтра мне 46 лет! Последние дни, естественно, особенно

---

* Социалистический вестник. 1932. № 16.

часто занимался «предъюбилейными» размышлениями, снова и снова пересматривал свой духовный багаж и свои духовные и жизненные «метаморфозы». И в результате я могу сказать словами еврипидовского Агамемнона («Ифигения в Авлиде»), что человек, не знавший горя, не родился еще на свет. Только человек, испытавший суровые удары судьбы, может по-настоящему взглянуть на мир своими собственными глазами без розовых очков...

Про себя я могу сказать без преувеличения — вновь родился. Я, что называется, начал с декартовского «Cogito ergo sum» — «Я мыслю, следовательно, я существую»...»

Не имея возможности прямо высказывать свое отношение к событиям внутренней и внешней политики, Рютин все же дает принципиальную оценку некоторых событий эзоповским языком. Анализируя периодическую печать, прежде всего «Правду» и некоторые провинциальные издания — ростовский «Молот», свердловский «Уральский рабочий», сталинградскую «Нижневолжскую правду» и воронежскую «Коммуну»,— он делает вывод, что в мировой обстановке происходят и уже произошли «настоящие политические сдвиги и изменения». В мировой политике началась перегруппировка держав, началась экспансия Японии на Дальнем Востоке, Германия лелеет мечту осуществить свои империалистические планы «прежде всего за счет нас». Он пишет о тесной связи внутренней и внешней политики: «Мир с капиталистическими государствами дает нам возможность победоносно вести войну с кулаками, подкулачниками, лодырями, прогульщиками, расхитителями социалистической собственности, правыми и левыми оппортунистами и завершить строительство социалистического общества».

Наряду с глубокими, серьезными рассуждениями в письмах Рютина сквозит забота о близких, прежде всего о жене. Щадя их, он не раскрывает всей тяжелой правды о тюремном житье; в его письмах чаще звучит «святая» ложь о диетическом питании, крайне необходимой для него минеральной воде, гуманном режиме содержания. Даже из заключения он старался поддержать семью. Когда в 1935 году был арестован и осужден Виссарион — младший сын, сосланный на три года в Алма-Ату, Мартемьян Никитич протестует, пытается по возможности помочь, ведь «парень пострадал безвинно». А затем пишет, чтобы старшему передали, что все заботы о матери

и сестре должен на себя взять теперь Василий. «Уже одна моральная поддержка очень дорога... Не забывайте друг друга...»

Помнили и о нем. После убийства С. М. Кирова Сталин взял курс на физическое уничтожение старой партийной гвардии. Летом 1936 года контрольные органы партии под председательством Н. И. Ежова — секретаря ЦК ВКП(б) — проверяли работу органов НКВД. Один из серьезных недостатков в их работе, по мнению проверяющих, состоял «в чересчур либеральном отношении к находящимся в заключении оппозиционерам». Шла подготовка к первому московскому процессу с участием Зиновьева, Каменева и других видных деятелей партии. Вынести смертный приговор старым, заслуженным большевикам было не так уж просто. Сталин лично контролировал следствие, согласовывал сценарий процесса. По некоторым сведениям, он и Молотов лично встречались с подсудимыми и всем им обещали жизнь. Все обвиняемые признали себя виновными. После вынесения сурового приговора все писали прошение о помиловании. Судебный фарс закончился кровавой трагедией. Так была пролита кровь вождей революции. То, что не удалось сделать в 1932 году, было совершено теперь, спустя четыре года.

Однако в партии и стране мало кто верил, что проходившие по судебному процессу — террористы. Сталин видел в этом недоработку прежде всего наркома внутренних дел Г. Г. Ягоды. Поэтому в сентябре 1936 года он дает указание о назначении нового наркома внутренних дел, поскольку «Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей Наркомвнудела» *.

Новый нарком внутренних дел Н. И. Ежов начал с перетряхивания наркомата и пересмотра некоторых дел. В октябре 1936 года он направил Сталину письмо, в котором писал: «В свете последних показаний арестованных роль «правых» выглядит по-иному. Ознакомившись с материалами прошлых расследований по делу «правых» (Угланов, Рютин, Эйсмонт, Слепков и др.), я думаю, что мы тогда до конца не докопались. В связи с этим я поручил вызвать кое-кого из арестованных в прошлом году

* Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 39.

«правых». Вызвали Куликова (осужден по делу Невского) и Лугового. Их предварительный допрос дает чрезвычайно любопытные материалы о деятельности «правых». Протоколы вам на днях вышлют. Во всяком случае, есть все основания предполагать, что удастся вскрыть много нового и по-новому будут выглядеть «правые», и в частности Рыков, Бухарин, Угланов, Шмидт и др.»*.

За этим поступило распоряжение о доследовании по ряду политических дел, в том числе и по делу М. Н. Рютина. Предписывалось немедленно этапировать его в Москву. Фактически это было новое следствие, и, чтобы придать ему законный характер, М. Н. Рютина (парадокс!) арестовали в очередной раз в одиночной камере Суздальского изолятора. При аресте он сопротивлялся. В наручниках, под усиленным конвоем, в спецвагоне Мартемьян Никитич был доставлен во внутреннюю тюрьму НКВД. Допросы вели тот же начальник секретно-политического отдела комиссар госбезопасности 3-го ранга Г. А. Молчанов и его заместитель Б. Берман. Нелепое обвинение в терроре было основано на тех же самых документах, которые фигурировали в его деле в 1932 году. За это он уже был осужден и отбывал срок. Само по себе это было уже нарушением закона, ибо за одно преступление нельзя судить дважды. Поэтому М. Н. Рютин и здесь продолжал бороться доступными ему средствами.

4 ноября 1936 года он обратился с заявлением в ЦИК СССР, в котором протестовал против предъявленных ему обвинений: «Я никогда террористом не был, не являюсь и не буду. Никогда террористических взглядов не имел и не имею. Нигде, никогда, никому, никакого сочувствия террору не высказывал и относился к нему всегда враждебно. Новое толкование отдельных цитат из документов явно пристрастно и тенденциозно».

Мартемьян Никитич протестовал против методов ведения следствия, когда угрожают подследственным, кричат на них и обращаются, как со скотиной. Есть все основания полагать, что следователи рассчитывали получить показания о роли Н. И. Бухарина как главы крупномасштабного заговора внутри партии и государства. Поэтому столь широк был диапазон воздействия — от угроз физической расправы без суда до изменения режима содержания, питания и т. д. По свидетельству Л. М. Рютиной, отцу даже позволили позвонить домой. Однако все усилия оказались напрасны: лжесвидетельствовать, сознаваться в несовершенных преступлениях Рютин категорически отказывался. Не было у него и иллюзий относительно своей участи. Он знал, что его судьба уже решена, но продолжал отстаивать свои права.

* Цит. по: Диалог (Ленинград). 1990. № 4. С. 21.

Помимо письменных заявлений, которые, как правило, оставались без ответа, в распоряжении Рютина было еще старое, испытанное средство политических заключенных — голодовка. Он объявил ее. Она продолжалась более 20 дней. А крайнее средство — самоубийство? По документальным свидетельствам, его вынимали из петли. Его бдительно охраняли. Он был нужен как участник, как свидетель на последующих московских процессах. От него требовались признания в антисоветской террористической деятельности, а Рютин таких признаний не сделал. Попытка Сталина еще раз поставить его на колени не удалась. Показания против него давали другие, среди них — К. Б. Радек, Я. Э. Стэн.

Поднимался вновь вопрос об авторстве «рютинской платформы». Следователи не могли поверить, чтобы простой сельский учитель мог написать такое. Кстати заметим, что авторство платформы будет приписываться Н. И. Бухарину в ходе работы февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК. Тогда Николай Иванович нашел в себе мужество и отверг эти обвинения. Однако после ареста, в июле, Бухарин признает, что «рютинская платформа» отражала его взгляды, как и взгляды единомышленников, а теоретики «бухаринской школы» взяли платформу в основу своих разработок решения конкретных социально-экономических проблем, стоящих перед страной.

В марте 1938 года на процессе по делу «правотроцкистского антисоветского блока» Н. И. Бухарин заявит: «Переход к тактике насильственного ниспровержения в общем я датирую моментом, когда была зафиксирована так называемая «рютинская платформа». Она была названа «рютинской» в конспиративных целях для перестраховки от провала» *. То, чего ежовские следователи упорно добивались от Рютина, было получено от Бухарина. Так родился и закрепился в историческом сознании один из мифов, которыми, к сожалению, богат советский период отечественной истории. Не только следователи

* Цит. по: Диалог (Ленинград). 1990. № 4. С. 25.

НКВД, но и Сталин и его ближайшее окружение не могли допустить, что Рютин мог претендовать на роль теоретика, что он превосходит их своим интеллектом, знаниями, способностями...

Несломленный же Рютин был опасен. Поэтому было решено судить его по закону от 1 декабря 1934 года, то есть на закрытом заседании, без слушания сторон.

10 января 1937 года состоялся суд, продолжавшийся 40 минут. На вопрос, признает ли он себя виновным, М. Н. Рютин отвечать отказался, как и вообще от дачи каких-либо показаний по существу предъявленных ему обвинений. Он был признан виновным в том, что на протяжении ряда лет проводил активную борьбу против руководства ВКП(б), руководил созданной им террористической организацией «Союз марксистов-ленинцев», возглавлял одну из групп, готовившую террористический акт против руководства партии и правительства, высказывал желание лично участвовать в убийстве Сталина. Через полтора часа после вынесения приговора Мартемьян Никитич был расстрелян. Сталинские фальсификаторы создали еще один миф — о Рютине-террористе.

Было сделано все, чтобы не только опорочить, но и навсегда вычеркнуть имя Рютина из истории. Тогда же, в 1937 году, деревни Верхне-Рютино, Нижне-Рютино и рютинский сельсовет были переименованы в Верхне- и Нижне-Ангарские. Репрессированы все члены семьи, за исключением дочери Любови Мартемьяновны. А потом наступило долгое забвение. Если о других политических противниках Сталина писали хотя бы в негативном плане, то о Рютине попросту молчали. В памяти старшего поколения историков его имя прочно ассоциировалось с антисоветской, контрреволюционной деятельностью.

Из семьи Рютиных уцелела одна лишь Любовь Мартемьяновна. С середины 50-х годов она вела самоотверженную борьбу за честное имя отца. Неоднократно обращалась в Прокуратуру СССР, Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, к съездам партии. Но только в условиях восстановления справедливости и истины имя М. Н. Рютина было наконец возвращено советскому народу. 13 июня 1988 года пленум Верховного суда СССР отменил судебные приговоры в отношении членов «Союза марксистов-ленинцев». Тогда же появились первые публикации о М. Н. Рютине. 16 декабря 1988 года Комитет партийного контроля при ЦК КПСС реабилитировал его в партийном отношении.

Известно, что Сталин любил ссылаться на персонажи древнегреческих мифов, особенно на миф об Антее. Однако в этом пантеоне был еще миф о Прометее. Напомним его содержание. Оказав большие услуги Зевсу в борьбе за личную власть, непокорный титан выступил против всесильного громовержца, обратившись к простым людям. Он принес им огонь и знания, за что был жестоко наказан. Этот миф Сталин почему-то не любил. Что ж, вполне симптоматично.

В одном из писем родным из одиночной камеры Суздальского политизолятора М. Н. Рютин лаконично определил свой жизненный путь такими словами: «Моя трагедия... трагедия целой эпохи». Это действительно было так. В 20 лет он принял социалистическую идею как основу своего мировоззрения, а затем посвятил ее практическому воплощению всю свою сознательную жизнь. Но на глазах и при активном участии Рютина и его сторонников разрушался старый мир и утверждалась политическая система, которая никак не соответствовала демократическим идеалам. Справедливости ради надо отметить, что элементы социализма тогда были, но слабы и неразвиты, а главное — достигались такой ценой, что полностью лишали притягательности социалистическую идею. Воплощение идеала на практике обернулось его крахом. В этом смысле личная трагедия М. Н. Рютина тесно переплеталась с трагедией целой эпохи.

Ведь он и сам энергично закладывал камни в фундамент командно-административной системы. Но, столкнувшись с диктатом Сталина, поняв, что тот отошел от демократического идеала социализма, Рютин решительно воспротивился этому. Однако его выступление не выходило за рамки системы.

Любая параллель всегда условна. Но если обратиться к опыту истории, то можно увидеть, что каждое социально-политическое учение, каждая доктрина кроме своих основоположников имела адептов, фанатично преданных ей. Социалистическая идея не составляла исключения. Рютин и его сторонники увидели в действиях Сталина и его окружения предательство дела Ленина и поэтому объективно оказались в положении «изменников измены». Все они стали заложниками системы, обреченными на шельмование, физическое уничтожение и забвение. Люди, искренне преданные социализму, остались без защиты перед силой, у которой фактически не было предела. Они могли устоять, лишь опираясь на сильнейший

духовный порыв. Это блестяще подтвердил своей судьбой Мартемьян Никитич Рютин. Его дело в современных условиях проросло в борьбу за демократизацию всех сторон жизни советского общества. Слово Рютина, возвращаясь из забвения, обращается к нам: «Только борьба рождает вождей и героев».

В его жизни были компромиссы, вынужденные тактические отступления от своих взглядов, «признание» несуществующих ошибок. Многое из этого делалось под грубым нажимом на допросах в ЦКК, в период следствия в ОГПУ — НКВД. Но в главном он оставался несломленным и, будучи уже приговоренным, в предсмертном письме Сталину мужественно заявил: «На колени не встану».

В предлагаемый читателю сборник вошли фрагменты выступлений М. Н. Рютина на партийных съездах, отрывки из двух его брошюр, полностью — его главный труд «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», манифест «Ко всем членам ВКП(б)», другие документы. Все это до недавнего времени было надежно упрятано в спецхранах крупнейших библиотек и за бронированными дверями ведомственных архивов.

Очевидно, не все в работах М. Н. Рютина бесспорно, а с позиций сегодняшнего дня — не все верно. Но они правдиво отражают тяжкий путь прозрения этого незаурядного человека и помогают получить о нем подлинное представление.

Кандидат исторических наук Б. А. Старков

В СИБИРСКОЙ ДАЛЬНЕЙ СТОРОНЕ

Документы и материалы, публикуемые в этом разделе, рассказывают о жизненном пути М. Н. Рютина, его участии в революционном движении, в гражданской войне и социалистическом строительстве в первые послереволюционные годы.

Безусловно, центральное место занимает его автобиография, которая была написана 1 сентября 1923 года. Мартемьян Никитич — секретарь Дагестанского обкома партии, но уже решен вопрос о его переходе на работу в столичную парторганизацию. Ранее этот документ никогда не публиковался полностью, он хранится в «Личном деле члена ВКП(б) М. Н. Рютина» в Центральном партийном архиве.

Другие документы знакомят с публицистикой М. Н. Рютина в годы гражданской войны. Это прежде всего передовая статья «К моменту», опубликованная в бюллетене № 1 Новониколаевского оргбюро РКП(б) и ревкома 18 декабря 1919 года (сразу же после занятия города частями 5-й армии). В то время Мартемьян Никитич по поручению Сибревкома проводил перерегистрацию членов Новониколаевской парторганизации.

Весной 1920 года он возвращается на работу в Иркутск, где непростая обстановка. Только что разгромлены колчаковские части, пытавшиеся захватить город. Политцентр, руководивший восстанием против Колчака, уже прекратил свое существование. В прессе идет острая полемика между большевиками и меньшевиками о создании единого фронта социалистических партий. Однако из-за идейной непримиримости и организационного размежевания договориться не удалось, единство достигнуто не было. Рютин активно участвовал в этой полемике.

В органе иркутских меньшевиков — газете «Социал-демократ» появились статьи о роли большевиков в годы

революции и гражданской войны. 25 марта 1920 года в «Известиях Иркутского губернского революционного комитета» М. Н. Рютин опубликовал открытое письмо меньшевикам, в котором в характерной для него яркой публицистической форме критиковал не только меньшевиков, но и правых эсеров.

Острое идейное противоборство в печати было составной частью сложных политических процессов, проходивших после гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Создание и недолгое существование Дальневосточной республики также стало своего рода отражением политической ситуации в стране. События 1921—1922 годов — Кронштадтский мятеж, крестьянские восстания в Центральной России и Сибири — в конечном итоге привели к ликвидации большевиками партий меньшевиков и эсеров. Заняв такую же бескомпромиссную позицию по отношению к ним, М. Н. Рютин до конца жизни оставался их непримиримым противником.

Автобиография

Члена РКП(б) Рютина Мартемьяна

Я родился 13 февраля 1890 года в деревне Верхне-Рютино, Иркутской губ., Балаганского уезда, Усть-Удинской волости. Мой отец был тогда крестьянином-середняком. Он имел 4 лошади, 5 коров, сеял 8 или 9 десятин хлеба. Жил в общем безбедно.

Но дальше с каждым годом положение стало ухудшаться. Пошли неурожаи, был падеж скота, болезнь матери, хозяйство быстро покатилось к разорению. Когда мне было 7 лет, оно окончательно было подрублено под корень тем, что осенью с поля сразу украли всех лошадей и затем еще пропало 2 или даже, кажется, 3 коровы. Отец из крестьянина-середняка превратился в самого настоящего бедняка. К тому же он основательно стал пить водку, а это еще больше било по хозяйству. Несмотря на то что отец мой по своим способностям являлся исключительным в деревне крестьянином (он помимо того, что был хорошим землеробом, умел хорошо плотничать, был недурным столяром, шорником и даже кузнецом), это не спасало нашу семью от нужды. По своим взглядам отец был настоящим, если можно так выразиться, не осознавшим себя якобинцем. Ему приходилось сначала в молодости сталкиваться с уголовными ссыльными,

многие из которых попали в ссылку за разные формы протеста против самодержавного помещичьего режима, а затем и с административными политическими ссыльными. Несмотря на то что деревня Верхне-Рютинская находится в глухих местах среднего течения реки Ангары, в 120 верстах от железной дороги, отец мой, когда мне было еще 7 лет, не верил уже ни в кого: ни в бога, ни в царя, ни в черта. Когда он напивался пьян, тогда это неверие выражалось в буйной ругани по адресу бога и по адресу царя, за что он частенько попадал в кутузку, но обычно отделывался 1—2 неделями ареста. А разорение все шло дальше. Монополька, открывшая в соседней деревне лавку, лавочник, увеличивавшиеся с каждым годом подати высасывали из хозяйства последние соки. Жить было очень тяжело.

Школы в деревне не было, и я стал учиться семилетним мальчиком сначала у ссыльнопоселенца Виноградова, а потом, через полгода, когда этот учитель сбежал, у другого такого же учителя Перепелицына. Несмотря на то что учиться мне пришлось еще по старым методам, сначала твердить двойные склады, затем тройные, я в две недели уже научился читать. Учился я как у них, так и в открывшейся в 1901 году в соседнем селе Верхне-Рютинской школе лучшим учеником, но имел тот недостаток, что постоянно дрался с ребятишками и колотил их. 11-ти лет я окончил начальную школу, и передо мной открылся тернистый путь жизни крестьянина-бедняка. Уже на 10-м году я начал пахать (о плуге там тогда и понятия не имели, пахали сибирской сохой), а на 11-м году уже впрягся, как следует быть, в тяжелую телегу бедняцкого крестьянского хозяйства. Благодаря тому что отец часто пил, мне, 11-летнему мальчугану, приходилось иногда выполнять самые трудные и самые тяжелые работы.

Но меня в то же время тянуло к книге и к знанию, хотелось посмотреть на новые места, о которых я читал в книжках. На 13-м году моей жизни мне представился такой случай. В феврале м-це поехал в гор. Иркутск со своим обозом местный ростовщик Федос Жилкин. Я стал проситься у отца, чтобы он меня отпустил с ним в город где-нибудь там устроиться. Отец согласился, и я попал в Иркутск. Там я поступил на кондитерскую фабрику Караматских мальчиком за 3 руб. в м-ц на готовом содержании.

В городе я увидел новую жизнь, а в кондитерской новую, еще невиданную эксплуатацию. Работать при-

ходилось по 18-ти час. в сутки, работу кончали в 10 час. вечера и даже в 11 и начинали в 4 час. утра, с перерывом днем (час на обед). Так я проработал несколько месяцев и сбежал обратно в деревню, до которой от города 300 верст.

В деревне я услышал насмешки, увидел старую нужду в нашем семействе, и меня снова потянуло из деревни. В начале 14-го года своей жизни я опять попал в город и поступил в городе в мелочную лавку мальчиком, за 6 руб. в м-ц; там я встретил не лучшие, а еще худшие условия, чем в кондитерской Караматских. Меня, 13-летнего мальчугана, старались использовать как взрослого рабочего: я должен был таскать и кули с овсом, иногда с мукой в лавку, стоять за прилавком, ухаживать за лошадью, чистить ее, вывозить из двора мусор и проч. Через несколько месяцев я из этой лавочки тоже сбежал в свою родную деревню. Там опять пришлось впрячься в мужицкую лямку.

Не помню, сколько времени прошло со дня моего прибытия в деревню, но помню, это было весной, в марте — апреле м-це, я явился за чем-то в сельское управление. Сельским писарем в нем был некто Пашин. Войдя в управу, я увидел, что с Пашиным сидит какой-то незнакомый человек, плотно сложенный, молодых еще лет с рыжей бородой.

Увидев меня, Пашин (нужно заметить, он меня знал, так как часто бывал у отца и вместе с ним пил горькую) громко сказал: «Ах, Мартемьян, как дела?», а затем, обращаясь к рыжему человеку, он добавил: «Вот очень способный парень, а зря здесь в деревне пропадает».

Тогда рыжий человек подробней осведомился о том, кто я и что из себя представляю. После этого он, обращаясь ко мне, сказал: «Я вот что вам посоветую, попытайтесь поступить в Иркутскую учительскую семинарию, туда принимают на казенный счет; подайте сейчас прошение о вашем желании поступить туда и ждите ответа. Приходите ко мне в Усть-Уду (волостное село), я вам там напишу прошение, вы его перепишете, пошлете и будете ждать ответа». Я выразил согласие. Отправившись домой, я там тотчас же получил на это согласие отца и в первое же воскресенье, кажется, чуть ли не вместе с отцом, был у этого нового для меня человека. Этот человек был Борис Владимирович Марковин — административно-политический ссыльный. Я теперь хорошо знаю, что он социал-демократ, но не могу сказать, был

ли он большевик или меньшевик. Не помню, где я слышал, но помню, что мне кто-то говорил, что он работал в Питере и его должен знать Борис Павлович Позерн, теперешний председатель Промбюро ВСНХ Северной области. При первом же моем посещении я основательно познакомился с Борисом Владимировичем и стал бегать к нему за 8 верст, переплывая к тому же на лодке Ангару, чуть ли не каждое воскресенье. Я брал у него очень много книжек издания «Донская речь» и с упоением ими зачитывался. «Митюха-учитель», «Умалишенный», «Подлиповцы» Решетникова и другие книжечки этого издания, большею частью в красных обложках, и сейчас стоят у меня в глазах как живые. Все остальное время, начиная с мая м-ца, я готовился к поступлению в учительскую семинарию, готовился без учителя, по старым, никуда не годным учебникам, без знания программы, а так просто «на ура». Но, однако, в августе м-це я поехал в Иркутск, выдержал экзамен и поступил в учительскую семинарию. Это было для меня огромной радостью. Но вместе с тем ко мне сразу же были предъявлены и большие требования. В семинарию обычно поступали по окончании двухклассного училища, а я окончил только сельскую школу, 2 с лишним года после этого не учился и должен был тянуться рядом с остальными. Прошел 5-й год. По Сибири прокатилась волна революционной борьбы. Мне было тогда около 15 лет. Я бегал на митинги и с трепетом протискивался в толпу, с каким-то особым чувством радости и в то же время боязни смотрел, как около здания, в котором должен происходить митинг, ставили боевиков с браунингами, для предохранения от нападения черных сотен. Но смысла событий я все же не понимал. Во мне кипела злоба против богачей деревенских и городских, против приставов и городовых, но для меня политическая борьба и ее смысл все еще были тайной за семью печатями.

Если я про своего отца сказал, что он был не сознавшим себя якобинцем, то в этот период и я был таким же маленьким якобинцем.

Революция была сломлена. Занятия в семинарии пошли нормально, я усиленно работал над собой, учился также хорошо. К моменту окончания учительской семинарии я все-таки не имел каких-либо политических убеждений. Одно время меня начинало немножко увлекать бунтовство анархистов, но это увлечение было неглубоким и недолговременным. Лишь когда я окончил

учительскую семинарию и стал учительствовать, уже на другой год моего учительствования я пришел к марксизму. Пришел, нужно сказать, почти совершенно самостоятельно. Я случайно наткнулся на марксистскую литературу и стал ее штудировать. Первыми мною прочитанными книгами были Ленина «К деревенской бедноте», Каутского «Эрфуртская программа», Богданова «Краткий курс экономической науки», Бебеля «Женщина и социализм», Маркса и Энгельса «Коммунистический Манифест», тогда еще фигурировавший в читанном мною издании под названием «Философия истории». Это было в конце 1909 года, в начале 1910 года, когда мне было 19 лет. Учительствовал я в деревне, недалеко от места моей родины. Я располагал свободным временем и поэтому дальше усиленно взялся за чтение в том же направлении. В 1910 г. я прочел в газетах объявление о выпуске газеты «Звезда» и стал ее выписывать на имя одного крестьянина, на свое имя я выписывать не решался. Когда закрылась «Звезда», стала выходить «Правда», в 1911 году *. Я стал выписывать «Правду», опять-таки на имя этого крестьянина. В 1912 году я уже настолько приобрел аппетит к вопросам революционного марксизма, что организовал марксистский кружок, хотя и не имел связей с партией. В этот марксистский кружок вошли следующие товарищи: Никита Николаевич Самарин, сейчас председатель Зиминского ЭПО в Иркутской губ., Борисовский Константин Николаевич, сейчас, кажется, заведует школой по подготовке инструкторов при отделе управления Иркутского губисполкома, Тимофей Денисенко (умер), Ташкинов (умер) — все это были учителя. В этот марксистский учительский кружок мы выписывали «Правду», «Просвещение», «Меньшевистский луч», «Нашу зарю» и «Современный мир». Кружок наш просуществовал приблизительно в течение полугода и распался. Но работа его все-таки, надо сказать, не пропала даром. Кажется, в конце 1912 или в начале 1913 г., точно не помню, я познакомился в Усть-Уде, которая находится в 40 верстах от Шиверы, в которой я учительствовал, с рядом товарищей ссыльно-политических из большевиков, там были тов. Гребнев, сейчас заведующий управлением заготовок Уполнаркомпроса, тов. Вельман (последнее время, я знаю, он работал в Сибири и был членом Сибревкома), т. Постышев (теперь,

* Первый номер газеты «Правда» вышел 22 апреля (5 мая) 1912 г.

кажется, он является председателем Верхне-Удинского губисполкома), т. Петухова (работает сейчас в Москве, в ВЦСПС); из меньшевиков в усть-удинской колонии были Н. Н. Попов, теперь большевик, редактор «Коммунистической революции», Козлов, Трофимов, Ревзон, Молоканов и некоторые другие. Когда я попадал в Усть-Уду за жалованьем, я обычно заявлялся к товарищам, по суткам и по двое проводил у них время во всякого рода дискуссиях с Н. Н. Поповым, Молокановым и Козловым.

Однако свою фракционную принадлежность я еще тогда окончательно, если можно так выразиться, официально не определил. По эрудиции Попов, Молоканов были меня несравненно сильнее. В прениях они меня часто били, и это меня немного смущало.

С 1910 года я начал делать попытки писать, также и в газетах; начал я писать в еженедельной социал-демократической иркутской газетке «Иркутское слово», вышедшей всего в количестве нескольких номеров. После этого в 1912 году я поместил несколько статей в соц.-демократической газете «Сибирские новости», выходившей в Иркутске под редакцией старого большевика т. Чужака. Эта газета была весьма недолговечна. Точно так же недолговечно было и мое сотрудничество в ней.

В этом же году я дал и несколько статей и корреспонденций в полусоциал-демократическую и полуэсеровскую газету «Сибирские вести».

В конце 1913 года я перевелся учительствовать в гор. Иркутск. Еще до этого я был избран на учительском съезде членом правления О-ва взаимопомощи учившимся в Иркутской губ. Перебравшись в Иркутск, я повел в правлении О-ва усиленную борьбу с эсеровско-кадетской публикой, которая составляла там подавляющее большинство. Продержаться мне удалось там около полугода. На одном из заседаний правления я поругался основательно с его руководителями из-за той крохоборческой лакейской политики, которую они вели, и вышел из его состава.

В 1914 году началась мировая империалистическая война. Когда я прочел в газетах о вступлении в министерство Вандервельде и о поведении Геда *, когда я узнал

* Речь идет о лидерах II Интернационала, которые выступали за войну до победы. Э. Вандервельде вошел в буржуазное правительство, а Ж. Гед сделал заявление в печати, призывая рабочих к поддержке правительства. Позднее также получил портфель министра.

о вотировании кредитов своему правительству на ведение войны германской социал-демократией, меня охватило глубочайшее возмущение. Я стал самым непримиримым пораженцем. Я с удовлетворением отмечал каждую неудачу царских войск и нервничал по поводу каждого успеха самодержавия на фронте. Обосновать свою точку зрения к тому моменту я мог вполне основательно. Теоретически я чувствовал себя достаточно подготовленным: мною уже были проштудированы все главные произведения Плеханова, Каутского, Ленина, Меринга, Энгельса, Маркса. К концу 1913 года я уже проштудировал все 3 тома «Капитала» Маркса, его исторические работы, все важнейшие труды Энгельса, а в начале 1914 года начал читать Гильфердинга «Финансовый капитал». Когда началась мировая война, эта книга мне очень и очень помогла осознавать смысл происходящего.

В октябре 1914 года я окончательно примкнул к фракции большевиков и потом в этом направлении работал.

В 1915 году я стал сотрудничать в газете «Восточная Сибирь». В этой газете помимо меня из большевиков принимали участие тт. Чужак и, кажется, Евгений Преображенский. Редактировалась эта газета Николаем Рожковым. Когда эта газета закрылась, Евгений Преображенский стал издавать и редактировать свою газету «Забайкальское обозрение», в этой газете я также сотрудничал.

В 1915 году, в июне м-це, меня мобилизовали и послали в команду вольноопределяющихся. В этой команде я пробыл 3 м-ца. 1 октября оттуда меня командировали в 1-ю Иркутскую школу прапорщиков, которую я и окончил 1 января 1916 года. По окончании школы я около 6 м-цев околачивался в Иркутске, во 2-м запасном полку. За это время мне удалось создать соц.-демократический большевистский солдатский кружок и руководить им в течение нескольких м-цев. Из живых членов кружка сейчас я могу показать только на т. Юлькова, являющегося моим учеником еще с начала мировой империалистической войны. Сейчас он работает в Сибири. Последний раз я с ним встретился в Новониколаевске, где он заведовал отделом юстиции. Остальные члены кружка потерялись из вида или погибли, как, например, тов. Толстой (пал в борьбе с белыми за Байкалом в 1918 году).

Приблизительно в мае — июне м-це 1916 года я был откомандирован из 2-го Сибирского стрелкового запас-

ного полка, где я все время служил в качестве младшего офицера, в гор. Харбин, в 618-ю пешую Томскую дружину. Там я был назначен в одну из рот также младшим офицером. Партийной организации в Харбине не было, хотя было очень много социал-демократов, 99% из которых были меньшевики. Моя партийная работа здесь первое время ограничивалась индивидуальной обработкой отдельных, наиболее надежных солдат. Затем мною была создана группа в 5 чел., с которыми я и вел работу до Февральской революции. Одновременно, приблизительно с сентября м-ца 1916 года, я из Харбина стал корреспондировать в журнал Горького «Летопись», выходивший под официальной редакцией Тихонова.

В этом журнале из членов нашей партии помещали свои статьи, как известно, тт. Каменев, Луначарский и некоторые другие. С первой же моей корреспонденции мне было прислано официальное приглашение сотрудничать в журнале, но мне удалось там поместить всего одну статью под заглавием «Новый Гордиев узел» под псевдонимом «Тель». Статья эта характеризовала противоречие интересов Англии, Японии и Соединенных Штатов на Дальнем Востоке, а задняя мысль этой статьи заключалась в том, что английский, японский и американский империализм не менее кровожаден и хищен, чем империализм германский. Следующая моя корреспонденция попала в журнал уже перед началом революции и не могла быть помещена, так как журнал с начала революции закрылся.

Накануне Февральской революции я был арестован командиром дружины за попытку поднять солдат на восстание, но на другой же день был солдатами освобожден. Между прочим, это был единственный арест за все время моей партийной работы. Несмотря на то что я был малоосторожен и малоопытен в конспирации, мне как-то все благополучно сходило с рук. Когда я был освобожден из-под ареста с началом Февральской революции, я сразу же собрал организационное собрание делегатов от солдат гор. Харбина. На этом собрании был организован Совет солдатских депутатов, и я был избран председателем этого Совета. Одновременно сорганизовался и Совет рабочих депутатов, но Совет рабочих депутатов целиком находился в руках меньшевиков, а первое время даже кадетов, поэтому он был малоактивен. Все аресты реакционной военщины, а точно так же и гражданских черносотенцев,

приходилось проводить Совету солдатских депутатов под моим руководством. Из большевиков в этом Совете первое время был только один я, остальная солдатская масса Совета была беспартийной, но по преимуществу большевистски настроенной. Отдельные эсеровавшие писаря различных штабов, попавшие в Совет, не имели там сколько-нибудь заметного влияния. На почве арестов военщины Советом солдатских депутатов против меня, как председателя Совета, в первый же м-ц буржуазной печатью была поднята самая отвратительнейшая травля, но это не лишило меня доверия солдатских масс, а, наоборот, его укрепляло. Приблизительно в конце мая м-ца я был командирован Советом в маленький городишко Хайлар для расследования действий Комитета общественных организаций, который был разогнан, но эта попытка кончилась стрельбой на одном собрании, новой кампанией клеветы против меня, на этот раз уже со стороны эсеров и меньшевиков. В начале сентября м-ца нам — большевикам — удалось завоевать большинство и в Совете рабочих депутатов. Было произведено объединение Советов, и я был избран председателем Совета рабочих и солдатских депутатов. Приблизительно в половине сентября м-ца в Харбине был проведен под моим руководством раскол соц.-демократической организации, и я был избран председателем Комитета РСДРП большевиков и редактором партийного еженедельного журнала «Борьба». При выборах в Учредительное собрание я был выставлен нашей партией по Маньчжурии кандидатом в Учредительное собрание, но большинство голосов там получил кадетообразный меньшевик Стрелков, кандидатура которого проводилась под флагом профессионального Союза железнодорожников, а моя кандидатура (от Маньчжурии должен был быть избран всего один депутат в Учредительное собрание) собрала на 1500 меньше голосов. В начале октября м-ца нами меньшевики, эсеры были окончательно изгнаны из Совета рабочих и солдатских депутатов. Это для них послужило новым основанием повести против нас самую предательскую кампанию лжи и клеветы. В это время в Харбине и по всей Маньчжурии стала мобилизовать свои силы и буржуазная контрреволюция. Там появился Устрялов, теперешний сменовеховец, затем директор Русско-Азиатского банка Путилов и др. довольно яркие звезды контрреволюции.

После октябрьского переворота нам пришлось особенно туго, но мы все же выдержали до конца; сложность обстановки, в которой нам приходилось работать и вести борьбу, заставила нас запросить Владимира Ильича Ленина, как нам быть с захватом власти. Телеграмма была послана мною как председателем Совета. Владимир Ильич ответил: «Власть возьмите первым долгом устранением Хорвата, назначьте своего комиссара дороге, устраните старых консулов Харбине, Куа-Чен-Дзы, Хайларе». Но нам этого не удалось сделать в силу того, что Хорват и все русские консулы находились уже под охраной китайских штыков, к тому же китайские войска там были относительно превосходно вооружены, а наши солдаты, охранявшие Китайскую Восточную ж. д., имели в своих руках лишь старые разбитые берданы, да и те без патронов. Как сейчас помню, когда мы послали своего консула, который должен был заменить старого русского генерального консула Попова, то этот товарищ встретил у дверей русского консульства китайских солдат, которые в здание консульства нашего большевистского консула, бывшего к тому же «липовым» большевиком, так и не пропустили. В первых числах октября контрреволюция считала себя уже достаточно подготовленной, чтобы перейти на нас в наступление. Началось это с ареста тов. Аркуса, нашего комиссара по охране города. Числа, кажется, 8 или 10 декабря было предъявлено от имени губернатора Гиринского требование (инспирированное, конечно, Хорватом и французским консулом) покинуть в трехдневный срок пределы Маньчжурии Рютину, Славину (заместитель председателя Совета), 618-й пешей Томской дружине, 559, 1 и 2-му конным полкам. 12 декабря 1917 года, приблизительно в час или два ночи, нам предъявили требование к 7 час. утра разоружиться. Сопротивляться было бессмысленно, мы дали согласие с условием, что ни над нами, ни над Славиным, ни над солдатами при выезде из Маньчжурии не будет учинено никаких насилий. Такая гарантия нам была дана. Мы в нее не верили, но исхода у нас другого не было, так как при предъявлении нам ультиматума казармы вышеназванных воинских частей уже были окружены сплошной цепью китайских солдат, по всем важнейшим улицам были расставлены пулеметы и на каждую казарму было наведено по 2, по 3 орудия. Полчаса 10-го утра, несмотря на гарантию, по казармам была открыта оружейная и пулеметно-орудийная стрельба, были убитые и раненые.

Мне пришлось скрыться к рабочим в поселок около Харбинских железнодорожных механических мастерских. Оттуда я через 3 дня, загримированный нашим парикмахером большевиком тов. Луковниковым, с наклеенной черной бородой и усами, в рваной солдатской шубе, стоптанных валенках, с мешком за плечами, с солдатскими документами, в сопровождении тов. Пескова (расстрелян Колчаком в 1918 году вместе с т. Н. Н. Яковлевым и другими в сибирской тайге) сел в поезд и двинулся по направлению к Иркутску.

С величайшим трудом, с чрезвычайными опасностями мне удалось выбраться из Маньчжурии и приехать в Иркутск. 1 января 1918 года я был в Иркутске. Там только что закончилась гражданская война и организовался советский аппарат. Я сразу же Центросибирью был назначен командующим войсками Иркутского военного округа. В этой должности я проработал приблизительно в течение двух с половиной м-цев. В марте м-це я был избран заместителем председателя Иркутского губернского исполнительного комитета. На этой работе я был до 13 июня 1918 года. В мае м-це мне пришлось съездить с отрядом в Балаганский уезд и ликвидировать одну белогвардейскую офицерскую банду. 31 мая я активно участвовал в подавлении белогвардейского восстания в Иркутске, был членом одной из сессий ревтрибунала, которому приходилось тут же на месте судить пойманных белых офицеров, выносить приговоры и приводить их в исполнение. В июне м-це выступили чехословаки, и мне пришлось, кажется, 13 июня выехать на фронт; там я сначала замещал командующего фронтом, а потом, до момента окончательного нашего разгрома, был комендантом Полевого штаба. Около числа 17—18 августа мы окончательно были разбиты белыми и чехословаками на реке Посольской за Байкалом, и я с группой товарищей ушел в тайгу. Через пару приблизительно недель все мои товарищи (это были рядовые красноармейцы) сдались в плен. Я остался один. Так как у меня не было никаких документов, ибо мы на этот счет были тогда весьма беззаботны, то мне пришлось одному около полутора м-цев скитаться в Забайкальской тайге, только благодаря тамошним железнодорожным рабочим разъезда Мандриха я благополучно пережил это тяжелое время. Затем мне тайгой удалось около сотни верст пробраться до станции Танхо. А оттуда я при помощи одного рабочего сел в поезд и, по счастливой случайности, хорошо доехал

до Иркутска. Там при отступлении нами организации оставлено не было, поэтому пришлось забраться на квартиру к одному знакомому обывателю, частью даже родственнику, и пробыть у него три дня. За это время мне купили лодку, я сел в нее и ночами плыл вниз по Ангаре в те места, где раньше я учительствовал. Прибыв в село Шиверу, я сутки пробыл в деревне, а на другие пришлось отправиться в лес.

В этой тайге уже до моего прибытия скрывались товарищи: Никита Николаевич Самарин, член ВКП(б), и Зотик Кузнецов, тоже член партии (теперь заведующий отделом управления Бурятской автономной области). Эти товарищи в партийном отношении являются моими учениками. Я их обрабатывал в духе революционного марксизма еще в 1912—1913 годах. Первый из них был членом упомянутого мною вначале марксистского кружка, а со вторым я особенно энергично занимался в 1914 году, в первой половине 1915 года в Иркутске, куда я с одним товарищем его перетащил из деревни. С этими товарищами я и связался. Мы построили землянку, запаслись кой-какой марксистской литературой, организовали на первых шагах, правда, не регулярную доставку нам газет. Я стал заниматься с товарищами. Положение было чрезвычайно тяжелое, для работы среди крестьян на первых порах почвы еще никакой не было. В Иркутск мне ехать было нельзя, так как меня там знал чуть ли не каждый обыватель. Я бы там, несомненно, сразу провалился. Оставалось одно: первые м-цы вариться в своем собственном соку.

В декабре м-це или в начале января 1919 года мне удалось связаться с создавшейся в Иркутске партийной организацией, с комитетом. Я вновь изъявил желание пробраться для партийной работы в Иркутск, но комитет в лице секретаря тов. Андреева (кличка) мне категорически предложил этого не делать, так как своим отъездом я мог провалить организацию. Пришлось снова ждать и начать работу среди крестьян того района. Так продолжалось до июня м-ца 1919 года. За это время в тайге меня пытались поймать два белогвардейских отряда: один из них казачий, но это им не удалось. Пришлось им ограничиться тем, что они в нескольких деревнях выпороли по нескольку крестьян, и этим еще более озлобили против колчаковщины крестьянство. В июне м-це мною в тайге были получены от Иркутского к-та явка, пароль, удостоверение, 400 руб. денег и предложение поехать для неле-

гальной работы в Западную Сибирь в гор. Новониколаевск. Предложение мною в августе м-це было выполнено. Запасшись паспортом на неграмотного крестьянина, по фамилии Никифоров, надевши крестьянский костюм, я сел на поезд и благополучно добрался до Новониколаевска. Но в Новониколаевске до моего приезда организация была уже раскрыта и разгромлена. Конспиративная квартира обнаружена, а содержавшая эту квартиру т. Ковальчук арестована. (В тюрьме она покончила самоубийством.) На этой квартире каким-то типом (потом товарищи мне говорили, что это был муж Ковальчук) я едва не был передан в руки охранки. Только благодаря тому, что я не растерялся, мне удалось выскользнуть из квартиры и удрать. Так как других никаких связей в Новониколаевске у меня не было, мне пришлось дать дерака в ближайшую деревню. В деревне Огурцовой в 18-ти верстах от Новониколаевска я нанялся в батраки к крестьянину. У этого крестьянина я проработал 2 недели. На моей обязанности все же было приступить к партийной работе. Поэтому после этих двух недель я рассчитался и снова вернулся в Новониколаевск. Там я поступил плотником на постройку мыловаренного завода. Через некоторое время через рабочего-меньшевика Доклау (перед отступлением белых из этого города расстрелянного ими) я связался с отдельными членами нашей партии и начал вести работу по созданию организации и среди солдат, отправленных на фронт. Работа среди солдат продолжалась до 15 декабря 1919 года, когда вошли в Новониколаевск советские войска. С приходом советских войск председателем Реввоенсовета 5-й армии Иваном Никитичем Смирновым я был назначен членом Новониколаевского бюро партии. Через 10 дней после этого я Сибревкомом был назначен чрезвычайным уполномоченным Сибревкома по организации управления Кемеровскими копями, Кольчугинскими и копями южной группы Кузбасса, а также для налажения в этих районах советской работы. Но основной моей задачей было организовать как можно скорее добычу угля на этих копях и его переброску к Сибирской ж. д.-ой магистрали. Эта работа мною была выполнена в течение м-ца, после чего я был отослан в Восточную Сибирь. В конце марта 1920 года я попал в Иркутск. Там сразу же был избран делегатом на 2-ю губернскую партийную конференцию и на ней был избран председателем Иркутского губкома. В течение 6 месяцев я пробыл председателем, а затем следующие 6 месяцев был членом президиума, оставаясь фактически лидером организации. В мае 1921 года Сиббюро партии я был командирован из Иркутска на партийную работу в Кузнецкий бассейн, где в это время строилась железнодорожная линия от Кольчугина до Кузнецка. Там я был секретарем районного комитета и редактором газеты «Трудовой фронт» в течение 4 месяцев.

Затем я был Сиббюро ЦК РКП переброшен в Томск и там на конференции избран членом президиума губкома. Там я проработал 3 месяца, т. к. с председателем губисполкома и губпрофсовета я разошелся по ряду принципиальных вопросов, и на этой почве возникли трения между нами, то я был снят постановлением Сиббюро из Томска и постановлением ЦК РКП(б) назначен в Ростов ответственным редактором «Советского Юга», органа Югвостбюро ЦК РКП(б) и Крайэкономсовета. «Советский Юг» я редактировал в течение 10 м-цев, с марта м-ца 1922 года. В августе м-це 1922 года постановлением Юго-Восточного бюро я был назначен зав. агитпропом Югвостбюро и в то же время оставлен ответственным редактором вышеназванной газеты. До 15 января 1923 года я совмещал эти 2 обязанности и работал в Ростове. 15 января постановлением Юго-Восточного бюро я был назначен в Дагестанскую республику секретарем Дагестанского партийного комитета, где работаю и в настоящее время.

К сказанному необходимо добавить несколько слов для характеристики моей личной жизни. Я женат. Жена происходит из семьи крестьянина-середняка Иркутской губернии, Балаганского уезда. Жена образования никакого не получила. Малограмотна, в партии не состоит, но связь с партией имела с двенадцатилетнего возраста и оказывала ей помощь. Имею 3-х детей: сына Василия 13-ти лет, дочь Любовь 12-ти лет и сына Виссариона 10-ти лет. Старший сын с 11-ти лет состоит членом РЛКСМ. Отец мой в настоящее время занимается земледелием и по своему имущественному положению является крестьянином-бедняком.

1923 года, 1 сентября
гор. Махачкала

К моменту

Могучим натиском героической Красной Армии привилегированная шайка грабителей выброшена из нашего города с ближайшим районом и в панике бежит на восток, подобно саранче, уничтожая все на своем пути. Рабочий класс г. Новониколаевска и крестьяне уезда снова могут вздохнуть свободной грудью. Снова открываются широкие перспективы к социалистическому творчеству, обогащенному тяжелым и вместе с тем богатым опытом. Но время не ждет. К такому творчеству нужно приступить возможно скорее. «Революции — это локомотивы истории»,— сказал наш великий учитель К. Маркс. С неимоверной быстротой мчат они вперед человечество, то вознося его на вершины революционных побед, то бросая в пучину контрреволюции; словно призывной колокол, будят мысль рабочих масс и зовут ее к новым и новым достижениям. Необходимо немедленно взяться за планомерную революционную работу; организовать профессиональные союзы, строить прочную организацию Коммунистической партии, развить широкую деятельность по политическому воспитанию пролетарской молодежи, организовать женщин-работниц, трудовую интеллигенцию, стоящую на платформе Советской власти, и т. д.

Нужно возможно скорее закрепить прочные позиции, занятые в данное время пролетарско-крестьянской революцией в Сибири. Наряду с деятельностью в рабочих массах следует повести самую энергичную работу и в деревне. Ограбленная, разоренная, обманутая и ошеломленная мелкобуржуазными идеологами, пылающая сплошным огнем революционного пожара сибирская деревня представляет теперь самую благодатную почву для укрепления в ней Советской власти. То, что было раньше чем-то навеянным извне, теперь становится кровным требованием сибирского крестьянства. Массовые восстания крестьян в Приморской и Амурской областях, в Енисейской и Томской губерниях всюду приводили к немедленной ликвидации земств и замене их Советами. Крестьяне Сибири наглядно убедились, что вне Советской власти для них нет спасения. Диктатура Колчака «омужичила» революцию, превратила всю Сибирь в пороховой погреб, связала крестьянство неразрывными кровными узами с рабочим классом. В силу этого теперь значительно облегчается в деревне и чисто партийная работа Коммунистической партии. В деревне европейской России главной опорой Коммунистической партии явилось беднейшее крестьянство — здесь хорошим другом большевиков будет крестьянин-сибиряк, больше всего пострадавший от колчаковских мародеров. Зерна социалистической революции, брошенные партией большевиков в необъятные пространства Сибири, политые кровью десятков лучших представителей крестьянства, дают ныне обильный урожай.

Спешите же, товарищи, скорее собрать жатву, спешите на ниву социалистической революции. Все за работу! Наши успехи здесь. Крупный шаг вперед к мировой коммунистической революции, к светлому царству социализма!

Рютин

Открытое письмо гг. меньшевикам

В первом же номере своей газетки «Социал-демократ» вы, гг. меньшевики, не преминули лягнуть Российскую ком. партию (большевиков).

Покровительственно, одобрительно хлопая по плечу нашу партию за ее «разумные» действия в настоящем, вы все еще, чтобы оправдать свои бесчисленные преступления, пытаетесь дискредитировать ее действия в прошлом в самый героический период пролетарской революции. Где же ваши громкие фразы об едином социалистическом фронте? Мы, выданные вами с головой буржуазии и царским генералам, молчим о вашем прошлом, ибо мы не хотим мстить, бить того, кого, как говорят, сам «бог убил», ибо мы желаем на деле сохранить «единый фронт», а вы снова уже начинаете играть «краплеными картами», хвататься руками за то, к чему вам и прикасаться-то «грешно». Вам, когда говорится о прошлом, нужно быть немыми как рыба. Зачем пытаться вылезть сухими из воды, доказать, что мы, дескать, невинны и никогда не состояли в любовной связи с Колчаком и прочими генералами!

В действительности же, чего греха таить — об этом весь свет знает,— дама, именующая себя р.с.д.р.п., весьма основательно флиртовала с самыми заправскими царскими генералами, а сводней ей была партия правых с.-революционеров. И бесцельно бубнить об ура-большевиках в прошлом,

делать экивоки в сторону Парняковых и Рютиных. Парняковы, Рютины и остаются членами Р.К.П., занимали и занимают ответственные посты в Советах.

«Социал-демократ» полагал, очевидно, что баня, приготовленная большевикам социал-демократической «критикой», так основательна, что в этой бане погиб и ненавистный им Рютин, а посему и в него можно будет пустить комом грязи.

К глубокому огорчению меньшевиков, слухи о смерти Рютина «оказались несколько преувеличенными». Я жив и уверяю, гг. меньшевики, что я вас не только никогда не шельмовал, но и не намерен, ибо при всем желании шельму ошельмовать весьма трудно.

В заключение гг. меньшевикам рекомендую следующее:

Во-первых, не становиться в позу невинных институток, ибо мы все помним.

Во-вторых, меньше всего говорить о Парняковых и Гершевичах *. Их имена для нас священны.

В-третьих, не хвастаться тем, что мы, мол, в значительной степени сокрушили (несчастные — они еще могут употреблять это боевое слово!) колчаковскую реакцию. Это смешно и напоминает сидевшую на рогах у быка муху, которая говорила: «Мы пахали».

Иркутск, 24 марта

М. Рютин

* Парняков и Гершевич — бывшие сибирские меньшевики, в 1918 г. вступили в большевистскую партию. Расстреляны колчаковской контрразведкой.

«В ДУХЕ НЕПРИМИРИМОГО БОЛЬШЕВИЗМА»

В этом разделе представлены документы и материалы, характеризующие деятельность М. Н. Рютина в 1924—1930 годах. Это прежде всего отрывки из его выступлений на XIV и XV съездах партии, фрагменты больших публицистических работ — «Партия и рабочий класс» и «Сменовеховцы и пролетарская революция», позволяющие сделать вывод, что Мартемьян Никитич по праву выдвинулся в число видных теоретиков партии. С одной стороны, он был постоянно в гуще партийных масс, остро чувствовал и знал подлинные настроения рабочих и крестьян. С другой — присутствовал на съездах, пленумах, конференциях ВКП(б), участвовал в выработке практической политики партии. Поэтому не случайно Рютин одним из первых уловил нелояльность, двуличие Сталина и его окружения, осознал, какую опасность для страны и революции таит в себе поворот 1928 года. Эта угроза проистекала из возведения в систему чрезвычайных мер по обеспечению хлебозаготовок, а затем — из методов насильственной коллективизации деревни.

Такую политику Рютин расценивал как разрыв с ленинизмом, почему и вел борьбу за ленинское понимание партии прежде всего как политического руководителя трудящихся в социалистическом строительстве.

Книги Рютина «Партия и рабочий класс», «Единство партии и дисциплина», «Сменовеховцы и пролетарская революция» были рассчитаны главным образом на низовой партийный актив. Наряду с теоретическими проблемами они затрагивали конкретные практические вопросы, с которыми приходилось сталкиваться партячейкам в повседневной работе. Беспартийная власть, стихийность и сознательность в рабочем движении, пролетариат и мелкобуржуазная стихия, партия и интеллигенция, борьба против буржуазии города и деревни — эти и многие другие вопросы ставились автором в работах.

Отношение Рютина к кулачеству («кулачество нам разрушать невыгодно») резко отличалось от тех предложений, с которыми выступал Л. Б. Каменев, отстаивавший жесткую политику репрессий и террора и запугивавший всех кулацкой опасностью. Позднее именно Каменев в речи на XVII съезде партии назовет Рютина кулацким идеологом. И с этим определением его работы на долгое время угодят на полки отделов специального хранения в библиотеках, а его взгляды будут приравнены к кулацкому обрезу, из которого убивали сельских активистов. Но это было делом недалекого будущего. А пока брошюры М. Н. Рютина рекомендовались для изучения в политкружках и служили своеобразным пособием для коммунистов Ленинского призыва.

Работа «Партия и рабочий класс» написана Рютиным по итогам XIII съезда РКП(б) в 1924 году. К этому времени стратегия и тактика правящей партии стали определяться фактором не только восстановления страны, но и развития всех сфер жизни государства. Поэтому в работе рассматривается актуальная для того времени проблема отношений партии с рабочим классом и другими слоями населения России. Рютин обращает внимание на политическое воспитание широких партийных масс и рабочих в духе острой непримиримости к буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, к любым проявлениям инакомыслия.

Брошюра «Сменовеховцы и пролетарская революция» была написана М. Н. Рютиным, когда он работал в Юго-Восточном бюро ЦК РКП(б), и издана в 1924 году кооперативным издательством «Прибой» в Ростове-на-Дону. В ней рассматривался комплекс сложных проблем, связанных с идеологической борьбой против сменовеховства.

Зародившееся в 20-х годах в среде русской эмигрантской интеллигенции это идейно-политическое течение получило свое название от сборника статей «Смена вех», который был выпущен группой эмигрантов в Праге в 1921 году. В него вошли статьи Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Лукьянова, С. С. Чахотина и Ю. Н. Потехина. Почти все авторы сборника — юристы, философы, публицисты — видные деятели кадетской партии. Они выступали за сотрудничество с Советской властью, призывали не только отказаться от вооруженной борьбы, но и решительно противодействовать попыткам возобновления гражданской войны. С введением нэпа и оживлением капиталистических элементов в экономике страны сменовеховцы связывали свои надежды с постепенным перерождением диктатуры пролетариата в общенародное государство буржуазного типа.

Такая их позиция обусловливала двойственное отношение к ним Советской власти и Коммунистической партии. Положительно воспринимался их призыв к гражданскому миру, сотрудничеству и воссозданию России. Но уже в августе 1922 года в решениях XII Всероссийской конференции РКП(б) сменовеховство квалифицировалось как идеология нэпманов и кулачества. Партия в своей практической деятельности ориентировалась на разоблачение реставраторских тенденций сменовеховства.

Рютин подробно рассматривает и анализирует основные произведения сменовеховцев с точки зрения победившего класса, с партийных позиций. Глубокий анализ — отличительная черта его работы. Этим она выгодно отличалась от литературы агитационно-пропагандистского характера, которая часто критиковала все без должной аргументации. Надо иметь в виду, что преобладание полемики над научным анализом было характерно для партийной публицистики 20-х годов, а крепкие выражения становились подчас ее основными аргументами.

Когда в Москве собрался XIV съезд партии, М. Н. Рютин уже работал в столичной парторганизации. Еще в ходе так называемой литературной дискуссии в связи с изданием «Уроков Октября» Л. Д. Троцкого Мартемьян Никитич опубликовал в партийной печати статьи, где отстаивал единство партии. Эти же вопросы выдвинулись на одно из первых мест в период подготовки к XIV съезду партии, что было связано с выступлением лидеров «новой оппозиции» во главе с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым.

После смерти Ленина они со Сталиным сосредоточили в своих руках все партийное и государственное руководство, направляя усилия на политическую дискредитацию Троцкого. Острейшая внутрипартийная борьба сопровождалась двумя большими дискуссиями. Раскол в руководящем слое большевистской партии, об опасности которого предупреждал В. И. Ленин, стал реальностью. Некогда единый монолит большевизма дал трещину, которая все время расширялась. Непримиримость сторон полностью исключала конструктивный диалог, поиск взаимоприемлемых решений. Инакомыслие в партии становилось недопустимым, преступным. В этой борьбе большинство

партийных работников среднего уровня поддержали Сталина, Зиновьева, Каменева.

Однако вскоре начался новый этап внутрипартийных распрей. Наметившиеся расхождения в экономической политике, а также претензии Каменева и Зиновьева на роль единственных теоретиков в партии и государстве привели к оформлению «новой оппозиции». Выступление Зиновьева с содокладом на XIV съезде было неожиданным для делегатов, не посвященных в закулисные тайны внутрипартийной борьбы. Многие из них, в том числе и Рютин, знали, какую роль сыграли Каменев и Зиновьев в выдвижении Сталина, но их предупреждения о вождистских тенденциях Сталина не были поняты и услышаны.

Вслед за Бухариным Рютин открыл прения. Подобно большинству делегатов съезда, он осудил взгляды «новой оппозиции» и сам факт выступления члена Политбюро Г. Е. Зиновьева. Это была точка зрения не только лично Рютина, а партийного актива, который он представлял на съезде. Текст выступления публикуется по Стенографическому отчету XIV съезда ВКП(б), изданному в 1926 году.

XV съезд проходил в переломный для партии и Советского государства период. Закончился восстановительный этап. Необходимо было определять дальнейшие пути экономического и социального развития. Однако эти проблемы не были проработаны, поэтому с повестки дня съезда был снят вопрос об утверждении первого пятилетнего плана. Лучшие силы теоретиков и организаторов партии были заняты дискуссией. Объединенная «левая» оппозиция пыталась апеллировать к партийным массам и рабочему классу. Однако ни в партии, ни у рабочих они поддержки не получили. Это особенно ярко продемонстрировали события 7—8 ноября 1927 года в Москве и Ленинграде, где оппозиционеры пытались устроить митинги в свою поддержку. 14 ноября Троцкий и Зиновьев были исключены из партии, а участь остальных предстояло решать XV съезду.

М. Н. Рютин был уже признанным вожаком московских коммунистов, наиболее теоретически грамотным среди секретарей райкомов партии столицы. На XV партийный съезд его избрали делегатом от Московской партийной организации. Съезд начал работу 2 декабря, а 6 декабря на утреннем заседании выступил Рютин.

Центральное место в его речи заняла проблема борьбы с оппозицией. Мартемьян Никитич резко критиковал

Л. Б. Каменева, сравнивал оппозиционеров с героем мейерхольдовского спектакля «Мандат», обращался к работе К. Маркса «18 брюмера Луи Бонапарта».

Он искренне верил, что оппозиция полностью порвала с ленинизмом, и неправильно оценивал положение в партии. Как и большинство делегатов, Рютин голосовал за исключение активных оппозиционеров из партии. Уже после съезда решением ЦИК исключенных из ВКП(б) выведут и из выборных советских органов, а специальная комиссия ЦИК СССР во главе с В. М. Молотовым будет проводить чистку государственного аппарата от оппозиционеров. В конечном итоге это привело к отсечению от политического руководства большой группы представителей старой партийной гвардии. Таких последствий М. Н. Рютин предвидеть не мог. Однако пройдет совсем немного времени, и уже весной 1928 года он столкнется со своим главным и могущественным противником — И. В. Сталиным и так же мужественно вступит с ним в неравную борьбу. Текст выступления публикуется по Стенографическому отчету XV съезда ВКП(б), изданному в 1928 году.

Партия и рабочий класс

I

XIII съезд и Ленинский призыв

«Поражение буржуазии и победа пролетариата одинаково неизбежны». Так сказали учителя рабочего класса Маркс и Энгельс 75 лет тому назад. Теперь это научное предсказание основоположников коммунизма осуществляется...

Мы власть завоевали, но социалистическое строительство, укрепление Советской власти, борьба с нарождающейся буржуазией и международным капиталом требуют от нас еще большей политической сознательности.

Новая экономическая политика представляет из себя ухабистую дорогу к социализму. А другой дороги нет! Проехать по этой дороге надо умеючи, а то и нашу советскую телегу можно спустить под откос, и самим себе сломить голову. Надо смотреть, что называется, в оба. А для этого мы прежде всего обязаны всемерно укреплять наши партийные ряды — Российскую Коммунистическую партию (большевиков).

Только при том условии, если мы самые широкие партийные массы будем воспитывать в духе непримиримого воинствующего большевизма — ленинизма, только тогда мы сможем сказать, что имеем наилучшую закалку и против опасностей нэпа, и против наших врагов.

Поэтому к этой закалке должны стремиться все члены партии. Поэтому и XIII съезд нашей партии поставил целый ряд задач по дальнейшему политическому воспитанию членов партии, в особенности Ленинского призыва. Для того чтобы еще сильнее укрепить в РКП рабочее ядро, съезд обратил особое внимание на дальнейшее вовлечение в партию рабочих от станка. В связи с этим чрезвычайно сильно расширяется воспитательная работа и среди беспартийных рабочих масс. Съездом обсуждены также вопросы нашей работы среди деревенской интеллигенции...

Обратимся поэтому прежде всего к тому, какую роль в борьбе рабочего класса за уничтожение капиталистического гнета и утверждение пролетарской диктатуры играет коммунистическая партия.

II

Коммунистическая партия — вождь рабочего класса

1. Что такое беспартийная власть

Во время кронштадтских событий [1]* Милюков вместе с меньшевиками и эсерами говорил: «Мы не против Советской власти. Только мы за беспартийную Советскую власть. Мы боремся против большевиков, а не против власти рабочих и крестьян». Рабочие и крестьяне им не поверили. Они чутьем поняли, что если будет свергнута Советская власть, во главе которой стоят большевики, то никакой другой Советской власти не будет, а будет снова власть помещиков и капиталистов...

Беспартийная Советская власть была бы лишь кратковременным переходным моментом к открытому господству буржуазии. А этого-то Милюкову и компании только и нужно было. Вот почему они так ратовали за беспартийные Советы... Беспартийной власти и в будущем не будет до тех пор, пока существует сама власть, пока существуют классы и классовая борьба...

---

* Примечания составителя помещены в конце каждой работы.

Но... у рабочих должен быть свой авангард, свой передовой отряд, своя партия, которую рабочие всемерно должны укреплять и поддерживать. Без сильной, хорошо организованной, сплоченной партии, сознающей полную непримиримость интересов пролетариата с интересами буржуазии, рабочие не могут добиться своего экономического и политического освобождения, завоевать власть. Это доказывают факты...

2. Что такое Коммунистическая партия

Коммунистическая партия — это самая сознательная, самая активная, закаленная и передовая часть рабочего класса. Кроме того, в Коммунистическую партию входят лучшие представители из других классов, которые переходят на точку зрения пролетариата, и лучшая часть которых обычно целиком и безоговорочно порывает со своим прошлым и связывает свои судьбы с судьбами рабочего класса и пролетарской революции.

Коммунистическая партия всегда борется за интересы всего рабочего класса. Коммунистическая партия видит дальше, чем беспартийные рабочие. В борьбе с классовыми врагами она использует весь прошлый опыт, чтобы вернее наносить удары. Коммунистическая партия как бы сосредоточивает в себе все классовое сознание рабочих, их волю и их ненависть к капиталистической эксплуатации и порабощению. Кроме того, партия действует организованно, дружно; у нее имеется определенная программа, которую она проводит в жизнь: все это увеличивает ее силы...

3. Наша ненависть к буржуазии

...Ненавидеть буржуазию, ненавидеть капиталистическую эксплуатацию, ненавидеть продажный буржуазный порядок нужно, нужно ненавидеть всей душой...

Если бы мы, Российская Коммунистическая партия (большевиков), руководствовались одной ненавистью, мы никогда не победили бы и были бы давно разбиты.

...Классовую ненависть нужно всегда подчинять классовому коммунистическому сознанию...

Пролетарская партия с несгибаемым мужеством преодолевала одно препятствие за другим, наступала, отступала, снова наступала, делала обходные движения, призывала к бодрости упавших духом и на всем протяже-

нии своей борьбы не изменила своего лица, оставшись партией пролетариата.

Этот огромный опыт борьбы служит сейчас ценнейшей школой для рабочих всего мира. Но на этом же опыте в дальнейшем должны будем учиться еще и мы сами — беспартийные рабочие и члены партии, в особенности молодые члены партии, вошедшие и входящие в наши ряды. На этом опыте нам нужно учиться потому, что впереди перед нами лежит все еще не гладкая дорога.

4. Трудности, лежащие впереди

Нам предстоят новые битвы за коммунизм, за мировую пролетарскую революцию, у нас будут победы, и в конечном счете мы победим несомненно, но у нас могут быть и неудачи, могут встретиться очень трудные, тяжелые моменты, когда придется бороться, стиснув зубы. И вот кто из членов партии, в первую очередь, и из рабочих вообще не хочет в такие моменты болтаться из стороны в сторону, сожалеть о прошлых ошибках, каяться, ныть и хныкать, тот должен учиться мужеству, стойкости, выдержанности у РКП. Сколько раз нашу партию хоронили: ее хотели ликвидировать меньшевики, ее рассчитывало разгромить царское правительство, ее хоронили все контрреволюционеры, от самых черных до самых розовых, в июльские дни, ее хоронят в настоящее время русские белогвардейцы. А партия, вопреки всему, крепнет и увеличивает свои силы. На ее прошлом, на опыте всего рабочего класса капиталистических стран тот, кто серьезно решил добиваться победы рабочих, должен закаляться и готовиться к грядущей борьбе.

III
Путь борьбы Коммунистической партии

1. Сознательность рабочего класса СССР

Рабочий класс нашего Советского Союза прошел очень большую школу классовой борьбы, причем бороться ему приходилось в совершенно особых условиях по сравнению с теми, в каких находится западноевропейский рабочий... Пролетариат нашей Советской Республики... еще в 1917 году в своем большинстве покончил навсегда

с попытками примирения пролетариата с капиталистическим строем. Наш рабочий класс поднялся на такую ступень классовой сознательности, до какой еще не поднимались рабочие никакой другой страны.

2. Недостатки рабочего класса

...Кто изображает наш рабочий класс совсем чистеньким, безгрешным, вполне сознательным, тот является или льстецом и на деле врагом рабочих, которого нужно рабочим гнать в шею, или просто болтуном.

Наш рабочий класс точно так же, как рабочий класс вообще, является самым революционным, самым передовым классом современного человечества. Но и наши рабочие несут еще с собой много старых взглядов, старых предрассудков, заблуждений, с которыми нам еще придется долго бороться...

А потом наши рабочие, многие из которых только недавно порвали связь с деревней, а некоторые еще и не порвали, несут с собой много остатков прошлого из деревни. Все знают, как еще много и в настоящее время в нашей советской деревне темноты, невежества и самых диких суеверий. Привычка жить по старинке, по правилу: «Наши деды так жили, и мы так проживем», недоброжелательное отношение ко всему новому — тоже в деревне распространена, хотя и уменьшается. Когда крестьянин становится рабочим, его деревенские предрассудки и суеверия городом, фабрикой, машиной безжалостно разрушаются. Вчерашний крестьянин приучается трезво смотреть на вещи, на отношения между людьми, на отношения между богатыми и бедными. Но все-таки кое-что и у многих рабочих остается...

Многие рабочие еще и в настоящее время не освободились от старых предрассудков, от старых взглядов, которые им старались прививать до пролетарской революции их классовые враги в течение многих десятков лет, а их предкам, крестьянам,— в течение многих сотен лет.

3. Как наша партия была в меньшинстве

...Наша партия, будучи партией рабочего класса, никогда не льстила ему. Она всегда брала рабочий класс таким, какой он есть, не надевая на него никаких париков, не делая из него класса «святых» или «святого класса». *Если*

бы наша партия не говорила открыто в лицо рабочему классу правды об его недостатках, она бы не была тогда его авангардом...

Могут быть в истории такие моменты, как это мы сейчас видим в Англии, Америке и ряде других стран, когда большинство рабочих выступает на деле против своих классовых интересов и его доподлинные интересы выражает иногда небольшое меньшинство...

В чем выражается задача Коммунистической партии в такой период? В том, чтоб *найти в себе смелость пойти против течения, не бояться остаться в меньшинстве, неуклонно разъясняя массам, не порывая связи с ними, их ошибки.* История гражданской войны дает нам много блестящих примеров, как должен вести себя сознательный коммунист, и, в частности, молодые члены партии могут многому поучиться на примере кронштадтского восстания.

Для нашей партии было ясно, что в Кронштадте подготовляется переворот, мы знали, что из матросов, «клёшников», среди которых было немало сынков бывших торговцев и кулаков, многие стоят за эсеров и меньшевиков, за «беспартийную Советскую власть»...

Беспартийные рабочие не могли выдержать тяжелого продовольственного положения и своим поведением сказали приблизительно следующее: «Чем так голодать, лучше отказаться от власти Советов». Коммунистическая же партия сказала: «Лучше голодать, вынести еще какие угодно страдания, какие угодно муки, но во что бы то ни стало победить». Так действовал авангард рабочего класса. *Не в хвосте тащиться, а идти впереди, удерживать уставших, колеблющихся — такова коммунистическая обязанность...*

Наша партия не меньшевистской контрреволюционной болтовней, а неисчислимыми жертвами на полях гражданской войны доказала свою безграничную преданность делу рабочего класса. Звериная ненависть по отношению к нам со стороны всей мировой буржуазии лучше миллиона всяких книг ученых профессорских сочинений доказывает, что мы — партия рабочего класса, и единственная партия рабочего класса в СССР.

Но мы хотим добиться, чтоб весь рабочий класс поднялся до сознания Коммунистической партии, причем лучшей, закаленной части партии, а не наоборот, чтоб самим спускаться до сознания отсталой части рабочего

класса, потому что высшая степень пролетарского классового самосознания — это коммунистическое самосознание, это революционный марксизм, это большевизм, это ленинизм.

4. Беспартийность равносильна отсталости

Каждый беспартийный рабочий теперь уже должен знать, что беспартийность не делает ему никакой чести. *Беспартийный человек по существу — человек политически слепой, рассуждающий по пословице: «Моя хата с краю, я ничего не знаю» и по поговорке: «Мое дело маленькое — как другие, так и я»...*

Буржуазии было выгодно и сейчас выгодно, чтоб рабочие были беспартийными. Самим рабочим, наоборот, с точки зрения правильно понятых их классовых интересов беспартийность очень невыгодна. Отсюда значит, что буржуазия будет всемерно стремиться к тому, чтоб рабочие были беспартийными, а сами рабочие, наоборот, должны стремиться к тому, чтобы стать партийными. Рабочие постоянно должны думать не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне. Кто живет успехами сегодняшнего дня, кто рассматривает все с точки зрения минутных успехов и благополучия, кто уподобляется «премудрым пискарям», тот всегда проигрывает...

5. Интересы всех рабочих и отдельных групп

Вторая обязанность коммуниста — оценивать явления с точки зрения интересов всего рабочего класса. Сейчас об этом особенно необходимо помнить молодым членам партии, рабочим, только что получающим большевистскую закалку...

Весь рабочий класс нашего Союза в целом лишь одним путем может сейчас добиваться прочного повышения заработной платы — всемерным поднятием производительности труда, увеличением нагрузки предприятий на все сто процентов, сосредоточением производства на лучших предприятиях и всемерной экономией в расходах по обслуживанию самого производства.

Для части рабочих эти меры связаны с временными лишениями, с безработицей. Скрывать этого не приходится.

Каждый сознательный рабочий, а коммунист в особенности, касается ли дело сокращения или заработной платы, обязан думать не только о себе и о своей фабрике, а о всей промышленности и сельском хозяйстве и о самой Советской власти. Кто только смотрит себе под нос, тот, значит, еще и после семи лет революции ничему не научился.

6. Разговоры о несправедливости и неравенстве

...Свергнуть власть буржуазии можно легко и быстро, а изменять самих себя, свои привычки, навыки, свои чувства — это дело очень трудное, очень длительное.

У нас есть неравенство в пределах самой Коммунистической партии: один получает больше, другой меньше, один имеет две-три комнаты, другой только одну, один пользуется машиной при поездках, другой бегает пешком. Такое неравенство тоже очень мало похоже на основное неравенство капиталистической системы. Это только остатки капиталистического неравенства. Их, понятно, тоже сразу не изживешь, для этого потребуется много времени.

Мы сейчас еще не можем установить, чтобы все члены партии получали одинаковую заработную плату, потому что для одних необходима постоянная покупка книг, журналов, им необходимо систематически следить за работой научных учреждений, потому что они специально занимаются таким трудом, для других в этом особой, острой необходимости нет. Одним чрезвычайно много приходится ездить по всякого рода заседаниям, для них дорога каждая минута, им необходимы такие хорошие средства передвижения, как автомобиль, иначе пострадает государственная работа; другие больше располагают временем: они могут пользоваться трамваем или даже ходить пешком. Всем им машин не хватает, потому приходится давать пользоваться тем, кому они особенно необходимы.

...По мере того как мы будем строить наше социалистическое хозяйство, социалистическое общество, по мере того как мы будем переделывать и самих себя, будут исчезать и эти ненавистные нам остатки прошлого.

IV
Коммунисты и мелкобуржуазная стихия

1. Кто ты прежде всего — коммунист или рабочий?

Когда одного из товарищей Ленинского призыва спросили: «Кто ты прежде всего — коммунист или рабочий?», он ответил: «Рабочий». Такой ответ свидетельствует о том, что необходимой ясности в понимании роли Коммунистической партии у нас все еще нет. ...Каждый коммунист — рабочий, интеллигент, политически подготовленный крестьянин — борется за интересы рабочего класса и имеет пролетарское коммунистическое мировоззрение... Рабочий же не каждый борется за интересы своего класса и имеет классовые пролетарские убеждения. Доказывать это не приходится...

Кроме того, тот коммунист-рабочий, который так рассуждает, противопоставляет свои интересы и взгляды интересам и взглядам коммуниста-интеллигента и коммуниста-крестьянина. А такое противопоставление прямо опасно...

На первый взгляд в приведенном нами выражении «я прежде всего рабочий» не только нет ничего плохого, но даже как будто бы подчеркивается связь с широкой рабочей массой...

Коммунистическая партия при проведении таких взглядов в жизни — должна была бы раствориться в рабочем классе.

2. Не в хвосте идти, а впереди

...Быть выдержанным коммунистом не очень просто... Рабочий своими глазами видит и руками ощупывает роль производительных сил... Но не все, что видит и ощупывает рабочий, он сознает. *Для того чтобы быть выдержанным коммунистом, все это нужно осмыслить, выработать из этого постоянные твердые взгляды, коммунистическое убеждение.*

Мало того, коммунист, который хорошо все понимает и держит про себя, тоже не настоящий коммунист, не большевик. Коммунист обязан свои убеждения проводить в жизнь, передавать другим, бороться за пролетарскую революцию, за коммунизм; он должен уметь повести за собой рабочие и крестьянские массы, завоевать среди

них авторитет и доверие; ему надо уметь своей работой показать пример другим. Коммунист, теряющий связь с массами, задирающий нос кверху, не выполняет заветов Ильича, а занимается комчванством. Надо уметь идти впереди беспартийных рабочих, руководить ими, не подыгрываться и не потакать предрассудкам, мелкобуржуазным колебаниям и в то же время даже самому темному рабочему — быть товарищем.

Взявшись за дело, коммунист его обязан выполнять с величайшей преданностью и любовью. Коммунист, работающий из-под палки, по пословице: «Пень колоти, да день проводи» — бумажный коммунист. Наконец, вера в свое дело. Есть люди-«нытики». Они только тем и занимаются, что ноют и жалуются. Ноют на свою судьбу, жалуются на свое семейное положение, жалуются без конца на всех и вся, ни во что не верят, все у них окрашено в мрачный черный цвет. Коммунист не должен быть таким. *Коммунист верит в торжество своего дела. Его ставь к стенке, угрожай пытками — хороший коммунист не поколеблется. Он сохраняет бодрость даже при самых тяжелых условиях и неудачах.* Вот что значит быть выдержанным коммунистом...

3. Мелкобуржуазная стихия и наша партия

В тяжелые моменты, во время усиления безработицы, неурожая, наступления международной буржуазии напор мелкобуржуазной стихии особенно усиливается: увеличивается колебание среди крестьянства, повышается недовольство среди политически наиболее отсталой части рабочих, поднимают голову буржуазные настроения у интеллигенции. В такой момент задача коммунистов заключается в том, чтобы не поддаться колебанию, не впасть в уныние и панику, не потерять головы, сохранить стальную стойкость.

Дискуссия [2] в особенности должна в этом отношении многому научить партийные массы. Многие товарищи-оппозиционеры и сейчас еще разводят руками и не могут понять, за что им приклеили мелкобуржуазный уклон. Между тем сейчас уже всем должно быть совершенно ясно, что корни в оппозиции лежат в усилении мелкобуржуазного напора, мелкобуржуазной стихии на пролетариат. Этому напору поддалась часть рабочего класса и часть, наименее закаленная, нашей партии и во время Кронштадта. Каждый, кто хочет разобраться в причинах

и корнях дискуссии, в первую очередь должен обратить внимание на следующее обстоятельство.

...Крестьянство было недовольно высокими ценами на продукты промышленности и низкими ценами на продукты сельского хозяйства. Это недовольство через целый ряд передаточных звеньев, через ряд станций передалось на нашу партию и заразило ее отдельные группы. Во-вторых, в тот же самый момент усилилась безработица среди рабочих и служащих. Неквалифицированная часть рабочих, политически наименее зрелая и закаленная, не могла не проявить недовольства политикой партии... И данные настроения не могли не перенестись частично в партию...

Третье — усиление нэпа. Нагулявший жирок нэпман не стал уже довольствоваться хорошим ужином... Его немного потянуло уже к политической власти, ему слишком тесна стала пролетарская диктатура, и он все чаще стал поговаривать о «демократии»...

Наконец, октябрьское поражение германских рабочих тоже подбодрило колеблющиеся мелкобуржуазные элементы надеждой на смягчение по отношению к ним пролетарской политики [3].

Вот вам и мелкобуржуазная стихия, вот вам и те соки, которыми питалась наша оппозиция, вот вам и причины тех панических настроений, которые пропитывали все выступления оппозиции. Сейчас нам надо на уроках дискуссии многому и многому поучиться. Многие оппозиционеры выступали с очень «левыми речами», кричали о том, что у нас в партии полнейший застой, что партия мертвый труп, что партия оторвалась совершенно от рабочих масс, между тем и они, очень много кричавшие о рабочих, на деле были рупором той же самой мелкобуржуазной стихии. Сейчас надо знать твердо, что мелкобуржуазные влияния, мелкобуржуазные взгляды могут часто прикрываться левыми фразами, и на деле это будет мелкобуржуазной болтовней. В 1921 году тоже некоторые члены партии кричали о нашем неверии в силы рабочего класса. Товарищ Ленин в своей статье «Новые времена, старые ошибки в новом виде» о них тогда говорил, что на деле кричащие о нашем неверии в силы рабочего класса являются бессознательными пособниками белогвардейщины.

Он учил тогда, что надо понять своеобразие нашего нового положения. Кто не хочет и не может понять этого своеобразия, кто говорит, что у нас нет былого

энтузиазма, *кому скучно, кто воротит нос от тяжелой будничной, мелкой, кропотливой, грязной работы, того он советовал лучше сдать в архив, потому что он принесет для революции больше вреда, чем пользы. Положение трудное, и именно поэтому мы должны проявлять больше выдержки и хладнокровия...*

Примечания

[1] Речь идет о мятеже 1921 года. Восставшие в Кронштадте матросы выдвинули лозунг «Власть Советам, а не партиям». Ответственность за мятеж взяли на себя эсеры, выступавшие против безраздельной диктатуры пролетариата.

П. Н. Милюков, один из авторитетных вождей кадетской партии, приветствовал мятежников и повторил лозунг П. Винниченко «Советы без коммунистов», провозглашенный в 1918 году на Украине. Кронштадтцев поддержали белые генералы. В сознании большинства партийных работников того времени, а позднее в историческом сознании прочно закрепился миф об эсеро-меньшевистском, белогвардейском характере Кронштадтского мятежа. Не был исключением и М. Н. Рютин.

Вместе с другими делегатами X съезда РКП(б) он участвовал в подавлении мятежа. Рютину было близко ленинское понимание единства партии, он видел особую опасность идеи беспартийности Советов как возможной ступеньки перехода к буржуазно-помещичьей диктатуре.

[2] М. Н. Рютин имел в виду дискуссию по вопросам внутрипартийной демократии, проходившую осенью 1923 года.

[3] Летом 1923 года в Европе начался новый подъем революционного движения. Наиболее активно выступал рабочий класс в Польше, Болгарии, Италии и Германии. Особо мощная революционная волна прокатилась в октябре 1923 года по Германии. Однако силы были неравны, и выступления европейского пролетариата были подавлены. Вновь особую остроту приобрел вопрос тактики большевистской партии по отношению к непролетарским слоям города и деревни в период социалистического строительства в условиях капиталистического окружения.

Сменовеховцы и пролетарская революция

I

Поражение революции 1905 года и сборник «Вехи»

Сменовеховцы свою родословную ведут от «Вех» [1]. Этого не скрывают и они сами. Не случайно Ключников, Устрялов, Потехин, Бобрищев-Пушкин и иже с ними

нашумевший сборник назвали «Смена вех». Не случайно, что они семи апостолам веховства противопоставили в своем сборнике также семь имен.

Бердяеву, Булгакову и Петру Струве они поклоняются даже там, где их ниспровергают. Поэтому нельзя понять природу сменовеховства, не изучив предварительно той почвы и той обстановки, из которой сменовеховство выросло.

Мало того, для изучения сменовеховства необходимо остановиться на природе нашей дореволюционной интеллигенции...

Пока до революции 1905 года резко не обострились классовые противоречия, пока интеллигенция видела перед собою только лицо российского жандарма, помещика и поддерживаемого ими фабриканта, она еще играла в революционность и кокетничала с социализмом. Эксплуатируемая капитализмом, она сама в то же время старалась эксплуатировать грядущую революцию. Но как только революция спустилась с интеллигентских высот на землю, как только она показала настоящее свое лицо, интеллигенция тотчас же попятилась назад...

Для буржуазной интеллигенции: инженеров, профессоров, адвокатов эти опасности завтрашнего дня становились еще более ощутительными, т. к. восставший рабочий класс направлял свою ненависть не только против господствующих классов, но и против их лакеев и приказчиков.

Когда революция оказалась разгромленной, интеллигенция увидела в этом демонстрацию силы самодержавно-капиталистического режима и стала перед своим господином и барином на колени. Выражением этого коленопреклонения и капитуляции перед победившей реакцией явились: у меньшевиков — загримированный ложномарксистскими фразами отказ от нелегальной работы и борьбы, стремление ликвидировать партию, у эсеров — «То, чего не было», «Конь бледный» [2], реакционно-мистические настроения, а у буржуазной интеллигенции — сборник «Вехи».

Веховцы в своем сборнике оправдание своего ренегатства обрели в борьбе со стадностью «за высшие ценности культуры». Беззаветная преданность рабочих масс революции у веховцев была окрещена «тупоумным и ограниченным позитивизмом», а служение самодержавию стало фигурировать как служение Христу...

Веховцы призывали в своем сборнике к выработке у интеллигенции нового сознания. При этом он заявляли, что она может к нему перейти лишь «через покаяние и самообличение»; они говорили: «В данный час истории интеллигенция нуждается не в самохвалении, а в самокритике». Этим самым они обеими руками расписывались в своей верноподданости самодержавно-полицейскому режиму и охранявшейся им буржуазии.

Имеется и еще одна сторона в идеологии веховцев, которую нельзя обойти молчанием,— это их славянофильство.

Если насилие буржуазии и ее империалистическую политику они склонны были преподносить рабочему классу и крестьянству как «божье» дело, то как такое же «божье» дело, как миссию, возложенную на Россию, они изображали и стремления русских помещиков и капиталистов захватить в свои руки весь бассейн Черного моря с окружающими его народами и «прибить свой щит на вратах Царьграда». С началом империалистической войны этот славянофильский империализм сделался прямо официальной программой самодержавия и наших либералов с Милюковым и Трубецким во главе [3]...

Эксплуатировавшая русскую революцию 1905 года и напуганная этой революцией, недовольная произволом самодержавия и ненавидящая пролетариат, игравшая в либерализм и таившая в себе всегда измену народным массам, буржуазная интеллигенция в «Вехах» нашла свой символ веры. Разгром рабочего движения и крестьянских восстаний для нее явились оправданием ее сделок с царизмом и буржуазией и основанием для защиты империалистической политики буржуазии и реакционно-религиозной мистики разлагавшегося дворянства.

II

Разгром контрреволюции и смена «вех»

К моменту Октябрьской революции большая часть буржуазной интеллигенции осталась на старых «веховских» позициях. Мало того, империалистическая война заставила ее пережить не одно горькое разочарование, но зато она создала целый ряд новых буржуазных иллюзий. Если для одной части буржуазной интеллигенции война принесла некоторые лишения и неудобства, то другая часть, наоборот, в империализме, когда он стал воплощаться

в плоть и кровь, увидела не только интересы капиталистов, но и свои собственные интересы. Многие инженеры стали основательно зарабатывать на поставках для армии гнилых сапог, шинелей, другие стяжали себе славу и выгоды на производстве снарядов, пушек, третья часть ее устроилась в различного рода земгорах, земсоюзах и прочих «богоугодных» учреждениях, выступавших под флагом помощи солдатам, а помогавших самодержавию осуществлять грабительские замыслы.

Естественно, что Октябрьскую революцию эта социальная группа встретила как революцию не только против буржуазии и помещиков, но и против нее. Это и на самом деле в известной мере было так. Ибо веховская интеллигенция стала идеологом буржуазии, ибо она поставила для отвратительного симбиоза самодержавия с верхушкой русской буржуазии своих литераторов, юристов, поэтов и философов...

Отсюда бешеная ненависть к пролетарской революции, отсюда желание засадить «двенадцать ножей», выражаясь языком Аверченко [4], в ее спину, отсюда всемерная защита интересов помещичьего землевладения, фабрикантов, заводчиков и банкиров, отсюда участие в десятках белогвардейских монархических заговоров, где рядом с генералами сидели светила ученого мира — профессура, врачи, адвокаты и проч.

Так продолжалось вплоть до 1921 года, когда явно обнаружилось, что положение контрреволюции в Советской России совершенно безнадежно...

И часть вчерашних веховцев решила пойти в Каноссу * на службу к новому хозяину — Советской России, капитулировать перед пролетариатом, «сменить вехи». Выражением этого глубокого кризиса, явившегося в результате сознания своего интеллигентского бессилия, и явился сборник «Смена вех».

Мелкобуржуазная интеллигенция, стоящая ближе к пролетариату, начала под давлением неумолимых законов гражданской войны сменять вехи раньше: она ближе стоит к пролетариату, легче поддается его влиянию. Некоторая ее часть пытается становиться на пролетарскую позицию уже в 1918 году. Разложение партий эсеров и меньшевиков, массовый выход из них их членов, переход рабочих в компартию и наиболее революционных элементов этой интеллигенции на

* «Идти в Каноссу» — в переносном значении — согласиться на унизительную капитуляцию.

сторону Советской власти являются одним из проявлений расслоения.

Буржуазная интеллигенция несравненно прочнее связана с капиталистическим обществом, поэтому она оставалась цельной несравненно дольше, пока окончательно не обнаружила себя прочность Советской России и никчемность всех попыток ее уничтожить.

«Приятие» Октябрьской революции некоторыми сменовеховцами высказано было в чрезвычайно торжественных патетических формах...

Для сменовеховцев смена вех является выводом из поражения контрреволюции, признанием ошибочности своих старых политических шагов, но не приятием коммунизма...

Тут мы видим, что не только потому веховцы сменяют вехи, что иного выхода нет, но и потому, что дальнейшая война им невыгодна. Тут, в смене вех, мы имеем уже прямо определенный тактический шаг, определенную стратегию буржуазной интеллигенции, побежденной пролетарской революцией. Поэтому когда Чахотин [5] громогласно призывает в Каноссу, к признанию, что игра проиграна, то здесь мы видим, что это признание под углом зрения сказанного Бобрищевым-Пушкиным весьма относительно и таит в себе наряду с капитуляцией и новую борьбу новыми методами, новой тактикой. А так как планы сменовеховцев еще сейчас значительная часть буржуазной интеллигенции не понимает, то Потехин в своей статье «Физика и метафизика русской революции» в том же сборнике «Смена вех» ее поучает, чтобы она не смущалась, потому что «принять исторический факт — не раболепство перед силой... Государственный человек прозревает будущее».

Господин Потехин хочет сказать, что мы, мол, сменовеховцы, государственные мужи, прозреваем будущее и видим, что это будущее будет наше. Только добьемся мы его другими способами, другими методами. Нужно отказаться от максимализма претензий, но минимум их можно, конечно, сохранить. Маркс говорил, что оружие критики неизбежно превращается на определенной стадии обострения классовой борьбы в критику оружия. Потехин рассчитывает, что если критика оружия не дала необходимых результатов, то авось оружие критики и соответствующая сменовеховская органическая работа в советском аппарате, советском государстве дадут те же результаты.

Сменовеховцы очень обижаются, когда мы их подозреваем в скрытых намерениях и в стремлениях защищать не то, что они называют именем Советской России. Но и здесь их классовая природа может сказываться независимо от их субъективных желаний и настроений. *Господа сменовеховцы тоже основательно «косят»: один глаз смотрит в уголок, а другой под порог; один глаз смотрит на Советскую Россию, а другой на капиталистический строй; один на Ленина, а другой на Струве...*

Мы сейчас провозгласили новую экономическую политику, в рамках которой производительные силы в определенной части и размерах будут развиваться на капиталистической основе. Мы рассчитываем и стремимся эти производительные силы направить в русло социалистического строительства. Рабочий класс в известной мере чужими буржуазными руками стремится делать свое социалистическое дело. Сменовеховцы, наоборот, строят свои расчеты на том, что при определенной тактике им коммунистическими руками удастся сделать буржуазное дело.

Тут в своих иллюзиях сменовеховцы не одиноки. Надежды на внутреннее перерождение объединяют всю нашу заграничную эмиграцию. Об этом дни и ночи мечтают меньшевики на страницах своего «Социалистического вестника», этим утешают себя в своей горькой доле бывшие министры бывшего Временного правительства бывшей Февральской революции из партии социалистов-революционеров, об этом не прочь поговорить рулевые из «Руля» и Милюков в своей ученой белогвардейской газете «Последние новости» [6]. Следовательно, здесь, в этих иллюзиях, Ключников, Устрялов, Чахотин и их последователи стоят на общей контрреволюционной платформе. Разница только та, что сменовеховцы с уничтожением Советской власти хотели бы сохранить, до поры до времени, ее внешнюю вывеску, ее фасад и кое-какие третьестепенной важности мероприятия Советской власти. Им желательно кроме того, чтобы все это совершилось без потрясений, незаметно для окружающих — для самого рабочего класса и даже для самих большевиков. Остальная же часть эмиграции хотела бы при первой же возможности из начавшегося перерождения сделать соответствующие выводы в виде новой борьбы с большевиками, рабочим классом и укрощения их посредством белого террора.

XII съезд партии, однако, показал, что как надеждам

сменовеховцев, так и просто веховцев не суждено осуществиться. Российская Коммунистическая партия в полной мере сознает стоящие перед ней опасности и принимает все меры к их преодолению и устранению. Наши враги в критике нами своих недостатков видят нашу слабость, мы же обретаем в этом в действительности свою силу. Мы критикуем самих себя затем, чтобы тем успешнее, совсем иного рода орудием, критиковать капиталистический мир, чтобы, наконец, покончить с ним навсегда.

III

Прошлое в настоящем и настоящее в прошлом

Сменовеховцы смотрят не вперед, а назад. Они настоящее, несмотря на приятие Октябрьской революции, видят в прошлом и идеологически прошлое переносят в настоящее. Уже название «Смена вех» свидетельствует, что последователи этого направления не хотят терять преемственности с прошлым. Но эта преемственность идет, конечно, несравненно дальше. Дух сменовеховства, его нутро, общая трактовка вопросов, это старое веховство, только побежденное революцией.

Сменовеховцы и сейчас падают ниц перед мистикой государства и национального духа. Для них государство — это не организация классового господства, а организация народов с определенными темпераментами и с присвоенными ими какими-то необъяснимыми путями национальными чертами. Мало того, веховцы прикрывали свои империалистические потребности и устремления славянофильством. Сменовеховцы тоже славянофилы, еще больше, чем их прародители. Для них пролетарская революция в России в конечном счете определяется свойствами русского народа, его революционным темпераментом...

По Ключникову [7], выходит так, что как будто бы чуть ли не вся Октябрьская революция, жесточайшая гражданская война, интервенции были результатом сплошного удручающего непонимания. Здесь в непонимающие уже попадают такие господа, как Ллойд Джордж, Бриан и другие матерые акулы международного империализма и банковского капитала. Между тем Ллойд Джордж еще недавно выболтал цели борьбы, ведшейся им с Советской Россией. Он заявил в парламенте: «Я всегда боялся реальной России», то есть России рабочих и крестьян. Для него нужна была не реальная Россия, а Россия — самодержавия, Россия — холоп английской и французской буржуазии, Россия — жандарм Европы. Как видите, Ллойд Джордж прекрасно понимал, за что он воюет. А вот господин Ключников в 1923 году, когда даже маленькие детишки знают о причинах гражданской войны и контрреволюционной позиции интеллигенции, говорит о ее непонимании.

...Для Устрялова причины революции все еще в каких-то «нравственных глубинах», в какой-то «своеобразной правде»... Какие-то «нравственные глубины» на самом деле суть не что иное, как классовые интересы и сознание рабочих и крестьян.

...Устрялов идет дальше. Он прямо готов объединить пролетарскую революцию и старую самодержавную поповщину. Слушайте: «Над Зимним дворцом, вновь обретшим гордый облик подлинно самодержавного величия, дерзко развевается Красное знамя, а над Спасскими воротами, по-прежнему являющими собой глубочайшую историческую и национальную святость, древние куранты играют «Интернационал» («Смена вех», стр. 48). Таким образом, Ленин благополучно оказался объединенным с патриархом Гермогеном, а Троцкий — с Мининым и Пожарским. Понятно после этого, что Устрялов в 1921 году не мог еще разобраться, что же лучше: самодержавие, символом которого является Зимний дворец, или пролетарская революция, символом которой является Красное знамя. И не разобравшись, он решил, что самодержавие можно объединить с Октябрьской революцией. Мистика государства, о которой трактует и этот автор сборника, оказывает в этом необходимую поддержку.

По мнению сменовеховцев, теперь оказывается, что славянофилы являются родными братьями коммунистам и что коммунизм ни больше ни меньше как видоизмененное славянофильство. На этот счет интересные строки можно найти в брошюре В. Львова, быв. члена Временного правительства [8], озаглавленной «Советская власть в борьбе за русскую государственность» (издание автора. Берлин, 1922).

От Львова мы узнаем, во-первых, что славянофилы были ближе к народам Запада, чем западники. Оказывается, Белинский, Огарев, Чернышевский и др. западники, преследовавшиеся самодержавием, боровшиеся за раскрепощение крестьянских масс, были дальше от народа,

чем славянофилы, защищавшие особые пути России, то есть русскую косность, служившую опорой царизма и полицейско-помещичьего произвола. Во-вторых, мы узнаем, что старое славянофильство и новая Советская власть протягивают друг другу руки. «В новизне твоих преобразований старина наша слышится»,— полулирически, полуиронически восклицает Львов.

Советская власть, Российская Коммунистическая партия большевиков, которая всеми фибрами своей души ненавидит нашу культурную отсталость,— эти особые пути развития,— она зачисляется по ведомству славянофилов: партия, имеющая в арсенале своего мышления орудие исторического материализма, сваливается в одну кучу с группой религиозных мистиков и реакционеров. Такие смененные вехи еще основательно пахнут старыми.

В-третьих, Львов нас осведомляет, что еще двадцать лет тому назад один славянофил, ничего общего с коммунизмом не имевший, уверенно говорил ему, что «если суждено какому-либо народу осуществить в мире полную справедливость, то это будет русский народ»...

IV

На великом историческом перепутье, или в дебрях идеализма

Сменовеховцы чувствуют, что они находятся «на великом историческом перепутье». Но что представляет из себя это перепутье, они не могут толком уяснить...

Во всяком случае, и поныне Ключников и его последователи очень побаиваются пролетарской революции. То, что сейчас происходит, по их мнению, оказывается и трагическим и иррациональным... Книжка Ключникова является до некоторой степени философией истории сменовеховства, поэтому на ней лучше всего видно бессилие сменовеховцев осознать тот великий исторический переворот, который они якобы сейчас решительно приемлют. Наоборот, господа ученые мужи, как общий ход исторического развития, так, в частности, и Октябрьский переворот обнаруживают глубочайшую закономерность, вытекающую в последнем счете из развития производительных сил...

Они, будучи в прошлом последователями веховской идеологии, в течение полутора десятков лет с усердием,

достойным лучшего применения, и бичом, и обсахаренной приманкой изгоняли из рабочего класса «бесов» революции, они, с начала империалистической войны совсем уверовавшие в то, что этих бесов уже окончательно изгнали, в Октябрьской революции, однако, увидели, что эти «бесы» перевернули вверх дном весь самодержавно-капиталистический порядок. Как же тут не заговорить о иррациональности и о чудесах?

Но Ключников с первого же абцуга * выдает себя не только как бывшего веховца, но вместе с тем он сразу же рекомендует себя как неисправимого идеалиста, на каждом шагу впадающего в противоречие с самим собою и со здравым смыслом. Исторический процесс, оказывается, иррационален, главным образом, «благодаря человеку». Человек — виновник того, что история идет не теми путями, которыми бы хотелось буржуазным профессорам-утопистам. Человек портит все дело. Но ведь если бы не было человека, не было бы и самого исторического процесса. Зачем же говорить «главным образом», как будто без человека историческое развитие было бы более рациональным...

И не всякое вмешательство человеческой воли делает исторический процесс наиболее рациональным и планомерным.

Вмешательство воли господствующих классов в ход исторического процесса делает его только еще более противоречивым, болезненным, полным всяких неожиданностей, весьма закономерных «иррациональностей». Для Ключникова и сменовеховцев его толка движущие силы исторического развития остались тайной за семью печатями. Поэтому-то и на всей его книге лежит отпечаток полнейшего бессилия и теоретических заблуждений...

Корни лежат в развитии производительных сил, в экономике данного периода и тех классовых взаимоотношениях, кои вырастают на почве этой экономики. В практической деловой жизни данные положения господствующие классы признают полностью. Их, как разменную монету, в обычных рассуждениях целиком используют сменовеховцы на страницах «Накануне» [9], а когда нужно теоретически обосновать свои взгляды, тут сменовеховцы начинают жевать старую идеалистическую жвачку: «Динамика общественной жизни всецело обязана своим существованием динамике человеческого духа»...

---

* Здесь: абзаца *(нем.)*.

Вместе с развитием производительных сил — за ними, подчиняясь им, следует и динамика человеческого духа. Сменовеховцы со своим «приматом» духа над материей свидетельствуют только о том, что они оглушены революцией, но не поняли ни ее алгебры, ни ее философии. *Они собираются произвести, если судить по книге Ключникова, революцию в философии истории, между тем они остались чистейшими профанами в философии революции.*

V
Ключников и Козьма Прутков

...Короли банков и бирж будут бороться за обладание углем, железом, нефтью, могущественнейшие тресты будут вести между собою самую ожесточенную конкуренцию и делить сферы влияния в Месопотамии, Персии, Китае, а рационализированная политика эти противоречия будет мазать сменовеховским лампадным маслом примирения. Такими утопическими приемами нельзя примирить, г. Ключников, не только противоречия господствующих классов, но и противоречия в вашем мозгу.

Капиталистическая политика, а господин Ключников говорит именно о капиталистической политике, рационализована больше, чем надо. Она превосходно обслуживает алчные аппетиты всей финансовой олигархии. Если в чем международная буржуазия и хотела бы сейчас рационализировать свою политику, так только в том, чтоб буржуазную демократию поскорее заменить фашистской диктатурой...

Идя дальше, Ключников останавливается на основании политических группировок и после анализа делает вывод: «В их взаимной борьбе всегда обнаруживается действие *четырех основных политических темпераментов: ретроградного, консервативного, прогрессивного и революционного*». Час от часу не легче: иррациональность политического процесса благодаря человеку, рационализация политики как панацея для преодоления этой иррациональности и теперь политические темпераменты как основа политических группировок. После таких откровений можно подумать, что профессор свалился на землю с луны или, по крайней мере, спал непробудным сном лет 200. Однако в 1923 году для таких предположений чрезвычайно мало оснований. Поэтому остается

предположить одно: что над профессором шутит его логика и эрудиция.

«Если на клетке слона прочтешь надпись «буйвол», не верь глазам своим»,— говорит Прутков, а Ключников пишет: «Если на клетке, которая называется капиталистическим государством, прочтешь надпись «империалистический национализм», тоже не верь глазам своим и читай наоборот: «интернационализм».

Как же это так, уважаемый профессор? Неужели у национализма и интернационализма предельные устремления одинаковы? Насколько нам известно, конечной целью империалистического национализма является господство над миром на основе частной собственности посредством насильственного подавления всяких национально-освободительных движений, а конечной целью интернационализма является уничтожение частной собственности и международная солидарность на основе солидарности интересов! Там конечной целью является господство мировой финансовой олигархии, здесь — уничтожение всякого классового господства. Не так ли это, господин профессор?..

VI
Сменовеховцы и октябрьская революция

...Веховцы ждали торжества либерализма сверху, сменовеховцы ждут его снизу. Новая экономическая политика в особенности правое крыло сменовеховства окрыляет большими надеждами. Для них это «спуск на тормозах», это переход от утопии к учету обнаженной действительности.

Для нас новая экономическая политика — продолжение нашей политики 1917 г., а военный коммунизм, в основном оправдавший себя своими победами,— необходимая стратегия в обостренной гражданской войне, для них военный коммунизм — утопия, а «мир с мировой буржуазией», концессии иностранным капиталистам — экономический Брест большевизма. Мы говорим, что военный коммунизм был так же неизбежен и необходим для того, чтобы сломать вооруженное и экономическое сопротивление господствующих классов, как и новая экономическая политика для следующего относительно мирного периода в целях сохранения необходимого союза между

рабочим классом и крестьянством, в целях использования капиталистических методов организации производства для социалистического «накопления», а Устрялов еще в своей «Патриотике» торжественно возвещал, что для спасения Советской власти мы жертвуем коммунизмом.

Ошибся маститый сменовеховец.

Именно с новой экономической политикой в Союзе Советских Республик началась работа по созданию коммунистического хозяйства. Работа, конечно, чрезвычайно трудная, делаются только первые шаги, но она началась. Оздоровление государственной промышленности налицо. Работы по электрификации нашего Советского государства с трудом, но подвигаются вперед...

Сменовеховцы изображают будущее СССР так же, как в писаниях святых изображается царство небесное. У святых по этим писаниям имеются свои хоромы, прислуги, там растут хорошие фруктовые деревья и прочие земные прелести.

Чахотин тоже «фруктовые деревья» капиталистического мира мысленно переносит в Советскую Федерацию. Но этого не видать Чахотину. В данный момент, после того как два года тому назад он изрек свое пророчество, история ведет речь не о нарождении новых партий в СССР, а лишь о ликвидации старых.

«Старческая болезнь» сменовеховцев видна и в том, что они к нашей революции применяют старую мерку Великой французской революции...

VII

Сменовеховцы, классы и интеллигенция

Подавляющую массу сменовеховцев тянет в лоно буржуазной демократии. Но само по себе сменовеховство есть интеллигентское движение. Трагедия сменовеховцев в том, что у них нет своей массы, на которую они могли бы опереться.

Нарождающийся нэпман этой массы пока не представляет, хотя сменовеховцы нэпмана представлять готовы. Отсталые трудовые элементы народных масс СССР, боровшиеся против революции и попавшие в ряды эмиграции, правда, тоже сменяют вехи. Большинство их даже уже сменило, но они это проделывают своим способом. Придя твердо к выводу, что они заблуждались, борясь

против пролетарской революции, они возвращаются в Советскую Республику и здесь становятся в ряды тех трудящихся масс, которые победоносно защитили пролетарскую революцию... Русская интеллигенция, та, что прошла через горнило гражданской войны и была под ее ударами, также представляет из себя ничтожную аудиторию для сменовеховских идеологов, ибо она уже раньше вынуждена была, сначала по необходимости, а затем частью и по осознанию положения, сменить вехи. Таким образом, перспективы у сменовеховцев далеко не блестящи...

Отсутствие твердой классовой подпочвы еще больше, естественно, предрасполагает сменовеховцев к разговорам о внеклассовой природе интеллигенции. На этот счет в их печати можно встретить весьма любопытные рассуждения. Роль интеллигенции в революциях 1905 г. и Октябрьской хорошо известна рабочему классу. Однако Ключников в своей статье «Смена вех», не смущаясь, в 1922 году заявляет, «что по общему настроению русская интеллигенция 1905 года была по преимуществу большевистскою»...

По мнению сменовеховцев, интеллигенция играла исключительно выдающуюся роль в революциях 1905 года и 1917 года. Эту выдающуюся роль они пророчат ей и на будущее. Восторжествовавшая революция, думают они, сделает из нее единую мощную социальную силу...

Для них нет классов, а есть *народ*. Нет классовых интересов интеллигенции, а имеются увлечения и заблуждения...

Те из сменовеховцев, что мечтают о подчинении себе Советской власти, жестоко разочаруются. Их расчеты тщетны. Интеллигенция играла служебную роль при капитализме, она будет играть служебную роль и при Советской власти...

Колесо истории нельзя повернуть обратно, точно так же нельзя вернуть к жизни самыми таинственными профессорскими заклинаниями умирающий капиталистический строй.

VIII

РКП, сменовеховцы и белогвардейская эмиграция

...Прежде всего, бесспорно, что подавляющая масса сменовеховцев относится отрицательно к коммунистическому марксистскому мировоззрению. Мы — материали-

сты, они — идеалисты. Мы — диалектики, они — метафизики. Они на революционный марксизм смотрят приблизительно так же, как смотрели буржуазные ученые, публицисты и до пролетарской революции. Статья Чахотина «Интеллигенция, сменовеховцы, коммунизм», которой мы коснемся в дальнейшем, документирует сменовеховские антипатии к мировоззрению революционного пролетариата.

Дальше, отношение к религии. Мы, коммунисты,— атеисты, сменовеховцы о своих религиозных убеждениях молчат. Но и молчание иногда является доказательством. Их отвращение к материализму, их предрасположение к веховской мистике, естественно, предрасполагает их и к богоискательству. И надо полагать, что из идеологов сменовеховства мы найдем немало религиозных людей. Там, где господствуют сверхъестественные силы, где дух чинит над материей свои расправы, там без творца, «провидения» или, по крайней мере, без десятка добрых и злых духов не обойтись.

Затем, сменовеховцы приемлют Советскую власть.

Но Советская власть в СССР — это диктатура пролетариата и в то же время диктатура Коммунистической партии *. А сменовеховцы очень не прочь были бы диктатуру партии заменить «демократическим» разделением власти между несколькими партиями.

Отношение непосредственно к самой партии у различных групп сменовеховства различное. Если левое течение спокойно относится к успехам РКП и Коммунистического Интернационала, то правое и наяву и во сне видит ослабление коммунистических рядов и коммунистического влияния на рабочие массы...

Сменовеховцы «левого» направления отмечают, наоборот, успехи коммунизма, но отмечают тоже по-своему — не действенно, а как доброжелательно настроенные, просвещенные обыватели. Они не сожалели бы, если бы этих успехов и не было. Призма «национальных» интересов, мистика государства застилают им глаза, и они не видят исторических перспектив.

Собственно говоря, вся работа газеты «Накануне» и проходит под флагом защиты России. *«При этом они защищают Советскую Россию не потому, что она Советская, а потому, что она для них прежде всего «Россия»*...

* М. Н. Рютин имел в виду руководящую роль Коммунистической партии в практическом осуществлении задач диктатуры пролетариата.

С кадетской, эсеровской и меньшевистской эмиграцией сменовеховцы ведут, конечно, непрестанную полемику. Нет таких эпитетов, которыми бы не величали те и другие друг друга. Тем не менее это все же только враждующие группы одного и того же класса. Прав Милюков, сказавший однажды, что у сменовеховцев *нет своей новой идеологии, а есть только тактика*. В самом деле, в чем различие? «Накануне» надеется, что *поддержка* Советской России даст торжество могучему русскому либерализму, а Милюков и Кускова рассчитывают добиться его торжества *союзом с международным империализмом и низвержением Советской власти*...

Как это ни будет обидно сменовеховцам — они являются политической поденкой. Осень белогвардейской эмиграции будет вместе с тем и осенью сменовеховства... Сменовеховцы в известной мере могильщики белой эмиграции, но вместе с тем и собственные могильщики. Такова диалектика истории.

IX
Против революционного марксизма

...Идеологи буржуазии учитывают, *что вырвать у пролетариата его боевое теоретическое оружие — это значит уже разоружить его наполовину*. И они дружным реакционным хором, в котором на правой стороне басят гг. Сорокины, Випперы и Франки, а на левой им тенорком подтягивают Чахотины, усиленно стараются убедить рабочих в том, что марксизм-де сейчас уже устарел и этот идеологический «каменный топор» нужно выбросить им за борт...

Материалистическое мышление выбивает почву из-под ее господства. Диалектика движения материи и развития общества напоминает ей о бренности ее существования, о дне ее гибели. Дарвинизм делает массы атеистическими — и вырывает из рук господствующих классов религиозную узду, предназначенную для народных масс с целью держать их в повиновении, а марксизм раскрывает перед ними механику капиталистического господства и дает им стратегический план низвержения эксплуататоров...

Философы, социологи, политикоэкономы капиталистов в течение десятков лет делали на учение Маркса беспрерывные наскоки. Они на этом строили себе карьеру...

Между тем именно последнее десятилетие, и особенно революции Февральская и Октябрьская, дают самое блестящее подтверждение и материалистическому пониманию истории, и теории классовой борьбы, и теории трудовой стоимости.

И «напор научной мысли» марксизм на практике выдержал настолько основательно, что два миллиона последователей этой «научной мысли» в результате оказались за границей, многочисленные силы международного капитала, нападавшие на пролетарскую диктатуру, были разбиты, а марксизм объединил под своим знаменем десятки миллионов пролетариев и с каждым днем делает новые и новые завоевания. Всякая теория проверяется практикой.

А практика марксизма — пролетарская революция — настолько оправдала теорию, что даже буржуазная интеллигенция и та вынуждена «сменить вехи» борьбы на капитуляцию...

Такого рода новые вехи выглядят совсем как старые. Для нас совершенно очевидно, что *отрицание господствующего общественного мировоззрения означает вместе с тем и отрицание той социально-экономической системы, с которой оно связано...*

В результате получается *не защита Октябрьской революции сменовеховцами, а требование защиты сменовеховцев от Октябрьской революции.*

Ибо требование равноправия в классовом государстве (в том числе и государстве с гегемонией рабочего класса) означает на деле требование классового господства. Так от теоретического обезглавления Октябрьского переворота сменовеховский «социолог» приходит к практическому его отрицанию...

Победе Советской России способствовал не этот интеллект (он работал на стороне наших врагов), а классовое самосознание пролетариата.

Это же классовое самосознание заставит его понять и внутренний смысл сменовеховского похода на его мировоззрение под флагом защиты Октябрьской революции.

X
Наше отношение к сменовеховцам

Из сказанного становится ясным, каково должно быть и наше отношение к сменовеховцам. Они — побежденные представители враждебного нам класса. Они ждут от Советской власти одного, мы — другого. Но они примирились с Советской властью и к этому же примирению призывают других. В этом отношении они несомненно представляют шаг вперед по сравнению с той злобствующей заграничной белогвардейщиной, которая душу готова заложить самому Вельзевулу, лишь бы добиться свержения власти ненавистных большевиков. Они поддерживают Советскую Россию, исходя из национальных мотивов. Мы их мотивы считаем в корне неверными. Но у нас нет оснований возражать против их трусливой, непоследовательной и даже со своими расчетами поддержки, ибо поддерживают-то они в борьбе с белогвардейской эмиграцией Советскую социалистическую Россию, или, точнее, СССР, уже фактом своего существования отрицающую национализм.

Другое дело — их притязания на утверждение в нашей республике «гражданских», то есть буржуазных, прав, основанных на равенстве всех граждан. Здесь со всякими попытками нужна самая решительная борьба. Господа сменовеховцы «хорошие» люди, но пролетарская диктатура еще лучше. Она необходима для того, чтобы вслед за Ключниковым и Устряловым могли «сменить вехи» и господин Милюков с Гессеном, а также и для того, чтобы новые вехи не превратились в старые.

Дать сейчас гражданские права нетрудовым элементам — это значит развязать руки низвергнутым, но окончательно не умершим еще бывшим господствующим классам самодержавной России. Вместе с тем это значит дать против нас новое оружие нашему белогвардейскому Кобленцу * и международной буржуазии. Мы далеки от исторического самоубийства, пусть это лучше делают те, кто неумолимыми законами исторического развития все равно будет безжалостно в их железных тисках раздавлен. Пусть это лучше делают господствующие классы капиталистических государств...

---

* Кобленц — немецкий город, центр французской феодально-монархической эмиграции в период Великой французской революции.

Российская Коммунистическая партия глубоко ценит специалистов. Практика советской и партийной работы на протяжении 6 лет дает тому массу ярких доказательств. Но для нас Союз Советских Социалистических Республик и те принципы, на которых он построен, неизмеримо важнее работы тысяч самых крупных и самых полезных специалистов Советского государства. Именно потому, что мы похоронили «великую, неделимую Россию», этого палача угнетенных национальностей, силен Союз Советских Социалистических Республик. Отсюда необходимость бороться со всеми извращениями нашей национальной политики, откуда бы они ни исходили.

Наконец, при определении нашего отношения к сменовеховцам мы должны иметь в виду еще одно обстоятельство: наши внутренние сменовеховцы свою идеологию пытаются распространять легально на страницах своих журналов и брошюр. Намерения их, правда, чрезвычайно осторожны, но они все же имеются. Практически это означает, что они желают стать политическими выразителями интересов нэпманов...

Члены партии должны помнить, что хотя сменовеховцы и приемлют Октябрьскую революцию, но они, главным образом, приемлют в ней нэп. Для рабочего класса нэп — неизбежный этап в социалистическом строительстве, имеющий много опасных сторон. *Для них он есть то самое, что примиряет их с Советской властью*. И именно опасные стороны нэпа для сменовеховцев, в особенности для их правого крыла и центра, должны быть особенно приемлемы. Мы новой экономической политикой капиталистическому миру подали один палец, им хотелось бы, чтоб РКП ему протянула и всю руку.

Советская власть пользуется поддержкой сменовеховцев, хотя эта поддержка весьма и весьма невелика, но она в то же время будет критиковать все их слабые стороны и разоблачать их реставрационные тенденции...

XI
Заключение

«Революции — это локомотивы истории»,— сказал Карл Маркс.

Вот этого-то и не умеют понять сменовеховцы. Их социальная природа им мешает это понять. Для них

революция — просто неудобная тряская телега, в которую силой необходимости приходится садиться. Их закоренелый идеализм, помноженный на застарелый эволюционизм, не дает возможности видеть дальше сегодняшнего дня. Здесь они также в общем разделяют судьбу господствующих классов буржуазного государства...

Во всем буржуазном мире обостряются классовые противоречия. Растет активность и сознание рабочих масс. Германия находится накануне гражданской войны, а господствующие классы готовят уже новую бойню. Господин Муссолини своим нападением на Грецию как будто нарочно сигнализирует международному рабочему классу опасности, воздвигаемые ростом фашизма.

На грабежах, насилиях, буржуазном терроре, на своем обнищании, на распаде капиталистического хозяйства и на изменах вождей II Интернационала рабочие учатся понимать свои очередные задачи. Они проходят хорошую школу! Если сегодня к нам несутся вести о страшном землетрясении в Японии, то недалеко то время, когда господствующие классы, а также и сменовеховцы, услышат об ином землетрясении.

Это будет мировая коммунистическая революция...

Примечания

[1] В свое время, после поражения первой российской революции, группа из семи публицистов и философов религиозно-идеалистического направления подготовила сборник «Вехи». Его авторы — Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве, С. Л. Франк — выступили против революционных событий 1905 года, предупреждая о негативных последствиях революции. Вышедшие в 1909 году, в период наступления реакции, «Вехи» объективно служили идеологическим обоснованием репрессивной политики царизма. С этого времени «Вехи» и веховцы стали синонимом идеологической контрреволюции. В новых исторических условиях «ортодоксы» от марксизма поспешили объявить сменовеховцев наследниками «Вех» и отождествили их с идеологической реакцией. Вряд ли можно согласиться с этим утверждением.

Как и многие другие видные члены партии (Г. Е. Зиновьев, Н. И. Бухарин, А. С. Бубнов), М. Н. Рютин не избежал резких оценок взглядов сменовеховцев. Он связывал появление «Вех» с поражением революции 1905—1907 годов, а появление «Смены вех» — с поражением контрреволюции в 1917—1921 годах.

[2] Автор упоминаемых работ «То, чего не было» и «Конь бледный» — Б. В. Савинков. Свои литературные произведения он публиковал под псевдонимом В. Ропшин.

[3] П. Н. Милюков (1859—1943) — один из лидеров партии кадетов; Е. Н. Трубецкой (1863—1920) — философ, правовед, член кадетской партии.

[4] Речь идет о книге Аркадия Аверченко «Дюжина ножей в спину революции», изданной в Берлине в 1921 году. По сути это был сборник памфлетов, направленных против Советской власти, социалистической революции и большевиков.

[5] С. С. Чахотин — представитель берлинской группы сменовеховцев, член редакции газеты «Накануне».

[6] Газеты «Руль» и «Последние новости» издавались кадетами в эмиграции: «Руль» — в Берлине (1920—1931), редактировали ее И. В. Гессен и А. И. Каминка; «Последние новости» — в Париже (1920—1940), главным редактором был П. Н. Милюков.

[7] Ю. П. Ключников — бывший член кадетской партии, видный сменовеховец, выступал со статьями в журнале «Смена вех» и др.

[8] В. Львов не был членом Временного правительства, а занимал должность обер-прокурора святейшего Синода в составе Временного правительства.

[9] Газета «Накануне» издавалась берлинской группой сменовеховцев. Членами ее редакции и авторского коллектива были С. С. Лукьянов, Г. Л. Кирденцов, С. С. Чахотин, Ю. Н. Потехин и другие. М. Н. Рютин подробно анализирует публикации этой газеты.

Из выступления на XIV съезде ВКП(б)

20 декабря 1925 года

Товарищи, мы заслушали Отчетный доклад Центрального Комитета и мы слышали содоклады тов. Зиновьева о работе Центрального Комитета. К содокладу должны мы отнестись, несомненно, с величайшим вниманием и с величайшей серьезностью. Содоклад делает член Политбюро Центрального Комитета нашей партии, содоклад делает председатель Коммунистического Интернационала, к голосу которого, естественно, должны прислушиваться не только члены нашей Российской Коммунистической партии большевиков, но и члены других коммунистических партий, объединяемых в Коммунистическом Интернационале. Мы имеем здесь, по существу, оформленную фракцию... (*Голос с места:* «О-о, здорово!») Да, да мы на съезде имеем оформленную фракцию, и мы имели содоклад тов. Зиновьева, который склонен был противопоставить и в той или иной мере противопоставлял свою линию и, очевидно, линию тех товарищей, которые особую позицию пытаются занять на съезде, линии Центрального Комитета нашей партии. Знают ли товарищи в Ленинграде о том, что здесь товарищи ленинградцы заняли такую позицию? Я думаю, что

ленинградские пролетарии и Ленинградская организация об этой позиции и тов. Зиновьева и товарищей ленинградцев должны быть широко извещены. (*Голос с места.* Это сегодня в передовице написано.)

Да, товарищи, относительно передовицы я скажу. Во вчерашней передовице «Ленинградской правды» имеется приветствие XIV съезду нашей партии, а здесь мы слышали совершенно иного рода приветствия, приветствия в виде содокладов, приветствия в виде образования отдельных групп на съезде. Мы совсем не привыкли считать это приветствиями, и от таких приветствий, если бы они повторялись часто, нашей партии не поздоровилось бы. (*Голоса:* «Правильно!» *Аплодисменты.*)

Тов. Зиновьев начал свой доклад с того, что бывают моменты, когда нельзя скрывать разногласий, когда необходимо идти на серьезную борьбу внутри партии и внутри руководящих органов.

Конечно, товарищи, мы, большевики, прекрасно знаем, что бывают такие моменты в истории. Но надо доказать нам, что в нашей большевистской партии имеются сейчас в наличии такие моменты. Я думаю, тов. Зиновьев здесь этого не доказал нам в своей речи. Что же тов. Зиновьев сказал нам? (*Голос:* «Крохоборством занимался».) Ничего решительно нам не доказал, никаких конкретных предложений не было внесено. Предостережение относительно опасности кулацкого уклона? Но ни один сколько-нибудь подготовленный товарищ, ни один испытанный большевик — член нашей партии не может упускать из виду и не упустит этой опасности. В то же время каждый член партии, каждый испытанный большевик под руководством Владимира Ильича научился видеть эти опасности в настоящем их виде, а не в раздутом.

По существу, тов. Зиновьев свел свой доклад к тому, что привел десятки справок о том, что у таких-то и таких-то товарищей имеются уклоны от правильной, выдержанной большевистской линии в вопросе относительно оценки крестьянства, в вопросе относительно оценки кулака, в вопросе относительно трактовки решений XIV Всесоюзной конференции. Но ведь мы прекрасно знаем, что в нашей партии, которая сейчас насчитывает миллион членов и кандидатов, можно насчитать много ошибок у тех или других отдельных товарищей. Мы, работники низов, в каждом районе констатируем эти ошибки, решительно выправляем их и этих ошибок и уклонений

в отдельных случаях от выдержанной большевистской линии не пугаемся, не впадаем в паническое настроение.

Относительно практических предложений совершенно правильно было отмечено тов. Бухариным, что, по существу, практические предложения, которые имеются сейчас у ленинградцев, сводятся к вопросу форсирования приема рабочих в партию и к вопросу о делегатских собраниях крестьянской молодежи: и все мы из речи Бухарина убедились, что эти практические предложения, за которыми больше ничего не стоит, не выдерживают никакой критики и не имеют под собой никакой почвы.

Разрешите остановиться на разногласиях и на ходе разногласий, как они создавались.

Мы здесь имеем три этапа: первый этап — когда эти разногласия имелись только внутри ЦК и внутри Политбюро. Спрашивается: если разногласия возникли не со вчерашнего дня, если они существуют относительно продолжительное время, кто же вносил те или другие поправки, те или другие требования о выправлении линии? В «Философию эпохи» были внесены изменения большинством ЦК. В доклад тов. Каменева на одном из пленумов Московского комитета были внесены изменения также под давлением большинства ЦК. Мы знаем, что Бухарин отказался от своего лозунга «обогащайтесь» также не по инициативе меньшинства — Зиновьева, Каменева, а как раз по инициативе большинства. Эту ошибку в первый раз заметило большинство ЦК, руководящая группа ЦК.

Второе — относительно разногласий, как они выявились на Ленинградской партконференции и на XIV Московской губернской партийной конференции. Здесь что мы видим? Тов. Каменев, выступавший на XIV Московской губернской партийной конференции, не пытался ни в какой мере заявить о том, что он не согласен с линией большинства ЦК. Тов. Зиновьев тоже самое выступил на Ленинградской губернской партийной конференции с такой речью:

«Я думаю, товарищи, что имею моральные полномочия от всех до единого членов этой конференции, от всех до единого членов нашей Ленинградской губернской партийной организации, от каждого коммуниста, рабочего, работницы, от каждого комсомольца, от каждого члена нашей великой семьи сказать, где и когда это понадобится, что наша Ленинградская организация, как один человек, стоит за Центральный Комитет, за единую линию, за

ленинизм». (Из речи Зиновьева на Ленинградской губпартконференции, по «Ленингр. правде» от 9 декабря, № 282.)

Но так ли стоят за линию Центрального Комитета, как вы стоите здесь на XIV партийном съезде? За какой Центральный Комитет вы стоите? Всем очевидно, что не за тот живой, действующий, большевистский, ленинский Центральный Комитет, который работал в течение полутора лет и вел огромнейшую большевистскую работу. (*Голоса:* «Правильно!») Вы стоите за какой-то метафизический, потусторонний Центральный Комитет, которого не существует в Советском Союзе. (*Аплодисменты.*) За такой метафизический Центральный Комитет, которого не существует в действительности, может стоять кто угодно, а нам надо стоять за тот Центральный Комитет и за ту группу товарищей, которые показали себя на протяжении многих и многих лет как выдержанная ленинская, стальная большевистская гвардия. (*Аплодисменты.*)

Товарищи, тов. Евдокимов здесь заявил, что ленинградцы поддерживают ЦК. Посмотрим по отдельным частям, как товарищи поддерживают. Как вы поддерживаете «Правду»? А «Правда» — центральный орган нашей партии. Ее они не называют иначе, как «Московская правда». В этом центральном органе нашей партии пишут, оказывается, сменовеховцы под маской коммунизма. Это в центральном органе такие-то вещи помещаются! Если это называть поддержкой ЦК, то что называется борьбой с ЦК? Я думаю, что XIV съезд нашей партии решительно отвергнет такую сомнительную поддержку и обратится за настоящей поддержкой к Ленинградской организации. И Ленинградская организация, когда узнает действительное положение вещей, вся, как один человек, присоединится к решению XIV съезда и окажет новому составу ЦК всемерную помощь и доверие в дальнейшей работе. (*Аплодисменты.*)

Из выступления на XV съезде ВКП(б)

6 декабря 1927 года

...Позвольте перейти к оппозиции. Тов. Каменев, выступая здесь, очевидно, от всей оппозиции, заявил, что мы, мол, организационно капитулируем, а свои принципиаль-

ные взгляды оставляем при себе. Товарищи, но ведь мы же прекрасно понимаем, не только отвлеченно, теоретически, но и на основании всего опыта видим, что вся их фракционная, разлагающая работа, все демонстрации, нелегальная организация и оборудование всяких подпольных типографий — ведь все это не случайно. Ведь на чем-то вырастает их раскольническая фракционная работа. Разрыв с партией в организационных вопросах большевизма вытекает из всех их ошибок, из всей их неправильной троцкистско-меньшевистской установки. Тов. Каменев нам предлагал: мы прекращаем фракционную работу, но наше оружие фракционной борьбы — ибо оружие фракционной борьбы это их платформа, их принципиальные взгляды,— оружие нашей фракционной борьбы мы оставляем при себе. Нет, мы на опыте борьбы достаточно хорошо знаем, а на опыте последних месяцев особенно убедились, что оппозицию надо разоружить не только организационно, но надо разоружить ее теоретически, надо разоружить идейно, надо разбить вдребезги все принципиальные основы этой троцкистской оппозиции.

Каменев в своем заявлении от всей оппозиции подчеркивает, что мы, мол, отказываемся от фракционной работы, ибо у нас нет с партией никаких программных расхождений. Спрашивается, а их платформа? Что мы читаем в этой платформе? Они говорят: наша партия намерена изменить позицию по отношению к национально-революционному движению против империализма. Программный это вопрос или не программный? Это — программный вопрос. Они говорят: ваша налоговая политика направлена таким образом, что вы даете всяческие облегчения для кулака и, наоборот, давите на бедняка и середняка. Программный это вопрос или не программный? Они говорят: ваша политика, политика диктатуры пролетариата, направлена против рабочего класса. Программный это вопрос или не программный? Все эти обвинения, весь этот клеветнический характер платформы оппозиции — все это целиком и полностью в конце концов увязывается с коренными принципиальными, программными разногласиями. Они здесь относительно платформы ничего не сказали. Они, очевидно, склонны этой платформой козырять и дальше. Они воображают и теперь, что покажут только эту платформу — и масса будет с ними. В действительности не только у каждого члена партии, но и каждого беспартийного пролетария,

когда он читает их платформу, она вызывает у него чувство брезгливости, появляется потребность помыть руки после того, как знакомишься с этой платформой.

Оппозиция изображает из себя друзей партии, она идет на мир! «Я ваш старинный сват и кум». Мы на этот счет можем ответить поговоркой: «Избави бог от таких друзей, а от врагов как-нибудь мы уж сами избавимся». Когда партия и рабочий класс веско сказали свое слово, они сюда, на XV съезд партии, имеют еще наглость прийти с дискуссией. XV съезд требует от оппозиции не продолжения дискуссии, а полной безоговорочной капитуляции, не только организационной, но и идейной.

Оппозиция кричала и кричит насчет того, что у нас, видите ли, в партии несносный режим. Каменев в полемике с Троцким в 1923 г. предсказывал, что троцкисты в скором времени заговорят об осадном положении в партии, как говорили меньшевики 20 лет тому назад. Каменев говорил, что это неизбежно. Правильно. И это является сейчас фактом. В настоящее время мы также имеем факты, когда оппозиционеры выступали с заявлениями о том, что в партии осадное положение. Мы, однако, на этот счет должны сказать, что, к сожалению, для оппозиции у нас не было осадного положения, а между тем мы должны будем в будущем его создать...

XV съезд партии — об этом может кричать или не кричать оппозиция — должен будет создать и создаст осадное положение в партии для троцкистской оппозиции, для дезорганизаторов пролетарской диктатуры. (*Аплодисменты.*) XV съезд скажет, что ходить в дальнейшем по партийной большевистской улице с бомбами, начиненными гнилыми воззваниями, гнилыми троцкистскими резолюциями, партия оппозиции не позволит.

Оппозиция изображает из себя ленинскую оппозицию. Но достаточно, товарищи, посмотреть на одну тактику оппозиции, чтобы сказать, что это — тактика типичных взбесившихся мелкобуржуазных авантюристов. Каковы составные элементы этой самой оппозиционной тактики? Первый элемент — лицемерие и не только лицемерие, но прямой обман партии, прямое жульничество; второй элемент — клевета; третий элемент — авантюризм; четвертый элемент — истерика и пятый элемент — хлестаковщина. Может ли быть, товарищи, что-нибудь в этой тактике ленинского? Может ли быть что-нибудь в этой тактике большевистского? Когда Зиновьев выпускает воззвания или листовки и когда их читаешь —

не знаешь, пишет ли это большевик или истеричка Мария Спиридонова *.

Посмотрите на их поведение. Они кричат на всех перекрестках: «Покажите платформу, и за нами пойдет весь рабочий класс». Мне это чрезвычайно напоминает одного героя из пьесы, которая ставится в театре Мейерхольда,— героя Гулячкина. Вообще герои оппозиции очень напоминают некоторых героев из мейерхольдовского «Мандата» **. Портреты в их идейно-политических квартирах — двойные портреты, как и в квартире Гулячкина: на одной стороне Ленин, на другой стороне Троцкий. И они по мере надобности показывают то одну, то другую сторону. Как герой «Мандата» Гулячкин кричит: «Вот мандат! Мамаша, держите меня, я всю Россию переарестую», так и они кричат: «Вот платформа. Держите нас, а то мы поведем за собой весь рабочий класс». Напуганные пролетарской революцией, они сами пугают пролетарскую революцию, думая, что пролетарскую революцию можно испугать фальшивым удостоверением. За ними скачут 30 тыс. курьеров только в их воображении.

Они взбесившиеся мелкие буржуа, ибо они не хотят видеть действительности. Блестящую характеристику этого самого мелкого буржуа, мелкобуржуазных демократов дал еще Маркс 70 с лишним лет тому назад...

Наши оппозиционные мелкобуржуазные демократы, конечно, во многом отличаются от демократов 1848 г. Но посмотрите, как основные черты их совпадают. Наши оппозиционеры тоже воображают, что их фракционные интересы — это и есть интересы пролетариата. Они также думают, что им незачем особенно взвешивать собственные средства. Они могут лицемерить, клеветать, пускаться на авантюры. Если же они провалились, то в этом ведь виноваты сталинцы. Если они провалились на демонстрации, виноваты «углановские хулиганы». И в будущем они уже непременно победят! Напуганные трудностями и в то же время скучающие об этих самых трудностях, восхваляющие буржуазные свободы и в то же время фальшиво говорящие об укреплении пролетарской диктатуры, шедшие в одну дверь, попавшие в другую, загнанные логикой фракционной борьбы в тупик, они стоят перед выбором: или полная капитуляция перед партией, или переход в лагерь контрреволюции. Таковы сейчас наши оппозиционные герои. Партия не остановится перед оппозицией. Партия перешагнет через голову оппозиции, и оппозиция будет отброшена в мусорную яму истории. (*Аплодисменты.*)

---

* Спиридонова М. А. (1884—1941) — один из лидеров партии левых эсеров, член ВЦИК; ее выступления отличались повышенной эмоциональностью.

** Речь идет о пьесе советского драматурга Н. Эрдмана, поставленной В. Мейерхольдом.

«С РУКОВОДСТВОМ СТАЛИНА ДОЛЖНО БЫТЬ ПОКОНЧЕНО КАК МОЖНО СКОРЕЕ»

В этот раздел включены две работы М. Н. Рютина: «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» и манифест-обращение «Ко всем членам ВКП(б)». Они были написаны в тяжелое время. После исключения из партии и ареста главным оружием Рютина стало слово. Работу «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» по праву можно назвать вершиной его публицистики. Он предстает здесь как философ, экономист, историк, социолог.

До сегодняшнего дня среди историков не утихают споры: в какой мере авторство этой работы принадлежит Рютину. В свое время в это с трудом поверили и опытные сотрудники ОГПУ В. А. Балицкий и Г. А. Молчанов.

Рассмотрим лишь некоторые доказательства в пользу его авторства.

1. Свидетельства самого М. Н. Рютина. Он нигде и никогда, ни при каких обстоятельствах не отрицал своего авторства. Наоборот, во время следствия по делу «Союза марксистов-ленинцев» в 1932 году и позднее, в 1936-м, во время допросов он утверждал, что основные документы подготовил самостоятельно.

2. В показаниях В. Н. Каюрова, М. С. Иванова, П. А. Галкина также утверждалось авторство М. Н. Рютина. Представители «бухаринской школы» А. Н. Слепков, Д. П. Марецкий, П. Г. Петровский в своих заявлениях в ЦКК ВКП(б) признавали только факт знакомства с документами, но отнюдь не свое участие в их подготовке.

3. Текстологический анализ работы «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» позволяет установить ее органическую связь с более ранними статьями и заметками М. Н. Рютина. Она написана в типичной для него манере, с характерными речевыми и стилистическими оборотами.

4. Во время обыска в доме П. А. Сильченко 15 октября

1932 года была изъята машинописная копия рукописи «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», напечатанная через 1 интервал, объемом 167 страниц. При перепечатке в ОГПУ общий объем работы составил 194 страницы. Именно это несоответствие позволяло некоторым ученым утверждать, что следователями были сделаны специальные добавления для придания платформе ярко выраженного антисталинского звучания. Заметим, однако: перепечатка была выполнена через 2 интервала, что вполне могло привести к увеличению объема рукописи.

Сегодня специалисты располагают только копией, которая была сделана сотрудниками СПО ОГПУ. В этом документе, приобщенном к уголовному делу М. Н. Рютина, имеются многочисленные пометки на полях и в тексте. Их характер позволяет понять, что в первую очередь привлекало работников госбезопасности. Прежде всего это касается тех страниц рукописи, где речь идет о замене Сталиным руководящих кадров, о Коминтерне, эволюции ЦКК, роли профсоюзов, о негативных чертах характера вождя. Особо отчеркнуты те места, где детально говорится о «вкладе» Сталина в теорию: обоснование им тезиса об усилении классовой борьбы по мере строительства социализма, о его непоследовательности в подходе к этому вопросу.

Бросается в глаза, что по всему тексту выделяются слово «террор», резко отрицательные характеристики Сталина. Не остались без внимания задачи, поставленные М. Н. Рютиным перед партией: «покончить с диктатурой Сталина», «силой убрать эту клику». Ведь именно эти слова послужили обоснованием последующего обвинения Рютина в терроре. Представляется маловероятным, чтобы документ такого объема мог быть широко доступен рядовым коммунистам и иметь значительный круг читателей.

Другое дело — обращение «Ко всем членам ВКП(б)». Оно, безусловно, ходило по рукам, и к нему делались различные добавления. Но при этом следует иметь в виду, что неизменной оставалась рютинская основа этого документа. Некоторые публицисты отмечали сходство выдержек из этого документа с образцами агитационно-пропагандистской литературы белой эмиграции. Изучение материалов архивов А. И. Гучкова, П. Н. Милюкова, белоэмигрантских организаций позволяет утверждать, что авторы прокламаций и воззваний, обращенных к населению Советской России, были хорошо

информированы и учитывали в своей практической деятельности содержание документов различных оппозиций. Не следует забывать, что в СССР распространялись фальсифицированные прокламации и воззвания от имени «правой оппозиции», других антисталинских групп. Поэтому вполне можно допустить, что в некоторые варианты «манифеста» вносились определенные добавления.

Рютинские документы, по сути дела,— обвинительное заключение сталинщине. У них были предшественники. В 1929—1932 годах около десятка писем и обращений с анализом положения дел в партии и стране поступило в ЦК и ЦКК ВКП(б). Однако по обличительному заряду и аргументации работы Рютина были наиболее сильными. С ними может сравниться, пожалуй, только «Открытое письмо Сталину» Ф. Ф. Раскольникова.

Рютин решительно отвергал свои прошлые оценки внутрипартийного положения, отдавал должное политической интуиции Л. Д. Троцкого. Он вскрывал действительные противоречия в развитии партии и государства диктатуры пролетариата, называл причины, вызывающие кризис, и предлагал радикальный способ выхода из него. Конкретные мероприятия, предлагаемые М. Н. Рютиным, злободневны и сегодня.

Вместе с тем в чем-то он остался на позициях ортодоксального марксизма и даже в определенной степени догматизма. Это относится прежде всего к таким понятиям, как конечное торжество мировой социалистической революции, полное неприятие борьбы за реформы в капиталистических странах, острая классовая непримиримость к представителям других политических партий — меньшевикам, кадетам, эсерам. Идеи политического плюрализма для него просто не существовало, а альтернативные точки зрения по важнейшим политическим и экономическим вопросам признавались только в рамках большевистской партии.

Рютин предсказал последствия коллективизации: голод 1932—1933 годов, общий кризис сельскохозяйственного производства. Однако он недооценивал систему, созданную Сталиным, и переоценивал возможности рабочего класса и партии в противодействии сталинщине. Он до конца не представлял, насколько велик оказался к 1932 году разрыв в уровне политической культуры «верхов» и «низов» правящей партии.

Работы Рютина — свидетельство того, что, несмотря на жесточайший режим подавления и репрессий, в об-

ществе жили идеи демократизма и свободомыслия. Это прямое доказательство, что современные процессы демократизации имеют прочные корни.

Сталин и кризис пролетарской диктатуры

1. «Случайность» и роль личности в истории *

Маркс в своем письме к Кугельману говорит: «История имела бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, [и] сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависит от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения» [1].

В наших условиях такая случайность, как характер человека, стоящего во главе движения, во главе партии и рабочего класса,— характер Сталина, играет поистине роковую роль. В условиях пролетарской диктатуры, сосредоточившей в своих руках все рычаги экономики, обладающей аппаратом, в десятки раз более мощным и разветвленным, чем аппарат любого буржуазного государства, в условиях безраздельного господства в стране одной партии и гигантской централизации всего партийного руководства — роль генсека огромна. Его личные качества приобретают исключительное политическое значение.

Именно поэтому Ленин в своем «Завещании» придавал такое исключительное значение личным качествам генсека, именно поэтому Ленин, зная личные качества Сталина, настойчиво в своем «Завещании» подчеркивал необходимость снятия Сталина с поста генсека и замены его более подходящим для этой роли лицом.

Ленин в своем «Завещании» писал:

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и [в] общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место

* Обширный научный комментарий к работе «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» см.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 8—12.

ругого человека, который во всех других отношениях
тличается от т[ов]. Сталина только одним перевесом,
менно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более
нимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.» [2].

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил
своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли
н всегда достаточно осторожно пользоваться этой вла-
тью» [3],— говорит далее Ленин.

Сталин, комментируя «Завещание», по обыкновению
помощью софизма, сводит все дело к грубости, отвле-
ая внимание от других своих качеств, о которых Ленин
оворил. Между тем именно эти качества и имеют реша-
ющее значение.

Ленин сомневался, что Сталин сумеет достаточно
сторожно пользоваться необъятной властью генсека.
енин требовал, чтобы генсек был более «лоялен». Зна-
ит, Сталин и тогда уже был недостаточно лоялен. А ло-
льный — значит верный, преданный, честно выполня-
ющий свои «обязанности».

Сталин недостаточно верен интересам партии, недо-
таточно предан, недостаточно честно выполняет свои
бязанности. Именно в этом суть характеристики, дан-
ой Лениным Сталину. И если эти свои «качества» Ста-
ин при Ленине скрывал, маскировал, подавлял, то после
енина он дал им полную волю. Если при Ленине Сталин
ыл недостаточно лояльным, верным интересам партии,
естно выполняющим свои обязанности, то теперь он
тал подлинным предателем партии, отбросившим в сто-
ону партийную порядочность и честность, все подчинив
нтересам своего честолюбия и властолюбия.

Далее Ленин отмечает нетерпимость Сталина к мне-
иям других. Это качество в соединении с первым —
елояльностью, нечестностью — привело к тому, что он,
е терпя около себя людей самостоятельного, независи-
ого партийного мнения, людей духовно, идейно, те-
ретически стоящих выше его, опираясь на партаппарат
ГПУ, вышиб их с руководящих постов, оклеветал,
здул их прошлые ошибки и «изобрел» десятки новых,
бманул партию, терроризировал партийные массы и на
есто опороченных им руководителей партии поставил
юдей ограниченных в теоретическом отношении, неве-
ественных и беспринципных, но ручных, покорных холу-
и льстецов, готовых «признать» любую его «теорию»
ленинскую, любую его антиленинскую статью за «ис-
орическую».

Что касается вежливости Сталина по отношению
к товарищам, чего требовал от генсека Ленин, то
образцом может служить его «историческое» письмо
в «Пролетарскую революцию» [4] о Слуцком и Во-
лосевиче [5], где сила доказательства обратно пропо-
рциональна силе окрика зазнавшегося, зарвавшегося,
обнаглевшего вождя, чувствующего себя в партии
и стране как в своей вотчине, где он волен казнить
и миловать всякого.

2. Сталин, как беспринципный политикан

В теоретическом отношении Сталин показал себя за
последние годы полнейшим ничтожеством, но как ин-
триган и политический комбинатор он обнаружил бле-
стящие «таланты». После смерти Ленина он наглел с ка-
ждым годом.

Сначала осторожно, а потом все смелее сбрасывая
с себя маску «скромного» старого большевика, которого
партия «заставила» нести тяжелое бремя генсека, он все
более явно проявлял стремление пробраться в пантеон
великих людей, не брезгуя никакими средствами. Уже
свой пятидесятилетний юбилей он превратил в настоящее
«коронование на царство». Тысячи самых подлых, гнус-
ных, холуйски-раболепных резолюций, приветствий от
«масс», состряпанных вымуштрованным партийным,
профсоюзным и советским аппаратом, адресованных
«дорогому вождю», «лучшему ученику Ленина», «гени-
альному теоретику»; десятки статей в «Правде», в кото-
рых многие авторы объявляли себя учениками Сталина,
как, напр., Ворошилов, провозглашая Сталина крупней-
шим теоретиком и т. д.,— таков основной фон юбилея.
У всякого большевика, не потерявшего еще окончательно
стыд и не позабывшего старых партийных традиций, вся
эта комедия «коронования» вызывала чувство отвраще-
ния и стыда за партию.

Наконец, «историческая» статья Сталина в «Пролетарс-
кой революции» окончательно и со всем цинизмом обнару-
живает его истинные намерения. Переделать историю так,
чтобы Сталин занял в ней «подобающее»
ему место великого человека,— вот сокровенный смысл
статьи Сталина. Теперь, через 15 лет пролетар-
ской диктатуры, все учебники по истории партии оказались
негодными, содержащими «троцкистскую контрабанду».

Отныне историю партии будут писать, вернее, фаб-
иковать заново. Ярославский на Московской областной
артконференции в своей покаянной речи открыто и ци-
ично выболтал «секрет». Он заявил: «Должен подчерк-
уть, что в некоторых учебниках по истории партии,
первую очередь это относится ко мне, роль тов. Стали-
а в развитии большевизма, особенно в довоенные годы,
свещена недостаточно». Вот где корни всех криков
«троцкистской контрабанде», о клевете на партию,
гнилом либерализме и пр. Ларчик открывается просто!
Фальсифицировать историю партии под флагом ее защи-
ы, раздуть одни факты, умолчать о других, состряпать
ретьи, посредственность возвести на пьедестал «истори-
еской фигуры» — вот в чем будет заключаться суть
ереработки учебников по истории партии. Отныне Еме-
ьян Ярославский окончательно превращается в Емель-
а Иловайского [6]. И эти люди, не краснея, заявляют, что
стория партии должна быть освещена объективно.

Сталин, несомненно, войдет в историю, но его «знаме-
итость» будет знаменитостью Герострата. Ограничен-
ый и хитрый, властолюбивый и мстительный, вероло-
ый и завистливый, лицемерный и наглый, хвастливый
упрямый — Хлестаков и Аракчеев, Нерон и граф Кали-
стро — такова идейно-политическая и духовная физио-
омия Сталина.

Теперь всякому совершенно ясно, что свое «18 брюме-
а» [7] Сталин задумал произвести уже в 1924—25 годах.
Так Луи Бонапарт клялся перед палатой в верности
онституции и одновременно подготовлял провозглаше-
ие себя императором, так и Сталин в борьбе с Троцким,
потом и с Зиновьевым и Каменевым заявлял, что он
орется за коллективное руководство партии, что «руко-
одить партией вне коллегии нельзя», что «руководить
артией без Рыкова, Бухарина, Томского невозможно»,
то «крови Бухарина мы вам не дадим», что «политика
тсечения противна нам» [8] — и одновременно подготов-
ял «бескровное» 18 брюмера, производя отсечение од-
ой группы за другой и подбирая в аппарат ЦК и в сек-
етари губкомов и обкомов лично верных ему людей.

Если во время государственного переворота Луи Бо-
апарта население Парижа в течение нескольких дней
лышало грохот пушек, то во время государственного
ереворота Иосифа Сталина партия в течение нескольких
ет слышит «пальбу» клеветы и обмана. Результатов
Сталин, как и Луи Бонапарт, добился: переворот свер-

шен, личная диктатура, самая неприкрытая, обманная,
осуществлена.

Основная когорта соратников Ленина с руководящих
постов снята, и одна часть ее сидит по тюрьмам и ссыл-
кам, другая, капитулировавшая, деморализованная
и оплеванная,— влачит жалкое существование в рядах
партии, третьи, окончательно разложившиеся,— превра-
тились в верных слуг «вождя»-диктатора.

За последние 4—5 лет Сталин побил все рекорды
политического лицемерия и беспринципного политикан-
ства. Даже буржуазные политики с таким бесстыдством
не меняют свои принципы, как это проделывает Сталин.

В чем сущность беспринципного политиканства?
В том, что по одному вопросу сегодня придерживаются
одних убеждений, а назавтра (при той же обстановке
и условиях или при изменившихся, но не оправдывающих
в действительности такого изменения политического по-
ведения,— в интересах отдельного лица или клики) —
прямо противоположных. Сегодня доказывается одно,
а назавтра по тому же вопросу, при тех же условиях —
другое. При этом беспринципный политикан и в том
и в другом случае считает себя правым и последователь-
ным. Он спекулирует на том, что массы сегодня часто
забывают о том, что им говорилось и обещалось вчера,
а назавтра забудут то, что им говорилось сегодня. Если
же массы замечают трюк, то беспринципный политикан
свой переход на другую точку зрения старается обосно-
вать тем, что теперь якобы политическая и экономичес-
кая обстановка, соотношение классовых сил радикально
изменились, и поэтому нужны другая политика, тактика,
стратегия и пр.

Марксист-ленинец изменение политики, тактики
и стратегии выводит из действительного изменения со-
циально-экономической обстановки и соотношения клас-
совых сил. Беспринципный политикан, если даже он
и прикрывает свое беспринципное политиканство марк-
систско-ленинской фразеологией,— наоборот, изменению
своего личного поведения или поведения клики, группы,
партии подчиняет анализ и освещение социально-клас-
совой обстановки. Таков Каутский [9], такова вся клика
вождей и теоретиков 2-го Интернационала, таковы «те-
оретики» различных «левых» групп и группочек, таков
и Сталин. «Методологическая» сущность беспринципно-
сти и там и тут одна и та же.

Для иллюстрации лицемерия и беспринципного

итиканства Сталина можно было бы привести тысячи
тов, ибо его руководство за последние годы превратил
ь в сплошное беспринципное политиканство и надува
ьство масс, но мы ограничимся лишь самыми яркими
амыми крупными фактами.

1. Сталин обвинял «троцкистов» в том, что они
бовали:

а) усиления темпов индустриализации; б) усиления
ьбы с кулаком; в) введения чрезвычайного налога на
аков; г) повышения цен и д) изъятия 1500 миллионов
лей из кооперации.

«Троцкистов» он объявил контрреволюционерами,
троцкизм» — социал-демократическим уклоном. Од
о сразу же после 15 съезда, решения которого целиком
и направлены против «троцкистов», когда он решил
ле «троцкистов» расправиться с «правыми» и когда он
дел, что бить Бухарина и его группу справа тактичес
ыло невыгодно, он в области индустриализации и по
ики в деревне стал проводить прямо противополож
решениям съезда политику.

Обворовав до нитки Троцкого и его группу, Сталин
ерждает, что его сверхиндустриализация, нажим не
ько на кулака, но и на середняка, чрезвычайный налог,
чтие полутора миллиардов рублей из кооперации,
дальнейшем и повышение цен, карточки, очереди —
это нечто совсем иное, чем предложения «троцки
в». Для этого ему, однако, пришлось все перевернуть
оставить на голову: то, что раньше называл он в об
ти индустриализации и политики в деревне ленинизм
м,— объявил правым оппортунизмом, а что раньше
являл троцкизмом — теперь назвал ленинизмом.

2. Специально о темпах в реконструктивный период [10]
алин на 14 съезде говорил: «Основное в промышлен
ти состоит в том, что она уже подошла к пределу
оенных цен, что дальнейшие шаги в промышленности
ачают развертывание ее на новой технической базе,
новое оборудование, новое строительство заводов.
дело очень трудное. Перешагнуть через [этот] порог,
ейти от политики максимального использования всего
о, что было у нас в промышленности, к политике
троения новой промышленности на новой техничес
базе, базе нового строительства заводов, переход
ез этот порог требует больших капиталов. Но так как
остаток капиталов у нас значительный, то в даль
шем развитие нашей промышленности будет идти, по

всей вероятности, не таким быстрым темпом, к
шло до сих пор» [11].

Итак, Сталин здесь явно говорит о замедлении тем
пов в реконструктивный период. Его взгляды, высказан
ные в приведенной цитате, бесспорно, правильны, но
пусть кто-нибудь осмелился бы их высказать в
1930—31 гг.? По директиве того же Сталина с 1928 г.
всякие разговоры о замедлении темпов в реконструктив
ный период объявляются буржуазными, вредительскими
и т. д. Однако одно из двух — или Сталин ошибался на
14-м съезде, или он ошибся в дальнейшем со своей новой
теорией нарастания темпов. Но Сталин молчит теперь
и о старой, и о новой «теории».

3. На октябрьском Пленуме ЦК и ЦКК в 1927 г.
Сталин говорил: «А что такое умиротворение деревни?
Это есть одно из основных условий для строительства
социализма. Нельзя строить социализм, имея бандитские
выступления и восстания среди крестьян»[12]. Но уже в ию
ле 1928 г. Сталин выдвигает совершенно противополож
ную «теорию» и заявляет: «По мере нашего продвижения
вперед по пути к социализму сопротивление капиталисти
ческих элементов будет возрастать и классовая борьба
будет обостряться» [13]. В 1927 г., по его мнению, нельзя
было строить социализм, потому что мы в стране имели
бандитские восстания, а в Грузии — даже восстания [14].
А в 1929—30—31 годах мы имели сотни восстаний, среди
которых многие более крупные, чем грузинские, и все это
оказывается закономерным результатом «гигантских ус
пехов в строительстве социализма», и чем дальше мы
будем продвигаться вперед по пути к социализму, тем
больше будет таких восстаний в деревне, ибо тем больше
«будет обостряться классовая борьба». Тогда «умирот
ворение» деревни было «одним из основных условий для
строительства социализма», а теперь обострение клас
совой борьбы в деревне, разжигание этой борьбы являет
ся одним из основных условий для этого строительства.

4. В той же речи на октябрьском Пленуме Сталин
заявил: «На XIV съезде нашей партии оппозиция, во
главе с Зиновьевым и Каменевым, попыталась подорвать
этот маневр партии, предлагая заменить его, по сути
дела, политикой раскулачивания, политикой восстанов
ления комбедов. Это была, по сути дела, политика вос
становления гражданской войны в деревне» [15]. Однако
через два года он сам выдвинул лозунг раскулачивания,
ликвидации кулачества как класса, организовал в деревне

андиозную гражданскую войну, перед которой бледнеет
я политика комбедов, продразверстки и восстаний в де-
вне в период военного коммунизма, и при этом он
тается «последовательным ленинцем».

5. Специально по вопросу о разжигании классовой рьбы в деревне Сталин говорил раньше также прямо отивоположное тому, что делает в настоящее время. своих «Вопросах и ответах» в Свердловском университе- в 1925 году, когда ему не приходилось еще так лгать, как о он делает теперь, Сталин говорил: «Следует ли из ого, что мы должны разжечь классовую борьбу на этом ронте? Нет, не следует. Наоборот! Из этого следует лишь , что мы должны всячески умерять борьбу на этом ронте, регулируя ее в порядке соглашений и взаимных тупок и ни в коем случае не доводя ее «до резких форм, до олкновений». И даже специально о борьбе с кулачеством подчеркнул: «Может показаться, что лозунг разжигания ассовой борьбы вполне применим к условиям борьбы на ом фронте. Но это неверно, совершенно неверно. Ибо мы есь также не заинтересованы в разжигании классовой рьбы. Ибо мы вполне можем и должны обойтись здесь з разжигания борьбы и связанных с ней осложнений» [16].

Итак, в 1925 г. Сталин заявляет, что мы «вполне жем и должны обойтись без разжигания классовой рьбы» с кулачеством, и лозунг обострения классовой рьбы с кулачеством он называет контрреволюцион- м, а в 1928 г. он заявляет: «По мере нашего продвиже- я вперед по пути к социализму сопротивление капита- стических элементов будет возрастать и классовая бо- ба будет обостряться». Но если обострение классовой рьбы с кулачеством является неизбежным «законом» я пролетарской диктатуры, тогда все разговоры о том, о «мы можем и должны обойтись без разжигания ассовой борьбы на этом фронте», являются только бреньким мелкобуржуазным, реформистским и реак- онным пожеланием. Если же действительно «мы мо- ем и должны обойтись без разжиганий борьбы» с кула- ством, тогда утверждение, что «по мере нашего про- вижения вперед по пути к социализму сопротивление питалистических элементов будет возрастать и клас- вая борьба будет обостряться»,— не может рассмат- иваться иначе, как оправдание и поощрение разжигания ассовой борьбы. Оно так на самом деле и есть. Его вая теория «обострения классовой борьбы» является менно оправданием политики разжигания классовой бо-

рьбы не только с кулаком, но и с середняком, и опра-
ние произвола над трудящимися деревни. Запутавшийся
«вождь» и его «ученые» льстецы могут сказать, что вы-
сказывания Сталина касаются только восстановительно-
го периода, а для реконструктивного периода существу-
ют совсем другие законы. Но это было бы обычной
сталинской увертюрой. Во-первых, по этому вопросу он
никакой оговорки насчет того, что его «теория» касается
только восстановительного периода, не делает, во-вто-
рых, весь характер и смысл высказанных им здесь мыслей
сам по себе говорит против такого ограниченного пони-
мания указанной цитаты.

6. На Московской губернской конференции 23/XI—27 г. Сталин в своей речи специально подчеркивал, что индуст-
риализация немыслима без правильной политики в дерев-
не. Он говорил: «Вести политику разлада с большин-
ством крестьянства — значит открыть гражданскую вой-
ну в деревне, затруднить снабжение нашей
промышленности крестьянским сырьем (хлопок, свекла,
лен, кожа, шерсть и т. д.), дезорганизовать снабжение
рабочего класса сельскохозяйственными продуктами, по-
дорвать самые основы нашей промышленности, сорвать
всю нашу строительную работу, [сорвать] весь наш план
индустриализации страны» [17].

Именно это в настоящее время и случилось. Хлопок,
лен, свекла хотя и были посеяны кое-как под бичом
террора и репрессий, но при плохо обработанной земле
и плохом уходе урожай получился тоже плохой, да и то,
что уродилось, в огромной части осталось неубранным,
ушло под снег.

Десятки миллионов центнеров свеклы были не выко-
паны, десятки миллионов уже выкопанной свеклы пропа-
ло в кучах под снегом, так как из-за отсутствия у крестьян
транспорта и личной заинтересованности она не могла
быть подвезена к заводам, которые в самую горячую
пору должны были стоять без работы. Десятки тысяч га
неубранного хлопка тоже погибло. То же случилось и со
льном. Текстильная промышленность и теперь работает
с половинной нагрузкой, пользуясь суррогатами. Кожи,
шерсти, жиров и других сельскохозяйственных продук-
тов, необходимых промышленности, нет. Рабочий сидит
на голодном пайке, не только мяса и жиров, но даже
картошки и капусты не получает в достаточном количест-
ве. Рабочие истощены, покупательная и платежная спосо-
бность трудящихся масс города и деревни подорвана

корне. Подорваны все основы индустриализации. едсказания Сталина здесь блестяще «оправдались». он вынужден об этом молчать.

7. По вопросу о повышении цен Сталин в 1927 г. орил: «Я мог бы, далее, сослаться на ряд документов позиции в пользу повышения цен на промышленные вары, каковое повышение не может не вести к зарению нашей промышленности, к усилению кулака, разорению середняка, к закабалению бедноты кулами» [18]. В настоящее время цены повышены в 4—5 по сравнению с тем уровнем, на котором они стояли ыре года тому назад, а реальная заработная плата носсально упала. Но, по Сталину, это теперь ведет бурному росту промышленности и к неуклонному учшению материального положения рабочего класса рудящихся масс деревни.

8. Сталин, как известно, издевался в свое время д Каменевым, когда тот попытался неудачи хлебоготовок свалить на кулака: «Кулак регульнул» — вызвало со стороны Сталина «решительный отпор» [19]. перь же кулак под магическим жезлом фокусника евратился во всемогущую и вездесущую силу: кулак оду и везде строит козни социалистическому строельству. И здесь Сталин не пошел дальше политического плагиата, используемого с усердием, достойным ншего применения.

9. Не лучше обстоит дело и с его походом против ории «деградации сельского хозяйства» [20]. Сталин гро л эту теорию, как «правооппортунистическую» и довывал, что индивидуальное крестьянское хозяйство своей основной массе развивается и способно к разтию. Однако прошел лишь год после начала «исторического» похода Сталина, поход еще продолжался, как алин на конференции аграрников-марксистов выступал с новой теоретической формулой. «Наше мелкокрестьянское хозяйство,— заявил он,— не только не осуществляет в своей массе ежегодного расширенного воспроводства, но, наоборот, не всегда имеет возможность уществлять даже простое воспроизводство» [21]. В переде на простой язык это значит, что крестьянское хозяйво в своей основной массе (т. е. середняцкое хозяйство) только не развивается, но или топчется на одном сте, т. е. переживает застой, или же катится вниз.

В дальнейшем мы покажем теоретическую безграмотсть последней «теории» Сталина с точки зрения марк-

сизма-ленинизма, сейчас же отмечаем это как прим «последовательности» и «принципиальности» этого «стального» большевика, меняющего свои взгляды и принципы, как перчатки.

3. Сталин как софист

Для доказательства и «примирения» всех этих непримиримых противоречий к услугам Сталина имеется софистика. Беспринципный политикан по своей природе софист, политический фокусник и актер. Он надевает на себя разнообразные маски в зависимости от поставленной цели. А так как между диалектикой и софистикой есть известное внешнее сходство, ибо и тот и другой тип мышления основаны на признании принципа противоречия, то Сталину тем легче софистику выдать за диалектику.

Софистика — кажущаяся диалектика. Диалектика при известных условиях незаметно переходит в софистику, и этим Сталин искусно пользуется. Софист по своему произволу выбирает любое положение и доказывает его «истинность». Он знает, что всегда найдет группу людей, которая позволит себя обмануть.

В чем заключается сущность софистики, ее отличие от диалектики? Сущность софистики состоит в том, что выдвигаются то те, то другие односторонние и абстрактные определения в их изолированности, вне связи с окружающим, выдергиваются отдельные случаи, факты, примеры и на этом строятся «заключения» и «доказательства». А так как «при громадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения» [22] (Ленин), то Сталин, таким образом, всегда доказывает все, что захочется, тем более что доказывать противоположное негде — вся печать находится в личном распоряжении Сталина, и при господствующем над партией, рабочим классом и трудящимся крестьянством терроризм доказывать противоположное никто не осмелится, ибо это неизбежно связано с разными карами. «Сила доказательства» здесь просто заменяется «доказательством силы» — argumentum baculini. Палочное доказательство — это основной вид «доказательств» и «аргументации» Сталина по отношению к членам партии и парторганизациям. Мы уже не говорим о рабочих и основной массе деревни!

Но Сталин как софист пользуется не только

ночными доказательствами, но также всеми основ-
ми приемами и методами софистики.

Во-первых, Сталин заранее принимает за доказанное что нужно доказать, на таком «декретированном» анее положении строит все свои остальные выводы. ковы его декретированные положения: «Троцкизм — нгард контрреволюционной буржуазии», «Правые — нты кулака», «Середняк в своей основной массе повер- в сторону коллективизации» и т. д.

Во-вторых, там, где ему выгодно, он строит свои воды на принципе: после этого, следовательно, по чине этого, связано с этим. Вредители добивались жения темпов индустриализации, правые, как декрети-ал Сталин, тоже против быстрых темпов, следовате-но, правые — агенты классового врага.

Пользуясь этой аргументацией, можно с таким же ехом доказать, что германская компартия «смыка-я» с фашистами, ибо и те и другие добиваются ржения правительства Брюнинга [23], что русские бо-шевики в Государственной думе «смыкались» с пра-ми партиями, ибо те и другие голосовали нередко есте против ряда думских законопроектов, что кадеты некоторые другие правые партии были «агентами» льшевиков, ибо и те и другие накануне войны 1914 а видели банкротство самодержавия и предсказывали збежность его крушения, а в феврале 1917 года вместе ргли его; таким образом, можно «доказать», что настоящее время большинство сознательной части тии «смыкается» с Каутским, меньшевиками, эсерами, етами, является агентурой капитализма, ибо те и дру- видят банкротство сталинской политики. Таким ме-ом можно доказать все, что угодно. Берется чисто шнее, случайное сходство, к тому же порой сфа-кованное по одному какому-нибудь вопросу, выбра-аются все коренные принципиальные различия — доказательство» готово.

В-третьих, Сталин зачастую прибегает к подстановке ого спорного вопроса другим. Так, например, в 1931 г. дполагалось увеличение продукции на 45%, снижение естоимости на 10 с лишним процентов, а вместо этого имеем увеличение (даже по фальсифицированной ста-ской статистике) всего на 20%, не считая гигантского дшения качества продукции. Вместо же снижения себе-имости — увеличение. Получился «просчет» около 10 лиардов рублей, т. е. банкротство сталинского «пла-

нирования». При таком положении элемен-
ность сколько-нибудь честного вождя состоит в том, чтобы заявить: 1) что план в основном не выполнен — выполнен меньше чем наполовину; 2) что методы планирования оказались негодными и их нужно пересмотреть и перестроить.

Вместо этого Сталин сам молчит, а через свою клику и печать кричит о том, что «мы добились гигантских успехов в третьем решающем», хотя план и «недовыполнен». Вопрос, таким образом, переносится в совершенно иную плоскость, перевертывается, ставится на голову. Гуттаперчевым, с неопределенным содержанием словечком «недовыполнен» прикрывается невыполнение плана, а криками о «гигантских успехах» — банкротство авантюристических методов планирования. Именно этим методом отвлечения внимания от главного пользуются фокусники при своих фокусах. От ловкости рук зависит много, но еще большее значение имеет искусство отвести глаза зрителя, заставить его следить не за тем, за чем нужно. Для этого фокусники и клоуны сопровождают свои шутки и фокусы непрерывной музыкой и болтовней. Все это имеет определенную цель — оторвать взор зрителя от проворных рук и манипуляций фокусника.

В-четвертых, Сталин пользуется методом подмены одних слов и понятий другими, а также словами с растяжимым понятием, которым по произволу можно давать различное толкование. Сегодня он говорит, что правые — сторонники безграничных уступок середняку, а назавтра он превращает их в агентов кулака. Сегодня «быстрым» темпом у него оказывается увеличение продукции на 20%, а 18 или 15% являются оппортунистическими, а назавтра только 30% считаются большевистским темпом, а 20% уже оппортунистическим, то вдруг оказываются 45% настоящим большевистским темпом, а 30% — оппортунистическим, а если программа 45% выполняется только на 20%, то и эти 20% сходят за подлинно большевистские темпы.

Не определив точно содержание понятия «быстрые темпы», Сталин играет этими словечками, как ему вздумается.

В-пятых, Сталин применяет в полемике и доказательствах известный прием софистов, состоящий в подстановке исключения вместо правила и правила вместо исключения. Возьмем для примера те же темпы. В передовой «Правды» от 27 июня 1931 года «Народнохозяйственный

н реален, надо его выполнить» мы читаем: «Мы при-
жаемся к концу первого полугодия. Оно принесло нам
пнейшие успехи в классовой борьбе и во всех областях
одного хозяйства. Многие решающие отрасли промы-
енности дали за первые пять месяцев этого года гро-
дный прирост выпуска продукции. За январь — май
1 года по сравнению с соответствующим периодом
шлого года электротехническая промышленность да-
прирост на 42,3% (работа районных станций на 38%),
тизобъединение — на 108%, станкостроение — на
%, котлотурбина — на 35,3%, нефтеобработка — на
4%, швейная промышленность — на 50%».

А дальше, в средине статьи, без шума, скромно
бавляется: «Однако на фоне наших достижений этого
да имеется ряд темных пятен. Есть отрасли промы-
енности, которые отстают, в том числе металлургия
уголь. План на этих важнейших участках не выпо-
ется». Посмотрите, как тонко сфабриковано софи-
ческое доказательство! Отрасли промышленности,
изванные демонстрировать «выполнение» плана, охва-
вают 10—15% индустриальных рабочих, а «темные
тна» охватывают 85—90% рабочих, а если взять транс-
рт, то и больше.

Под неопределенным словечком «ряд» Сталин, таким
разом, спрятал всю основную массу индустрии, зату-
вал банкротство 45% повышения продукции, предус-
тренного планом, а негосподствующие отрасли про-
шленности поставил во главу угла. Или еще пример.
кая-либо область не выполняет плана хлебозаготовок,
в этой области в 5—6 районах из 100, 150 посредством
рабления населения этих районов (лишения их не толь-
семенных, но и продовольственных фондов, посред-
ом неслыханного террора — судов, арестов, высылок,
сстрелов, распродаж имущества) добились выполнения
ана, и Сталин «заключает»: ряд передовых районов
полнил и перевыполнил план, это доказывает, что
ан реален, надо ударить по оппортунистической прак-
ке отстающих и добиться выполнения плана. И ис-
ючение снова превращается в правило, правило делает-
исключением.

В-шестых, Сталин на каждом шагу прибегает к замал-
занию, утайке, затушевыванию неприятных и невыгод-
х для него фактов. А так как вся печать, весь аппарат
го руках, то это ему удается в совершенстве. С помо-
ью печати и партийной машины — аппарата он, когда

нужно, из мухи делает слона, и наоборот. Пр
вый. На 16-м съезде партии Сталин делает доклад о ги-
гантских успехах индустриализации и коллективизации,
о правильности «генеральной линии партии» и при этом
скрывает два решающих факта. Докладывая об успехах
индустриализации, он скрыл от партии, что в это время
вся текстильная промышленность с 600 тыс. рабочих
из-за отсутствия сырья стояла целиком 4 месяца, ряд
других отраслей легкой промышленности, а также сотни
предприятий тяжелой работали на 2/3 и даже наполови-
ну. Почему он этот крупнейший экономический и полити-
ческий факт замолчал, обманул партию и рабочий класс?
Потому, что это разоблачало его политическое банкрот-
ство, показывало, что его «чудеса» на отдельных участ-
ках достигнуты за счет паралича ряда крупнейших отрас-
лей промышленности. Точно так же, докладывая о кол-
лективизации, он скрыл от масс, что дутые потемкинские
«успехи» коллективизации были достигнуты за счет неве-
роятного террора в отношении основных масс деревни,
что в стране прошла волна невиданных крестьянских
восстаний середняцко-бедняцких масс, восстаний, в кото-
рых во многих случаях участвовали члены партии и ком-
сомольцы, восстаний, которыми порой руководили чле-
ны партии с 1918 г., а в одном случае даже районный
уполномоченный ОГПУ. Лишь крупных восстаний с ты-
сячами участников в каждом в этот период по СССР
было более 500, а мелких — и того больше. Почему об
этом крупнейшем политическом факте в докладе Сталин
не сказал ни звука? Может быть, потому, чтобы об этом
не знала международная буржуазия? Но почему же тогда
разрешалось знать международной буржуазии о грузинс-
ком восстании, о котором в свое время Сталин смело
говорил? На деле Сталину не столь важно обмануть
международную буржуазию, сколько рабоче-крестьянс-
кие массы Советского Союза. Если бы на съезде он
сказал правду о восстаниях в деревне, то что бы осталось
от его колхозной волны?

Второй пример. В конце 1931 г. ЦК ВКП(б) было
опубликовано «историческое» постановление о коопера-
ции [24]. Кооперация — основная и гигантская организа-
ция, занимающаяся торговлей, и решающим, коренным,
принципиальным вопросом в работе ее является полити-
ка цен. Но как раз о политике-то цен в этом «историчес-
ком» постановлении и не было ни звука. Чем же объясня-
ется такая «забывчивость»? А тем, что в этот момент

роизведено было повышение цен на товары в несколько
. И это в то время, когда шло падение покупательной
особности червонца. Оправдать повышение цен никак
сь нельзя. Ведь всего три года тому назад в борьбе
троцкистами снижение цен выдвигалось как альфа
омега советской торговой политики. Сталин и здесь
ершил один из многочисленных политических плаги-
ов, но признаться в этом не может. И политика цен
езла из «исторического» постановления о советской
рговле.

В-седьмых, там, где Сталин ходом событий оказыва-
я явно припертым к стене, где явно обнаруживается
икротство его руководства, где в то же время замол-
ть факты никак нельзя, там он прибегает к таким
ристическим увертками, к которым обычно прибегают
нько мелкие карманные жулики, когда их ловят с по-
ным,— он сваливает вину на других.

Ленин говорил: «Надо помнить, что политический
ководитель отвечает не только за свою политику,
и за то, что делают руководимые им» [25]. Сталин
ступает наоборот: он свою собственную вину, бан-
отство своего руководства сваливает на других. При
е его верные холопы и слуги, когда приходилось
сталкиваться с произволом местных властей, спасая
горитет, говорили: «Законы святы, да чиновники —
кие супостаты». Сталин в подобных случаях поступает
ким же образом. Он также сваливает вину за все
образия, являющиеся системой и неизбежным про-
том его политики, на местных работников, прикры-
т это для затушевывания насилия и издевательств
деревней туманными словечками: «перегибы» и «ад-
нистрирование» — и выходит сухим из воды. Вождь
рош, принципы его политики, его директивы идеальны,
естные исполнители, районные и сельские работники
куда не годятся — они обязательно или «переадми-
стрируют», или попадут под влияние самотека, или
нят «левый загиб», или впадут в правый уклон,
и окажутся «агентами кулака». Лишь немногие сча-
ливцы из местных районных и сельских работников
последние два года спаслись от обвинений в уклонах.
давляющее большинство руководящих партийных
советских работников района и села сняты с работы
всякого рода загибы и оппортунизм, тысячи из них
еданы суду и посажены в тюрьму.

Для иллюстрации сталинского приема сваливания

своих преступлений на других достаточно при-
классический пример из многих. Это его «знаменитая»
статья о перегибах в коллективизации весной 1930 года,—
«Головокружение от успехов» [26]. Общеизвестно, что кол-
лективизация примерно уже с конца 1928 года начала
проводиться методами прямого и косвенного принужде-
ния, а в дальнейшем — 1929—1930 гг.— и прямого наси-
лия и террора. Раскулачивание, хлебозаготовки, налоги,
массовые аресты, расстрелы и пр.— все это было исполь-
зовано для терроризирования середняцких и бедняцких
масс деревни, чтобы загнать их в колхозы. Официальные
постановления ЦК «о добровольном вступлении в кол-
хозы» стали только обычным фарисейским, лицемерным
прикрытием для прямо противоположной практики кол-
лективизации. Информация о том, какими методами осу-
ществляется коллективизация, какими методами выкола-
чивается у мужиков хлеб и налоги,— у Сталина была
превосходная.

Сталин хотя и ограничен, но достаточно умен, чтобы
знать в основном действительное положение вещей
в стране, в частности в деревне. Но он и тогда уже
запутался настолько, что изменить политику ему уже
было невозможно. Поворот политики снова на ленинские
рельсы означал бы не только банкротство его новой
«теории» обострения классовой борьбы по мере нашего
продвижения вперед по пути к социализму, его «чуда»
с темпами индустриализации и коллективизации, но и по-
зорного изгнания его с поста генсека. Поэтому он вынуж-
ден был играть «ва-банк» и самым бесстыдным образом
фальсифицировать в газетах, в том числе и в «Правде» —
его личном непосредственном рупоре,— фактическое по-
ложение вещей. Однако когда весной 1930 года во всей
стране, как результат его политики, прошла волна неви-
данных в истории крестьянских середняцко-бедняцких
восстаний, когда Сталин почувствовал, что почва под
ногами его и его клики горит, что их господство может
кончиться, когда он оказался припертым к стене, то,
вместо того чтобы по-ленински честно и открыто при-
знать провал прежней политики и изменить курс, он
пошел на трюк. Этим трюком и явилась его статья
«Головокружение от успехов». В этой статье Сталин за-
явил, что до февраля 1930 года коллективизация шла
добровольно, а с февраля месяца у местных работников
«закружилась от успехов голова» и они стали вопреки
директивам ЦК насильно принуждать крестьян вступать

олхозы. Это «левый загиб», с которым должно быть
йтельно покончено, и линия партии решительно вы-
влена. Тут Сталин вспомнил и привел ряд ценных
заний Ленина о коллективизации, о полной доброво-
ности для крестьян вступать в коллективы. В резуль-
е этой статьи тысячи районных работников были ис-
очены из партии только за то, что они проводили
итику Сталина и его клики о процентном выполнении
лективизации, тысячи были брошены в тюрьмы за то,
по прямым директивам секретарей обкомов, под
розой исключения из партии, должны были к опреде-
ному сроку «наколлективизировать» определенный
оцент. Местные работники были брошены в жертву
озленным массам деревни, для того чтобы отвлечь
имание от действительного виновника, а Сталин вы-
упил перед мужиками в роли спасителя от «местных
новотяпов», в роли Наполеона.

Статья его является образцом не только в переклады-
нии вины на других, но и образцом фальши и лицеме-
я Сталина, так как вслед за ней был издан по советской
нии декрет, по которому системой налоговых обложе-
й единоличник с прежней силой загоняется в колхозы.

В-восьмых, там, где явное политическое надувательст-
нужно выдать за правду, он прибегает иногда к спосо-
«ошарашивания», оглушения масс набором особенно
омких и страшных слов, начинает бешеную кампанию
всех газетах и журналах, изо дня в день, из недели
неделю, из месяца в месяц долбя одно и то же. Бес-
нечное количество статей в газетах и журналах, тысячи
ошюр и книг на одну и ту же тему — все направляется
то, чтобы ложь выдать за правду. Где нельзя добиться
зультатов с помощью логики, он заменяет ее ритори-
й, воздействием на чувства масс, на их настроение,
пугивая грозными словами одних, льстя приятными
овами другим, приводя в недоумение третьих. Софи-
ика в известной степени вообще сводится к «силе сло-
». Здесь софист разными способами достигает своей
ли. Он или чрезмерно удлинит свое рассуждение там,
е нужно утомить внимание слушателей или читателей,
и запутает все «концы» так, что неопытный, неиску-
енный в политике и логике человек ничего не поймет,
и, когда ему угрожает верное поражение, отговорится
едостатком времени для освещения вопроса, или, нако-
ец, с пафосом совсем не к месту начнет взывать к долгу,
овести, мужеству, стойкости слушателей, напоминая им

прошлые геройские подвиги их и их предков, клеймя
презрением и запугивая возражающих и одобряя согла-
шающихся. Под магическим жезлом слов софиста безоб-
разное превращается в прекрасное, зло в добро, преступ-
ление в героизм, вред в пользу. Ошибочное рассуждение,
будучи выражено просто, не обманет и ребенка. Если же
его развить в нескольких томах или сотнях статей, если
его распространять в течение нескольких лет в десятках
миллионов книг и брошюр, то оно может запутать мил-
лионные массы, политически слабо развитые. Сталин
и его клика «по мере надобности» пользуются также
и этим методом для оправдания своего руководства.

Само собою разумеется, что отмеченными методами
Сталин пользуется не отдельно каждым, а всеми или
несколькими сразу, ибо все они тесно переплетаются друг
с другом и переходят один в другой. От этого они не
перестают быть софистическими. Все эти приемы «до-
казательств» в борьбе с политическими противниками,
инакомыслящими по партии и составляют «арсенал» ста-
линской «диалектики».

Чем отличается сталинская «диалектика» от диалек-
тики Маркса — Энгельса и Ленина? Тем, что она в корне
враждебна марксизму-ленинизму.

Ленин следующим образом характеризует сущность
подлинной материалистической диалектики, диалектичес-
кого метода. Логика диалектическая требует того, чтобы
мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет,
надо охватить, изучить все его стороны, все связи и опо-
средствования. Мы никогда этого не достигнем пол-
ностью, но требование всесторонности предостережет
нас от ошибок и омертвения. Ленин требует всесто-
роннего учета явлений в их конкретном развитии, не
допускает выдергивания кусочка одного, кусочка другого
(«Еще раз о профсоюзах...») [27]. А этот метод не имеет
ничего общего со сталинскими софистическими «фокус-
покусами», с его фабрикацией и подтасовкой фактов,
с его выдергиванием отдельных заводов, отдельных кол-
хозов для «доказательства» правильности и реальности
всего плана.

В другом месте, в ранней незаконченной работе
Ленина «Статистика и социология», мы находим по
этому же вопросу следующее место, попадающее прямо
не в бровь, а в глаз Сталину с его методом фа-
льсификации и подтасовки фактов, искажением дейст-
вительности для оправдания своих замыслов. «В области

ений общественных нет приема более распространен-
го и более несостоятельного, как выхватывание от-
льных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры
обще не стоит никакого труда, но и значения это не
еет никакого или чисто отрицательное, ибо все дело
сторической конкретной обстановке отдельных случа-
Факты, если взять их в целом, в их связи, не только
рямая, но и безусловно доказательная вещь. Фактики,
и они берутся вне целого, вне связи, если они отрывоч-
и произвольны, являются именно только игрушкой
и кое-чем еще похуже.[...] Надо попытаться установить
кой фундамент из точных и бесспорных фактов, на
торый можно было бы опираться, с которым можно
ило бы сопоставлять любое из тех «общих» или «при-
рных» рассуждений, которыми так безмерно злоупот-
бляют в некоторых странах в наши дни. Чтобы это был
йствительно фундамент, необходимо брать не отдель-
ые факты, а всю совокупность относящихся к рассмат-
ваемому вопросу фактов без единого исключения, ибо
наче неизбежно возникает подозрение — и вполне за-
нное подозрение — в том, что факты выбраны или
одобраны произвольно, что вместо объективной связи
взаимозависимости исторических явлений в их целом
реподносится субъективная стряпня для оправдания,
ожет быть, грязного дела. А это ведь бывает чаще, чем
ажется» («Письма к родным» — предисловие М. И.
льяновой, стр. 15—16) [28].

Deta fabula naratur! О тебе идет речь! Это латинское
зречение следовало бы поставить эпиграфом над всей
галинской политикой и его статьями последних лет. Оно
ак будто бы специально написано о сталинской игре
примерчики, выдергивании отдельных выгодных фак-
иков, о стряпне на сталинской кухне всякого рода ук-
онов, загибов, заскоков, перерождений и пр. для опра-
дания его грязных дел.

Достаточно уяснить одно это гениальное ленинское
зречение, чтобы понять характер и методы сталинских
оказательств «теорий», реляций и сводок. Эти обзоры
сводки «побед» с фронта индустриализации и коллек-
ивизации, о подъеме масс и пр. как две капли воды
охожи по «методологии» на куропаткинские сводки
победах над японцами [29]. Во время русско-японской
ойны в казенных царских газетах сегодня сообщалось
том, что сотник такой-то со своим эскадроном в лихой
таке «проучил японский караул»; завтра — что капитан

такой-то со своим батальоном в лихой штыковой атаке
переколол роту японских солдат; на следующий день —
что «япошке скоро капут», так как армия вся горит
желанием постоять за «батюшку царя», и т. д. А в этот
момент 400-тысячная армия, разгромленная и окончате-
льно деморализованная, голодная, озлобленная, потеря-
вшая веру в полководцев и в победу, в панике отступала
с одной позиции на другую, и положение становилось
с каждым днем все более угрожающим.

Такими же победными реляциями Сталин кормит
массы партии и рабочих. Сегодня сообщается, что такой-
то сельсовет «в порядке соцсоревнования и ударничества,
беспощадно борясь с кулачеством и его агентурой —
правыми оппортунистами» успешно выполнил встречный
план хлебозаготовок; завтра — секретарь ячейки Петров
и директор Иванов «рапортуют» о пуске нового завода
или цеха; на следующий день — что рабочие завода
Петровского или Ворошилова с энтузиазмом выполнили
план подписки на заем и в порядке встречного — продол-
жают подписку. А в этот момент страна, обнищавшая,
ограбленная, разоренная, нагая и голодная, с подорван-
ной в корне производительной, покупательной и платеж-
ной способностью, потерявшая веру в дело социализма,
терроризированная, озлобленная, представляющая
сплошной пороховой погреб,— все дальше и дальше
загоняется в тупик... Таково сталинское руководство!

Беспринципный политикан и софист, повар грязной
стряпни, специалист по организации «дел Бейлиса» [30]
применительно к условиям Советского Союза — таков
морально-политический облик Сталина!

Ленин в своем завещании разоблачил нелояльность,
нечестность, недобросовестность Сталина; он высказал
опасение, что Сталин не сумеет пользоваться осторожно
властью генсека. И ход событий с лихвой подтвердил его
гениальную прозорливость. Ленин уже тогда нащупал
политическое лицемерие Сталина, его фарисейство. Те-
перь это фарисейство ясно и для ребенка.

4. Сталин как вождь и теоретик

Партийный аппарат и кучка окружающих Сталина карье-
ристов и льстецов упорно, изо дня в день, из месяца
в месяц, на всех перекрестках трубят о том, что Ста-
лин — великий теоретик и вождь, гениальный ученик
Ленина. Его имя в настоящее время эти «ученые» карье-

ты ставят рядом с именами Маркса, Энгельса и Ле-
а. Всякого, кто этого не делает, берут под сомнение
бстрел».
Сталин, уцепившись за Маркса, Энгельса и Ленина, за
спиной мошенническим способом намерен пробраться
яды учителей рабочего класса. Если история не при-
ет его великим человеком, то он не намерен призна-
ь историю и с помощью своих «ученых» карьеристов
ет переделать ее заново.
Если он никогда не способен подняться на вершины
ретического и духовного величия Маркса, Энгельса
Ленина, то он намерен, наоборот, их опустить до
вня своего собственного ничтожества; если господст-
ющие классы с помощью печати и обработки сознания
с превращали иногда гениальных людей в авантюри-
в, то почему же господствующая клика авантюриста
может его превратить в гениального человека!
Ставить имя Сталина рядом с именами Маркса, Эн-
льса, Ленина — это значит издеваться над Марксом,
ельсом, Лениным, это значит издеваться над пролета-
том, это значит потерять всякий стыд, перейти все
делы низости; ставить имя Ленина рядом с именем
алина — это все равно что Эльбрус ставить рядом
учей навоза; ставить произведения Маркса, Энгельса
енина рядом с «произведениями» Сталина — это все
но что ставить рядом с музыкой великих композито-
Бетховена, Моцарта, Вагнера и др. музыку уличного
манщика.
Ленин был вождем, но не был диктатором; Сталин,
борот, является диктатором, но не является вождем.
олетарской революции нужны хорошие вожди, проле-
ская ленинская партия не может быть без вождей, но
олетарской революции не нужны диктаторы. Партия
ролетариат должны бороться даже против самых «лу-
их» диктаторов, ибо вырождение вождей в диктаторов
ачает вырождение и перерождение самой пролетарс-
диктатуры.
Какая разница между вождем и диктатором?
Подлинный вождь выдвигается прежде всего движе-
м масс, он опирается в первую очередь на массы и на
доверие, он глубочайше связан с массами, постоянно
щается среди них, он идет во главе их, говорит им
вду, не обманывает их, и массы убеждаются на соб-
енном опыте в правильности его руководства и его
держивают. Таков был именно Ленин — этот гениаль-

ный вождь пролетариата, таковы были основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс, таковы были и подлинные вожди буржуазной революции во Франции — Робеспьер, Марат и т. д. Диктатор, наоборот, большей частью приходит к власти или через подавление революции, или после спада волны революции, или через внутренние комбинации правящей клики, или через дворцовый переворот, опираясь на государственный или партийный аппарат, армию, полицию. Диктатор опирается в основном не на массы, а на свою верную клику, на армию, на государственный или партийный аппарат; он не связан с массами, он не вращается среди них, он может с ними заигрывать и льстить им, но он обманывает массы, он правит не потому, что массы ему доверяют, а чаще всего вопреки этому. Политика диктатора — это политика внутренних закулисных комбинаций, политика подбора лично ему верных людей, политика оправдания, защиты и возвеличивания его господства. Наполеон, Муссолини, Пилсудский, Хорти, Примо де Ривера, Чан Кайши и пр.— все они в основном укладываются в эту характеристику. В эту характеристику укладывается и диктатура Сталина, хотя его диктатура и отличается коренным образом от буржуазных диктаторов * тем, что она выросла на базе пролетарской диктатуры, являясь искажением пролетарской диктатуры и содействуя ее дальнейшему искажению и вырождению.

Сталин никогда не был настоящим, подлинным вождем, но ему тем легче было в ходе событий превратиться в настоящего диктатора. Свою сегодняшнюю роль он занял не благодаря поддержке масс. Он пришел к своему теперешнему безраздельному господству путем хитрых комбинаций, опираясь на кучку верных ему людей и аппарат, и с помощью одурачивания масс. Он оторван от масс, он не связан с ними, он держится не на доверии масс, а на терроризировании их. Словом, черты современного Сталина — это черты диктатора, а не вождя.

«Работа» по канонизированию Сталина приняла грандиозные размеры. Люди всех рангов взапуски стараются перещеголять друг друга в области «соцсоревнования» на поприще услужения «вождю». Теоретические статьи в журналах превратились просто в ходатайства о повышении по службе и мотивированные подписки о политической благонадежности по отношению к Сталину. Партийная машина «заказ» выполняет аккуратно. Но затея ка-

---

* Так в документе.

изирования все же обречена на явный провал. Мы уже говорим о его «ошибках» или, выражаясь точнее, плошной цепи извращений марксизма-ленинизма за ледние 4—5 лет. Но если взять его позицию периода 4—1927 гг., то и тут имеются такие черные «заплаты» его «чистых» ризах, которые он не сможет выскоблить атереть никакой фальсификацией истории партии.

Во-первых, Сталин в период мировой империалистической войны был не большевиком-пораженцем, а платоническим интернационалистом, т. е. стоял не на точке ния циммервальдской левой, как Ленин, а на точке ния большинства Циммервальдской конференции, на точке зрения Мартова, Троцкого и др. [31].

Что это именно так — об этом свидетельствует не кто й как сам Сталин в своей статье «О войне», помещен- в его сборнике «На путях к Октябрю». В этой статье читаем: «Поведение Геда, Самба и др. получило жную и авторитетную оценку в определенных резо- циях социалистических конгрессов в Циммервальде интале (1915—1916 гг.) против войны. Последующие ытия подтвердили всю правильность и плодотвор- ть положений Циммервальда — Кинталя» (стр. 4) [32].

Может ли еще быть после этой цитаты сомнение, что ировую войну Сталин не был большевиком-пораженц, а был центристом: *«События подтвердили всю правильность и плодотворность положений Циммервальда — Кинталя»*. Сталин, таким образом, еще в 1917 г. был иком согласен с решениями Циммервальдской и Кинтальской конференций. На деле события подтвердили не ю правильность и плодотворность положений Циммервальда — Кинталя», а всю правильность и плодотворность циммервальдской левой. А это, как известно, не о и то же.

Ленин о Циммервальдской конференции в своей статье «Первый шаг» пишет: «Конференция отклонила, 19 осами против 12, сдачу в комиссию проекта резолю- , предложенного нами и другими революционерами ксистами, а наш проект манифеста сдали в комиссию сте с двумя другими для выработки общего манифе- Принятый манифест фактически означает шаг к идей- у и практическому разрыву с оппортунизмом и со- л-шовинизмом. Но в то же время этот манифест, как ажет его разбор, страдает непоследовательностью едоговоренностью» [33]. Большевики, следовательно, ались на конференции в меньшинстве и считали,

что манифест и резолюции, принятые конференцией, страдают непоследовательностью и недоговоренностью, а Сталин их считает целиком правильными (события подтвердили всю правильность положений Циммервальда-Кинталя). Таков этот «твердокаменный», «последовательный», «стальной» большевик во время войны. Сталин различными софистическими увертками и криками о клевете будет пытаться этот факт затушевать, но никого из честных партийцев, марксистов-ленинцев, рабочих он не одурачит: факт слишком ярко говорит о себе.

Во-вторых, позиция Сталина в 1917 г. до приезда Ленина была, как известно, полуменьшевистской. В той же статье «О войне» Сталин приветствует обращение Петроградского СР и СД «К народам всего мира» и выход из войны видит в давлении на Вр[еменное] правительство с требованием изъявления своего согласия немедленно открыть мирные переговоры. В этих взглядах Сталина нет ни грана большевизма, ни грана ленинизма. В своем предисловии к сборнику «На путях к Октябрю» Сталин пытается смазать истинный смысл своих позиций, спрятать его за спину партии. Он пишет, что первые три статьи отражают известные колебания большинства нашей партии по вопросу о мире и власти Советов, имевшие место, как известно, в марте — апреле 1917 г. Теперь он не признает никаких «объективных условий». Там, где можно и необходимо учитывать строжайше объективные условия и с ними считаться, он их отвергает. Там же, где недопустимо прятаться за объективные условия, он их привлекает для спасения положения. Это, видите ли, «был период крутой ломки старых позиций». Но это только объяснение его полуменьшевистской позиции, но не ее оправдание. От поведения вождей в огромной степени зависит поведение масс. И человек, претендующий на звание вождя, не имеет права прятаться за настроения масс и за крутую ломку старых позиций. Вождь должен себя показать именно в момент «крутой ломки старых позиций».

Сталин же в этот момент показал себя не большевиком, а полуменьшевиком. Платонический интернационалист, небольшевик в период мировой империалистической войны, полуменьшевик в марте — апреле 1917 г.— таков этот «герой нашего времени».

В-третьих, посмотрим, каковы были взгляды Сталина по вопросу о Брестском мире в 1918 г. До сих пор было распространено мнение, что взгляды Сталина целиком

падали со взглядами Ленина. В действительности это
еко не так. Эти взгляды зафиксированы не в литера-
ных выступлениях Сталина, а в протоколах Центр.
а РСДРП(б) (август 1917 г.— февраль 1918 г.). В этих
токолах мы читаем следующее: «Тов. Сталин считает,
, принимая лозунг революционной войны, мы играем
руку империализму. Позиция т. Троцкого не есть по-
ия. Революционного движения на Западе нет, нет фак-
, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем
таться.
Тов. Ленин доказывает, что он не согласен в некото-
частях со своими единомышленниками Сталиным
иновьевым. С одной стороны, конечно, на Западе есть
совое движение, но революция там еще не началась.
нако, если бы мы в силу этого изменили свою тактику,
мы явились бы изменниками международному социа-
му» [34].
Приведенные выдержки из документов свидетельству-
что Сталин высказывался за Брестский мир совсем
че, чем Ленин. Ленин подходил к вопросу о Брестском
ре как большевик-интернационалист, Сталин же — как
ионал-большевик. Для Ленина Брестский мир был
дством задержаться до появления общей социалисти-
кой революции, ибо «на Западе есть массовое движе-
, но революция там еще не началась». С точки же
ния Сталина «революционного движения на Западе
нет фактов, а есть только потенция, а с потенцией мы
можем считаться».
Ленин страстно верил в революционное движение на
аде и видел его, Сталин не верил в него («с потенцией
не можем считаться») и не видел его («есть только
енция»). Сталин, по существу, предлагал надолго мах-
ь рукой на мировую революцию — улита едет, когда-
будет. Ленин же русскую революцию рассматривал
начало мировой революции, которая неизбежна
ижайшие годы. Именно поэтому Ленин назвал в кос-
ной форме позицию Сталина изменнической «по от-
ению к международному социализму».
Таков Сталин как «интернационалист» в период за-
чения Брестского мира.
Наконец, в-четвертых, посмотрим на позицию Стали-
з китайской революции в 26—27 году. Эта позиция
а также не большевистской, а полуменьшевистской,
линно оппортунистической, понимая, конечно, это
ажение в марксистско-ленинском, а не сталинском

смысле. Оппортунизм этой позиции заключался не в том, что Сталин высказывался за допустимость временных блоков с революционной буржуазией (это было правильно), а в том, что в этом блоке он компартию превращал в придаток, в хвост Гоминьдана, что усыплял бдительность масс и китайской компартии по отношению к буржуазии, что он действовал вопреки требованию Ленина: следи за союзником, как за врагом.

Сталин по обыкновению вину за оппортунистическое руководство китайской революции свалил на руководство китайской компартии. Но каждый знает, что китайская компартия, даже в мелочах, тогда слепо следовала директивам Коминтерна, где первую скрипку играл уже Сталин.

Обанкротившись со своей оппортунистической линией руководства китайской революцией и свалив вину за это на ЦК китайской компартии, Сталин через 1—2 месяца круто поворачивает от оппортунизма к авантюризму и приводит китайскую революцию к разгрому. Все эти факты неоспоримы. Их можно «оправдать» только с помощью софистических уловок.

Эти факты снова показывают «блестящие» качества Сталина как «вождя», они показывают, что мы имеем перед собой не «твердокаменного большевика», а большевика, допускавшего в решающие моменты жизни партии грубейшие оппортунистические ошибки и колебания, а теперь превратившегося в беспринципного политикана и авантюриста.

Если так дело обстоит со Сталиным как с вождем, то нисколько не лучше он выглядит и как теоретик. Говорить о Сталине как о теоретике до 1917 г. просто смешно. Все его теоретические работы до 1917 года сводятся к трем маленьким статейкам по национальному вопросу, помещенным в свое время в «Просвещении», а затем, в первые годы революции, изданным отдельной брошюрой. Эти статьи представляют из себя очень посредственную композицию взглядов Ленина по национальному вопросу, и только. Дальше идет его сборник статей «На путях к Октябрю». Как нами уже отмечалось, первые статьи его сборника, написанные до приезда Ленина, являются полуменьшевистскими. Что же касается остальных, то в них автор показывает себя крайне посредственным «теоретиком» со слабой марксистской эрудицией. Та же печать ограниченности, неподвижности, схематизма, узости кругозора и слабой эрудиции автора лежит

а всех остальных его работах, в том числе и на самой
шей и ценной — «К вопросам ленинизма».
В своих работах он обнаруживает не богатый теорети-
кий багаж, а лишь уменье и ловкость скрывать его
жество. Что это именно так, что мы имеем перед
ой не теоретика, а «ворону в павлиньих перьях»,— мы
покажем на важнейших теоретических вопросах.

5. Ленинизм и борьба с оппортунизмом

ановимся прежде всего на коренном вопросе учения
кса — Ленина — на борьбе с оппортунизмом. Защи-
истоты теоретических принципов марксизма-ленинизм
— основная обязанность большевика, коммуниста.
римиримая борьба с оппортунизмом, выражающим
жуазное влияние на партию пролетариата,— реша-
ее условие торжества пролетарской революции, побе-
сного социалистического строительства.
Все это бесспорно абсолютно. Но кто усвоил только
гребование в учении Ленина, тот еще не стал больше-
ом. Нельзя забывать, что всякую истину, всякое вели-
учение можно извратить, опошлить, превратить в ка-
атуру. Ленин в своем гениальнейшем произведении
тская болезнь «левизны» в коммунизме» по этому
росу пишет: «Самое верное средство дискредитиро-
новую политическую (и не только политическую)
о и повредить ей состоит в том, чтобы, во имя за-
ы ее, довести ее до абсурда. Ибо всякую истину, если
делать «чрезмерной»... если ее преувеличить, если ее
ространить за пределы ее действительной примени-
ти, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно
указанных условиях превращается в абсурд» [35].
нно это в настоящее время и случилось с ленинским
ием о борьбе с оппортунизмом. Сталин ленинское
ие о борьбе с оппортунизмом опошлил до последних
елов, довел его до абсурда, превратил в карикатуру
ъект насмешек и издевательств и для самих членов
тии, и для рабочих и трудящихся вообще, и для врагов
етарской диктатуры. Сталин борьбу с оппортунизм
просто превратил в орудие терроризирования пар-
в целях защиты своих безграмотных антиленинских
ий и политики, превратил в бич для подхлестывания
ов партии при проведении всякого рода кампаний.
Что такое оппортунизм?

Энгельс дает следующее классическое определение оп-
портунизма: «Это забвение великих, коренных соображе-
ний из-за минутных интересов [дня], эта погоня за минут-
ными успехами в борьбе из-за них без учета дальнейших
последствий, это принесение будущего движения в жертву
настоящему,— может быть, происходит [и] из-за «чест-
ных» мотивов. Но [это] есть оппортунизм и останется
оппортунизмом, а «честный» оппортунизм, пожалуй,
опаснее всех других» [36].

Точно такое же определение оппортунизму дает и Ле-
нин. Он говорит: «Оппортунизм состоит в том, чтобы
жертвовать коренными интересами, выгадывая времен-
ные частичные выгоды. Вот в чем гвоздь, если брать
теоретическое определение оппортунизма» [37].

Если расшифровать эти формулировки Энгельса и Ле-
нина, если их конкретизировать, то можно сказать, что
оппортунизм для партий, только еще борющихся за
власть, состоит в отказе от борьбы за вооруженное
низвержение буржуазии, в капитуляции перед трудно-
стями и опасностями этой борьбы, в подмене борьбы
за мировую пролетарскую революцию борьбой за ре-
формы, в затушевывании непримиримости классовых
противоречий между буржуазией и пролетариатом,
в стремлении примирить эти противоречия вместо того,
чтобы обострить их, в подрыве международной соли-
дарности пролетариата, в отречении от нее, в сеянии
иллюзий в рядах рабочего класса, что в рамках ка-
питализма пролетариат может добиться улучшения свое-
го положения, в преклонении перед стихийностью ра-
бочего движения, в забвении своей обязанности всемерно
защищать Советский Союз, в стремлении примирить
мировоззрение революционного пролетариата — марк-
сизм-ленинизм, растворить его, искалечить и изуродо-
вать применительно к той или иной разновидности бу-
ржуазного мировоззрения. Что же касается партий и про-
летариата, уже завоевавших государственную власть,
то здесь содержание понятия оппортунизма значительно
расширяется и в то же время видоизменяется.

Для коммунистической партии, где пролетариат уже
завоевал политическую власть, все старое содержание
понятия оппортунизма также сохраняется, поскольку это
касается правильного применения принципов ленинизма
в борьбе за низвержение господства капитала в тех
странах, где властвует буржуазия. Когда же мы пере-
ходим к самой стране пролетарской диктатуры, то здесь

ржание понятия оппортунизма несколько видоизме-
ся. Здесь мы также не можем терпеть никакого зату-
ывания классовых противоречий ни между пролета-
том и капиталистическими элементами города и де-
ни, ни между пролетариатом и средним
тьянством. Трезвая, ясная, честная, прямая последо-
льная марксистско-ленинская оценка, трезвый марк-
ско-ленинский анализ и здесь, как и везде, абсолютно
ходимы.

Но в условиях пролетарской диктатуры мы уже не
тересованы в разжигании классовой борьбы, в ее
трении не только между пролетариатом и средним
тьянством, но и между пролетариатом и капитали-
ескими элементами.

Политика разжигания классовой борьбы, как и пока-
опыт последних трех лет, гигантски дезорганизует
одрывает в корне социалистическое строительство.
летарское же государство имеет все возможности, не
упаясь ни пядью своих позиций, не разжигать клас-
й борьбы.

Если даже буржуазии, хотя и временно, и в узких
елах, без уступки своих позиций, с помощью ап-
та буржуазного государства, печати, церкви, удается
ять классовую борьбу, смягчать ее, придавать ей
онные», так сказать, нормальные формы, регулиро-
ее, то пролетарское государство располагает в десят-
з более могущественными средствами для регулиро-
я классовой борьбы. Когда-то и Сталин, как мы
ли выше, понимал эти элементарные марксистские
ны. Теперь же, окончательно запутавшись и изолгав-
, он открыл даже «закон» неизбежного обострения
совой борьбы «по мере нашего продвижения по пути
циализму».

торая особенность. Капитуляция перед трудностями
алистического строительства, игнорирование задач
алистического строительства, пренебрежение ими,
лонение перед стихийностью, самотеком, отказ от
ходимо быстрых темпов индустриализации страны.
черты у оппортунизма до завоевания политической
ти, естественно, нет. Сталин здесь особенно много
стил тумана, одну долю правды смешал с 9 долями
и нужны величайшие усилия, чтобы отделить крупи-
стины от огромного количества вздора. Капитуля-
перед трудностями социалистического строительства
ной экономически отсталой стране — бесспорный

оппортунизм. Однако констатированием этого факта во-
прос еще не решается, а только лишь ставится.

Кто действительно капитулирует перед трудностями,
тот оппортунист, но кто кричит только о капитуляции,
тот еще не большевик, а, может быть, только демагог,
фразер, болтун, преследующий совсем не преодоление
трудностей, а свои личные, честолюбивые цели, ибо суть
вопроса в способах преодоления трудностей. Если поли-
тическая линия руководства такова, что, призывая на
борьбу с трудностями, она обеспечивает преодоление
этих трудностей и победу социалистического строитель-
ства, то такая линия является действительно ленинской.
Если же политическая линия руководства не только не
обеспечивает преодоления этих трудностей, но, наоборот,
увеличивает их, громоздит одну на другую, загоняет
партию и страну в тупик и губит социалистическое стро-
ительство, дискредитирует его в самом корне, то она
является антиленинской, хотя ее и нельзя назвать оппор-
тунистической. Политика Аракчеева, не капитулирова-
вшего перед трудностями и знавшего только один ло-
зунг — «Гони!», не содержит, конечно, в себе оппортуниз-
ма, но в ней нет и ни грана ленинизма. Преклонение перед
стихийностью, самотеком является оппортунизмом, од-
нако игнорирование конкретной обстановки, перепрыги-
вание через всю сумму материальных, культурных, быто-
вых и политических условий, в которых приходится рабо-
тать, экономическая и политическая хлестаковщина —
в не меньшей мере является авантюризмом.

Сталин в настоящее время под эту хлестаковщину
и авантюризм подвел настоящую «теоретическую базу».
В своей речи «Новая обстановка — новые задачи хозяй-
ственного строительства» он пишет: «Наконец, два слова
о нашем производственном плане на 1931 год. Существу-
ют некоторые околопартийные обыватели, которые уве-
ряют, что наша производственная программа нереальна,
невыполнима. Это нечто вроде «премудрых пискарей»
Щедрина, которые всегда готовы распространить вокруг
себя «пустоту недомыслия». Реальна ли наша производ-
ственная программа? Безусловно, да!.. Она реальна хотя
бы потому, что ее выполнение зависит теперь исключите-
льно от нас самих, от нашего умения и нашего желания
использовать имеющиеся у нас богатейшие возможности.
Чем же иначе объяснить тот факт, что целый ряд пред-
приятий и отраслей промышленности уже **перевыполнил**
план?.. Было бы глупо думать, что производственный

план сводится к перечню цифр и заданий. На самом деле производственный план есть живая и практическая деятельность миллионов людей. Реальность нашего производственного плана — это миллионы трудящихся, творящие новую жизнь. Реальность нашей производственной программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план. Есть ли у нас она, эта самая решимость? Да, есть. Стало быть, наша производственная программа может и должна быть осуществлена» [38].

Такова сталинская «философия» борьбы за выполнение плана, за высокие темпы. По своей теоретической марксистско-ленинской безграмотности, по своему полному разрыву с материалистической диалектикой, по своей пустоте, по абсолютному отсутствию даже малейшей попытки подойти к действительному анализу тех условий, от которых зависит выполнение плана, по своему обнаженному, неприкрытому желанию пустой болтовней и выдергиванием отдельных «фактиков» затушевывать банкротство авантюристических темпов и методов планирования эта речь представляет настоящий перл.

Всякий, кто не забыл еще азы марксизма-ленинизма, кто не разучился еще под влиянием повседневного извращения учения Маркса — Энгельса — Ленина по-ленински мыслить, тот сразу же скажет, что ленинизмом от речи Сталина и не пахнет. По своему объективному содержанию — это философия экономического и политического авантюризма, это чистейший субъективный идеализм, это своеобразная эсеровщина в новом издании.

Посмотрим, что за аргументы защиты реальности плана приводит Сталин. Во-первых, реальность плана, по Сталину, доказывается тем, что ряд предприятий и отраслей промышленности уже перевыполнили план. Во-вторых, тем, что выполнение плана зависит исключительно от нас самих. Реальность плана — это наша решимость выполнить этот план? Вот и все, что мог привести Сталин в защиту реальности плана. Но эти положения в действительности не только ничего не доказывают, а лишний раз обнаруживают, к каким убогим софистическим приемам вынужден прибегать Сталин для оправдания своей политики.

Доказывает ли реальность плана всей промышленности выполнение плана отдельными предприятиями и даже целыми отраслями промышленности? Ни в коем случае. Это именно то выдергивание отдельных «фак-

тов», которое так беспощадно бичевал Ленин. Из 50 тысяч предприятий всегда можно вырвать, выдернуть 500—600 предприятий, которые выполняют план, но это еще абсолютно ничего не говорит о реальности плана в целом. Одни из этих предприятий выполнили план потому, что их полностью снабжали за счет других предприятий сырьем, другие потому, что их лучше за счет других предприятий финансировали, третьи потому, что их обеспечили самыми лучшими, самыми квалифицированными специалистами, четвертые просто потому, что этот план, по сравнению с прошлым годом, не только не давал никакого роста продукции, но — даже ее уменьшение, пятые — за счет колоссального ухудшения качества продукции, шестые, наконец, просто дали дутые сведения о выполнении плана, занимались очковтирательством, подражая Сталину. И на таком «теоретическом» базисе Сталин строит свои выводы!

Примерно так же обстоит дело и с отдельными отраслями промышленности. Сталин вырывает автомобильную промышленность, электротехническую, машиностроительную и еще пару подобных и на них строит заключение. Но это молодые отрасли промышленности: они имеют еще ничтожные объемы производства и только еще осваивают технику. Естественно, они дают высокие темпы, но эти отрасли промышленности имеют не больше 10% всего состава промышленных рабочих СССР; они были поставлены в исключительно благоприятные условия по отношению ко всей основной массе промышленности (в отношении снабжения сырьем, финансами, иностранной валютой, строительными материалами и пр.); они снабжались всем этим за счет всей основной массы промышленности; эти отрасли промышленности сосредоточили на своих предприятиях огромное количество излишней рабочей силы; рабочие этих предприятий за счет всех остальных рабочих лучше питались в столовых, лучше снабжались в закрытых распределителях продуктами, одеждой и т. д., лучше обслуживались спецодеждой. Вот где секрет выполнения плана этими отраслями промышленности, если при этом отвлечься от фальсификации статистических данных. Но Сталин и здесь рассуждает по принципу: если возможно исключение, то возможно и правило. Если некоторые люди лгуны, то и все люди могут быть лгунами.

Замечательное «марксистско-ленинское» рассуждение! Сталин с конкретным анализом к этому вопросу боится

и прикоснуться, ибо такой анализ вскрыл бы пружины его эквилибристики с темпами. Поэтому он и ограничивается декретированием вместо доказательств.

Что касается второго доказательства Сталина, то оно свидетельствует еще более наглядно о том, насколько Сталин запутался и изолгался. Сваливать все на «объективные условия», искать их там, где их нет,— является, конечно, оппортунизмом. Но отрицать их там, где они налицо, отказываться от строжайшего, конкретного, смелого и честного марксистского анализа и учета этих условий,— значит вести партию и страну на верное поражение, значит руководить вслепую...

Сталин заявляет, что выполнение плана зависит теперь исключительно от нас самих. Это чистейший вздор, безграмотность. Выполнение плана зависит от того, насколько правильно он составлен. Дутый план, учитывающий только одну нашу решимость его выполнить, заранее обречен рано или поздно на банкротство. Правильный план должен удовлетворять по крайней мере следующим условиям: 1) правильный и строжайший учет наличных материальных ресурсов; 2) правильный учет, соблюдение меры тех изменений и сдвигов, которые должны быть произведены в соотношениях между отдельными элементами народного хозяйства на базе систематического быстрого роста производительных сил и повышения удельного веса социалистического сектора в данный период и на данном пространстве; 3) обязательный и неуклонный реальный рост материального и культурного уровня рабочего класса и трудящихся масс.

Выполнение плана зависит не только не исключительно от нас самих, но оно в огромной степени зависит: а) от сырьевой базы, б) от снабжения рабочих продовольствием и одеждой, в) от наличия достаточного количества финансовых средств, г) от достаточного количества железнодорожного, водного и гужевого транспорта и д) от личной заинтересованности рабочих и всех трудящихся в осуществлении плана. Без этих условий всякие разговоры о выполнении плана, о воле к труду, о «нашей решимости» являются только фразой, болтовней и пусканием пыли в глаза рабочим. Но именно эти условия Сталин и затушевывает, замазывает, отвлекает от них внимание рабочих, ибо они отсутствуют. В самом деле: сырьевая база в корне подорвана, рабочие голодают (даже картофель стал дефицитным продуктом), рабочие разуты и раздеты, финансировать промышленность не-

чем, ибо налоги поступают слабо и платежеспособность населения подорвана до основания, гужевой транспорт почти уничтожен совершенно, личная заинтересованность рабочих и крестьян убита...

В итоге от сталинской реальности плана остается пустое место. Вместо выполнения плана — фразы о выполнении плана. Результаты 1931 хозяйственного года это и подтвердили.

Обратимся теперь к «быстрым темпам». Мы уже отметили выше, что Сталин жонглирует этими словами, как ему нравится, вкладывая в них самое различное содержание, в зависимости от того, что ему выгодно. Что такое быстрые темпы? Если не сходить с почвы марксизма и если не менять содержание понятия «быстрые темпы» в зависимости от сталинской «экономической конъюнктуры», то оно может иметь только одно-единственное содержание: более быстрый рост социалистических производительных сил, чем рост капитализма в период его расцвета. Если капиталистические страны в период расцвета давали ежегодный прирост продукции от 6 до 10%, то Советский Союз, уничтожив частную собственность на землю, экспроприировав фабрики, заводы, транспорт, имея в своих руках все решающие экономические командные высоты, ведя плановое хозяйство и опираясь на поддержку, активность и творчество масс, имеет все возможности осуществлять более высокие темпы. Кто отрицает эту возможность, тот отрицает преимущества социалистического хозяйства, тот оппортунист.

А дальше в рамках этой принятой принципиальной установки начинается уже точный расчет и подсчет. Будет ли этот рост ежегодно равняться 12, 13, 15, 18, 20%,— это нужно доказать, во-первых, точными выкладками и подсчетом и, во-вторых, самим опытом социалистического строительства, постоянно при этом, однако, имея в виду, что быстрые темпы должны быть обеспечены не на 3—4 года, а на длительный исторический период и что они должны опираться на бескризисное развитие социалистической экономики, а также на действительный рост материального благосостояния масс. И тот, кто утверждает, что возможным темпом является 12% роста продукции в год, так же мало является на основании этого оппортунистом, как и тот, кто утверждает, что можно взять темпы в 20 или 30% ежегодного роста.

Кто же сегодня 15% роста провозглашает оппортунистическим, объявляя на завтра 25%, а на следующий

год — 30%, а затем начинает всю эту операцию проделывать в обратном порядке, тот издевается над ленинским учением о борьбе с оппортунизмом, тот превращает борьбу с оппортунизмом в карикатуру, в посмешище и этим самым не содействует борьбе с оппортунизмом, а лишь укрепляет его.

Теперь несколько слов о борьбе с оппортунизмом на практике. Тут Сталин побил все рекорды опошления ленинизма. Оппортунизм в хлебозаготовках, оппортунизм в самозаготовках, оппортунизм в дровозаготовках, оппортунизм в заготовке семян, оппортунизм в лесосплаве, оппортунизм в заготовке шерсти, льна, оппортунизм в уходе за лошадью, оппортунизм в очистке скотных дворов, ям, оппортунизм в работе крысоловов. Всюду оппортунизм!

Все выкрашено в одну сталинскую серую краску! Все превращены в оппортунистов! Но там, где все оппортунисты, там нет оппортунистов, там делается невозможной или, по крайней мере, гигантски затрудняется борьба с действительными оппортунистами, ибо они теряются во всей остальной массе специально сфабрикованных оппортунистов.

Мало того, когда это острое ленинское оружие борьбы с оппортунизмом начинают применять без разбору ко всем, с целью клеветы и терроризирования масс, то оно, естественно, притупляется, теряет свое прежнее значение и на него начинают смотреть просто как на средство расправы с инакомыслящими и средство для запугивания масс, во что на деле борьба с оппортунизмом в основном и выродилась в данный момент. С другой стороны, именно подлинные оппортунисты, бывшие меньшевики, эсеры особенно хорошо сумели приспособиться к современной сталинской политике и теперь выступают в виде надежной опоры Сталина. «Всякий оппортунизм отличается приспособляемостью, хотя не всякая приспособляемость есть оппортунизм» [39] (Ленин).

Самая характерная черта оппортунистов заключается в том, что они всюду и везде прекрасно умеют приспособиться к господствующему режиму: в Англии они приспособились к конституционной монархии и являются министрами «его королевского величества» — короля Великобритании; в Германии они — верные слуги Гинденбурга [40]; в Италии они после первого окрика Муссолини переметнулись на сторону фашизма и в течение 12 лет добросовестно служат режиму кровавого фашистского

террора; в Болгарии они — защитники цанковщины и ее наследников [41]; в Японии они поддерживают полуфеодальную монархию и всю ее политику.

Наши оппортунисты тоже сумели приспособиться к режиму Сталина и перекрасились в защитный цвет. И всех подлинных, самых матерых оппортунистов в настоящее время надо искать как раз в рядах правящей клики Сталина!

Гринько, Н. Н. Попов — бывшие меньшевики, столь хорошо известные Украине, Межлаук — зам. пред. ВСНХ, бывший кадет, потом меньшевик, Серебровский — зам. пред. наркомтяжа *, бывший верный слуга капиталистов, Киров [42] — член Политбюро, бывший кадет и редактор кадетской газеты во Владикавказе **. Все это, можно сказать, столпы сталинского режима. И все они представляют из себя законченный тип оппортунистов. Эти люди приспособляются к любому режиму, к любой политической системе. Мы уже не говорим о сотнях и тысячах таких же «стопроцентных сталинцев» рангом пониже — о членах коллегий наркоматов, председателях объединений и трестов, о работниках аппаратов ЦК ВКП(б), ЦК КП(б)У и других партийных организаций.

Мало того, сталинская общая и внутрипартийная политика, рвущая с ленинизмом и в то же время с помощью террора вынуждающая всех признавать ее ленинской, заставляющая всех ежедневно каяться в своих ошибках и под угрозами менять несколько раз свои взгляды в зависимости от требований начальства,— такая политика даже из подлинных большевиков-ленинцев вырабатывает оппортунистов, ибо она вырабатывает в них основные качества всякого оппортуниста — капитулировать перед правящей силой, ведущей политику, враждебную рабочему классу и ленинизму, менять свои убеждения в зависимости от требований этой силы; короче, она заставляет превращаться большевика в беспринципного политикана.

Что имеет общего невыполнение плана хлебозаготовок по тому или иному району или даже Союзу с оппортунизмом? Невыполнение плана может объясняться самыми различными причинами: недостатком хлеба и плохим урожаем, плохой погодой, препятствующей

---

* Так в документе.

** Характеристика политических позиций в дооктябрьский период названных в документе лиц отражает личные взгляды М. Н. Рютина.

обмолоту и возке, неуменьем заготовителей организовать дело, сопротивлением основной массы деревни продавать хлеб за низкие цены, за которые к тому же в обмен нельзя купить никаких товаров, и т. д. Но для Сталина всех этих причин не существует. Для него существует только сопротивление кулачества и оппортунизм. И. Сталин вынужден за весь этот вздор цепляться, ибо он не может сказать правду и дать трезвый и марксистский анализ, он вынужден аргументы заменять пустой, громкой и страшной фразой.

Затем, откуда это следует, что выколачивание из деревни последнего пуда хлеба, картофеля, экспроприация у середняка или бедняка последней коровенки или овцы, лишение крестьянина последнего фунта льна или шерсти, курицы или яйца,— является ленинизмом? Ведь эта политика подрывает в корне сырьевую базу социалистического строительства. Если ты вчера деревню во имя интересов соц. промышленности обобрал дочиста, то ты сегодня во имя тех же интересов от нее ничего не получишь, что мы и наблюдаем.

Откуда, дальше, следует, что насилия и издевательства над трудящимися массами деревни (не над кулаком) в целях выполнения всякого рода планов, бешеный террор,— это и есть ленинизм? Откуда, наконец, следует, что работник, не умеющий заготовлять хлеб, является оппортунистом, а работник, умеющий выполнить эту функцию, является ленинцем, выдержанным большевиком?

Можно быть превосходным заготовителем хлеба, шерсти, дров, картофеля, капусты, специалистом по травле крыс, клопов и тараканов и в то же время абсолютно не иметь ничего общего с ленинизмом. И наоборот, можно быть превосходным пролетарским революционером, сознательным честным коммунистом, последовательным марксистом-ленинцем и никуда не годным заготовителем шерсти, картофеля, плохим конюхом или заведующим столовой. Хороший хлебозаготовитель, хороший заведующий столовой или специалист по травле крыс в коммунальных домах и хороший пролетарский революционер, коммунист — качественно совершенно различные явления. Сталин же сваливает их в одну кучу. Хороший большевик обязательно должен быть хорошим специалистом по травле крыс, и специалист по травле крыс обязательно должен быть хорошим большевиком.

Если Ромен Роллан в свое время изобрел чиновничий империализм, теократический империализм и империализм революционных рабочих синдикатов, если известный итальянский писатель Марио Мартиссо написал целую книгу «об артистическом капитализме», а Эрнест Сейэр в своем четырехтомном сочинении «Философия империализма» подробно изучает «расовый империализм», «утилитарный империализм», «демократический империализм», «иррациональный империализм», если, наконец, ученики Сейэра договорились даже до муравьиного, пчелиного и древесного империализма, то Сталин изобрел целую серию оппортунистов: «Оппортунизм хлебозаготовителей», «оппортунизм шерстяной», «оппортунизм яичный», «оппортунизм в уничтожении блох и тараканов».

Вышеперечисленные буржуазные ученые и писатели качественно самые различные явления объединяли одним словом «империализм», а Сталин качественно самые различные явления объединяет одним словом «оппортунизм». Буржуазные ученые брали один чисто внешний признак и говорили: всякое проявление стремления к расширению, присущее всем живым существам, является империализмом, а по Сталину и по сталинской печати,— всякое невыполнение плана или сомнение в его реальности является оппортунизмом и квалифицируется как оппортунизм.

Изречение Ленина о том, что «всякую истину можно довести до абсурда, если ее преувеличить, если ее вывести за границу действительной применимости» [43],— на сталинской борьбе с оппортунизмом, таким образом, замечательно ярко подтверждается.

Почему, в самом деле, при Ленине не было этой карикатурной борьбы с оппортунизмом на практике? Или не было никакой практики? Или Ленин не видел оппортунизма? Или, может быть, Ленин не додумался до сталинского «изобретения»? Или, может быть, все планы выполнялись? Или не было сопротивления кулачества в период гражданской войны? Или была совершенно иная обстановка? Только потому, что Ленин был гениальный диалектик, а не софист. Он умел отличать оппортунизм от качественно иных явлений. Только потому, что Ленин был честным, гениальным вождем, а не беспринципным политиканом, занимающимся грязной стряпней. И именно поэтому ленинская борьба с оппортунизмом была победоносной.

Сталин же идет в одну дверь и попадает в другую: он мечет гром и молнии против оппортунизма, вредительства

и контрреволюции и он же тащит их за собой на своей спине — такова диалектика и ирония истории. Действительная борьба с действительным оппортунизмом начнется лишь после того, как Сталин и его клика будут изгнаны со своих руководящих постов, борьба длительная, упорная и тяжелая, ибо сталинская политика, во-первых, вырабатывает многочисленные кадры подлинных оппортунистов и, во-вторых,— создала необычайно благоприятную питательную базу для оппортунизма, дискредитировав все основные принципы ленинизма. Сегодня это утверждение звучит парадоксально. Но через некоторый период оно будет ясно для всякого марксиста-ленинца.

Всякое действие, доведенное до крайности, переходит в свою собственную противоположность, говорил старик Гегель. В свою собственную противоположность превратилась и сталинская борьба с оппортунизмом.

6. Ленинизм и социалистическое общество

Сталин на 16-м съезде партии заявил, что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического хозяйства и уничтожения классовых различий еще далеко.

Молотов на 17-й партконференции, через полтора года после 16-го съезда, пошел уже дальше и со всей определенностью заявил, что мы уже вступили в первую фазу коммунизма, т. е. мы в настоящее время живем уже в социалистическом обществе, хотя и в начальной его стадии.

В резолюции 17-й конференции по докладам Молотова и Куйбышева эта мысль конкретизируется следующим образом: «В результате осуществления большевистских темпов социалистического строительства и ликвидации в основном паразитических классов уже в первом пятилетии ликвидируются основы и источник эксплуатации человека человеком, растет недостижимыми для капиталистических стран темпами народный доход, уничтожены безработица и нищета (пауперизм), уничтожаются «ножницы цен» и противоположность между городом и деревней, растет из года в год благосостояние и культурный уровень рабочих и трудящихся крестьян, падает смертность и быстро возрастает народонаселение СССР.

Все эти достижения являются результатом колоссального роста революционной активности широчайших масс рабочего класса и трудящихся крестьян, результатом громадного подъема социалистического соревнования и ударничества, наконец, результатом ленинской политики нашей партии, последовательно проводившей развернутое по всему фронту наступление на капиталистические элементы» [44].

Дальше резолюция конференции подчеркивает, что основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества.

С формальной стороны эта резолюция в общем и целом не противоречит учению Маркса и Ленина о первой фазе коммунизма (социалистическом обществе). Если бы в действительности с нашим социалистическим строительством дело обстояло именно таким образом, как утверждает резолюция 17-й конференции, мы действительно вступили бы в социалистическое общество.

Однако суть сталинской «генеральной линии» заключается в том, что она и в данном важнейшем вопросе формально как будто бы опирается на учение Маркса и Ленина, а по существу представляет издевательство над марксизмом и ленинизмом самым гнуснейшим и подлейшим дискредитированием учения наших учителей.

Самый злейший враг коммунизма, самый гениальный провокатор не мог бы придумать ничего более лучшего, чем Сталин, провозгласивший устами Молотова, что мы уже живем в социалистическом обществе, хотя и в начальной его стадии.

Правильность всякого теоретического положения и политического утверждения должна обязательно проверяться и подкрепляться фактами, практикой, действительностью. Перейдем и мы к такой проверке.

1. Резолюция утверждает, что мы добились гигантских «успехов в социалистическом строительстве». В действительности, несмотря на постройку десятков крупных заводов по последнему слову техники и наличие ста тысяч тракторов в деревне, мы имеем подрыв самых основ социалистического строительства. Во-первых,

подорвана основная производительная сила Советского Союза — сам рабочий класс и трудящиеся массы деревни: они истощены, они работают полуголодными, они разуты и раздеты. Во-вторых, подорвана в корне их платежная и покупательная способность, вследствие чего вся индустриализация повисла теперь в воздухе. В-третьих, подорвана вся сырьевая и сельскохозяйственная база промышленности.

2. Резолюция утверждает, что у нас растет недостижимыми для капиталистических стран темпами народный доход. В действительности народный доход у нас за последние четыре года падает, основной капитал страны не увеличивается, а уменьшается. Строительство новых фабрик и заводов стоимостью в 8—10 миллиардов рублей на одном полюсе связано с уничтожением основного капитала 20—30 миллиардов рублей на другом полюсе, производительность народного труда в целом не возросла, а упала.

Строительство новых фабрик и заводов идет не за счет роста народного дохода, а за счет экспроприации крупной части заработной платы рабочих — посредством всякого рода займов, налогов, членских взносов, лишения рабочих пособий, спецодежды, бешеного повышения цен и за счет экспроприации основных масс деревни.

3. Резолюция утверждает, что уничтожаются «ножницы цен». В действительности «ножницы цен» гигантски возросли. Крестьянин за свои продукты получает по нормированным ценам заготовок жалкие гроши 1 р. 50 к.—2 р. за пуд хлеба и платит за метр ситцу также 1 р. 50 коп.

4. Резолюция утверждает, что мы ликвидировали безработицу и нищету. В действительности мы безработицу временно ликвидировали, а нищету гигантски увеличили. В настоящее время, за исключением ничтожной правящей клики и незначительного процента высокооплачиваемых рабочих и специалистов (всего 1—2 миллиона человек), все остальные 158 миллионов населения Советского Союза являются пауперами или полупауперами.

5. Резолюция утверждает, что уже в первой пятилетке уничтожается противоположность между городом и деревней. В действительности на базе общего обнищания масс города и деревни противоположность между городом и деревней не только не уменьшается, но увеличивается.

В деревне отбирается почти даром хлеб, мясо, шерсть,

кожа, лен, куры, яйца и пр., все это стягивается в голодающие города и экспортируется за полцены за границу. Деревня превращена в самый худший вид колонии. Товаров в деревне нет; в то же время домотканую одежду и обувь приготовить не из чего, ибо лен, шерсть, кожа отобраны, а скот вырезан и передох от плохого ухода и отсутствия кормов.

Лапти стали остродефицитным товаром. В результате вся деревня одевается в жалкое отребье. Трудодень колхозника в среднем оплачивается 15—20 копейками, что в переводе на золотой рубль дает две-три копейки. Деревня в настоящее время представляет сплошное кладбище. Рост противоположности между городом и деревней на базе общего ухудшения положения рабочих и основной массы деревни находит, между прочим, свое блестящее выражение в обезлюдении деревни и в бегстве всего здорового и трудоспособного населения в города. Таково сталинское уничтожение противоположности между городом и деревней. Что же касается уничтожения безработицы, то, во-первых, как мы уже подчеркнули, безработица была уничтожена за счет гигантского роста нищеты подавляющего большинства населения Советского Союза, во-вторых, в настоящее время вновь уже имеется в Советском Союзе не менее 300—400 тысяч безработных, а в ближайший период предстоит гигантский рост безработицы. Сталин скрывает начавшуюся безработицу, он будет, конечно, скрывать ее и в дальнейшем.

6. Резолюция утверждает, что растет из года в год благосостояние рабочих и трудящихся крестьян. В действительности их благосостояние за последние 4 года гигантски ухудшилось. Реальная заработная плата среднего рабочего составляет в настоящее время не более 25% от реальной заработной платы 1927 года, расходная часть бюджета середняка-крестьянина (колхозника) на свои семейные нужды в товарных рублях в настоящее время в 3—4 раза ниже, чем в 1926—1927 гг. К этому привела авантюристическая антиленинская политика Сталина. Рабочий целыми неделями не видит ни грамма мяса, масла, молока; за аршином ситца он вынужден простаивать в очередях многими часами; ни вилки, ни стакана, ни ложки негде купить. Сталин в противовес этому выдвигает дома отдыха и увеличение числа работающих в семье, но дома отдыха были и в 1927 году и работали лучше, чем теперь. Что же касается дополнительного вовлечения рабочих в производство, то оно ни в какой мере не покрывает гигантского падения реальной заработной

платы и всех страданий рабочих за последние годы. Только люди, потерявшие всякий стыд, могут говорить о неуклонном росте благосостояния рабочих и трудящихся, только для издевательства над рабочими можно утверждать, что им живется теперь лучше, чем в 1926—1927 гг.

7. Резолюция утверждает, что «в сельском хозяйстве произошел коренной перелом, выразившийся в окончательном повороте к социализму бедняцко-середняцких масс деревни». В действительности крестьяне загнаны в колхозы с помощью террора, прямых и косвенных форм принуждения и насилия. Колхозы держатся исключительно на репрессиях и на том, что для крестьянина создана такая обстановка, что ему некуда податься. Отсюда производительность труда колхозника несравненно ниже, чем единоличника, и качество работы хуже.

В колхозах крестьянину благодаря сталинской политике систематического обирания деревни живется не только лучше, чем он жил раньше в индивидуальном хозяйстве, но во много раз хуже. В результате всего этого не только сто тысяч тракторов не смогут убедить деревню в преимуществах коммунального хозяйства, но и количество в несколько раз больше.

Техника должна опираться на правильную политику. Только при правильной политике техника решает все! Техника без правильной политики не решает ничего.

8. Резолюция утверждает, что мы имеем колоссальный рост активности и подъем среди рабочих и трудящихся крестьян. В действительности же мы имеем за последние годы огромное падение активности среди пролетариата и трудящихся масс деревни, необычайную затравленность, задавленность, запуганность, забитость.

Аппарат свою собственную шумиху, суетню, трескотню и бумажную запись в ударники выдает за активность масс. При господстве террора над трудящимися массами не может быть речи ни о каком действительном росте активности среди масс.

Таким образом, все заключение о том, что мы уже вступили в первую фазу коммунизма, «целиком», от начала и до конца, основано на лживых посылках и утверждениях. Все посылки оказываются выдуманными, сфабрикованными, фальшивыми. В результате сталинское «социалистическое общество» целиком оказывается лишенным социалистического содержания.

В действительности мы в настоящее время несравненно дальше находимся от социалистического общества, чем в 1926—1927 гг. Для каждого марксиста-ленинца, который умеет отличать форму от содержания, в этом не может быть никакого сомнения.

[7]. Классы и обострение классовой борьбы

Мы уже отметили выше, что Сталин в беседе со свердловцами в 1925 г. выдвинул одну теорию классовой борьбы и в 1928 г.— совершенно противоположную, не отказываясь, однако, при этом от своей первой теории, а просто замалчивая ее для того, чтобы скрыть свою непоследовательность и свое политиканство.

Первая теория в основном, бесспорно, правильна, и было бы бесчестным, как это делает Сталин со своими политическими противниками, только потому что эти взгляды высказал Сталин, считать их антимарксистскими, антиленинскими, оппортунистическими.

Вторая, наоборот, рвет с марксизмом-ленинизмом, рвет с материалистической диалектикой, представляет из себя софистическую подделку под ленинизм. Суть второй теории, как известно, выражена в словах Сталина: «По мере нашего продвижения вперед, к социализму, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться» [45]. Обосновывает эту теорию Сталин просто: ни один еще отживающий класс не сходил добровольно с исторической арены. Если мы будем подрывать самые корни капиталистических элементов, если мы будем наступать на них, естественно, они будут оказывать бешеное сопротивление. Вот и вся «теоретическая база» обострения классовой борьбы. По своей методологии «теория обострения классовой борьбы» столь же механистична и антидиалектична, как и теория Бухарина с его мирным врастанием «кулацких кооперативных гнезд» в социалистическую систему [46].

В чем же фальшь теории Бухарина? В том, что он механически объединяет кулацкую, капиталистическую экономику с социалистической, забывает антагонистическую природу кулацкого хозяйства по отношению к социалистическому хозяйству, игнорирует это коренное решающее отличие и заставляет в своих собственных теоретических измышлениях одну враждебную экономическую систему (уклад) врастать в дру-

гую. Кулацкое хозяйство до тех пор кулацкое, пока оно в той или иной форме основано на эксплуатации чужого труда. Его внутренняя, так сказать, органически присущая ему тенденция заключается в том, чтоб вытеснить, уничтожить, разложить все остальные, противостоящие ему экономические уклады (и в первую очередь социалистический) и овладеть безраздельно полем борьбы.

Но такова же тенденция, динамика развития и социалистического хозяйства: оно разрывается таким образом, что вытесняет, побивает, подрывает элементы капиталистической экономики и переделывает на социалистический лад простое мелкое крестьянское хозяйство; оно также стремится занять и занимает, в силу своих преимуществ, все поле борьбы.

Между кулацким хозяйством и социалистическим хозяйством, при правильной ленинской политике в деревне, как это было до 1928 г. и как это должно было быть в дальнейшем, конечно, существуют не простые формы классовой борьбы, а чрезвычайно сложные, своеобразные, особенные. С одной стороны, партия и пролетариат не заинтересованы в разжигании классовой борьбы с кулачеством, ибо это дезорганизует социалистическое строительство; с другой стороны, мы не можем ни на йоту затушевывать противоречия между кулачеством и пролетарской диктатурой, ибо это неизбежно повело бы к перерождению пролетарской диктатуры, к гибели пролетарской диктатуры.

Между пролетарским государством и кулачеством идет все время упорная классовая борьба, но в этой классовой борьбе, несомненно, имеются элементы (хотя и неравноценных) взаимных уступок, компромиссов, своеобразного «сотрудничества».

Пролетариат ставит своей задачей ликвидацию (но, конечно, не в теперешних сталинских формах) капиталистических элементов, но в то же время до известного предела и до известного момента он вынужден «сохранять» эти элементы, иначе оказывается невозможным, немыслимым и сама ликвидация их. «Сохранять», чтобы их ликвидировать, таковы противоречия социалистического строительства.

Бухарин увидел, заметил элементы известного, вынужденного компромисса со стороны кулачества по отношению к пролетарской диктатуре, но забыл при этом об основном противоречии между пролетариатом и капита-

листическими элементами деревни. Забыл о борьбе между ними, упустил из виду, что основное, решающее во взаимоотношениях рабочего государства с кулачеством — не компромисс, а классовая борьба, хотя и в своеобразных формах.

В чем фальшь и несостоятельность теории Сталина? В том, что она по своей методологии так же механистична и антидиалектична, как и теория Бухарина, в том, что она видит лишь одни моменты, влияющие на обострение классовой борьбы, и игнорирует, скрывает, затушевывает другие, несравненно более важные, решающие, действующие в обратном направлении, ослабляющие (при правильной ленинской политике партии) силу сопротивления кулачества, изолирующие его от масс, раздробляющие и деморализующие его, вызывающие пассивность и упадок его энергии.

Сталин в одной из своих речей заявил, что не было еще в истории примера, чтоб погибающий класс без борьбы уступал свои позиции. Он будет бешено бороться, защищать с боем каждую пядь своих интересов [47]. Это верно. Но такая общая голая формула абсолютно еще ничего не доказывает, это по обыкновению пустая и «громкая» сталинская оговорка. Сталин, если он хочет апеллировать к истории для доказательства правильности своей теории, должен был бы показать, что в истории имеются примеры, доказывающие, что, после того как уже утвердилось после революции политическое господство нового класса, сопротивление умирающих классов, потерпевших в борьбе с революцией поражение, начинает возрастать и борьба с ними начинает обостряться. Такой пример был бы весьма убедительным и доказательным, но именно таких примеров Сталин и не может привести, ибо в истории их нет. Наоборот, история буржуазных революций в ряде стран дает нам классические примеры прямо противоположного порядка, когда после победы буржуазии и укрепления ее господства сила сопротивления потерпевшего поражение дворянства систематически ослабевает, и его классовая борьба с новым господствующим классом постепенно смягчается. Именно об этом свидетельствует история классической буржуазной революции во Франции, об этом же говорит и история английских революций.

Столь «любимый» рабочими и партийцами Харькова Л. М. Каганович года три тому назад, на активе в Свердловске, для оправдания сталинской теории пытался

даже эксплуатировать имя Маркса. Он говорил, что еще Маркс подчеркивал: «Силы революции сплачивают силы контрреволюции», а наши оппортунисты, дескать, этого не понимают и говорят о затухающей кривой классовой борьбы. Надо иметь, однако, наглость, чтобы таким шулерским образом использовать это выражение Маркса. Правильно ли утверждение Маркса? Бесспорно, правильно. Но Маркс, говоря о «классовой борьбе», имеет в виду период непосредственной борьбы за власть между двумя основными борющимися силами.

Пока идет вооруженная борьба за власть между силами революции и контрреволюции, пока победа окончательно не решена, силы революции действительно сплачивают силы контрреволюции. Когда же враг оказывается в открытом бою разбитым, тогда начинается прямо противоположный процесс: если побеждает контрреволюция, силы революции на долгий период ослабевают, оказываются деморализованными. Таковы последствия июньского поражения парижских рабочих [48], таковы последствия поражения Парижской коммуны, таковы последствия поражения революции 1905 г. в России. И, наоборот, если в открытом бою побеждает окончательно пролетариат, то после этого начинается период ослабления, распада, дробления и разложения сил контрреволюции. Таковы последствия победы Октябрьской революции. При этом, если после своего поражения пролетариат через некоторый период, обогащенный опытом, поднимается на борьбу с новой удесятеренной силой, ибо рост капитализма неизбежно влечет за собой развитие, рост и укрепление пролетариата, то после поражения буржуазии она в дальнейшем уже не в состоянии даже с прежними силами подняться на борьбу, ибо рост пролетариата отнюдь не означает после пролетарской революции прежнего роста буржуазии. Известный рост новой буржуазии в восстановительный период, как это имело, например, место в Сов[етском] Союзе, неизбежен, откуда, конечно, и некоторые усиления ее политической и экономической активности. Однако с переходом в реконструктивный период и этот процесс меняет свое направление.

Кагановичу до всего этого нет никакого дела; ему важно авторитетом Маркса подкрепить антимарксистскую теорию своего «патрона» и обмануть членов партии и рабочих.

Посмотрим теперь, насколько гармонирует теория Сталина с другими его утверждениями и решениями ЦК

ВКП(б) за последние 3—4 года. Сталин утверждал: по мере нашего продвижения вперед по пути к социализму сопротивление капиталистических элементов будет возрастать и классовая борьба будет обостряться. Но наряду с этим мы, по словам Сталина, в последние годы: а) осуществляем ликвидацию кулачества как класса и выкорчевываем корни капитализма, б) имеем укрепление союза рабочего класса с середняком, что нашло свое выражение, между прочим, и в том, что середняк окончательно повернул в сторону социализма, в) имеем подъем материального благосостояния и культурного уровня политической сознательности середняцких и бедняцких масс деревни.

Сталин не видит никакого противоречия между его теорией и утверждениями о ликвидации кулачества как класса, об улучшении материального положения середняцких и бедняцких масс и о том, что середняк бесповоротно повернул в сторону социализма. На деле же они взаимно исключают друг друга.

В чем заключается сила кулака? Во-первых, и главным образом, в его экономической силе, дающей ему возможность экономически и политически подчинять себе отдельные группы бедноты и середняков и, во-вторых, в экономической необеспеченности, некультурности и политической отсталости масс. Кулак силен в деревне не сам по себе. Численно он представлял даже в 1927—1928 гг. ничтожную горсть населения деревни Сов[етского] Союза — не больше 5—6 процентов. Кулак силен тем влиянием, которое он оказывает на середняцкие и бедняцкие массы. Но вытеснение, а затем и ликвидация кулачества как класса означает подрыв экономической, а вместе с тем и политической силы кулачества, ослабление этой силы. В то же время рост материального благосостояния бедняцких и середняцких масс означает сужение экономической (а их культурный и политический рост — сужение политической) базы и сферы влияния кулачества. Рост материального уровня и политической сознательности масс бедноты и середняков, решительный поворот их в сторону коллективизации при одновременном подрыве экономических корней кулачества знаменует политическую изоляцию кулачества, т. е. ослабление его капиталистического влияния и сопротивления. По сталинской же теории все выходит наоборот. В результате получается невероятная каша, одно противоречит другому. Правая рука не знает, что творит левая, и это выдается за ленинизм!

Так обстоит дело с «усилением сопротивления кулачества».

Не лучше и «с обострением классовой борьбы по мере нашего продвижения вперед к социализму». Прежде всего, обострение классовой борьбы с кулачеством и усиление сопротивления кулачества далеко не совпадают друг с другом. Сталин этого тоже не понимает.

Что такое обострение классовой борьбы? Это переход от низших форм классовой борьбы к высшим, от саботажа — к вредительству, от вредительства — к восстанию со стороны контрреволюционных элементов при диктатуре пролетариата, от экономической стачки — к политической, от политической стачки — к всеобщей массовой политической стачке; от стачки — вместе со стачкой к восстанию. Восстание есть наиболее высокая и наиболее острая форма классовой борьбы.

История показывает нам многочисленные примеры, что усиление сопротивления одного борющегося класса другому всегда связано с обострением классовой борьбы, но обострение классовой борьбы со стороны того или иного класса довольно часто было связано в истории с периодами, когда сопротивление этого класса ослабевало и когда переход к более высоким острым формам классовой борьбы был не выражением усиления его сопротивления, а как раз его ослабления, «последним вздохом» этого сопротивления. Таковы некоторые восстания мелкого дворянства в Западной Европе в период окончательного утверждения королевской власти, таковы последние контрреволюционные восстания во Франции в период Великой Французской революции [49], таково наше грузинское восстание в 1924 г.

В отдельные моменты погибающие классы, таким образом, могут переходить к более острым формам классовой борьбы. Это возможно по ряду причин. Например, международные осложнения, интервенция, заговор отдельных групп кулачества даже при правильной политике и при господстве пролетариата. Можно ли, однако, на основании этого устанавливать закон неизбежного обострения классовой борьбы по мере нашего продвижения вперед по пути к социализму? Ни в коем случае!

При правильной политике партии, при действительном укреплении союза рабочего класса с середняком и опоре на бедноту, при действительном повороте середняка к социализму, при действительном улучшении положения трудящихся масс деревни, при росте политической сознательности основных масс деревни, при подрыве и сужении экономической базы кулачества и его политической изоляции — основной закон классовой борьбы для Советского Союза должен быть формулирован прямо противоположным образом: по мере нашего продвижения вперед по пути к социализму сопротивление капиталистических элементов будет ослабевать, и классовая борьба будет смягчаться, постепенно затухать.

И сколько бы ни кричал Сталин и клика его «теоретиков» против этого положения, сколько бы ни выдергивали они произвольно отдельных ленинских цитат и ни истолковывали их вкривь и вкось,— они против этого положения не могут привести ни одного серьезного возражения. Теория Сталина, при кажущейся ее внешней «революционности», не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом, она не имеет ничего общего и с программой Коминтерна. Программа Коминтерна по этому вопросу говорит следующее: «Таким образом, являясь уже решающей экономической силой, определяющей собою в основном все развитие экономики в СССР, социализм тем самым делает дальнейшие крупные шаги в своем развитии, систематически преодолевая затруднения, вытекающие из мелкобуржуазного характера страны и связанные периодами временного обострения классовых противоречий» [50].

Программа Коминтерна, во-первых, ни звука не говорит об усилении сопротивления капиталистических элементов и, во-вторых, она говорит лишь о периодах «временного обострения классовых противоречий», но не об обострении классовой борьбы по мере нашего продвижения вперед по пути к социализму. Между программой Коминтерна и «теорией» Сталина существует явно коренное, принципиальное расхождение. Программа Коминтерна говорит о том «временном обострении классовой борьбы», о которой говорим и мы, Сталин же установил закон «усиления сопротивления капиталистических элементов и обострения классовой борьбы» на все время нашего движения по пути к социалистическому обществу. Мало того, Сталин и К° запутались и изолгались настолько, что по их мнению даже в социалистическом обществе неизбежно обострение классовой борьбы. По утверждению Молотова (а значит, и Сталина, ибо Молотов — это только тень Сталина), как мы видели, СССР уже живет в социалистическом обществе, хотя и в начальной стадии.

Во второй пятилетке построение социалистического общества, по утверждению резолюции 17-й партконференции, гигантски продвинется вперед. Основной политической задачей второй пятилетки, говорит резолюция, является «окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще». Классы, следовательно, во второй пятилетке окончательно будут ликвидированы, классов не будет, но в то же время, как подчеркивает резолюция, и в дальнейшем еще неизбежно обострение классовой борьбы (в отдельные моменты, и особенно в отдельных районах, и на отдельных участках социалистической стройки). Классы «окончательно будут ликвидированы», а «классовая борьба в отдельные моменты будет обостряться». Может ли быть более пошлая, клеветническая карикатура на учение Маркса и Ленина о социалистическом обществе, может ли быть более бесстыдная подделка под гениальный и диалектический анализ Маркса и Ленина тех противоречивых черт, которые присущи первой стадии коммунизма (социалистическому обществу)!

Бесспорно, что даже подлинное социалистическое общество, а не гнусная клеветническая сталинская карикатура и издевка над ним, будет еще, как говорит Маркс, во всех отношениях — в экономическом, нравственном и умственном — носить еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло. В социалистическом обществе (первая фаза коммунизма) полного равенства еще не будет, буржуазное право отменяется еще не вполне, а отчасти и т. д. Ленин по этому поводу пишет, что остатки старого в новом показывает нам жизнь на каждом шагу — и в природе, и в обществе. И Маркс не произвольно всунул кусочек «буржуазного права» в коммунизм, а взял то, что экономически и политически неизбежно в обществе, выходящем из недр капитализма.

Совершенно естественно, что хотя классы исчезнут, но некоторые следы, «отзвуки», отражения постепенно затухающей вместе с подходом к социалистическому обществу классовой борьбы будут чувствоваться в известный период и в социалистическом обществе. Но следы, «отзвуки», отражения классовой борьбы смешивать с обострением классовой борьбы — это значит или быть марксистски безграмотным, или политическим жуликом, или тем и другим вместе.

Некоторые присяжные, казенные защитники «генеральной линии» в защиту теории обострения классовой

борьбы попробуют сослаться на нашу советскую действительность. В действительности ведь классовая борьба обостряется? Разве это не оправдывает точку зрения Сталина?

Было бы нелепо отрицать гигантское обострение классовой борьбы в Советском Союзе. Обострение классовой борьбы приняло неслыханные размеры. Страна в течение последних трех лет кипит восстаниями. То там, то здесь, несмотря на невероятный террор по отношению к рабочему классу, вспыхивают забастовки; голод и нищета масс приняли ужасающий характер; массы членов партии, рабочих и основных слоев деревни горят возмущением и ненавистью к Сталину и его клике.

Обострение классовой борьбы налицо. Но это обострение связано не с нашим движением вперед по пути к социализму, а (несмотря на постройку ряда крупнейших заводов, как мы уже показали в другом месте) с движением назад и в сторону от социалистического общества, не с улучшением материального положения масс, а с беспримерным его ухудшением, не с ростом активности и творчества масс, не с развертыванием партийной и советской демократии, а с подавлением их активности и полным удушением партийной и советской демократии. Короче говоря, обострение классовой борьбы за последние годы является не результатом правильной политики, а, наоборот, результатом неправильной политики; оно свидетельствует не о ленинском руководстве страной, а об антиленинской, авантюристической политике. Нередко даже в период расцвета потрясались до самых основ, а порой терпели и полное крушение восточные деспотии. Авантюристическая политика отдельных римских императоров отбрасывала неоднократно назад, на целые десятилетия, даже в период ее подъема, Римскую империю. Авантюристическая политика приводила неоднократно к крушению феодальные государства в средние века. Авантюристическая политика приводила к неудачам и поражениям некоторые буржуазные государства. Авантюристическая политика уже подорвала и может погубить и первое пролетарское государство. Авантюризм многих государственных деятелей, их тупость, бездарность, жульничество и пр. входят в конечном счете сами составной частью в общую закономерность исторического развития, но авантюризм от этого не перестает быть авантюризмом, а жульничество — жульничеством. Как руководители буржуазных государств могут вести

более или менее трезвую, выдержанную политику с точки зрения их класса и могут вести политику гибельную, вредную, авантюристическую, так и руководители пролетарского государства, если они сходят с позиций ленинизма, неизбежно должны встать на путь оппортунизма или авантюризма. Последнее и случилось со Сталиным.

Посмотрим теперь в заключение на развитие теории «обострения классовой борьбы», на претворение ее в действительность. Гвоздем здесь является лозунг Сталина «Ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации», т. е. переход от политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов деревни к политике ликвидации кулачества как класса.

Подлинные кулаки в своей подавляющей массе, как известно, сразу же после чрезвычайных мер начали ликвидировать свое хозяйство и удирать в города. К концу 1928 г. они в основном были уже ликвидированы как класс, некоторая, незначительная часть из них была расстреляна и посажена в тюрьмы, а основная масса разными способами устроилась рабочими на заводы, железные дороги, стройки, сторожами при складах, истопниками, дворниками, конюхами, поварами, приказчиками, счетоводами, буфетчиками и пр. Значительная часть просто устроилась пока на иждивении у своих городских родственников и близких знакомых. Но лозунг «ликвидации кулачества как класса» с особенной исключительной силой начал «претворяться» в действительность именно как раз с начала 1930 г. Естественно, что его объектом в своей подавляющей массе оказались середняки и беднота. Круг зачисленных в кулаки, таким образом, постепенно расширился, и количество раскулаченных к началу 1932 г. в некоторых районах по отношению к общему количеству сельского населения этих пунктов достигло 30—35%. Если же сюда причислить всех индивидуально-обложенных и твердозаданцев («твердышей»), то оно достигает в ряде районов даже 40—50%. Общее количество всего сельского населения Советского Союза, подвергшееся за последние 4 года тем или иным формам репрессий со стороны партийных и советских органов (раскулачивание, аресты, расстрелы, ссылки, твердые задания, штрафы, обыски, угроза и пр., пр.), во всяком случае, составляют не менее 40—50% всего населения деревни. При таких условиях понятно, что «сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться», ибо по существу, начиная с 1930 г., борьба шла в деревне уже не

с кулаком, а с середняками и бедняками, с основными массами деревни. Именно середняки и бедняки, главным образом, оказались заключенными в «кулацкие» концентрационные лагеря; середняки и бедняки, начиная с 1930 года, составляют основной объект расстрелов и всякого рода карательных экспедиций с применением артиллерии и самолетов, середняки и бедняки составляют основную массу сосланных в северный край, Среднюю Азию, Казахстан и другие места Сов[етского] Союза.

Для того, чтоб облегчить «перечисление» из середняков и бедняков в кулаки, Сталин изобрел новые термины «кулацко-зажиточная верхушка деревни», «подкулачники» и пр., не применявшиеся до 1928 г. совершенно в партийной части и партийном лексиконе. Если до 1928 г. партийные решения, резолюции партийных комитетов, конференций, съездов (в том числе и 15-го съезда) имели дело с точным термином и понятием «кулак», то теперь этот термин был незаметно подменен крайне растяжимым и неопределенным понятием — «кулацко-зажиточная верхушка». Политическая цель термина «кулацко-зажиточная верхушка» заключалась в том, чтобы зачислить в разряд кулаков «нужное» количество середняков, а политическая цель термина «подкулачник» — в том, чтобы каждый протест середняка и бедняка против преступной политики насилий и издевательств над основными массами деревни можно было квалифицировать как протест «подкулачника», «классового врага» и расправляться с протестующим, как с «агентом» кулака.

Фабрикация кулаков из середняков и бедняков связана одновременно с самой гнусной травлей, обвинением в оппортунизме и исключением из партии местных работников, не могущих найти необходимого процента кулаков или не находящих их вовсе.

В результате такой политики тот, кто в 1929 году считался бедняком или середняком, в 1930 году оказывался кулаком или из бедняков переводился в середняки, или даже сразу в некоторых случаях в кулаки. В 1930 и 1931 гг. все эти операции повторялись снова с той только разницей, что с каждым годом они принимали все более и более гигантские размеры.

Сталин, как это свойственно бесчестному, беспринципному политикану, и здесь зачисление середняков в кулаки изображает как отдельные перегибы «на местах», как маленькие недостатки большого механизма, сваливает вину на других.

В действительности же это не «отдельные» ошибки, не «перегибы мест», а суть и результат общей политики и общей линии, результат всей системы мероприятий, одно из конкретных проявлений насилия, произвола и издевательства над трудящимися массами деревни, результат полного разрыва Сталина с принципами ленинизма вообще и с принципами ленинизма в крестьянском вопросе, в частности. Сталин еще и в настоящее время в своей печати изо дня в день трубит о сопротивлении кулачества. На деле кулаков как определенной социально-экономической категории, занимающейся в той или иной форме эксплуатацией чужого труда, в деревне нет по крайней мере уже с конца 1929 года. Даже бывших кулаков (за исключением ничтожной горстки, которая устроилась работать в совхозах, на лесозаготовках и шатается в повстанческих отрядах или просто нищенствует в деревне) в настоящее время нет. Но Сталин не может признать этого неоспоримого факта. Он, как рыба в воде, нуждается в криках о кулацком сопротивлении и «оппортунистах». Для него эти крики выполняют теперь функцию аналогично почти той, какую выполняли крики о «жидах», «преступных агитаторах» и «внутренних врагах» для самодержавия.

Не имея возможности сказать правду о том, что вся деревня в своей основной массе находится в состоянии беспощадной и жесткой борьбы со сталинской политикой, он вынужден прикрывать эту борьбу фиговым листком «сопротивления кулачества» успехам строительства социализма.

Наконец, сталинский лозунг «ликвидации кулачества как класса» является антиленинским не только потому, что он главным своим острием направлен против середняка и бедняка. Нет, он является антиленинским в своей основе и по конкретному содержанию и в той его части, которая действительно направлена против кулачества.

«Ликвидировать кулачество как класс» посредством полной его экспроприации, вплоть до последней его нижней рубашки, и посредством его физического истребления, к чему фактически сводится линия Сталина,— вещь по внешности чрезвычайно «р-р-революционная» и в то же время простая. Но иная простота хуже воровства. В политике часто бывает, что «простое» и по внешности «революционное» средство не только не приближает к цели, а, напротив, отдаляет от нее и даже лишает возмож-

ности достичь ее совершенно. Так, например, отказ коммунистов участвовать в буржуазных парламентах или работать в реакционных (желтых) профсоюзах, как известно, не только не приблизил бы момент низвержения господства буржуазии, но, напротив, чрезвычайно сильно отдалил бы и укрепил позиции господствующих классов.

Такая же «революционность» свойственна и лозунгу «ликвидации кулачества как класса». Лозунг «ликвидации кулачества как класса» является фальшивым, беспочвенным, авантюристическим уже по одному тому, что он опирается на фальшивую, дутую основу. Официальное обоснование этого лозунга, как известно, заключается в том, что «середняк решительно во всей своей основной массе повернул к социализму» [51]. Этот поворот дает возможность осуществлять сплошную коллективизацию и на ее основе ликвидировать кулачество как класс. Фактически же, как мы знаем, этот массовый поворот «середняка к социализму» и к сплошной коллективизации является продуктом произвола, насилия и террора над середняцкими массами; середняки не вошли в колхозы добровольно, а загнаны мерами жестокого административного и экономического (прямого или косвенного) принуждения.

Но колхозы также не могут быть прочными, они не могут быть социалистическими, они вновь и вновь разваливаются десятками тысяч каждый месяц, а если еще и держатся, то на величайшем зажиме, угрозах и на том, что этим колхозникам некуда «податься». Все эти колхозы также обречены на неминуемый развал.

При общей неправильной политике Сталина в других областях из скороспелой аракчеевской стряпни и социалистической переделки крестьянского хозяйства, где нужны уменье, такт и действительные примеры действительных преимуществ действительно добровольно организованных колхозов,— из такой стряпни ничего путного получиться не может. Но если колхозы в современном их виде разваливаются и обречены на развал, то неизбежно вновь в той или иной степени развитие индивидуального крестьянского хозяйства, а вместе с тем и кулачества. И вновь та же сказка начинается сначала. Это и означает, что сталинское «усердие не по разуму» не ускоряет окончательную ликвидацию кулачества как класса и классов вообще, а, наоборот, самое меньшее,— необычайно отдаляет эту цель.

Каков же подлинно ленинский путь ликвидации кулачества как класса? Этот путь заключается (при наличии

общей правильной политики партии во всех областях) в постепенной, в меру наших действительных успехов, индустриализации страны, действительной добровольной коллективизации деревни и строительства совхозов, вытеснениями кулачества, подравнивании его мерами налогового порядка (а по мере надобности и прямого запрещения эксплуатации чужого труда) под середняка. Одновременно необходимо решительно бороться против кулацкой агитации, пресекая мерами ГПУ и воспитывая массы деревни в духе ленинизма, непримиримости классовых интересов кулачества с пролетарской диктатурой и социалистическим строительством. Через некоторый период такой осередняченный бывший кулак, при наличии с его стороны лояльного отношения к Советской власти и социалистическому строительству, должен естественно приниматься беспрепятственно в колхозы. Этот путь «ликвидации кулачества как класса» менее эффектен и «ррр-еволюционен». Он при поверхностных взглядах кажется более длительным, но в действительности он оказывается и несравненно более коротким и единственно правильным.

Можно не сомневаться, что свора сталинских «теоретиков», готовых по заказу своего начальства защищать и опровергать что и кого угодно, поднимут по поводу такой концепции ликвидации кулачества как класса настоящую свистопляску. Они окрестят ее «кулацкой» теорией, защитой кулачества и т. д. Так как они не в состоянии обосновать своей правоты, им остается одно — запугивать массы «страшным» словом «кулак», клеветать на противника и заниматься софистикой. Таким путем можно доказать, что Ленин — агент нэпманов, ибо он допустил развитие частного капитала в Сов[етском] Союзе, таким способом можно доказать, как это делали левые эсеры, что Ленин — агент германского империализма, ибо он заключил Брестский мир. В такой аргументации нет ни грана марксизма. Это сплошное шарлатанство и самая низкопробная гнусная демагогия, но она всегда может поймать в свои сети некоторое количество простодушных, наивных и доверчивых людей, привыкших верить, но не размышлять.

Из всего изложенного в настоящей главе сами собой вытекают следующие выводы:

1. Теория Сталина об усилении сопротивления капиталистических элементов и обострении классовой борьбы по мере нашего продвижения вперед по пути к социализму является антиленинской. По своему методу она является механистической, а не диалектической, а по своему фактическому политическому содержанию она направлена на оправдание разжигания гражданской войны с основными массами деревни, дезорганизацию социалистического строительства и подрыв пролетарской диктатуры.

2. Она находится в коренном противоречии с рядом других утверждений и положений, выдвигаемых Сталиным и его ЦК.

3. Сталинский лозунг «ликвидации кулачества как класса» не может привести ни к какой действительной окончательной ликвидации кулачества, так как основа этого лозунга — «сплошная коллективизация» — построена не на действительном «повороте основных масс деревни в сторону социализма», а на прямых и косвенных формах самого свирепого принуждения крестьян вступать в колхозы. Не на улучшении их положения, а на их прямой и косвенной экспроприации и массовом обнищании.

4. Лозунг «ликвидации кулачества как класса» за последние 2—2½ года применяется фактически главным образом не к кулакам, а к середнякам и беднякам.

5. Кулаков как определенной социально-экономической категории в настоящее время в деревне нет. Есть лишь ничтожные, рассеянные остатки бывших кулаков. Крики о кулаке в настоящее время в устах Сталина — только метод терроризирования масс и метод прикрытия своего банкротства.

6. У нас происходит во всей стране и неизбежно будет происходить при настоящей политической линии гигантское обострение классовой борьбы. Целые огромные районы находятся в состоянии перманентной гражданской войны. Но это является не результатом успехов социалистического строя, а выражением подрыва и дезорганизации социалистического строительства, результатом антиленинской, авантюристической и гибельной для Советской власти политики Сталина и его руководства.

7 *. Простое воспроизводство и марксизм

Запутавшись в одном вопросе и будучи не способным признать свои ошибки, Сталин вынужден эту путаницу и извращения ленинизма проводить по всей цепи политических и теоретических вопросов.

---

* Так в документе.

Извращения учения Маркса и Ленина мы у него находим и в вопросе о расширенном и простом воспроизводстве в мелком крестьянском хозяйстве. Мы этого вопроса вскользь коснулись, уже раньше показавши беспринципность Сталина. Теперь мы проиллюстрируем на этом вопросе еще раз его безграмотность. Напомним «теоретическое открытие» Сталина, сделанное им на конференции аграрников-марксистов. В своей речи он заявил: «Можно ли сказать, что наше мелкокрестьянское хозяйство развивается по принципу расширенного воспроизводства? Нет, нельзя этого сказать. Наше мелкокрестьянское хозяйство не только не осуществляет в своей массе ежегодно расширенного воспроизводства, но, наоборот, оно не всегда имеет возможность осуществлять даже простое воспроизводство. Можно ли [двигать] дальше ускоренным темпом нашу социалистическую индустрию, имея такую сельскохозяйственную базу, как мелкокрестьянское хозяйство, неспособное на расширенное воспроизводство и представляющее к тому же преобладающую силу в нашем народном хозяйстве? Нет, нельзя» [52].

Итак, сказано яснее ясного: наше мелкое крестьянское хозяйство в своей основной массе, т. е. середняцкое хозяйство, не развивается по принципу расширенного воспроизводства, мелкое крестьянское хозяйство в Советском Союзе не способно к расширенному воспроизводству. Оно или находится в состоянии застоя, или падает, деградирует.

Как Маркс ставил вопрос о простом воспроизводстве для капитализма? «Простое воспроизводство,— говорит он,— воспроизводство в неизменяющемся масштабе представляет абстракцию в том смысле, что, с одной стороны, отсутствие всякого накопления, или воспроизводства в расширенных размерах, является неправдоподобным предположением при наличности капиталистического базиса, а, с другой стороны, отношения, в которых совершается производство, в различные годы не остаются абсолютно неизменными» [53]. По Марксу, таким образом, даже при наличности капиталистического базиса простое воспроизводство является «неправдоподобным предположением». По Сталину же даже при социалистическом базисе простое воспроизводство является типичным для основной массы сельскохозяйственных производителей. Маркс, Энгельс, Ленин подчеркивают, что в сельском хозяйстве при господстве капитализма в общем действуют те же законы развития, что и в промышленности: крупное производство имеет все преимущества перед мелким, крупное производство побивает и вытесняет мелкое производство. В сельском хозяйстве, хотя и более медленно (благодаря наличию ренты и некоторым другим второстепенным причинам), происходит тот же процесс концентрации и централизации капиталов, процесс экспроприации мелких производителей, что и в промышленности. «В той самой мере,— пишет Маркс,— в какой земледелие становится простой отраслью промышленности, капиталистическое производство водворяется и в деревне» [54].

Основная главная тенденция капитализма «состоит в вытеснении мелкого производства крупным, и в промышленности и в земледелии» [55] (Ленин).

Все эти положения среди марксистов-ленинцев были и остаются общепризнанными. Все они бесспорны. Они подтверждены всем ходом капиталистического развития. Однако до сих пор ни одному грамотному марксисту-ленинцу не приходило еще в голову утверждать, что мелкое крестьянское хозяйство даже в условиях капитализма не способно к расширенному воспроизводству. Такое утверждение, во-первых, изобличало бы теоретическое невежество, во-вторых, оно противоречило бы фактам.

Вытеснение мелкого производства крупным, преимущества крупного производства перед мелким в сельском хозяйстве — это одно, а неспособность к расширенному воспроизводству — совершенно другое. Сталин благодаря своей теоретической ограниченности думает, что раз мелкое производство вытесняется крупным, значит, оно не способно к расширенному воспроизводству. В действительности же оно вытесняется, несмотря на то что осуществляет расширенное производство. Само собою разумеется, что темп расширенного производства в мелком крестьянском хозяйстве несравненно более медленный, чем в крупном: мелкое крестьянское хозяйство ряд крупных сельскохозяйственных машин и технических усовершенствований, применяемых в крупном сельском хозяйстве, не может применить у себя совсем. Другие машины и усовершенствования оно может применить, но в очень ограниченном размере. Успехи агрономии и других близких к сельскому хозяйству наук оно также может использовать несравненно меньше, чем крупное. Но все же (хотя и в ограниченных размерах по сравнению с крупным капиталистическим хозяйством) мелкое крестьянское хо-

зяйство пользуется и успехами агрономии, и развитием капиталистической техники. Эти решающие обстоятельства и создают основные условия для расширенного воспроизводства в мелком крестьянском хозяйстве. Применение некоторых домовых и простых сельскохозяйственных машин, переход от трехполья к многополью и к огромному хозяйству, от зерновых к техническим культурам, от мясного к молочно-масляному животноводству, к товарному свиноводству и птицеводству, плюс непосильный труд — вот та база, база весьма узкая по сравнению с крупным капиталистическим сельским хозяйством, на которую опирается расширенное воспроизводство в мелком крестьянском хозяйстве.

У марксистов спор шел с Давидом, Герцем [56] и народниками совсем не о том, что мелкое крестьянское хозяйство не способно к расширенному «воспроизводству», а о том, что в сельском хозяйстве действуют те же законы капиталистического развития, что и в индустрии, что крупное сельское хозяйство имеет все преимущества перед мелким, что мелкое крестьянское хозяйство в борьбе с крупным капиталистическим сельским хозяйством держится только на непосильном труде и истощении крестьянина. Крупное производство вытесняет мелкое, и мелкое производство в сельском хозяйстве обречено в конечном счете на исчезновение и гибель. Но ведь это же совсем не то, о чем поведал нам Сталин!

Ни у Маркса, ни у Энгельса, ни у Ленина, ни у Каутского, ни у Плеханова — нигде во всей мировой марксистской литературе вы не найдете даже намека на утверждение, что мелкое крестьянское хозяйство на капиталистическом базисе не способно к расширенному воспроизводству.

Наоборот, как мы видели, Маркс утверждает прямо противоположное. Он говорит, что «отсутствие всякого накопления, или воспроизводства в расширенных размерах, является неправдоподобным предположением при наличности капиталистического базиса» [57].

Для Маркса простое воспроизводство даже в условиях капитализма является абстракцией, а по Сталину и в условиях развернутого социалистического строительства простое воспроизводство господствует в хозяйстве подавляющей массы сельского населения!

Посмотрим, что отсюда получается дальше. При капитализме, по Марксу, развитие и в мелком крестьянском хозяйстве совершается по принципу расширенного

воспроизводства, при пролетарской же диктатуре, как утверждает Сталин, основная масса крестьянского хозяйства или находится в состоянии застоя, или уменьшает свое производство. В переводе на простой язык это означает обнищание основных масс деревни.

Решения партии и сам Сталин все время, однако, утверждали и утверждают как раз обратное. А именно: что у нас происходит неуклонное улучшение положения основных масс деревни. Как связать одно с другим? Дальше. Если при капитализме в единоличном хозяйстве основных середняцких масс деревни осуществляется расширенное воспроизводство, а при пролетарской диктатуре и социалистическом строительстве — простое воспроизводство или даже отрицательное расширенное воспроизводство, то как возможно на такой почве неуклонное укрепление союза рабочего класса с крестьянством? И этакую галиматью Сталин преподносит массам как последнее слово марксизма-ленинизма! С таким безграмотным вздором могут люди выступать только тогда, когда они наперед знают, что возражать им никто не посмеет и не найдет для возражения никакой трибуны, ибо все трибуны находятся в личном распоряжении «вождя» и под надежной охраной.

Любопытно, что еще в апреле 1928 г., т. е. всего за полтора года до конференции аграрников-марксистов, он поучал Институт красной профессуры прямо противоположному. Он говорил: «Все данные говорят, что урожайность крестьянского хозяйства можно было бы поднять в продолжение нескольких лет процентов на 15—20. Сейчас имеется у нас в употреблении не менее 5 миллионов сох. Одна только замена их плугами могла бы дать серьезнейший прирост производства хлеба в стране. Я уже не говорю о снабжении крестьянских хозяйств известным минимумом удобрений, очищенными семенами, машинами мелкого типа и т. д. Метод контрактации, метод заключения договоров с целыми деревнями и селами на предмет снабжения их семенами и т. д. при обязательном условии получения от них соответствующего количества хлебных продуктов — этот метод является лучшим способом поднятия урожайности крестьянских хозяйств и вовлечения крестьян в кооперацию. Я думаю, что при серьезной работе в этом направлении мы могли бы иметь года через 3—4 [дополнительно] не менее 100 млн. пудов нового товарного хлеба от мелких и средних индивидуальных крестьянских хозяйств» [58].

Совершенно ясно, что Сталин здесь утверждает наличие возможностей у индивидуального крестьянского хозяйства (не только середняцкого, но и бедняцкого) для расширенного воспроизводства.

Через полтора года он утверждает, однако, обратное. И обе теории продолжают мирно уживаться под одной дырявой крышей сталинской последовательности и эрудиции. Теоретическая безграмотность, помноженная на беспринципность, политиканство и эклектику,— таково истинное название сталинской теории «простого воспроизводства» в мелком крестьянском хозяйстве.

За антимарксистским, антиленинским содержанием сталинской теории имеется единственный политический смысл. Он заключается в подведении некоторой теоретической базы под насильственные формы коллективизации. В самом деле: если перед индивидуальным крестьянским середняцким хозяйством без превращения его в капиталистическое кулацкое хозяйство нет никаких дальнейших перспектив для расширенного воспроизводства, то индустриализация упирается в тупик, она не имеет под собой сельскохозяйственной базы. Отсюда нужно делать выбор — или всемерно форсировать коллективизацию, не останавливаясь перед свирепыми мерами прямого и косвенного принуждения и насилия (авось выгорит), или поставить крест на индустриализации и социалистическом строительстве. Авантюристическая политика требует теоретического оправдания. Для этого оправдания и состряпал Сталин выше охарактеризованную теорию.

8 *. Оценка внутрипартийной борьбы в свете уроков истекших лет

В течение последних 5 лет мы были свидетелями борьбы Сталина и его аппарата с двумя основными оппозициями — с оппозицией троцкистов во главе с Троцким и с оппозицией правых во главе с Бухариным. Теперь, в свете уроков истекших лет, более чем когда-либо необходимо произвести спокойную объективную оценку — в чем же каждая оппозиция ошибалась, если она ошибалась, и в чем она была права, если она в чем-либо была права?

Троцкистская оппозиция по решающим экономическим вопросам и по вопросам соотношения классовых сил

---

* Так в документе.

в стране, как показал опыт, бесспорно ошибалась. Платформа троцкистов по вопросам политики индустриализации, политики заработной платы, налоговой политики по отношению к бедноте, с одной стороны, и кулачеству, с другой стороны, политики цен, роли и удельного веса кулачества в деревне и частного капитала в городе была явно демагогической. Вместо конкретного, трезвого марксистско-ленинского анализа мы здесь имели неоспоримое господство левой фразы, заигрывание с массами и невыполнение обещаний.

Сталин в начале 1928 года решительно начал проводить экономическую часть платформы троцкистов, о чем откровенно говорили и сами троцкисты, выдвигая это как один из решающих мотивов для возвращения в партию и поддержки новой политики. Отрицательные результаты этой политики не замедлили, однако, сказаться. С началом этой политики начал развиваться и экономический кризис: сокращение посевов в крестьянском хозяйстве, сокращение и уничтожение скота, рост цен, быстрое падение червонца, падение реальной заработной платы, дезорганизация в планировании, падение заинтересованности основных масс деревни в развитии своего хозяйства и пр.

Сталин, конечно, довел экономическую платформу троцкистов до абсурда, до логического конца, но это далеко не случайно: «коготок увяз, всей птичке пропасть». В «новом курсе» Сталина каждое мероприятие с неумолимой железной экономической необходимостью влекло за собой второе, третье и т. д. Здесь же не Сталин руководил событиями, а события руководили Сталиным. Падение по этой наклонной плоскости можно было остановить лишь в том случае, если решительно и бесповоротно отказаться от ошибочных, демагогических исходных положений и произвести крутой поворот. Сталин на это совершенно не способен.

Л. Д. Троцкий и троцкисты, надо полагать, оказались бы более честными и преданными делу пролетарской революции: они сумели бы вовремя заметить свои «дискуссионные» заблуждения и круто повернуть. Если же они стали бы настаивать на своих ошибках и практически проводить их в жизнь до конца, то и они неизбежно пришли бы примерно к тем же «итогам», перед которыми стоит теперь Сталин.

Совершенно иначе обстоит дело с оценкой внутрипартийного положения и роли Сталина. В этом решающем и важнейшем для судеб пролетарской революции вопросе

Троцкий и троцкисты оказались в основном, наоборот, правы. Троцкий раньше других увидел те процессы внутри партии, которые уже в 1923 г. начали развиваться. Троцкий раньше других увидел и вожделения Сталина утвердить свою личную диктатуру в партии.

Когда Троцкий еще в 1924 г. в своем «Новом курсе» писал, что партия живет на два этажа: «в верхнем — решают, в нижнем — только узнают о решениях», когда он говорил, что партийный аппарат, несмотря на идейный «рост партии», продолжает упорно думать и решать за нее, то партийные работники отвечали на это, что утверждения Троцкого — сплошная клевета. Кто, однако, в настоящее время, не кривя душой, может сказать, что Троцкий тогда ошибался? Но тогда, по сравнению с настоящим моментом, пульс внутрипартийной жизни бился все еще нормально, тогда по крайней мере признавали жизнь партии «на два этажа» ненормальным явлением. Спор шел только о том, есть ли налицо это ненормальное явление или нет. Теперь же жизнь на два этажа, когда «в верхнем — решают, а в нижнем — только узнают о решениях», стала не только «нормальным» явлением. К этому так все привыкли, что даже не замечают полного разрыва с принципами внутрипартийной демократии и демократического централизма при таком «двухэтажном» существовании.

Дальше Троцкий писал в своем «Новом курсе»: «Главная опасность старого курса, как он сложился в результате как больших исторических причин, так и наших ошибок, состоит в том, что он обнаруживает тенденции ко все большему противопоставлению нескольких тысяч товарищей, составляющих руководящие кадры, всей остальной партийной массе как объекту воздействия. Если бы этот режим упорно сохранялся и дальше, то он, несомненно, грозил бы в конце концов вызвать перерождение партии — притом одновременно на обоих ее полюсах, т. е. и в партийном молодняке, и в руководящих кадрах».

И этот прогноз Троцкого также в настоящее время оправдался целиком. Перерождение партии идет такими быстрыми шагами, оно уже настолько далеко зашло, что только решительные и смелые меры оперативного порядка могут спасти положение.

В этом своевременном и правильном ленинском вскрытии зародышей начавшегося незаметного перерождения партии, в страстном стремлении Троцкого вернуть

партию на путь внутрипартийной демократии и здорового демократического централизма заключается огромная историческая и революционная заслуга Троцкого, которую не отнимает у него никакая клевета и никакие его прошлые ошибки.

Слабые и сильные стороны Троцкого известны. До 1917 года он не был большевиком. В борьбе с Лениным он был целиком не прав, после 1917 г. он снова делал немало ошибок. Не гений, а только крупный талант, универсально и европейски образованный; блестящий, острый, но не глубокий ум; не глубокий теоретик, а лишь несравненный по стилю, первый во всей мировой марксистской литературе публицист, склонный к красивой схеме, к яркой революционной фразе, заменяющей порой конкретный трезвый анализ; железная воля, переходящая, однако, порой в упрямство; яркая крупная индивидуальность; замечательный организатор, мировой трибун, искренне и глубоко преданный делу коммунизма,— таков Троцкий, как вождь.

Троцкий не цельная монолитная фигура гения, как Ленин. Он страдает рядом крупных недостатков и противоречий.

И все же, несмотря на все усилия Емельянов Иловайских вычеркнуть имя Троцкого из истории Октябрьской революции, он навсегда останется первым после Ленина ее вождем и трибуном, ее знаменосцем, ее творцом и организатором! С именем Ленина и Троцкого навсегда будет связано торжество пролетарской революции, ее невиданный подъем, ее лучший героический период. С именем Сталина, в лучшем случае, будут связаны годы лихолетья пролетарской революции, годы мрачной реакции, годы величайшего опозорения учения Маркса и Ленина.

Сталин объявил сейчас троцкизм авангардом международной контрреволюционной буржуазии. Однако во всех этих действиях и «страшных» словах бессильно обнаглевшего диктатора нет даже и тени какого-нибудь обоснования.

Контрреволюционную роль отдельные лица и целые политические группы и течения могут играть порой и тогда, когда они причисляют себя (иногда даже искренне) к лагерю революции или, по крайней мере, к лагерю защитников интересов пролетариата и трудящихся масс. История дает для этого немало примеров. Такова роль эсеров и меньшевиков в Октябрьской революции, такова

роль левых эсеров и левых коммунистов, такова роль с[оциал-]демократии и, в частности, ее левого крыла. Революционные фразы нередко бывают связаны и прикрывают контрреволюционные действия и поведение. Это не подлежит сомнению. И если бы Сталин продолжал обвинять Троцкого и троцкистов в том, в чем он их обвинял в 1927 г., т. е. в том, что они объективно играют контрреволюционную роль, то такое обвинение хотя и было бы неправильным, клеветническим, но в нем все же была бы соблюдена хотя бы видимость марксистско-ленинского подхода к вопросу. Утверждение же Сталина, что троцкизм — авангард международной контрреволюционной буржуазии, просто глупо.

В самом деле, для того чтобы быть авангардом международной контрреволюционной буржуазии, политическая партия или группа не только субъективно, но и объективно, открыто, прямо должна быть врагом коммунизма и всякого пролетарского революционного движения. В настоящее время авангардом мировой контрреволюционной буржуазии всюду является фашизм, фашистские организации.

Основные требования программы фашистов как передового отряда международной контрреволюционной буржуазии сводятся к следующему:

1) беспощадные подавления с помощью террора мирового коммунистического движения и объявление всех коммунистических партий нелегальными, 2) подавление всякого пролетарского революционного движения, 3) уничтожение парламентаризма, 4) установление единоличной диктатуры, как в Италии, Венгрии.

Троцкисты же стоят на прямо противоположной точке зрения: они борются за вооруженное низвержение буржуазии, за пролетарскую диктатуру, за коммунизм, за вооруженное подавление рабочими фашизма. Они открыто пропагандируют эти свои взгляды. Наконец, «авангард контрреволюционной буржуазии» должен быть связан соответствующими кругами буржуазии, как это имеет место у всех буржуазных политических партий, организационной и финансовой поддержкой. Троцкисты же [ни] организационно, ни экономически никаких связей ни с какой группой буржуазии не имели и не имеют.

Отныне у Сталина имеется два авангарда международной контрреволюционной буржуазии: с одной стороны, фашизм — авангард действительный, признанный решениями конгрессов, проявляющий себя в действии, и,

с другой стороны, троцкизм — авангард, специально «состряпанный» Сталиным после чтения острых бичующих статей Л. Д. Троцкого, в которых последний показывает подлинное лицо Сталина. Эти два авангарда противоположны. Их программы, тактика, пропаганда, агитация, идеология, социальная база — непримиримо враждебны друг другу, но Сталин заставляет их выполнять одну и ту же функцию. Какой бы вздор Сталин ни говорил, ВКП(б) и Коминтерн возражать не смеют. Все сойдет за марксизм-ленинизм!

Сталин всякую оппозицию по отношению к его политике и руководству объявляет контрреволюционной. Между тем быть в оппозиции по отношению к его неправильной, гибельной, антипролетарской, антиленинской политике — прямая обязанность всякого честного, преданного, подлинного коммуниста и пролетария.

Обратимся теперь к группе Бухарина.

Не подлежит сомнению, что Бухарин образованнейший марксист. Но по всему складу своего ума он больше схематик и механист. В его теоретических работах, из которых некоторые («Империализм и накопление капитала», «Мировое хозяйство и империализм», «Политическая экономия рантье») являются ценнейшим вкладом в мировую марксистско-ленинскую литературу, имеется немало серьезнейших ошибок. Из этих ошибок некоторые даже являются ошибками оппортунистическими. Особенно большим количеством ошибок изобилуют его теоретические работы «Экономика переходного периода» и «Теория исторического материализма». Ошибки и слабые стороны «Экономики переходного периода» гениально вскрыты и охарактеризованы Лениным. Что же касается «Теории исторического материализма», то основной и решающий ее порок заключается в том, что она опирается на совершенно антимарксистскую, механическую богдановскую теорию равновесия [59].

Из других теоретических оппортунистических ошибок Бухарина следует отметить его «теорию организованного капитализма» и теорию «врастания кулацких кооперативных гнезд» в систему социалистической экономики.

Правильно ли, однако, Сталин превратил Бухарина в оппортуниста? Нет, неправильно. Неправильно потому, что отдельные оппортунистические ошибки еще не делают большевика оппортунистом. Только система оппортунистических взглядов делает человека оппортунистом.

Ни один пролетарский революционер не может быть

гарантирован от отдельных оппортунистических ошибок. Сталин, как мы уже отметили выше, делал в прошлом несравненно более тяжелые, грубые и вредные оппортунистические ошибки, но было бы демагогией и гнусным политиканством превращать его из-за этих отдельных, хотя и серьезнейших оппортунистических ошибок в оппортуниста. Оппортунистов нужно изгонять из ленинской партии, а оппортунистические ошибки критиковать, устранять и исправлять.

Фальшь, нечестный подход к Бухарину, Рыкову и Томскому со стороны Сталина обнаруживается, однако, не только в этом. Беспринципное политиканство Сталина обнаруживается в том, что Сталин теоретическими и оппортунистическими ошибками Бухарина «перекрыл» и правильные взгляды бухаринской группы, фальсифицировал их, свалил все в одну кучу и превратил в законченную «систему оппортунизма».

Это обычный метод политиканов и софистов. Когда Бухарин и его группа настаивали на сохранении меры в темпах индустриализации, когда они боролись за необходимость решительно раз и навсегда покончить с «чрезвычайными мерами» в деревне, они были абсолютно правы. Ход событий полностью подтвердил их взгляды. Авантюристические темпы индустриализации, политика «чрезвычайных мер» в деревне в течение четырех лет загнали партию, рабочий класс и всю страну в невиданный тупик.

Когда Бухарин в своих «Заметках экономиста» писал, что для возможно более благоприятного хода общественного воспроизводства и систематического роста социализма, а следовательно, возможно более выгодного для пролетариата соотношения классовых сил в стране — необходимо добиваться возможно более правильных сочетаний основных элементов народного хозяйства («балансировать» их, расставлять их наиболее целесообразным образом, активно воздействуя на ход экономической жизни и классовой борьбы), то он был в десятки раз более последовательным ленинцем, чем Сталин со всеми его софистическими «фокус-покусами» о бурных темпах индустриализации, «вступлении в социалистическое общество», «улучшении положения рабочего класса» и пр.

Но если Бухарин как теоретик марксизма и ленинизма при всех его ошибках и промахах, при всей его склонности к механическому методу мышления остается крупнейшей фигурой, то как политический вождь он оказался

ниже всякой критики. Умный, но не дальновидный человек, честный, но бесхарактерный, быстро впадающий в панику, растерянность и прострацию, не способный на серьезную и длительную политическую борьбу с серьезным политическим противником, легко поддающийся запугиванию; то увлекающийся массами, то разочаровывающийся в них, не умеющий организовать партийные массы и руководить ими, а наоборот, сам нуждающийся в постоянном и бдительном руководстве со стороны других — таков Бухарин как политический вождь.

Между тем именно в такой момент, как настоящий, когда губится дело Маркса, Энгельса, Ленина, когда Сталин под лживые крики о победах социализма вонзает нож в спину пролетарской революции,— больше, чем когда-либо, прямой обязанностью всех честных подлинных вождей партии является не презренное холуйство перед Сталиным и обман масс, чем занимаются Бухарин, Радек, и даже не молчание, как это делают Рыков, Томский, Угланов и бывшие вожди троцкистской оппозиции, а новая мужественная борьба, не останавливающаяся перед исключением из ЦК, перед исключением из партии и даже перед перспективой ссылки. Именно в этот момент подлинные вожди должны показать себя достойными звания вождей. Не оправдываться мнимой пассивностью масс, не оправдывать свое бездействие отсутствием поддержки со стороны затравленных, задавленных, терроризированных, но ищущих руководства для борьбы со Сталиным партийцев и беспартийных рабочих, а становиться во главе их, руководить ими — такова обязанность подлинных вождей, подлинных ленинцев в настоящее время.

«Признание» своих ошибок, маневрирование в обстановке внутрипартийного террора неизбежны и необходимы, капитуляция же нетерпима и позорна. «Признать свои ошибки», чтобы через некоторое время вновь открыто выступить и еще раз показать массам, к чему привели политика и руководство Сталина, призвать массы членов партии покончить с гибельным для партии и страны руководством бесчестного диктатора — только в этом и может быть для бывших вождей оправдание «признания своих ошибок», если они хотят быть вождями и подлинными пролетарскими революционерами.

В настоящее время наступил именно такой момент, когда требуется новое открытое выступление всех бывших вождей, всех честных большевиков со своей откры-

той, смелой программой выхода из тупика и возвращения к ленинским принципам руководства страной пролетарской диктатуры. Иначе история навсегда пригвоздит их к позорному столбу.

10. Оценка взглядов врагов пролетарской диктатуры

Излюбленный прием шельмования всякой оппозиции со стороны Сталина и его клики заключается обычно в ссылках на то, что враги Сов[етской] власти говорят то же, что и оппозиция, что меньшевики хвалят оппозицию, соглашаются с ней и т. д.

Такой прием всякого марксистски незрелого партийца оглушает, пугает и парализует у него всякое желание самостоятельно продумывать и решать коренные вопросы пролетарской революции. Ведь таким образом всегда можно попасть в оппозицию!

В действительности вопрос отношения к тем или иным разногласиям внутри ВКП(б) со стороны врагов пролетарской диктатуры, оценка той или иной линии партии еще далеко не решает вопроса о правильности и самой этой линии.

Само собой разумеется, что нужно чрезвычайно внимательно прислушиваться к голосу врагов, чрезвычайно серьезно изучать их оценку того или иного шага партии, оппозиции, советского правительства или отдельных его органов.

Но враг пролетарской диктатуры иногда может говорить правду, иногда же, наоборот, по тактическим соображениям может лгать. Как в настоящей войне разбитый противник очень часто, для того чтобы приостановить разложение, разброд и панику в своих рядах, сознательно раздувает всякую малейшую неудачу и освещает в ложном свете положение противоположной стороны, так и в политической борьбе в подобных случаях прибегают нередко к таким же приемам. Или может быть такое положение: факты могут иногда констатироваться врагом правильно, выводы же из этих фактов делаются совершенно лживые, продиктованные его классовыми и политическими стремлениями. Так, например, при переходе к новой экономической политике некоторые враги Сов[етской] власти правильно отмечали, что мы, пойдя на уступки основной массе крестьянства, вместе с тем сделали известные уступки и частному капиталу. Выводы

же из этих фактов, что большевики повернули назад к капитализму, оказались абсолютно неверными, лживыми, продиктованными их классовыми интересами и желаниями. Из правильных посылок очень часто, а в политике особенно, делаются неверные выводы.

Что же касается разногласий внутри коммунистической партии, то для буржуазии всякая серьезная борьба внутри партии представляет отрадное явление, ибо она связывает с этим надежды на разложение и гибель пролетарской диктатуры. Естественно поэтому, что по отношению ко всякой оппозиции внутри партии (как действительно оппортунистической, так и последовательно ленинской) она будет питать некоторые симпатии, как к открытому проявлению какого-то ненормального болезненного положения внутри партии и пролетарской диктатуры.

Если это оппозиция слева (по отношению к официальному курсу партии), то враги пролетарской диктатуры будут всегда по-своему использовать, перерабатывать аргументы оппозиции, кричать о крахе пролетарской диктатуры и в то же время критиковать самою оппозицию за утопизм и авантюризм. Смешно, однако, было бы брать эти обвинения в авантюризме за чистую монету. Для буржуазии всякая пролетарская революционная, ленинская политика — «авантюристическая политика». Буржуазия заинтересована в том, чтоб толкать партию вправо, на путь оппортунизма, а с пути оппортунизма — на путь полной реставрации капитализма. Ей выгодно даже оппортунизм выдавать за марксизм-ленинизм. Но было бы чистейшим политическим шарлатанством только на основании того, что враги пролетарской диктатуры используют те или иные аргументы оппозиции, что буржуазия проявляет некоторую радость по поводу возникновения оппозиции, утверждать, что данная оппозиция является антиленинской, не пролетарской. Наоборот, по отношению к действительно оппортунистическому руководству левая оппозиция может быть и подлинно ленинской оппозицией. Может быть, конечно, и такое положение, что официальная линия партии является подлинно оппортунистической, а в то же время оппозиция слева не сумеет занять последовательной большевистской позиции, а займет путанную позицию — по одним вопросам подлинно ленинскую, а по другим авантюристическую.

Тут возможно бесконечное количество комбинаций, вариантов и оттенков, и только конкретный марксистско-

ленинский анализ может показать, права ли оппозиция, а если права, то в чем права и в чем ошибается.

Если это будет оппозиция справа по отношению к официальной линии партии, то враги пролетарской диктатуры и тут будут всегда по-своему одобрять и использовать критику и аргументы оппозиции, «углублять» их, кричать о гибели большевизма, и в то же время критиковать оппозицию, обвинять ее в непоследовательности, в половинчатости и стараться толкать ее дальше вправо.

Значит ли это все же, что всякая оппозиция справа является обязательно оппортунистической, антиленинской оппозицией? Ни в коем случае! По отношению к последовательной ленинской политике всякая оппозиция справа внутри партии является, конечно, оппортунистической оппозицией; по отношению же к действительно авантюристической «архилевой» официальной линии руководства оппозиция справа может быть и последовательно ленинской оппозицией; Ленин постоянно учил большевиков, что мы никогда не можем и не станем ставить лозунга быть революционнее всех. За революционностью мелкобуржуазных авантюристов, оторванных от классовой почвы и реального трезвого учета экономической и политической обстановки, щеголяющих фальшивыми псевдореволюционными фразами, настоящие ленинцы никогда не гонялись и не будут гоняться.

Может быть, конечно, и такое положение, что официальная линия партии является авантюристической, «архилевой», но в то же время и оппозиция к ней является действительно оппортунистической, правой целиком или по некоторым вопросам. Здесь также возможно бесконечное количество вариантов, оттенков и оттеночков. Практика бесконечно разнообразнее, богаче всякой формулы, всякого закона. И здесь нельзя обойтись голым общим положением, а нужен конкретный анализ.

Но все это бесконечно далеко от сталинского объявления всякой оппозиции покушением на основные принципы ленинизма. Ленинское положение «кто хоть сколько-нибудь ослабляет единство партии и ее дисциплину, особенно во время диктатуры пролетариата, тот вольно или невольно помогает буржуазии» [60] является абсолютно правильным, но это положение покоится на другом, молчаливо признаваемом условии — на правильности политики партии.

И Ленин из своего положения отнюдь не думал

создавать абсолютного закона, применяемого к какой угодно политике партии и ее руководству. Ленин, наоборот, прямо подчеркивал, что без правильной политики партии, при которой массы на своем собственном опыте убеждаются в ее правильности, всякие разговоры о единстве и о дисциплине превращаются в «пустышку», в «кривляние». Именно такой пустышкой, кривлянием являются в настоящее время разговоры о единстве, ибо этого единства в настоящее время фактически нет. И никакой внутрипартийный террор этого факта скрыть не в состоянии.

Всякая, даже правильная ленинская оппозиция при господстве пролетарской диктатуры несет с собой известные опасности для пролетарской диктатуры, окруженной со всех сторон врагами, всякая оппозиция является с этой точки зрения «злом». Но при гибельной политике официального руководства, подрывающего и дискредитирующего основы ленинизма и социалистического строительства, издевающегося над правами членов партии,— это зло становится наименьшим «злом», это зло превращается в «благо», в прямую обязанность каждого честного и подлинного коммуниста.

Все наши враги были и остаются непримиримыми противниками коммунизма, но раньше для подрыва большевизма им приходилось фабриковать и выдумывать факты, теперь же Сталин и его политика доставляют им в изобилии подлинные факты, дискредитирующие пролетарскую диктатуру. Такие факты, как невероятное обнищание рабочих и крестьянских масс в результате проведения «генеральной линии», невиданное снижение реальной заработной платы, насильственная коллективизация, хлебозаготовки с помощью систематических репрессий над середняцкими массами, голод в деревне, голод в городах, бесчисленные восстания в деревнях и пр.,— совершенно неоспоримы.

Они единодушно признаются в Советском Союзе всеми — и коммунистами, и беспартийными, и рабочими, и крестьянами, и врагами Советской власти, и ее преданными защитниками.

Эти факты отрицать невозможно, если даже они констатируются врагами пролетарской диктатуры. Факты — упрямая вещь,— говорит английская поговорка. Они кричат о себе со всех крыш по всем городам и селам Советского Союза, они торчат тысячами со страниц всех советских газет, сколько они ни стараются их скрыть, они

выглядывают во все щели резолюций и постановлений ЦК и правительства.

Огромное количество фактов враги пролетарской диктатуры и коммунизма из области нашей советской действительности отмечают в общем верно. Выводы же, которые они делают из них, коренным образом расходятся с нашими взглядами.

Враги коммунизма из современной советской действительности и всей политики Сталина делают вывод о крушении марксизма-ленинизма, мы же считаем, что банкротство Сталина и его клики не есть еще крушение марксизма-ленинизма.

Политика Сталина и его эксперименты могут отбросить наше поступательное победоносное шествие на 20—30 лет назад. Можно серьезно опасаться, что Сталину удастся даже окончательно погубить Советский Союз как социалистическую республику. И все же учение Маркса —Ленина непобедимо, ибо оно верно. Ибо оно верно и последовательно вскрывает основные законы развития природы и общества. Если извращения оппортунистов 2-го Интернационала во главе с Каутским не могли погубить учения Маркса, если невиданный крах 2-го Интернационала с возникновением мировой войны не мог похоронить коммунистическое мировоззрение и метод диалектического материализма, то этой роли не удается выполнить и такому фальсификатору и «могильщику» ленинизма, как Сталин. Сталин обанкротился, а учение Маркса и Ленина, обогащенное опытом сталинского «эксперимента», после некоторой остановки поднимется еще на большую высоту и снова начнет свое поступательное победное шествие.

Враги большевизма из нашей советской действительности делают вывод о крушении самого принципа и системы пролетарской диктатуры, мы же видим в ней лишь крушение неправильной, антиленинской, авантюристической политики.

По мнению врагов коммунизма, банкротство Сталина требует ревизии учения Маркса и Ленина, мы же и в самом банкротстве сталинской политики видим только лишнее подтверждение полной правильности теории революционного марксизма. Само банкротство сталинской политики наиболее глубоко и наиболее правильно можно понять только с точки зрения ленинизма.

Отсюда для каждого большевика должно быть ясно, что все попытки Сталина на основании одного того, что

мы признали правильными многие факты из нашей советской действительности, отмечаемые врагами большевизма, причислить нас к врагам ленинизма или к оппортунистам, будут обычным софистическим приемом, выдерживающим один внешний признак сходства и скрывающим коренные признаки отличия. Этим приемом ни один подлинный коммунист не должен дать себя запугать или обмануть.

Точно так же нельзя поддаваться и на запугивания партийного аппарата криками о нарушении единства партии. Ленинское единство партии нужно всемерно охранять и защищать. Сталинское же «единство» партии, основанное на терроре партийных масс и ведущее к гибели пролетарской диктатуры, необходимо не только нарушить, но и возможно скорее разрушить.

11. Кризис Коминтерна

После характеристики Сталина, его приемов борьбы и его теоретических позиций мы можем перейти к международной обстановке и нашему внутреннему положению.

Объективные экономические предпосылки и условия для низвержения капитализма во всем мире уже давно имеются налицо. Империализм — канун мировой социалистической революции. Капиталистическая система переживает всеобщий кризис. Современный мировой экономический кризис, невиданной еще глубины и широты, развивается в рамках всеобщего кризиса капитализма и по своим особенностям является отражением и выражением общего кризиса капитализма. Существование пролетарской диктатуры на одной шестой части земного шара, несмотря на переживаемый самой пролетарской диктатурой кризис, вытекающий из чисто субъективных причин, неправильного антиленинского руководства, является наиболее ярким выражением и проявлением начавшегося распада и краха капиталистического общества.

Материальные предпосылки для победы социализма во всех капиталистических странах имеются налицо. Не хватает субъективных предпосылок и, прежде всего, массового влияния руководства этих партий пролетарскими и мелкобуржуазными трудящимися массами города и деревни, не хватает кадров, достаточно многочисленного теоретически зрелого, закаленного, выдержанного актива, наконец, не хватает кадров авторитетных, с широким марксистско-ленинским кругозором и основательным теоретическим

багажом, умеющих самостоятельно ставить и разрешать как общие теоретические вопросы, так и вопросы стратегии и тактики классовой борьбы вождей.

При таких условиях правильное руководство Коминтерном для судеб мировой пролетарской революции имеет решающее значение. Между тем на деле мы имеем картину прямо противоположного порядка. Руководство Коминтерном за последние годы носит такой характер, оно приняло такие формы, что об укреплении позиций Коминтерна не может быть и речи. Наоборот, Коминтерн переживает в настоящее время несомненный кризис. Этот кризис выражается в следующем:

1. Коминтерн из штаба мировой пролетарской революции, чем он на деле был под руководством Ленина, Зиновьева и до некоторой степени даже под руководством Бухарина, превратился после разгрома всех оппозиций и соратников Ленина, после утверждения личной диктатуры Сталина в ВКП[(б)] и Коминтерне просто в канцелярию Сталина по делам компартий.

Если Людовик XIV говорил «Франция — это я», то Сталин теперь с такой же уверенностью говорит: «Коминтерн — это я».

2. При Ленине и при Зиновьеве в руководящем ядре Коминтерна работали подлинные вожди, каждый из которых самостоятельно и смело ставил коренные теоретические и политические вопросы, не боясь ложных обвинений в уклонах, не опасаясь, что за допущенные ошибки его будут шельмовать и оплевывать, а зная наперед, что его лишь товарищески поправят. В руководящем ядре Коминтерна постоянно билась живая творческая большевистская мысль. Никто не боялся возражать Ленину или Зиновьеву, ибо они боролись с ошибками силой аргумента, а не аргументом силы. В настоящее время, наоборот, в Коминтерне нет вождей, а есть лишь исполнительные чиновники, боящиеся проронить лишнее слово, высказать самостоятельную смелую мысль, постоянно оглядывающиеся на мстительного и не разбирающегося в средствах борьбы начальника. Даже некоторые бывшие подлинные вожди, пройдя за последние годы курс сталинской учебы, превратились в простых сталинских холопов, в героев «чего изволите».

3. В теоретической области в Коминтерне мы имеем за последние годы полное оскудение, на философском фронте и в области теоретической экономии — настоящая аравийская пустыня. Нет ни одной работы, ни

философской, ни по политической экономии, ни по другим общественным наукам, достойной упоминания. Вся теоретическая мудрость последнего времени воплощена для Коминтерна в безграмотной, тупой, лживой статье Сталина — письме в редакцию «Пролетарской революции» [61]. Весь диалектический материализм уложен им в прокрустово ложе «шести условий» [62].

Сталин теперь является для Коминтерна официально непогрешимым папой. Но не потому, что компартии считают его действительно авторитетом в области теории марксизма-ленинизма, а, наоборот, несмотря на то, что все, видя его теоретическое и идейное убожество, не в силу его права, а в силу его силы, не из доверия к нему, а из боязни перед ним. Всех руководящих работников Коминтерна не только в Москве, но и на местах Сталин держит крепко в руках прямой и косвенной материальной зависимостью, и это решающий аргумент для утверждения его «теоретической» непобедимости.

Но такое противоречие между словами и действительностью, между заявлениями и внутренними убеждениями, такое низведение марксизма-ленинизма до уровня плоской аналогистики, произвола и различных политических ходов и комбинаций Сталина не может содействовать теоретическому росту членов партии и всего актива Коминтерна, не может помогать укреплению дисциплины и сплоченности компартий, их количественному и качественному росту.

4. Кризис Коминтерна находит свое начало, как видно уже из предыдущего, в кризисе ВКП(б), руководящей секции Коминтерна, о чем мы более подробно будем говорить дальше. Без преодоления кризиса в ВКП(б) нельзя рассчитывать и на преодоление кризиса Коминтерна. Противоречивость положения руководящих центров всех компартий заключается в том, что они вынуждены обманывать своих членов партии и рабочих о действительном положении в ВКП(б) и о действительном положении Советского Союза. Они вынуждены выдавать за правду то, что пишут в советских газетах, о чем кричат в постановлениях и воззваниях. Но факты о действительном положении в СССР все же просачиваются и в партийные, и в рабочие массы. Некоторые рабочие сами попадают в Советский Союз и имеют возможность видеть всю лживость утверждений Сталина об улучшении положения масс, росте их активности, повороте середняка в сторону социализма, вступлении

СССР в социалистическое общество и пр., другие вылавливают эти факты, хотя и в искаженном виде, из буржуазной печати, третьи, достаточно вдумчивые, кризисное состояние ВКП(б) и СССР видят даже из того материала, который доставляет им их собственная коммунистическая печать.

В результате всего этого — пассивность, разброд, разочарование и рост выходов из компартии.

5. Запутавшись безнадежно во внутренней политике СССР, зайдя в безвыходный тупик, превратив политику ВКП(б) в политику трюков и беспринципных шахматных ходов, Сталин эту же линию вынужден проводить и во внешней политике. При этом авантюризм во внутренней политике он вынужден компенсировать в ряде случаев подлинным оппортунизмом во внешней политике. Образцом такой подлинно оппортунистической, изменнической линии Сталина в Коминтерне может служить позиция ВКП(б) и Коминтерна по отношению к империалистическому грабительскому нападению Японии на Шанхай [63].

В самом деле, раньше, как известно, самое мелкое нападение империалистов на какие-нибудь народы и племена Африки или Азии, самая незначительная опасность нападения империалистов на Советский Союз сейчас же влекли за собой бурную кампанию Коминтерна и ВКП(б) против этого нападения и против этой угрозы. Тотчас же выпускались воззвания Коминтерна, устраивались массовые демонстрации протеста по всему Советскому Союзу, созывались собрания рабочих по заводам и фабрикам, газеты заполнялись пламенными резолюциями протеста и т. д. Такая политика Коминтерна и ВКП(б) была понятна и ясна каждому рабочему и каждому коммунисту.

Теперь картина совершенно обратная. Нападение японцев на Шанхай — мировой пролетарский центр имеет всемирно-историческое значение. Убиты самым зверским (безусловно) образом тысячи пролетариев, тысячи и десятки тысяч их жен и детей, уничтожены величайшие культурные ценности, уничтожены библиотеки. И Коминтерн молчит как рыба! Ни одного воззвания к пролетариям и народам всего мира! Никакой открытой позиции, которая бы была ясна и понятна массам! Сталин может сослаться на то, что отдельные компартии, за исключением ВКП(б), выпускали воззвания и выносили на собраниях резолюции протеста. Но разряженные выступления отдельных компартий — это еще не выступления Коминтерна.

Выступления отдельных компартий не могут заменить выступления Коминтерна, его руководящего центра. Почему Коминтерн не показал своего отношения к этому важнейшему историческому событию, почему Коминтерн таинственно молчит? Почему не проведено ни одного собрания рабочих СССР? Почему не напечатано ни одной резолюции протеста в газетах?

Потому, что внутреннее положение Советского Союза вынуждает Сталина вести в ряде случаев оппортунистическую внешнюю политику, что и находит свое отражение в отсутствии по этому вопросу у Коминтерна и ВКП(б) открытой и понятной массам позиции. Сталин по этому вопросу делает таинственное лицо и изображает свою линию как очередное проявление его мудрости. В действительности мы здесь имеем перед собой только очередной трюк беспринципного политикана, не больше.

Затем, на Дальнем Востоке надвигается военная гроза. По всей стране ползут и ширятся слухи о надвигающейся войне. А Коминтерн снова молчит как рыба! Снова ни одного воззвания. Снова никакой ясной позиции ЦК ВКП(б). Наоборот, и здесь, вместо ясно выраженной и подробной характеристики данного положения вещей, новый трюк — передовая в «Известиях», наполненная неясностями [64]. На другой день перепечатка передовой «Известий» «Правдой» (небывалое явление) и другими газетами, что должно подчеркнуть какой-то особый тайный и важный политический смысл этой передовой. И снова массы в недоумении, снова бродят в потемках.

Происходит какая-то таинственная шахматная игра. Не исключено, что и здесь Сталин перекинется от оппортунизма к авантюризму.

Но если Коминтерн в своей политике последовательную и принципиальную позицию, понятную и близкую массам, подменяет дипломатическими комбинациями, то это может свидетельствовать только о необычайном падении роли Коминтерна и о его кризисе.

Наиболее яркое и наглядное выражение кризис Коминтерна за последние годы находит в гигантском уменьшении численности компартий при остановке роста и влияния на рабочие массы. Прекращение роста влияния компартий на рабочие массы особенно ярко показали выборы в английский, германский парламент и выборы президента в Германии. Что же касается падения численности компартий, то оно видно из следующей таблички:

	1928 г.	1931 г.
Англия	3 500	3 200
Франция	55 000	35 000
Германия	130 000	265 000
Америка	11 700	10 000
Чехо-Словакия	110 000	45 000

За исключением Германии — всюду падение. Чем это объясняется?

Удовлетворительное объяснение можно найти только в кризисе компартий и кризисе Коминтерна. Одной очисткой от оппортунистических элементов (а в коммунистических партиях капиталистических стран и теперь еще имеется немало подлинных оппортунистов) такого явления объяснить нельзя. Наоборот, очистка от оппортунистов при правильном руководстве должна была бы содействовать быстрому росту и усилению влияния в массах. Фактически же мы видим и уменьшение компартий и ослабление их влияния.

Кризис Коминтерна находится, однако, только еще в начальной стадии. Компартии должны в себе найти силы и радикально покончить в ближайшее же время с политикой Сталина и его руководством. Они должны возвратить Коминтерн на ленинский путь. В противном случае рост кризиса грозит неисчислимыми тяжелыми последствиями для всего мирового пролетарского революционного движения на длительный период.

12. Кризис пролетарской диктатуры

I. Экономический кризис

Партия и пролетарская диктатура переживают глубочайший кризис. Этот кризис является универсальным, всеобщим. Он находит свое выражение и проявление: во-первых, в экономическом кризисе, охватывающем как социалистическую экономику, так и единоличное крестьянское хозяйство, во-вторых, в гигантском кризисе ВКП(б) и, в-третьих, в кризисе всего механизма пролетарской диктатуры и ее приводных ремней (Советы, профсоюзы, кооперация, печать и пр.).

При обычных нормальных условиях статистика служит важнейшим орудием для познания процессов состояния экономики. Для социалистического строительства статистика является незаменимым орудием планирования. Без добросовестного и строжайшего отношения к со-

ставлению отчетных статистических данных и плановых статистических предположений не может быть планового социалистического строительства, не может быть нормального, в основном бескризисного, социалистического развития. Социализм — это учет, говорил Ленин.

Но в настоящее время сталинской статистике доверять может только безнадежный идиот. «Сталинская статистика» служит не для обоснования истины, а для прикрытия ее, для обмана масс. В будущем статистиками-марксистами и историками, несомненно, будут написаны целые научные труды о том, как Сталин с помощью своей «статистики» надувал массы членов партии и рабочих насчет своих темпов.

Существует английская шутка, что статистикой можно доказать все что угодно. Для Сталина эта шутка превратилась, однако, в настоящую максиму, принцип руководства при освещении «успехов» соцстроительства статистическими данными.

Теперь Сталин в газетах начинает везде кричать об очковтирательстве местных работников. Очковтирательство районных работников в статистических данных о посевных площадях под хлопком, льном, пшеницей, обман в статистических данных по засыпке семфондов, очковтирательство заводов в выполнении промфинпланов. Всюду очковтирательство и обман! И снова районные работники и директора виноваты. Поистине козлы отпущения и мальчики для битья! Почему, однако, 5—6 лет тому назад не было этого очковтирательства, почему оно стало массовым, типичным, характерным явлением лишь в последние годы? Потому, что вся политика Сталина — сплошное очковтирательство, сплошной обман масс. Политика дутых темпов и дутых планов с обязательным требованием их выполнения и перевыполнения, политика крикливых и лживых реляций о победах, находящаяся в кричащем противоречии с действительностью, неизбежно связана с лживыми статистическими сведениями. Отцом, шефом и творцом очковтирательства во всех его формах является Сталин и только он. Очковтирательство, его развитие шло не снизу вверх, а сверху вниз. Местные работники были только исполнителями и маленькими винтиками во всей механике обмана.

Теперь же, когда «бумеранг» сталинского надувательства возвращается обратно и поражает самого «творца», он начинает кричать об очковтирательстве и обмане партии местными работниками. Это, что называется, свалить с больной головы на здоровую. Возвращаясь к статистике,

можно сказать, во всяком случае со всей определенностью, что сталинской статистикой можно пользоваться лишь крайне осторожно и то в качестве подсобного материала для того, чтобы установить действительную картину экономики.

Выводы нам придется делать лишь на основании многочисленных наблюдений и показаний очевидцев и соответствующей обработки их, что сможет, в известной степени, заменить метод выборочного статистического обследования.

Основной и характерной чертой экономического кризиса является, во-первых, уменьшение основного капитала страны, несмотря на постройку десятков крупнейших заводов.

Основной капитал страны в 1927 г. (тогда статистика была еще верна), по данным Госплана, равнялся 61 миллиарду рублей. Из них на долю промышленности и транспорта приходилось 21 миллиард рублей; городские жилищные постройки — 14 миллиардов рублей; все сельские постройки — 14 миллиардов рублей; весь скот — 9 миллиардов рублей и прочий сельскохозяйственный инвентарь — 3 миллиарда рублей.

За это время в ценах 1927 года капитальные вложения составляют примерно 9 миллиардов, из них основных — не более 7 миллиардов, а остальные находятся в постройке или законсервированы в начатых, но приостановленных строительствах. Основной капитал промышленности составляет теперь, таким образом, 28 миллиардов. В новое городское жилищное строительство с 1927 года (в ценах 1927 года) вложено около 2 миллиардов рублей; но в то же время старый жилищный фонд в тысячах уездных, заштатных и десятках крупных городов (за исключением небольшой части таких городов, как Москва, Ленинград, Харьков) совершенно не ремонтировался, а, наоборот, шло необычайно быстро его разрушение. Если принять во внимание, что этот фонд состоит в весьма значительной части из деревянных строений, требующих частого и тщательного ремонта, то расходы на амортизацию должны составлять не менее 3—3,5% ежегодно, что составляет за 4 года (1928—1931 гг.) те же 2 миллиарда. Жилищный фонд городов в ценностном выражении остается, следовательно, без изменения. Зато основной капитал деревни гигантски уменьшается. Жилищный фонд деревни и другие строения за последние 4 года разрушены не менее чем на 30%. От 14 миллиардов это составляет 4,2 миллиарда. На все же строительство колхозов

в лучшем случае падает 200 млн. рублей. Сельскохозяйственный инвентарь, телеги, сани, сбруя, плуги разрушены, поломаны, растеряны, порваны не менее чем на 50%. Это составляет 1,5 миллиарда рублей. Наконец, количество скота, по общим утверждениям всех добросовестных наблюдателей, в результате принудительной коллективизации, за все время авантюристической, антиленинской политики в деревне уменьшилось: лошадей на 70%, коров на 10%, свиней и овец на 85—90%, кур на 70—80%. В среднем сокращение животноводства мы имеем не менее чем на 70%. Это составляет 6,3 миллиарда рублей. Этому мы можем противопоставить лишь 100 тыс. тракторов, что при стоимости трактора в 2 тыс. руб. дает всего 200 миллионов. Если даже сюда на остальные сельскохозяйственные машины, приобретенные деревней за последние годы (а их покупка почти приостановилась), прибавить еще 300 млн. рублей, то и тогда все вместе составит 500 млн. рублей. Все же остается минус 5,5 миллиардов рублей. В итоге основной капитал деревни в настоящее время составляет вместо 26 млрд. рублей всего 14 млрд. рублей (9,8 млрд. руб. строения, 1,5 млрд. руб. инвентарь, плюс 2,7 млрд. руб. животноводство). Основной капитал страны составляет, таким образом, в данное время: 28 млрд. руб. промышленность и транспорт, 14 млрд. руб. городской жилищный фонд и 14 млрд. руб. сельское хозяйство — итого 56,5 млрд. рублей. Против 61 млрд. рублей в 1927 г., т. е. в общем и целом мы имеем уменьшение основного капитала страны за 4 последних года на 5 миллиардов рублей, или на 8,5%.

Основной капитал промышленности за последние 4 года возрос на 30%, зато основной капитал сельского хозяйства уменьшился почти на 45%.

Но наряду с уменьшением основного капитала страны гигантски уменьшился и ее оборотный капитал: уменьшение запасов золота, продовольствия, одежды, мебели, запасов сырья для промышленности и пр. достигает также не менее 10 миллиардов рублей. Мы живем в настоящее время буквально без всяких запасов, без всяких резервов со дня на день! Как проигравшийся игрок шарит, выискивает в кармане последний пятак, чтобы поставить последнюю ставку, так Сталин и его клика выколачивают из населения последние драгоценности, последние золотые кресты, кольца. Продают за границей, выручая гроши, драгоценные картины, ковры, ценные

антикварные безделушки во избежание банкротства сегодня, но только затем, чтоб перед тем же роковым вопросом стать завтра.

Основной и оборотный капитал страны уменьшился, таким образом, не меньше чем на 17—20 миллиардов рублей, сельскохозяйственная база промышленности в корне подорвана, индустриализация — в воздухе. Таковы подлинные, реальные результаты сталинского руководства социалистическим строительством.

Наша промышленность, несмотря на то, что ее основной капитал возрос на 30%, в связи с подрывом сырьевой и финансовой налоговой базы индустриализации также переживает глубочайший кризис. В резолюции 17-й Всесоюзной партконференции говорится, что продукция всей социалистической промышленности составила в 1931 г. 27 миллиардов рублей, что дает 21% прироста к 1930 г. Посмотрим, верна ли цифра 27 миллиардов рублей и верны ли эти проценты.

Сопоставим эти цифры с данными Молотова, приведенными им на 15-м партсъезде.

Молотов в своем докладе в марте 1931 года на 6-м съезде Советов говорил: «Рост промышленности ВСНХ за два года обеспечил повышение валовой продукции с 9,5 до 15,6 миллиарда рублей, т. е. на 64% против 41%, предусмотренных по плану пятилетки» [65].

Итак, во втором году пятилетки продукция промышленности ВСНХ в ценах 1926—27 гг. составляла 15,6 млрд. руб. В третьем (1931г.) «решающем» году пятилетки мы имеем согласно резолюции 17-й партконференции увеличение продукции на 21% по отношению к предыдущему году.

Двадцать один процент по отношению к 15,6 млрд. руб. составляет 3,3 млрд. руб. Итого [к] концу 1931 года мы имеем в ценах 1926—27 года 18,9 млрд. руб. Откуда же взялись 27 миллиардов рублей? Совершено очевидно, что исчисление велось не в ценах 1926—1927 года, а в ценах 1931 г. Но вести исчисление в ценах 1931 года при бешеном падении стоимости червонца и не говорить об этом в резолюции ни звука — это значит, во-первых, оглушать цифрами, заниматься надувательством и очковтирательством, в чем сталинская клика обвиняет низовых работников, во-вторых, вести исчисление стоимости в повышающихся беспрерывно ценах 1931 года — это означает не дать никакого действительного определения размеров роста продукции. Уже этот статистический

трюк Сталина и компании сам по себе говорит, что нужно было во что бы то ни стало натянуть хотя бы до 20% повышения.

Итак, мы имеем явное статистическое мошенничество сверху. Но оно, кроме того, дополняется поступлением фальсифицированных, преувеличенных данных непосредственно от заводов, ибо за невыполнение плана снимали с работы, отдавали под суд, обвиняли в оппортунизме и т. д. Не случайно теперь сталинские газеты кричат об очковтирательстве многих предприятий и директоров. Сюда нужно присоединить гигантское ухудшение качества продукции при повышающихся расценках. В переводе всей современной продукции хотя бы только на качество продукции 1926—1927 гг. это должно дать снижение действительной стоимости продукции по крайней мере на 30—40%. Затем сюда нужно добавить огромный рост себестоимости продукции, благодаря гигантским простоям промышленности, растущим из года в год из-за недостатка сырья и дутого планирования. Наконец, сталинская статистика игнорирует, что четыре года тому назад кустарная промышленность также производила значительный процент промышленной продукции, входившей в общий промышленный и торговый оборот страны. В настоящий же момент мы имеем сокращение продукции кустарной промышленности по крайней мере на 35%.

В результате всех этих «поправочных» коэффициентов мы в 1931 г. в общем и целом не только не имели действительного роста производства, но, наоборот, имели бесспорное снижение. В самом деле, металл (даже по официальным данным) дал повышение всего на 6% за год, уголь—11%, транспорт дал снижение, сахарная промышленность — снижение, химия — ничтожный прирост. Что же касается основных отраслей легкой индустрии, то текстильная промышленность работала исключительно, главным образом, на суррогатах и производила (только для счета) настоящий хлам, кожевенная промышленность на три четверти производила брак и суррогаты, пищевая, торговая, швейная и пр. дают опять-таки аналогичную картину.

Если итоги 1931 года, со всеми вышеперечисленными поправочными коэффициентами, добросовестно сравнить даже с итогами 1927—1928 гг., то тяжелая промышленность нам даст за этот период рост, легкая же промышленность даст, безусловно, снижение.

В 1931 г. наша промышленность работала в целом с нагрузкой в 50—60%, не больше. Сотни тысяч предприятий и цехов работали с огромными перебоями и простоями из-за недостатка сырья, тысячи предприятий целыми месяцами совершенно стояли.

В настоящее время положение не улучшается, а ухудшается. За исключением угля, металла, автомобилей и тракторов, давших скачок в последние месяцы 1931 года и теперь остановившихся на этой точке (190 тонн суточная добыча угля, 15 тыс.— чугуна и 15—16 тыс.— стали), остальные отрасли промышленности даже по отношению к 1931 году дают снижение продукции или стабильное состояние. Сырья нет, необходимых импортных полуфабрикатов нет, оборотных средств нет, хозрасчет в условиях общей анархии хозяйственной жизни из мощного рычага стимулирования производства превратился в оружие дальнейшей дезорганизации.

Реальная зарплата рабочего по отношению к 1926—1927 году составляет, бесспорно, не более 25%. С выплатой заработной платы в провинции нередко опаздывают на несколько месяцев, питание рабочих невиданно скверное, спецодежды нет. При таких условиях немыслимо и думать о высокой производительности труда рабочих. Голодный, нищий, поставленный в бесправное положение рабочий не может дать высокой производительности труда, даже при наличии всех прочих благоприятных условий.

В дальнейшем перспективы для промышленности еще более мрачны. Сырья в связи с катастрофическим положением сельского хозяйства и отсутствием валюты для покупки его за границей будет еще меньше, финансирование промышленности, в связи с полным подрывом платежеспособности рабочих и крестьянских масс, будет при всех условиях ухудшаться. Уже в настоящее время в скрытом виде по Советскому Союзу имеется не менее 400—500 тыс. безработных (Сталин это мошенническим образом скрывает и будет скрывать, ибо он ведь безработицу ликвидировал). В течение ближайших 1—2 лет безработица охватит не менее 2—2,5 млн. рабочих, ибо сырья на фабриках не будет, и платить рабочим будет совершенно нечем. На инфляции далеко не уедешь, ибо чем больше используют ее сегодня, тем сильнее она дает отдачу завтра. Совершенно неизбежно дальнейшее падение реальной заработной платы рабочих, ухудшение их питания, падение их жизненного уровня и их обнищание.

Что касается капитального строительства, то если даже принято, что действительно будет в 1932 году израсходовано 12 миллиардов рублей, то и тогда в ценах 1926—1927 года это составляет не более 2 млрд. рублей. В действительности же эта цифра просто предназначена для пускания простакам пыли в глаза, ибо под ней нет никакой реальной базы — ни соответствующего поступления средств по бюджету, ни соответствующих доходов промышленности. В какой части будет фактически выполнен вышеприведенный дутый план,— сказать трудно. Но уже сейчас на миллиарды рублей строительства законсервированы. Перспективы экономического положения и «динамика» его развития во всяком случае таковы, что в ближайшие два года абсолютно неизбежно полное прекращение капитального строительства, ибо ни налогово-финансовой, ни сырьевой, ни сбытовой, ни импортно-экспортной базы для этого не будет. Сталинская авантюристическая политика по неумолимому закону диалектики приводит, таким образом, к прямо противоположным результатам. И здесь «крайности сходятся». Чрезмерная авантюристическая индустриализация приводит к таким же результатам, как и оппортунистическое игнорирование индустриализации.

Но если таковы перспективы промышленности, то еще более катастрофичны перспективы сельского хозяйства. Основной капитал сельского хозяйства, как мы уже увидели, уменьшился не меньше чем на 45%, оборотный капитал сельского хозяйства (продовольственные запасы для себя и корм для скота, семенной материал, одежда и пр.) уменьшился еще больше — процентов на 60—70. Совхозы, которым при правильной политике и постепенном органическом их росте принадлежит блестящее будущее, превратились в карикатуру и издевательство над социалистическим строительством. Все совхозы стали дефицитными. В зерновых совхозах до 20% урожая оказалось даже не убранным с поля. Уборка урожая 1931 года за отсутствием рабочей силы проводилась в весьма значительной части раскулаченными и мобилизованными в порядке трудповинности колхозниками и единоличниками. Подготовки к севу 1932 года по существу нет. Семян не хватает, инвентарь не отремонтирован или отремонтирован плохо, кормов нет, постоянные рабочие и специалисты из-за голода разбежались, заработок рабочим и колхозникам не выплачен еще за осенние полевые работы, оборотных средств нет. Что будет посеяно ныне

в совхозах и как будет посеяно — ясно без комментариев. Сталин и здесь мошеннически, с цинизмом вину сваливает на работников совхозов.

В действительности виноваты не совхозы, а Сталин и его клика, их авантюристическая политика и руководство.

Еще хуже положение в животноводческих совхозах. Сталин кричит о гигантском росте стада совхозов, но при этом по обыкновению замалчивает, что это стадо создано просто отбиранием у колхозников и единоличников за $^1/_5$, $^1/_6$ действительной стоимости их коров, свиней и овец. Результат такой потемкинской административной бюрократической стряпни животноводческих совхозов налицо.

В прошлом году в животноводческих совхозах погибло не менее 20% всего стада и около 70% приплода, в нынешнем году в общем такая же картина, хотя она скрывается. Кормов в животноводческих совхозах не хватает, а в значительной части совершенно нет, семян к весеннему севу не хватает на 50%. Уход за скотом плохой, ибо, как правило, заинтересованности у рабочих никакой, помещений нет. Вместо демонстрирования преимуществ социалистического крупного сельского хозяйства получилось его дискредитирование, насмешка над ним.

Совершенно очевидно, что все совхозы в своей большой части, в их настоящей форме при настоящей политике и при полном расстройстве всей экономики страны обречены в ближайшие 2—3 года неизбежно на развал. Никакие репрессии по отношению к руководителям совхозов, никакие бюрократические усилия не помогут. Под ними нет ни экономической основы (доходность), ни финансовой (отсутствие средств для дальнейшего их субсидирования).

В колхозном секторе — картина не лучше.

Политика насильственной коллективизации потерпела полное банкротство. Постановлений ЦК о том, что при 65% коллективизации деревни считать коллективизацию деревни в основном завершенной — это замаскированное отступление от насильственной коллективизации, это признание того, что коллективизация дубиной натолкнулась на стену непреодолимого сопротивления деревни, это замаскированный приказ о приостановке наступления, ибо это наступление не удалось. Кто умеет читать политический смысл таких документов, для него в этом не может быть никакого сомнения.

Однако несравненно важнее еще другое, а именно — что осталось в данный момент от этих 65%. За последнее

полугодие снова начался быстрый распад колхозов и огромные выходы. По ряду косвенных данных и наблюдениям положения в деревне, в настоящее время в колхозах осталось вместо 65% снова не более 35—40%. Например, когда сводка Наркомзема говорит о 18% колхозниках, находящихся в феврале месяце в отходе, то под этой цифрой в основном, несомненно, скрываются выходы из колхозов.

Известно, что на Урале, в Казахстане, Средней Азии, Западной и Восточной Сибири в ряде районов колхозы распались почти целиком. И эти районы не могут быть исключением, это всеобщее явление. Оставшиеся колхозы также держатся лишь на системе принуждения, угроз по отношению к выходящим из них и продолжении политики экспроприации крестьянина-единоличника. Дальнейший распад их и разложение абсолютно неизбежны.

Современная политика ограбления деревни привела к тому, что мы имеем гигантское сокращение поголовья скота, причем даже и для оставшегося количества, благодаря отсутствию у крестьян-колхозников какой-либо заинтересованности в улучшении колхозного хозяйства, грубые корма не заготовлены, а концентрированные почти целиком забраны в хлебозаготовки. В итоге в этом году в колхозах повсюду бескормица и массовый падеж скота. Тягловой силой колхозы совершенно не обеспечены, сбруи нет, саней и телег нет, веревки нет. Плуги, бороны, сохи поломаны и не ремонтированы, ибо ремонтировать некому и нет железа и стали. Земля под весенний сев почти не обработана, семена собраны всего на 50%, и те не годны в большинстве для сева.

Колхозники голодают. Во многих местах хлеба они совершенно не получают и питаются исключительно гнилыми суррогатами. Мяса и овощей и подавно нет. Трудодень колхозника в среднем обходится 20—26 коп. в день (3—4 коп. на довоенные деньги). Наконец, в машинно-тракторных станциях ремонт тракторов произведен всего на 65% и то лишь для счету; горючего и смазочного не хватает, рабочих не хватает, наличные рабочие голодают. Отсюда понятно, что дальнейший распад колхозов неизбежен и никакими искусственными административными бюрократическими подпорками от развала их не спасешь. Отсюда понятно, что посевная кампания в колхозах неизбежно провалится.

Как же разрешил Сталин хлебную проблему — лучше

всего видно из следующих цифр: в 1926—27 году валовой сбор зерновых хлебов равнялся 4 700 млн. пуд. По источникам расходования эта сумма, по официальным данным, распределилась таким образом:

1. Продовольствие для сельского хозяйства	1 630	млн.	пуд.
2. Скота	1 370	»	»
3. Семена	800	»	»
4. Заготовки	700	»	»
5. Самогон, порча хлеба и пр.	180	»	»

Итого: 4 680 млн. пуд.

Кроме этого у сельского населения к концу года было переходящих запасов, перешедших от прошлых лет, 570 млн. пуд.

В настоящее время мы имеем такую картину. Во-первых, об остатках от хлебных запасов в деревне не может быть и речи. Их нет, нет зерна.

Затем на продовольствие сельского населения, даже по официальным заявлениям секретарей обкомов, оставляли на душу в год не более 8 пуд., а в действительности меньше. Если мы примем 8 пуд. на душу — это на 130 млн. человек сельского хозяйства составит 1040 млн. пуд. в год.

Скота осталось в настоящее время не больше 30% от 1927 года, но и этот скот гибнет от бескормицы.

Следовательно, для скота вместо 1370 млн. пуд. надо выделить не более 350 млн. пуд. в год. На семена, допустим, израсходовано 800 млн. пуд. Наконец, заготовлено в 1931 г., как утверждает постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) [66], 1400 млн. пуд., в результате для 1931 г. мы получаем:

1. Для пропитания сельского хозяйства	1 050	млн.	пуд.
2. На прокорм скоту	350	»	»
3. На семена	800	»	»
4. Хлебозаготовки	1 400	»	»

Итого: 3 600 млн. пуд.

Если даже допустим, что недород снизил валовой сбор хлебов на 300 млн. пуд., то добавлением последней цифры мы все же получаем лишь 3900 млн. пуд., т. е. по сбору урожая мы имеем в 1931 году по отношению к 1926—27 году уменьшение почти на 20%.

Приведенные цифры, таким образом, явно показывают не увеличение посевных площадей по отношению к 1926—27 году, а уменьшение на 15—17%. Если же принять во внимание, что мы брали все еще преувеличенные цифры и на пропитание, и на посев, и на корм скоту, если, наконец, принять во внимание, что и сама цифра 1400 млн. пуд. заготовленного хлеба является дутой, то уменьшение посевных площадей в 1931 г. по отношению к 1926—27 году надо считать не менее чем 30—35%. Теперь результат фокуса налицо — сельское хозяйство переживает катастрофу.

Еще убийственнее положение в единоличных хозяйствах, которые в настоящее время, как мы показали, составляют фактически 60—65% всего сельского населения. Тягловой силы у них по сравнению с 1926—27 годом остался ничтожный процент (25—30), семян к весеннему севу (дано по сводкам Наркомзема) почти совершенно нет (10—15), весь семенной материал отобран в хлебозаготовки. Земли под обработку в значительной части не отведены, а отведенные не обработаны, сами единоличники голодают и бегут куда глаза глядят. При таких данных можно наперед сказать, что единоличник посеет совершенно ничтожный процент, можно уверенно утверждать, что в этом году будет посеяно не более 60% фактической посевной площади прошлого года, а фактическая посевная площадь прошлого года, в свою очередь, была ниже посевной площади 1930 и 1929 года. (Теперь Сталин в «Правде» кричит об очковтирательстве местных работников при составлении статистических сведений о посевных площадях, но это очковтирательство в результате сталинского требования обязательно демонстрировать его политику в деревне началось с начала 1929 года.)

Сейчас даже слепому должен быть ясен фокус Сталина, с помощью которого он разрешил хлебную проблему. Увеличение размеров хлебозаготовок в 1929—30 и 1931г. шло не за счет действительного увеличения производства хлеба, а за счет сокращения собственного потребления деревни (для пропитания населения, для корма скоту и для семян), за счет усиления с каждым годом завинчивания пресса хлебозаготовок и за счет сокращения основного капитала деревни. (Нельзя забывать, что крестьянам за отбиравшийся хлеб и скот с каждым годом, начиная с 1928 г., платили все меньшую и меньшую долю

их действительной стоимости. В 1932 г. эта доля составляла не более 15—20%).

Уже в этом году мы во многих районах наблюдаем в деревне и в городах положение, близкое к голоду 1929 г., на будущий же год положение будет несравненно хуже, ибо, во-первых, посеяно будет не более 60% посевной площади 1931 года и, во-вторых, можно заранее предвидеть плохой урожай, так как сев будет произведен плохими семенами, полученными от переваливания мякины и второго обмолота соломы, и на плохо обработанных землях (лишь бы выполнить план), и, в-третьих, для уборки урожая будет нехватка рабочей силы. Это, в свою очередь, будет неизбежно связано с дальнейшим уничтожением основного капитала деревни и превращением десятков миллионов сельского населения в подлинных нищих и бродяг.

Перспективы сельского хозяйства определяют в огромной степени и перспективы промышленности. Паралич подавляющей части промышленности при таких перспективах сельского хозяйства на более или менее длительный период совершенно неизбежен. От этого Сталин никак не сможет уйти. Законы экономического развития и при социалистическом строительстве обмануть нельзя. Если ты их игнорируешь сегодня, они с тем большей силой мстят за себя завтра.

В связи с перспективами промышленности и сельского хозяйства находятся и перспективы бюджета. До 1931 года мы имеем (даже при переводе на устойчивую валюту) рост госбюджетов. Этот рост значительно меньше, чем его рисуют казенные финансисты, умалчивая, что он выражается в знаках бешено падающей валюты, но рост все же несомненный. За счет чего, однако, он совершался? Сталин и К° пытаются кого-то обмануть и утверждают, что этот рост опирался на рост материального благосостояния масс и рост народного дохода. В действительности же он опирался исключительно на прямую и косвенную замаскированную экспроприацию деревни, на понижение реальной заработной платы рабочих и служащих и на инфляцию. Увеличение доходной части бюджета происходило, во-первых, за счет гигантского роста замаскированной формы налогов (займы как в кооперации, взносы за акции Трактороцентра, акциз, водка, повышение цен на товары, выпуск бумажных денег и пр.), во-вторых, за счет прямой экспроприации сначала кулацкой, а потом середняцкой части деревни и части городских нэпманов и, в-третьих, за счет большого роста прямых налогов.

Рост налоговых и вненалоговых бюджетных поступлений происходил не за счет роста материального благосостояния масс, а за счет снижения их экономического жизненного уровня и уничтожения основного капитала деревни.

Прямые и замаскированные налоги отнимали у рабочего не менее 40% его заработной платы, а у крестьянина-середняка не только весь доход, но и часть его основного и оборотного капитала.

В 1931 г. мы, однако, уже даже в устойчивой валюте не только не имеем роста бюджета, но, наоборот, имеем его падение. По утверждению Гринько, в 1931 г. бюджет возрос на 58,8 процента. Но за этот же период произошло падение стоимости червонца не менее чем на 80—90% по отношению к его стоимости в 1930 г. Таким образом, в переводе на устойчивую валюту доходная часть бюджета уже в 1931 году понизилась, надо полагать, не менее чем на 20—30% по сравнению с 1930 г. В 1932 г. бюджет по плану вновь должен возрасти на 34,1%.

Но первый квартал показывает, что при всех усилиях и репрессиях из обнищавшего населения городов и сел даже в падающей валюте уже нельзя выколотить нужной суммы.

Дальше падение платежеспособности при одновременном падении стоимости червонца пойдет еще быстрее. Отсюда совершенно ясно, что фактический бюджет 1932 г. в твердом ценностном выражении будет еще несравненно ниже, чем в 1931 году.

Перспективы бюджета во всяком случае таковы, что в ближайшие два года его доходная часть должна в твердом исчислении опуститься на 30—40% ниже размеров бюджета 1927—28 гг., ибо платить прямые и косвенные налоги будет некому, а доходы промышленности составляют в бюджете всего 12—15%, и последние в свою очередь зависят от уровня благосостояния масс.

Чудес на свете не бывает. Все чудотворцы были шарлатанами. И сталинские чудеса роста бюджета на 50% за год ходом событий также будут разоблачены как чудеса шарлатана.

Инфляция, развивающаяся необычайно быстро, в свою очередь будет углублять кризис.

Развитие инфляции совершается с двух концов. Инфляция развивается, во-первых, благодаря новым и новым

выпускам бумажных денег и, во-вторых, вследствие сокращения товарооборота, перехода крестьян, рабочих и даже государственных и кооперативных организаций к прямому товарообмену.

В настоящее время стоимость червонца в золотой валюте равняется всего 60—70 коп. Дальше процесс падения стоимости червонца пойдет по всем признакам еще быстрее. Если же Сталин попытался бы покончить с инфляцией, то острота кризиса на первых шагах лишь возросла бы.

Наконец, экономический кризис находит свое выражение как во внешней, так и во внутренней торговле. Во внешней торговле в 1932 году мы имели пассивное сальдо в 200 млн. золотых рублей. Важнейшие статьи сельскохозяйственного экспорта — скот, мясо, лен, птица, сало, яйца, щетина и пр.— или выпали совершенно из оборота, или сильно сократились. То же, что вывозится за границу (хлеб, мясо), вывозится за счет недоедания рабочих и крестьян и продается за полцены, ниже себестоимости и с точки зрения разумной социалистической политики является преступлением.

В дальнейшем и по этим статьям совершенно неизбежно полное прекращение экспорта. Точно также и в связи с общими перспективами развития кризиса неизбежно сокращение экспорта и по таким статьям, как нефть, лес, промтовары.

В настоящее время газеты кричат об освобождении от импорта, но эти крики означают только замаскированный крах нашего экспорта.

Во внутренней же торговле кризис проявляется:

1) в гигантском росте цен, в полном разрыве политики цен с ленинскими принципами торговли, подтвержденными вновь в решениях 15-го съезда ВКП(б). Требования Сталина и Микояна к кооперации культурно торговать — гнусное фарисейство, ибо культурная торговля означает в первую очередь низкие цены, Сталин же с Микояном, кругом запутавшись и обанкротившись, установили на все товары настоящие грабительские, ростовщические цены;

2) в гигантском товарном голоде на все товары и в то же время в проявлениях кризиса сбыта (замораживание товарооборота), отражающем полный подрыв покупательной способности населения;

3) в дефицитности огромной части кооперативной сети деревни;

4) в переходе между торгующими организациями во многих случаях к прямому товарообмену;

5) в повсеместном распространении спекулятивных сделок и перепродаж государственными и кооперативными торгующими организациями (покупка оптом по розничным ценам), перепродажа из-за нужды рабочими и служащими по двойным и тройным ценам того, что они купили в магазинах, на вольном рынке;

6) в создании локальных (местных) рынков с местными ценами, как результат разрыва торговых и экономических связей и как выражение различной степени дезорганизации экономики в различных частях Советского Союза;

7) в начавшемся переходе деревни к натуральному хозяйству;

8) в расстройстве всего торгового аппарата.

Беспомощно метаются * в политике цен, которые мы наблюдали за последнее полугодие, во внутренней торговле лучше всего иллюстрируют полную дезорганизацию внутренней торговли.

Так обстоит дело с характером, размером и перспективами нашего экономического кризиса. Где искать корни и истоки кризиса? Они прежде всего лежат в авантюристических, не увязанных с развитием всего народного хозяйства темпах индустриализации. «Чудо» темпов теперь показывает оборотную сторону медали.

Чудеса темпов и рост капитальных вложений в промышленность совершились за счет следующих источников:

1) за счет экспроприации и обнищания деревни и понижения жизненного уровня;

2) за счет невиданного роста прямых и косвенных налогов, явных и замаскированных налогов на рабочих и понижения их жизненного уровня, их реальной заработной платы;

3) за счет инфляции, являющейся, по существу, тоже одним из видов налогов;

4) и, наконец, за счет полного израсходования наших золотых запасов.

Сталинские темпы индустриализации, следовательно, коренным образом противоречат решениям 15-го съезда и установленным этими решениями принципам индустриализации. Не случайно Сталин и его клика, как воры, обходят эти «опасные места» в резолюциях 15-го съезда.

---

* Так в документе.

Не случайно, что Сталин ни словом не обмолвился в своем докладе на 16-м съезде об этих решающих директивах 15-го съезда.

Резолюция 15-го съезда ВКП(б) гласит: «При составлении пятилетнего плана народного хозяйства, как и при составлении всякого хозяйственного плана, рассчитанного на более или менее длительный срок, необходимо стремиться к достижению наиболее благоприятного сочетания следующих элементов: [расширенного потребления рабочих и крестьянских масс;] расширенного воспроизводства (накопления) в государственной индустрии на основе расширенного воспроизводства в народном хозяйстве вообще; более быстрого, чем в капиталистических странах, темпа народнохозяйственного развития и непременного систематического повышения удельного веса социалистического хозяйственного сектора, что является решающим и основным моментом во всей хозяйственной политике пролетариата». И дальше, в области соотношений между производством и потреблением «необходимо иметь в виду,— говорится в резолюции,— что нельзя исходить из одновременно максимальной цифры того и другого (как этого требует оппозиция теперь), ибо это неразрешимая задача, или исходить из одностороннего интереса накопления в данный отрезок времени (как того требовал Троцкий, выставляя пароль жесткой концентрации и усиленного нажима на рабочих в 1923 г.), или исходить из одностороннего интереса потребления. (Принимая во внимание и относительную противоречивость этих моментов и их взаимодействие и связанность, причем с точки зрения развития на длительный срок интересы эти в общем совпадают, необходимо исходить из оптимального сочетания обоих этих моментов.)

То же самое необходимо сказать относительно города и деревни, социалистической индустрии и крестьянского хозяйства. Неправильно исходить из требования максимальной перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу индустрии, ибо это требование означает не только политический разрыв с крестьянством, но и подрыв сырьевой базы самой индустрии, подрыв ее внутреннего рынка, подрыв экспорта и нарушение равновесия всей хозяйственной системы. С другой стороны, неправильно было бы отказываться от привлечения средств деревни к строительству индустрии; это в настоящее время означало бы замедление темпа развития и нарушение равновесия в ущерб индустриализации страны.

В вопросе о темпе развития необходимо, главным образом, иметь в виду крайнюю сложность задачи. Здесь следует исходить не из максимума темпа накопления на ближайший год или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, которое обеспечивало бы длительно наиболее быстрый темп развития. С этой точки зрения нужно решительно и раз навсегда осудить оппозиционный лозунг повышения цен: этот лозунг не только привел бы к бюрократическому перерождению и монополистическому загниванию промышленности, не только ударил бы по потребителю, и в первую очередь по рабочему классу и бедноте города и деревни, не только дал бы величайшие козыри в руки кулаку — он через некоторое время дал бы резкое снижение темпа развития, сузив внутренний рынок, подорвав сельскохозяйственную базу промышленности и застопорив технический прогресс в индустрии.

В области соотношения между развитием тяжелой и легкой индустрии равным образом необходимо исходить из оптимального сочетания обоих моментов. Считая правильным перенесение центра тяжести в производство средств производства, нужно при этом учитывать опасность слишком большой увязки государственных капиталов в крупное строительство, реализующееся на рынке лишь через ряд лет; с другой стороны, необходимо иметь в виду, что более быстрый оборот в легкой индустрии (производство предметов первой необходимости) позволяет использовать ее капиталы и для строительства в тяжелой индустрии, при условии развития легкой индустрии.

Только учет всех вышеозначенных факторов и плановая увязка их позволяют вести хозяйство по пути более или менее планового, более или менее бескризисного развития».

Таковы принципы индустриализации, намеченные 15-м съездом в резолюции «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства». Мы нарочно привели необычайно длинную выдержку из резолюций 15-го съезда, чтоб каждый мог убедиться, что современная политика и принципы индустриализации в корне враждебны решениям 15-го съезда, они непримиримы с этими условиями.

Решения 15-го съезда о темпах индустриализации дают образец правильного, марксистско-ленинского подхода к вопросу о темпах. Суть процитированной части резолюции заключается в требовании соблюдения всюду

необходимой меры. Митины, Ральцевичи, Юдины, Кольманы [67] и К°, занимающиеся проституированием ленинизма на теоретическом фронте, без конца болтают о диалектике и ее основных законах, но они при этом даже не заметили, что для практически революционной деятельности везде и при всяких условиях правильное понимание гегелевского и марксистско-ленинского учения о мере — решающее условие успеха. Кто не понимает необходимости сохранения и соблюдения меры (понимая, конечно, это слово в марксистско-ленинском, революционном, а не оппортунистическом и не в либеральном духе) в любой области борьбы за торжество коммунизма, кто не умеет применять этот важнейший принцип диалектики на практике, тот всегда будет беспомощно метаться между оппортунизмом и авантюризмом.

Мера — конкретная истина бытия. Всякое состояние или действие, доведенное до крайности, переходит в свою собственную противоположность,— так говорит Гегель. Всякая истина, если ее преувеличивать, если ее вывести за границу ее действительной применимости, неизбежно превращается в абсурд,— так учит Ленин.

Именно диалектическое требование соблюдений меры в темпах индустриализации, в соотношении развития тяжелой и легкой индустрии лежит в резолюции 15-го съезда о составлении пятилетнего плана и, наоборот, полное отрицание меры в темпах индустриализации и правильных соотношений между потреблением и накоплением индустриализации и выколачиванием средств из деревни, развитием тяжелой и легкой индустрии мы видим на практике, результатом и выражением чего и является невиданный экономический и политический кризис в СССР.

Сталин, как свойственно мошеннику и софисту, изобразил дело так, что Бухарин, Рыков, Томский якобы были против быстрых темпов. На деле их требование заключалось только в соблюдении меры как в темпах индустриализации, так и в извлечении средств на дело индустриализации из деревни. И в этом отношении они были абсолютно правы.

Индустриализация, доведенная до абсурда, превратилась в свою собственную противоположность: из орудия могучего роста материального благосостояния трудящихся она превратилась в подлинное народное бедствие и проклятие для народных масс. Социалистическое строительство Сталин превратил в строительство фараона.

Социалистическое строительство индустрии характеризуется не только тем, сколько строят и что строят, но и если строят, то как строят. Строительство на костях рабочих и трудящихся, на обнищании, на ограблении масс и насилии над ними — не есть подлинное социалистическое строительство.

Кроме того, выдвинув авантюристический лозунг — догнать и перегнать передовые капиталистические страны в 10 лет, он добился этим только того, что мы не сможем догнать их и в 25 лет (что было бы возможно при правильной политике и разумных темпах, если допустить, что капитализм может просуществовать и развиваться еще 25 лет), ибо дальнейшая индустриализация на длительный период оказывается, как мы уже видели и выше, невозможной.

Из авантюристической индустриализации выросла и авантюристическая насильственная коллективизация. Для выколачивания средств из деревни Сталину сначала потребовались «чрезвычайные меры», а затем лозунг «ликвидации кулачества как класса», под прикрытием которого была проведена экспроприация кулаков, а затем и всей основной массы деревни. «Бурные темпы коллективизации» явились закономерным, естественным продуктом всех вышеназванных мероприятий. Исход такой коллективизации можно было бы, однако, заранее предсказать.

Когда Энгельс в свое время в брошюре «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» писал, что наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую не насильно, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели [68],— он гениально предвидел гибельные последствия, которые повлекут за собой насильственное объединение частного производства крестьян в товарищеское. Когда программа Коминтерна против насильственной коллективизации крестьян специально говорит, что «всякая насильственная ломка их хозяйственного уклада и принудительное их коллективизирование привели бы лишь к отрицательным результатам» [69], мы в настоящее время также видим гигантское значение этого предупреждения.

Но для Сталина программы партии и Коминтерна существуют только затем, чтоб их не выполнять.

Сталин изображает дело так, что никакой насильст-

венной коллективизации нет, а есть лишь «организационное содействие» и «поощрение» коллективизации при наличии «решительного поворота середняка к социализму». Сталинское «организационное содействие» и «поощрение» так же похожи, однако, на то, что ими обозначается, как японская политика в Маньчжурии на политику содействия самоопределению народов. Результаты этой коллективизации те же, что и результаты индустриализации. Плюсы превратились в минусы, и лучшие надежды лучших умов человеческих превращены в посмешище. Вместо показа преимуществ крупного социалистического сельского хозяйства — демонстрация его недостатков перед мелким индивидуальным хозяйством.

Антиленинская политика индустриализации и коллективизации, само собою разумеется, выражается и в соответствующих методах планирования. При правильной политике планирование является могучим рычагом социалистического строительства. Без планирования нет социалистического строительства. В капиталистическом обществе развитие производительных сил совершается стихийно.

Закон стоимости постоянно и с неумолимой силой определяет здесь меру развития и меру количественных соотношений между различными частями хозяйства.

Восстановление нарушенных соотношений и пропорций в капиталистическом обществе совершается через кризисы и катастрофы.

При пролетарской же диктатуре в условиях социалистического строительства темпы развития, соотношения и пропорции между различными частями экономики, мера изменения соотношений в каждый данный отрезок времени должны устанавливаться сознательно, заранее, с обязательной постановкой цели — укрепления социалистического сектора хозяйства и его удельного веса.

Целеустремленность планирования, однако, ни в какой мере не равнозначна авантюристическому, ненаучному, неленинскому плановому субъективизму и произволу. («План — это мы».) Подлинный, правильный путь — мера темпов и возможных сдвигов в развитии — в решающей степени зависит как раз не от воли людей, а от наличных материальных производительных сил, соотношения классовых сил, культурного уровня рабочего класса и трудящихся масс, внутренней и международной политической и экономической обстановки и даже от естественных, природных климатических условий.

Именно последние факторы являются решающими при расчетах темпов накопления и намеченных сдвигов и изменений в соотношениях между различными частями социалистического и частнохозяйственного сектора. И лишь на основе правильного и верного учета этих факторов сама воля людей является гигантским рычагом, ускоряющим и стимулирующим социалистическое строительство.

Только при принятии этих принципов планирования оно дает нам возможность научно предвидеть и действительно сознательно руководить социалистическим строительством.

В противном же случае планирование превращается в простую игру в цифирки, в самообман, в авантюризм.

Авантюристический план и его влияние сегодня с большей силой ведут к дезорганизации всей экономики и подчинению власти стихии завтра. Планирование из орудия социалистического строительства становится орудием расстройства экономики и внесения в нее анархии и хаоса. Решающее преимущество социалистического строительства перед капитализмом — план, предвидение, расчет и учет — исчезает. Мало того, при этих условиях плюс и здесь превращается в минус, ибо в то время, как при капитализме закон стоимости (хотя и через кризис и величайшие жертвы, но через 2—3 года) создает условия (конечно очень узкие, ограниченные рамками частной собственности) для нового развития производительных сил или по крайней мере для прекращения их дальнейшего падения (депрессия), то при плановом строительстве авантюристические планы из года в год могут дезорганизовать экономику в течение более длительного периода и довести всю страну до полного паралича и голода, как это имеет место в данный момент.

Поистине, не только «вес», но и все сталинские эксперименты на спине трудящихся растут по Гегелю. Сталин на словах и в планировании и во всех других областях — тоже за меру. Его борьба на два фронта должна «изображать» соблюдение этой меры. Но как вся сталинская политика выродилась в злейшую карикатуру на ленинизм, так и его борьба на два фронта является издевкой над учением Ленина.

Ленинская борьба на два фронта вытекала всегда из честного конкретного, исчерпывающего марксистского анализа политической и экономической обстановки и взглядов своих противников. Сталинская борьба «на

два фронта» за последние годы вытекает, наоборот, из его политического банкротства и разрыва с ленинизмом; она опирается на фальсификацию действительного положения вещей и взглядов инакомыслящих членов в ВКП(б); она призвана только маскировать его политические комбинации.

Ленинская борьба на два фронта являлась всегда результатом величайшей его последовательности и принципиальности; сталинская, наоборот,— продукт его бесприпципности и политических трюков.

Таков характер сталинской борьбы на два фронта вообще, таков он и в области планирования.

Экономическая политика Сталина, несмотря на то что мы за последние годы построили десятки крупнейших заводов и фабрик, электрических станций и пр. по последнему слову техники, чему должен был бы, казалось, радоваться каждый рабочий, каждый трудящийся, привела, таким образом, не только к невиданному экономическому кризису всей страны, но она дискредитировала самые принципы социалистического строительства и отбросила нас в экономическом отношении не менее чем на 12—15 лет назад.

II. Кризис партии

Кризис партии охватил все стороны партийной жизни. Он находит свое выражение прежде всего в теоретическом кризисе.

Ленинизм извращен и фальсифицирован в настоящее время до неузнаваемости. Материалистическая диалектика заменена софистикой, схоластикой и плоской лживой апологетикой политики Сталина и его руководства.

Марксистско-ленинское понимание важнейших теоретических, а вместе с тем и политических вопросов — борьбы с оппортунизмом, массовой борьбы, классовой борьбы, природы социалистического общества, объективного и субъективного факторов в социалистическом строительстве, принципов социалистической индустриализации, политики партии в деревне и коллективизации и применение этого понимания на практике — подменено пустой, лживой и крикливой «левой фразой», находящейся в вопиющем противоречии с фактами и действительностью. Теоретическая, а вместе с тем и практическая постановка решающего для большевизма вопроса борьбы с оппортунизмом опошлена, до последней степени вульгаризована, превращена в карикатуру и просто в сре-

дство для оправдания политики Сталина, терроризирования инакомыслящих и в хлопающий бич погонщика при проведении всякого рода кампаний.

В партии господствует невероятный теоретический разброд и страх не только перед постановкой какой-либо новой теоретической проблемы, что сейчас абсолютно невозможно, но и всякой мало-мальски самостоятельной мысли.

Убита всякая живая марксистско-ленинская теоретическая мысль.

Разгром деборинской группы [70] за то, что она не проявляла усердия в апологетической защите политики Сталина и в восхвалении его теоретически безграмотных и тупых статей, группы, имевшей ряд недостатков и делавшей немало теоретических ошибок и промахов, но бывшей все же лучшим из всего, что имелось на теоретическом фронте не только в ВКП[(б)], но и Коминтерне,— окончательно завершил теоретическое опустошение партии.

В настоящее время на теоретическом фронте подвизается все, что есть в партии самого недобросовестного, бесчестного. Здесь работает настоящая шайка карьеристов и блюдолизов (Митин, Юдин, Ральцевич, Кольман и пр.), которые в теоретическом услужении Сталину показали себя подлинными проститутками.

Вся марксистско-ленинская и партийно-историческая литература, вплоть до истории ВКП(б) Ярославского, фактически в настоящее время находится под запретом. Даже Ленина стараются всячески кастрировать и подстричь под сталинскую гребенку.

На книжном рынке по теоретическим вопросам в течение последних двух лет абсолютная пустота: портфели издательств пусты. Всякий не потерявший стыд литератор отказывается писать, ибо, если в книге нет ссылки на Сталина и его восхваления, ее или отказываются печатать, или после выхода книги в свет шайка теоретизирующих лакеев подвергает ее «проработке».

В журналах идут схоластические и софистические рассуждения о завершении построения социалистического общества, гигантских успехах социалистического строительства, росте благосостояния масс, переделке колхозника, совершенно обходящие, замалчивающие и извращающие действительность, рассуждения, вызывающие у всякого честного мыслящего читателя-большевика только чувство тошноты и возмущения.

Сталинская теоретическая ограниченность, тупость и защита его обанкротившейся генеральной линии являются пограничными столбами, за черту которых отныне не смеет переступить ленинизм и материалистическая диалектика.

На практике это означает полное удушение ленинизма. На практике это означает, что партия отныне лишена возможности открыто пользоваться несравненным теоретическим оружием марксизма-ленинизма для разрешения стоящих перед нею задач.

Подлинный ленинизм отныне перешел на нелегальное положение, является запрещенным учением. Этим характеризуется вся глубина теоретического кризиса в партии.

Теоретический кризис является, однако, не самостоятельным. Он вырос из организационного кризиса партии и является естественным продуктом последнего.

Организационный кризис партии выражается в том, что демократический централизм,— организационный принцип, совершенно правильный и необходимый для компартии,— в результате внутрипартийной борьбы, отсечения одной руководящей группы партии за другой, постепенного и незаметного усиления роли партийного аппарата, постепенного и незаметного усиления роли Сталина в течение последних 7 лет,— за последние 2—3 года быстро, «скачком», перерос и превратился в личную диктатуру Сталина. Сам Сталин, в свою очередь, из «недостаточно лояльного», как его характеризовал Ленин в своем завещании, т. е. из недостаточно честного, добросовестного, но все же пролетарского политика, в свою очередь, превратился в мелкобуржуазного авантюристического политикана и диктатора. В настоящее время создалось совершенно своеобразное, оригинальное, невиданное положение. С одной стороны, сохранились по форме все старые органы пролетарской диктатуры, хотя они уже в значительной мере оказываются органами, враждебными массам, стоящими над массами, направленными, несмотря на формальное участие в них представителей самих масс, на подавление желания масс по-ленински разрешить вопросы социалистического строительства, на обман масс. С другой стороны, над этими органами возвышается неограниченный диктатор, никем фактически несменяемый, никому фактически неподконтрольный, ни перед кем фактически неответственный, сосредоточивший в своих руках в десятки раз большую власть, проявляющий в десятки раз больше личного произвола и издевательства и насилия над массами и страной, чем любой бывший монарх любого абсолютистского государства.

Для оправдания этого положения на многих партийных собраниях даже уже открыто выдвигается и новая теория: опыт коллективного руководства в партии себя не оправдал; для успехов социалистического строительства нужна единая сильная рука, нужен глава партии и государства.

Политбюро и ЦК, в свою очередь, из полновластных органов партии превратились в совещательные органы при Сталине, над которыми Сталин издевается не менее цинично, чем царь над государственной думой. Блестящей иллюстрацией к доказательству этого положения может служить «историческое» выступление Сталина со своими пресловутыми 6-ю условиями. Всем известно, что всего за две недели до этого был Пленум ЦК [71], Сталин нарочно на этом Пленуме не выступал. После же опубликования резолюций Пленума, когда партаппарат только что заготовил тезисы для проработки резолюций по ячейкам, выступает на собрании хозяйственников Сталин, и вся печать и на всех собраниях вместо резолюций Пленума начинают прорабатывать, мусолить в течение нескольких месяцев его бездарные 6 условий. О Пленуме после выступления Сталина тотчас же забывают, о нем уже больше не упоминают, зато 6 условий склоняются на разные лады всюду и везде. Политически весь этот сталинский маневр означает не что иное, как плевок Центральному Комитету в лицо. «Плевал я на Центральный Комитет,— сказал Сталин своим выступлением.— Извольте прорабатывать не резолюции Пленума, а мою речь». И Политбюро вместе с ЦК не нашло ничего лучшего, как выразить удовольствие по поводу получения этого плевка, и самый плевок объявило «историческим» плевком.

Поистине дальше пасть некуда.

Совещательная роль ЦК находит в настоящее время свое внешнее выражение и в другом явлении: все постановления, все резолюции, все приветствия, все статьи в «Правде» говорят уже не просто о Центральном Комитете, а обязательно о Центральном Комитете «во главе с т. Сталиным». Это превращение «титула» Центрального Комитета произошло за счет сокращения его прав. Никогда такого «титулования» Центрального Комитета не было ни при Ленине, ни после Ленина до последнего

времени. Это явление последних 2—3 лет, и оно с нескрываемой ясностью говорит о той жалкой роли, которую играет теперь ЦК. Такую же картину мы имеем и на местах. Секретари областных комитетов — просто наместники Сталина, а секретари районных комитетов — чиновники, назначенные секретарями областных комитетов или аппаратом с их согласия. Партийные комитеты и тут, по существу, играют совещательную роль. Личная диктатура вверху на единоличное руководство и уничтожение коллективности внизу.

Устав партии формально остается, не отменяется, но только затем, чтобы его не исполнять и действовать прямо вопреки уставу и тем правам, которые он представляет каждому члену партии и каждой организации.

Не менее характерна и эволюция ЦКК. Из органа, призванного не только охранять и защищать единство партии, но и ее права от узурпации вождя или вождей, она просто стала многочисленной кроватью, на которой диктатор справляет свои оргии — расправы с инакомыслящими членами партии и целыми организациями.

В результате всех происходящих в партии сдвигов и процессов партаппарат превратился в самодовлеющую силу. Раньше партия создавала аппарат, теперь аппарат создает по своему образцу и подобию партию, раньше партия господствовала над аппаратом, аппарат был только одним из органов партии, сейчас партия превратилась только в орган аппарата. Партия в ходе «развития» превращена в безгласную исполнительницу воли аппарата, который сам, в свою очередь, является безгласным исполнителем воли диктатора и его агентов на местах.

Выборность по форме остается, фактически же она в течение последних 4-х лет, начиная с районных комитетов, совершенно уничтожена. Секретарь назначается, «рекомендуется» высшим партийным органом, а обязанность партийного комитета — его выбрать. Выборы всегда проходят потому, что у членов партии утратилось даже и само сознание своих прав, обезличенных уставом. Если же в каком-нибудь редком архиисключительном случае комитет поднимает «бунт на коленях» против присланного кандидата, то ему прописывают «кузькину мать» и рекомендованного для поддержания авторитета начальства все же проводят и избирают.

Все эти методы «выборности» стали в настоящее время партийной традицией. Молодые члены партии даже и не знают уже других методов выборов.

Усиление партийного аппарата, исполнительных органов партии за счет «законодательных» находит свое выражение и в удлинении сроков между съездами партии и Пленумами ЦК. Раньше съезды партии собирались каждый год, а Пленумы ЦК в 1—1½ месяца раз, затем съезды стали собираться в 2 года раз, а Пленум в 3—4 месяца, теперь же 17-й съезд партии соберется, по-видимому, уже не раньше, как через 2½ года после 16-го съезда, а Пленумы собираются не чаще, чем в полгода раз.

О внутрипартийной демократии даже и Сталин последнее время перестал говорить, ибо ее нет. В доме повешенного не говорят о веревке. Можно встретить в газетах иногда еще крики о развертывании самокритики. Но в этой самокритике также нет ничего большевистского. Тут мы имеем обычное сталинское жульничество. Большевистская самокритика в рамках ленинизма означает самокритику всех, начиная от секретаря ячейки и кончая секретарем ЦК. Большевистская самокритика означает самокритику без разрешения или распоряжения начальства, самокритику без боязни репрессий. При Ленине именно так и было. Ленина не боялись критиковать члены партии, и Ленин, в свою очередь, не применял к ним никаких репрессий, запугиваний и клеветнических выпадов. Теперь картина совершенно иная. Ныне самокритика допускается только до определенного ранга или в личных интересах Сталина.

Вы можете критиковать секретаря ячейки, директора треста, председателя кооператива. Вы можете иногда в провинции критиковать секретаря районного комитета. Такая критика и самокритика даже поощряется сверху. Это Сталину выгодно. «Самокритика» кооператоров отвлекает внимание от действительного виновника плохого снабжения рабочих, «самокритикой» директора, председателя треста отвлекается внимание от действительных причин «прорыва», остановки предприятий, отсутствия сырья и т. д. Наконец, Сталин поощряет «самокритику» тех вождей и теоретиков партии, которых он решает с треском вышибить с их постов, оскандалить и оклеветать. Здесь он даже категорически требует «самокритики». Пусть попробуют не критиковать члены партии таких вождей и теоретиков! Он разделается с ними по-своему! История «самокритики» Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова, Сырцова, Ломинадзе, Рютина, Деборина, Стэна и даже Ярославского достаточно хорошо научила членов партии пониманию природы и механики

этой самокритики. Все уклонявшиеся от «критики» этих людей или высказывавшиеся против подобных методов «самокритики» были сняты с работы, исключены из партии, подвергнуты невиданной травле и, наоборот, все проявившие усердие в такой «самокритике» были повышены по службе.

Такая «самокритика» в почете.

Зато его верные чиновники и слуги (не только из членов Политбюро, но и секретари областных комитетов) могут быть совершенно спокойны. Их никто не посмеет критиковать. Всем известно, чем кончилась попытка ленинградцев разоблачить Кирова, как бывшего кадета и редактора кадетской газеты во Владикавказе. Им дали «по морде» и заставили замолчать. Сталин руководствуется правилом умершего американского босса Пенроза и решительно «защищает своих собственных мерзавцев». В серьезность сталинской «самокритики» может поверить только безнадежный идиот.

Самокритика в руках Сталина из орудия воспитания масс, из средства самопроверки и сплочения партийных рядов на почве уяснения спорных и больных вопросов, из оружия социалистического строительства также превратилась в орудие для достижения его личных политических комбинаций.

В связи и на основе всех сдвигов, происшедших в партийной жизни, изменился и самый состав руководящих партийных кадров. Раньше на партийную работу выдвигались люди, проявившие себя своей большевистской стойкостью, умением отстаивать свои взгляды и убеждения, своей принципиальностью, теоретической подготовкой, своими ораторскими способностями, своими глубочайшими связями с рабочими массами и умением руководить массами, своим героизмом, честностью и заслугами перед партией и пролетарской революцией. Теперь, наоборот, выдвигаются своей лестью, хитростью, покорностью, доносами, подхалимством и верностью начальству; сейчас на партийную работу подбираются люди самые ручные, самые беспринципные, готовые десятки раз покаяться и десятки раз отказаться от своих убеждений, люди, умеющие хорошо лицемерить и обманывать массы членов партии и рабочих.

Благодаря тому что вся политика Сталина и партаппарата является антиленинской, враждебной массам членов партии и рабочих,— сам партаппарат из органа близкого и родного массам, органа, руководящего масса-

ми и воспитывающего их, из органа, опирающегося на глубочайшее доверие масс, превращается все больше в орган, стоящий над массами и враждебный им, в орган, по преимуществу карающий и терроризирующий их.

Политика, находящаяся в кричащем противоречии с учением Маркса и Ленина и в кричащем противоречии с самой действительностью, естественно, не может проводиться на основе принципов внутрипартийной демократии. Сознательная дисциплина большевистской партии может опираться только на внутреннюю уверенность партии в правильности политики партии. А так как у подавляющего большинства партии существует не только полная неуверенность в ее правильности, но, наоборот, полная уверенность в ее неправильности, то старая партийная дисциплина для партийного аппарата по необходимости оказывается недостаточной, и она дополняется и подменяется внутрипартийным террором. Исключение из партии, из профсоюзов, ВУЗа, аресты, снятие с работы, лишение пайка, карточек, травля в печати и на собраниях, обвинения в оппортунизме, вредительстве, связи с кулацкими элементами — все это без всяких оснований сыплется на голову членов партии буквально как из рога изобилия. Члены партии затравлены и запуганы партийным аппаратом.

Ни один член ВКП(б) не уверен за свой завтрашний день, ибо политика произвола Сталина дополняется и подкрепляется политикой произвола всего партийного аппарата.

Ленин внутрипартийную дисциплину и основы, на которых она держится, характеризовал следующим образом: «Чем держится дисциплина революционной партии пролетариата? Чем она проверяется, чем подкрепляется? Во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом. Во-вторых, его умением связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, но также и с непролетарской трудящейся массой. В-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы собственным опытом убедились в этой правильности. Без этих условий дисциплина в революционной партии, действительно способной быть партией передового класса, имеющего свергнуть

буржуазию и преобразовать все общество, неосуществима. Без этих условий попытки создать дисциплину неминуемо превращаются в пустышку, в фразу, в кривлянье» [72].

У нас в настоящее время нет налицо ни одного из этих условий для существования подлинно большевистской дисциплины в партии.

Во-первых, партия в настоящее время не может выполнять роли сознательного авангарда, ибо подлинный ленинизм стал теперь в значительной мере нелегальной теорией, а то, что выдается за ленинизм, является невиданным опошлением теории Маркса — Ленина. Без ленинизма же не может быть и речи о большевистской сознательности. Во-вторых, в партии не может быть в настоящее время героизма, ибо партия задавлена, задушена, терроризирована партийным аппаратом. В-третьих, мы не только не имеем сейчас сближения, слияния партии, в особенности партийного актива с пролетарской и непролетарской трудящейся массой, но, наоборот, имеем разрыв, рост взаимного недоверия и вражды. В-четвертых, массы на собственном опыте убеждаются не в том, что стратегия и тактика партии правильна, а, напротив, в том, что она неправильна, вредна, гибельна, гибельна для рабочих, Советской власти.

В итоге мы имеем именно то, о чем говорил Ленин,— дисциплина превратилась в пустышку, в фразу с кривлянием.

При Ленине и после Ленина известный период в партии не было террора, но была большевистская дисциплина, теперь господствует террор, но нет дисциплины. Раньше дискуссии в партии выражали ее силу, ее способность сознательно всей массой реагировать на важнейшие политические вопросы, ее жизненность, ее коллективную волю и сознание. Теперь отсутствие дискуссий, несмотря на глубочайший кризис в партии и пролетарской диктатуры,— парализацию ее воли, упадок силы и сознания. При Ленине, несмотря на дискуссии, партия оставалась единым сплоченным, сознательным живым организмом, теперь, несмотря на отсутствие дискуссий, партия деморализована, дезорганизована, распылена, раздроблена на десятки тысяч мелких групп и группочек, каждая из которых по-своему обсуждает пути выхода из тупика и кризиса.

В прошлом в партии господствовали полнейшее товарищеское доверие, готовность помогать друг другу,

Отец М. Н. Рютина — Никита Павлович.
О нем писал Рютин в 1936 г. из Суздальского политизолятора: «В нем жил могучий гениальный природный ум и неистребимый дух свободы и независимости. Он рожден был летать и никогда ни перед кем, даже в величайшей нужде, не ползал. Жив ли он бедняга...»

АРХИВНАЯ КОПИЯ

на Рютина М.Н.

Мая 25-го - 1904 г.

Нужен общественный приговор. В приготовительную.

Его Высокоблагородию

Господину Директору Иркутской Учительской Семинарии.

крестьянина Иркутской губернии,
Балаганского уезда, Усть-Удинской
волости, деревни Верхне-Рютинской,
Никиты Павлова Рютина прошение.

Желая дать образование сыну моему Мартиниану во вверенном Вам учебном заведении, имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего Высокоблагородия о том, чтоб он был подвергнут испытанию для поступления в приготовительный класс (если таковой упразднен, то в первый класс). При этом прошении представляются для зачисления сына Мартиниана на казенную стипендию, документы: 1) метрическое свидетельство о рождении и крещении, 2) свидетельство об окончании курса в Рютинском одноклассном училище и 3) медицинское свидетельство о привитии оспы.

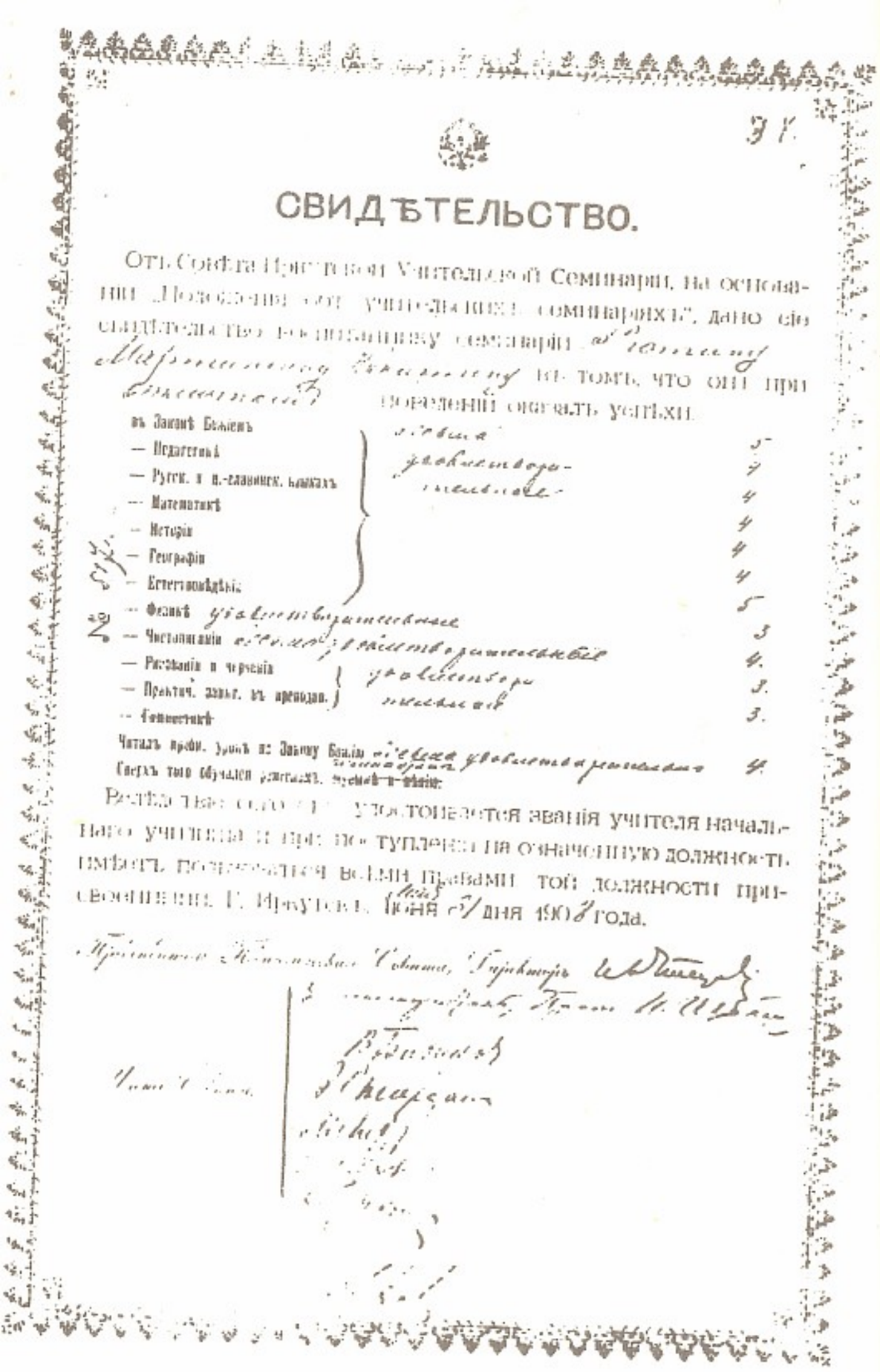
Независимо сего, имею честь доложить Вашему Высокоблагородию, что общественный приговор крестьян Рютинского участка, заключающий в себе дозволение сыну на вступление в число учеников учительской семинарии, будет особо представлен мною в самом непродолжительном времени. Мая 21 дня 1904 г.

Крестьянин Никита Рютин.

ГАИО, ф.128, оп.1, д.122, л.89. Подлинник. Рукопись.

Прошение Н. П. Рютина о поступлении сына в Иркутскую учительскую семинарию. 1904 г.

М. Н. Рютин после окончания Иркутской учительской семинарии. 1908 г.



31.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Отъ Совѣта Иркутской Учительской Семинаріи, на основаніи „Положенія объ учительскихъ семинаріяхъ", дано сіе свидѣтельство воспитаннику семинаріи Рютину Мартемьяну Никитину въ томъ, что онъ при поведеніи оказалъ успѣхи.

въ Законѣ Божіемъ	[illegible]	5
— Педагогикѣ	удовлетворительное	4
— Русск. и ц.-славянск. языкахъ		4
— Математикѣ		4
— Исторіи		4
— Географіи		4
— Естествовѣдѣніи		5
— Физикѣ	удовлетворительное	3
— Чистописаніи	[illegible]	4.
— Рисованіи и черченіи	удовлетворительное	3.
— Практич. занят. въ преподав.		3.
— Гимнастикѣ		

Читалъ профи. уроки по Закону Божію [illegible] удовлетворительно 4.

Сверхъ того обучался ремесламъ, [illegible]

Вслѣдствіе сего [illegible] удостоивается званія учителя начальнаго училища и при поступленіи на означенную должность имѣетъ пользоваться всѣми правами той должности присвоенными. Г. Иркутскъ. Іюня 31 дня 1908 года.

Свидетельство об окончании М. Н. Рютиным учительской семинарии.

Молодожены Мартемьян Никитич и Евдокия Михайловна Рютины в Шивере. 1910 г.

Семья Рютиных. Крайний слева — Мартемьян. Иркутская губерния. 1913 г.

Среди участников штурма Кронштадта.
Март 1921 г.

Секретарь Дагестанского обкома партии М. Н. Рютин (третий слева) сопровождает М. И. Калинина (сидит) и К. Е. Ворошилова (в центре) в поездке по Дагестану. Май 1923 г.

М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов, М. Н. Рютин на открытии канала им. Октябрьской революции. Дагестан. 1923 г.

Московская делегация на XIV съезде ВКП(б). Во втором ряду пятый справа — М. Н. Рютин. Декабрь 1925 г.

Бюро Московского комитета партии. 1927—1928 гг.

Дом № 26 на Грузинском валу в Москве, где в квартире № 195 жила семья Рютиных.

МК ВКП(б), избранный на XVI Московской губернской конференции. В первом ряду шестой слева — М. Н. Рютин. Ноябрь 1927 г.

Мартемьян Рютин с семьей: женой Евдокией Михайловной, дочерью Любой, сыновьями Василием и Виссарионом (Вирей). 1927 г.

1.

ЦКК ВКП(б) т. Ярославскому. 216

Вами и т. Шкирятовым мне предложено дать письменные показания по поводу поданного на меня Немовым заявления, обвиняющего меня в принадлежности к правым и в распространении взглядов правого уклона.

Я еще раз письменно заявляю, что то что написано в заявлении на 99% самая гнусная ложь.

В заявлении, во первых, написано много такого о чем я абсолютно не говорил с Немовым ни слова.

Во вторых, то о чем я с ним говорил — перевернуто вверх ногами, невиданно извращено.

Мы с Немовым на курорте говорили по хозяйственным и политическим вопросам раза три-четыре. Встречались у источника, и на улицах конечно больше чем четыре раза.

Суть всех наших разговоров с Немовым сводится к следующему. Немов спросил меня — как мои настроения?

Я на это ответил следующее:

„Я ведь целиком никогда не был с группой Бухарина. Теоретических взглядов Бухарина и его последователей в области исторического материализма (теория равновесия и пр.) я никогда не разделял, то-же самое должен сказать о теории организованного капитализма, о теории „мирного врастания кулацких кооперативных гнезд" в социализм, о теории самотека. Сталина даже тогда, когда я в 28 году выступил против него на Пуго Красно-Пресн. Райкома — я считал самым крупным вождем партии способным проводить в жизнь ленинские принципы. Я тогда допустил отступления от линии партии в вопросе о темпах и в оценке положения в деревне. Я считаю, что т. Сталин напрасно отстранил меня и ловким маневром выпрягнул с партийной работы. Я считаю это нечестным с его стороны — по отношению ко мне". Вот суть этой части

Ответ М. Н. Рютина на заявление А. С. Немова в ЦК ВКП(б). 21 сентября 1930 г.

Последнее фото в кругу родных. Крайний справа — М. Н. Рютин с дочерью Любой. 1929 г.

Евдокия Михайловна Рютина. 1929 г.

Сыновья М. Н. Рютина — Василий и Виссарион (справа), разделившие участь отца. На обороте публикуемого снимка Виссариона (Вири), подаренного им своему другу А. Гуляеву, надпись, сделанная через несколько месяцев после ареста отца. «Передавая снимок, пожимаю руку. Если тебя или меня жизнь, а жизнь — это борьба, стечение массы случайностей, поставят в тяжелое положение, мы будем помнить, что друзья познаются в несчастье.
Тебе, энергичному пролетарию, общительному и демократическому юноше, твоему независимому характеру не хватает знаний.
Познай опыт борьбы с буржуазией, лживо провозглашающей вечность капитализма.
С винтовкой в одной руке и наукой в другой обрушивайся на захватывающих монополию на звание пролетарских революционеров. Низвергай клеветников, тюремщиков и мерзавцев, прячущих нищету и дальнейшее обнищение народа, прикрываясь при этом маской вождей, выражающих волю народа. Виря. 22.XI.32».

В КОМИССИЮ ПО УЧЕТУ БЫВШИХ КРАСНОГВАРДЕЙЦЕВ И КРАСНЫХ ПАРТИЗАН

ПРИ

ЗАЯВЛЕНИЕ

Сообщая о себе нижеследующие сведения и прилагая документы, подтверждающие мое участ[illegible]ой гвардии и красных партизан, прошу зарегистрировать меня [illegible]твующее удостоверение.

Фамилия, имя [illegible]	Рютин Мартемьян Никитич
Год и место р[illegible]	1890. Иркутская губ. с. Верхне-Рютино
Партийность. [illegible] № партбилета.	Беспартийный (исключенный из партии)
Член профсоюза с какого года.	1920.
Был ли под судом или под арестом при Советской власти, когда, за что, решение суда и лишался ли права выбора в Советы.	Не был
Социальное положение до Февральской революции, до Октябрьской революции и сейчас, если крестьянин, указать — бедняк, середняк, колхозник.	Сельский учитель в течении революции с 1917 года 12 лет партработы, сейчас советский работник
Место работы в настоящее время, выполняемая работа, занимаемая должность и служебный адрес и телефон.	Союзсельэлектро. Экономист. Лубянка 7/1
Когда (месяц, год) вступил в Красную гвардию или партизанский отряд, в каком городе или селе и сколько времени пробыл.	В 1917 году в Харбине. Затем с 10 января 1918 г. Иркутск.
Кто был начальником Красной гвардии или партизанского отряда и фамилия начальника, которому непосредственно подчинялся.	Сам был начальником отрядов и Кошвойсками Иркутского военного округа

Заявление М. Н. Рютина о приеме в общество бывших красногвардейцев и красных партизан. Сентябрь 1931 г. Резолюция: «Исключить как активного участника контргруппировки». Октябрь 1933 г.

Тел. 59-02-3-70, 59-02-3-83,
г.Караганда

отдел Информац.центр Вх.№__
на № II/I8- I350

МВД Казахской ССР
Управление внутренних дел

Исполком Карагандинского областного
Совета народных депутатов
470038, ул. Джамбула, 97

30 декабря I988 г.

Гр. РЮТИНОЙ Любови Мартемьяновне
I09444 гор. Москва
ул. Ферганская 24 кв. 5

На Ваше заявление в отношении судьбы матери сообщаем, что РЮТИНА Евдокия Михайловна, I89I года рождения, русская, уроженка Иркутской области, осужденная 25 октября I937 года сроком на I0 лет, умерла 2I октября I944 года, отбывая срок наказания в местах лишения свободы Карагандинской области.

По имеющимся сведениям РЮТИНА Евдокия Михайловна была захоронена на территории Джартасского отделения Карагандинского ИТЛ на кладбище лагпункта Новостройка, где ныне расположен совхоз "Карагандинский" Мичуринского района Карагандинской области. Сведениями о сохранности кладбища в настоящее время не располагаем.

Начальник ИЦ УВД П.Линкевич

Ответ начальника ИЦ УВД на запрос Л. М. Рютиной о судьбе ее матери. 30 декабря 1988 г.

Любовь Мартемьяновна Рютина. 12 февраля 1990 г.

учить друг друга, жажда смело обсуждать все боевые, жгучие и спорные вопросы партии и страны как в интимных беседах, так и на собраниях. Теперь же царит взаимное подозрение и взаимная боязнь, недоверие и желание избежать обсуждения всяких политических вопросов из страха, что могут «пришить» уклон.

Раньше член партии выполнял свои обязанности и поручения партии, руководствуясь исключительно интересами укрепления пролетарской диктатуры и социалистического строительства. Теперь же подавляющее большинство руководствуется только тем, чтобы не «пришили» уклон.

Раньше партийные обязанности выполнялись с радостью и добровольно, теперь — с неохотой и под принуждением. Господство террора в партии и стране при явно гибельной политике Сталина привело к тому, что лицемерие, двурушничество стали всеобщим явлением. Лицемерие стало знамением нашего времени. Лицемерят в своих официальных выступлениях на собраниях все члены партии, лицемерят в тисках террора рабочие массы, лицемерит задавленная деревня, лицемерят ответственные работники и рядовые члены партии, партийные и беспартийные, старые большевики и молодые партийцы. Никто не верит в эту политику и все делают вид, что ею восхищены.

Все видят невиданный кризис и в то же время официально вынуждены кричать о гигантских успехах. Все желают с этой политикой покончить и в то же время не могут.

Гигантская централизация всего аппарата пролетарской диктатуры и сила политической инерции привели к тому, что Сталин, нажимая на одну кнопку террора, заставляет служить своим интересам весь механизм партии, Советов, профсоюзов, кооперации и пр. Все винтики — большие и маленькие, второстепенные и первостепенные — хотят они или не хотят, «верят» они или не «верят», вынуждены вращаться вместе со всей машиной. Если же какой-либо винтик или целая группа отказываются вращаться вместе со всей машиной и «протестуют»,— машина беспощадно их размалывает и со скрипом, с треском и скрежетом до поры до времени продолжает свою «работу» дальше. Террор в условиях невиданной централизации и силы аппарата действует почти автоматически. Терроризируя других, каждый в то же время терроризирует и самого себя, заставляя

лицемерить других, каждый в то же время и сам вынужден выполнять определенную долю этой «работы».

Но эта сила сталинского террора (на основе централизации руководства и мощного аппарата) при первом же серьезном толчке обнаружит и все свое банкротство. Если при правильном руководстве партия, несмотря на свои разногласия, перед лицом опасности всегда собиралась в единый могучий железный кулак и становилась несокрушимой силой, то в настоящее время, при кажущемся невиданном единстве, при первом же серьезном испытании она обнаружит невиданное внутреннее разложение.

В прошлом под кажущейся слабостью скрывалась сила, теперь, наоборот, под кажущейся силой скрывается слабость партии.

Кризис теоретический и организационный, кризис руководства массами и социалистическим строительством, банкротство сталинской политики, естественно, находят свое отражение, проявление и завершение в развитии кризиса всего коммунистического мировоззрения. Этот кризис в настоящее время глубоко скрыт, он находит пока свое внешнее проявление только в отдельных редких случаях; пресс террора мешает ему вырываться наружу, но он захватил уже довольно значительный слой мыслящей части партии, имеющей действительно коммунистическое мировоззрение. Видя полный разрыв теории и политики с учением ленинизма, сопоставляя официальные утверждения с фактами, фразы о «вступлении в социалистическое общество» с действительностью и будучи не в состоянии объяснить этого разрыва между словами и делами, оставаясь на почве марксизма, значительная часть членов партии приходит или к полному разочарованию в возможности осуществления коммунизма вообще, или начинает вырабатывать совершенно новые представления о коммунистическом обществе, не имеющие ничего общего с учением Маркса и Ленина.

Значительная часть членов партии живет в настоящее время просто с выпотрошенными душами, изъеденная всеобщим скептицизмом и разочарованием. Эта часть членов не только не верит в сталинскую «генеральную линию», но она потеряла в результате этой линии и коммунистические убеждения вообще.

Одни из этих в личной жизни превращаются просто в мещан и обывателей, другие погружаются в непробудное пьянство, третьи начинают развратничать и т. д. И этот процесс не стоит на месте, а углубляется и расширяется. Таковы плоды сталинской политики и руководства. Мы имеем дело не с обычным политическим кризисом партии, но с кризисом, переросшим уже в перерождение известной части партии.

Руководящую верхушку партии уже нельзя в настоящее время рассматривать, как людей просто ошибающихся, но субъективно искренне верящих в свою правоту. Такой взгляд является детским и наивным.

Вся верхушка руководящих партийных работников, начиная со Сталина и кончая секретарями областных комитетов, в основном прекрасно отдают себе отчет, что они рвут с ленинизмом, что они насилуют партийные и беспартийные массы, что они губят дело социализма, но они так запутались, создали такую обстановку, попали в такой тупик, в такой заколдованный круг, что сами не в состоянии из него уже вырваться.

Ошибки Сталина и его клики из ошибок переросли в преступления.

Политбюро и Президиум ЦКК, секретари областных комитетов превратились в банду беспринципных политиканов и политических мошенников. Они на деле рассматривают партию лишь как свою вотчину. Не они для партии, а партия для них.

Наркомы, зам. наркомов, члены коллегий, руководители трестов, видные работники партаппарата, редакторы крупных газет, председатели ЦК профсоюзов, руководители областных отделов советского и профсоюзного аппарата также захвачены в значительной части процессом перерождения. Все они, даже бывшие рабочие, никакой связи с массами, кроме официальных докладов на собраниях, давно уже не имеют. Они обеспечены высокими ставками, курортами, пособиями, дачами, великолепными квартирами, прекрасным явным и тайным снабжением, бесплатными театрами, первоклассной медицинской помощью и т. д. и т. д. И это при невероятном обнищании и полуголодном существовании всей страны. Они, таким образом, в известной мере, подкуплены Сталиным. Сталин вообще систематически применяет подкуп как по отношению к отдельным прослойкам партии, так и рабочих.

Само собой, что вся эта группа членов партии в душе в подавляющем большинстве против современной политики, ибо они не могут не видеть ее гибельности. Но они так обросли жирком, они настолько связаны

всеми представленными им привилегиями (а всякий протест против современного курса и его вдохновителя связан в результате с огромными лишениями), что значительная часть из них и дальше будет выносить любое иго, любые пинки и издевательства со стороны Сталина и партаппарата.

Эта часть потеряла основное свойство подлинного большевика-ленинца — везде и при всяких условиях, применяясь к обстановке, защищать свои взгляды и бороться за интересы пролетарской революции. Ее основной интерес в настоящее время заключается уже не в этом, а лишь в сохранении какой угодно ценой полученных привилегий и чинов.

В итоге мы имеем совершенно оригинальное положение. Жизнь и здесь оказывается несравненно богаче теории, она и тут показывает нам новое, своеобразное. Эпоха перерождения и оппортунизма партий 2-го Интернационала приучила нас опасность перерождения искать всегда справа.

Но вот в настоящее время мы имеем архилевую, авантюристическую политику Сталина при огромном приросте рабочих в партии и все же являемся свидетелями бесспорного перерождения некоторой части партии. От перерождения, следовательно, не может спасти ни левый авантюристический курс, ни механическая вербовка в партию рабочих.

От перерождения может спасти только правильная, ленинская теория и политика, постоянная, но тщательная и осторожная вербовка в партию рабочих, ленинское теоретическое и политическое воспитание молодых членов партии, подлинная внутрипартийная демократия и глубочайшая связь с массами. Но всех перечисленных условий в данный период как раз и нет налицо.

В партии мы, несомненно, имеем некоторую, хотя и незначительную, прослойку и немолодых, честных субъективно партийцев, продолжающих, однако, искренне верить в правильность политики Сталина. Как можно объяснить такое явление? Здесь решающую роль играет традиция, привычка.

В прошлом на протяжении трех десятков лет под руководством Ленина * партия вела правильную политику. Партийные и беспартийные массы на собственном опыте убеждались в правильности руководства Центрального Комитета. На этой почве вырос гигантский авторитет Центрального Комитета. У значительной части партийцев с небольшим теоретическим багажом или вовсе без багажа, с небольшим теоретическим кругозором выработалась традиция, привычка поддерживать ЦК, ибо «ЦК всегда решает правильно». Эта традиция переносится на современную политику Сталина. Политика из правильной превратилась в неправильную, а традиция, привычка осталась и на новую политику переносит старое отношение. Эти партийцы не могут объяснить гигантских противоречий между декларациями, речами, статьями и резолюциями сталинского руководства и действительностью, но они боятся как огня всяких «уклонов», они привыкли голосовать за ЦК и поэтому стараются не замечать этих противоречий, не задумываться над ними. Они не сопоставляют вчерашних решений с сегодняшними, вчерашних речей Сталина с теперешними. Они все объяснения противоречий нашей действительности сводят или к неизбежности трудностей социалистического строительства, или к неизбежным недостаткам во всяком большом деле. Рассудок, таким образом, выродился в предрассудок, а политическая привычка в политический идиотизм.

Маркс говорил: «Традиции всех мертвых поколений кошмаром тяготеют над умами живых» [73]. Вышеохарактеризованное явление дает еще один блестящий пример правильности этого положения. Традиция, которая до известного времени, до известного момента играла в нашей партии гигантскую революционную роль, содействовала сплочению и укреплению сил партии, в настоящее время превратилась в путы на ногах партии, мешающие ей сбросить с себя иго Сталина. Нужно иметь, однако, постоянно нужно иметь в виду, что основной очаг кризиса партии мы имеем все же в самом партийном аппарате и основным агентом, несущим этот кризис и перерождение, является Сталин и его руководство.

Именно отсюда распространяется «инфекция». Здесь особенно резко бросаются в глаза и происшедшие метаморфозы. Характерно, что эти метаморфозы, изменения при архилевой, авантюристической политике все же явно растут в сторону политических нравов буржуазных партий. В буржуазных партиях, в особенности в С[еверо-]. А[мериканских]. С[оединенных]. Штатах, наиболее ловким политиком считается тот, кто не принимает слишком всерьез своих убеждений, кто может изменять их, не

* Так в документе.

слишком нарушая внешнюю стройность своих взглядов, кто не относится с неуместной щепетильностью к вопросу о логичности своего мировоззрения, кто может поверить в то, во что выгодно верить в данном политическом положении. Наиболее же ловкий политик, которому легче всего делать карьеру,— это тот, кто совсем не имеет никаких убеждений, кто умеет симулировать пламенную защиту какой угодно идеи, в действительности относясь равнодушно ко всему. Такой политик никогда не очутится на тонущем корабле. Подобный тип защищает энергично все идеи, которые выдвигаются текущей политикой. Он тщательно следит за всеми зигзагами политического курса и настроением правящих групп буржуазии и всегда следует за крысами, когда вода поднимается до верхней палубы.

В среде опытных буржуазных политиков выработалось на основании опыта единственное твердое убеждение, что твердых политических убеждений иметь нельзя. Если вы начинаете приобретать серьезные убеждения, которые для вас становятся более или менее дорогими и за которые вы хотите бороться, проливать кровь и умереть, тогда можно быть уверенным, что для политики вы потерянный человек. Идя таким путем, вы можете на политическом поприще лишь провалиться, но никоим образом не преуспеть. По мнению прожженных буржуазных политиков, неискренность в политике составляет необходимую часть политического оборудования.

В нашей большевистской партии, пока ее политика была правильна и внутрипартийные отношения более или менее нормальны, существовали прямо противоположные нравы и традиции.

Победоносная военная хитрость и обман всегда входили необходимым элементом в ленинскую стратегию и тактику в борьбе с врагом, но руководящие партийные органы неуклонно при этом соблюдали величайшую революционную честность и искренность перед лицом своей партии и класса.

Теперь же и у нас неискренность партийного аппарата и вождей, их лицемерие стали необходимым политическим оборудованием. Теперь и у нас искренний большевик, ленинец, уверенный в правоте своих взглядов и готовый их смело отстаивать где угодно и перед кем угодно, уже не может быть партработником — ему обязательно сломят шею. Он потерян для политики.

В настоящее время партработник должен уметь вить-

ся ужом, гнуться как тростник и беспрерывно балансировать на «генеральной линии» как цирковой актер на натянутой проволоке. Прикажут на 100% коллективизировать — коллективизируй и кричи о подъеме колхозной волны, объявят это «головокружением от успехов» — кайся и уподобляйся унтер-офицерской вдове, декларируют рост благосостояния масс — шуми и кричи об этом, хотя этому никто не верит, дадут сигнал найти троцкизм, правый уклон, левый загиб, право-левацкий блок, троцкистскую контрабанду, гнилой либерализм, буржуазность и перерожденцев — ищи, находи и разоблачай!

История и тут шутит над Сталиным злую шутку: он, кричащий о том, что мы во второй пятилетке должны создать нового человека социалистического общества,— на деле, даже в самом пролетарском авангарде, создает лишь самый худший вид мелкобуржуазных политиканов наверху и задавленных, забитых манекенов, отученных от всякого самостоятельного ленинского мышления, внизу.

Классовое содержание политики Сталина и состоит именно в мелкобуржуазном авантюризме.

Ее мелкобуржуазность выражается, во-первых, в разрыве с материалистической диалектикой, учением Маркса и Ленина по всем важнейшим теоретическим вопросам, во-вторых, в переходе на точку зрения субъективного идеализма в понимании соотношения объективных и субъективных факторов в социалистическом строительстве, в-третьих, в разрыве с организационными принципами большевизма (личная диктатура вместо демократического централизма) и, наконец, в-четвертых, в беспринципном политиканстве и бешеном разгуле «левой фразы», хлестаковщины, лжи, надувательства масс, превращении их в слепое орудие в интересах тщеславия диктатора и его клики.

Амплитуда качаний мелкобуржуазных политиканов и политических деятелей необычайно велика.

Она простирается от Махно до Наполеона, от анархического бунтарства до бонапартизма. Мелкая буржуазия поставляет на рынки политики самые разнообразные продукты. Она является в большей степени и поставщицей левых фразеров, мелкобуржуазных авантюристов, прямых реформистов и оппортунистов и неограниченных диктаторов, надевающих порой на себя императорскую мантию. Нельзя забывать, что не только Пилсудский и Муссолини, но и сам Стимсон [74] начал свою карьеру

как мелкобуржуазный политик. Иногда даже один и тот же мелкобуржуазный политик может проделать все вышеперечисленные превращения в том или ином, в чистом или в смешанном, порядке.

В поведении, в линии, в курсе мелкобуржуазного политика возможны самые причудливые, неповторяемые комбинации и самые неожиданные зигзаги. В диктатуре Сталина мы имеем одну из таких неповторяемых комбинаций.

Наличие и серьезность процессов перерождения верхушки партийного и советского аппарата совершенно неоспоримы. При этом характерно, что и на этот раз в истории перерождение совершается по всем классическим примерам перерождения: истинные последователи учения объявляются преследуемыми «еретиками», а его фальсификаторы, извратители — его истинными последователями. Так происходило перерождение первобытного христианства, так происходило перерождение верхушки германской социал-демократии и 2-го Интернационала, так происходит оно и у нас. Само собою разумеется, что даже сама сталинская клика, сознательно извращая ленинизм и принципы социалистического строительства, не видит подлинного характера и размеров своего перерождения. Но так всегда бывало и бывает в истории: перерожденцы никогда не видели своего собственного перерождения или крайне его преуменьшали. Его всегда видела только противоположная сторона. Переживая глубочайший кризис и оказавшись в верхушке, серьезно захваченной процессом перерождения, партия, однако, во всей своей основной массе несомненно здорова. Надо покончить лишь с очагом кризиса и начавшегося процесса перерождения, чтобы вся партия встала снова на ноги.

Задача заключается в том, чтобы вся партийная масса сплотилась, организовалась, уяснила себе современную обстановку, поставила перед собой ясную политическую цель, покончила с диктатурой Сталина и его кликой, встала снова на путь правильной, ленинской теории и политики и тем обеспечила победу коммунизма.

Именно в этом в настоящее время заключается основная обязанность всякого честного большевика. Именно к этому должны быть направлены помыслы всех лучших элементов партии и рабочего класса.

III. Кризис Советов и приводных ремней пролетарской диктатуры

Кризис партии является уже сам по себе и кризисом пролетарской диктатуры, ибо партия является душой пролетарской диктатуры, ее руководящей силой. Без ленинской коммунистической партии немыслима пролетарская диктатура. Опыт всей революционной борьбы рабочего класса во всех странах полностью подтвердил этот вывод.

Глубина кризиса пролетарской диктатуры в большей степени уже определяется глубиной кризиса партии. Но кризис пролетарской диктатуры выражается в настоящее время не только в кризисе партии, но и в кризисе Советской власти как формы пролетарской диктатуры, а также и в кризисе всех ее приводных ремней: комсомола, профсоюзов, кооперации, добровольных обществ, печати и проч.

Кризис Советской власти, в узком смысле этого слова, выражается прежде всего в кризисе советской демократии. Советская демократия вытеснена и подменена единоличной диктатурой Сталина. Советы из органов, в которых выражалась воля, настроения и подлинные желания широчайших партийных и беспартийных рабочих масс и бедняцко-середняцкой части деревни, в которых могли критиковать не только повара, стрелочника, мастера или директора завода, но и коренные мероприятия партии и правительства (критиковать, оставаясь, конечно, на почве признания руководящей роли партии и Советской Конституции), превратились в органы подавления воли этих масс, в органы насилия и террора над массами, в органы, где выражается воля той же ничтожной горстки партийного аппарата и клики вождей, но не широких трудящихся масс. Раньше в Советах беспартийными проверялась правильность политики партии, ее руководство массами и страной. Теперь Советы превратились в простые, бесправные и беспомощные придатки партийного аппарата, где разрешается лишь восхищаться шестью условиями Сталина и принимать торжественные приветствия «дорогому вождю», несмотря на величайшую ненависть к нему рабочих и крестьян.

Выборность Советов в огромной, подавляющей степени тоже заменена, по существу, назначенством. В Советах ныне сидят люди, прислушивающиеся не к голосу масс,

а только к голосу начальства, смотрящие не вниз, а вверх, люди, готовые по приказанию начальства учинить какой угодно произвол и насилие над массами, прикрываясь именем и волей этих масс. Положение нисколько не изменяется от того, что в Советах и в данное время работает в секциях и проч. большое количество партийных и беспартийных рабочих. Централизованный, необычайно разветвленный аппарат под угрозой, нажимом, террором и проч. заставляет этих рабочих и крестьян быть бездушным винтиком в огромной машине и давить, терроризировать вопреки своей воле других.

Бесконечное ухудшение положения рабочих и крестьянских масс, политика террора по отношению к ним подорвали гигантски их доверие к пролетарской диктатуре и ее основному органу — Советам.

Советский аппарат в большей своей части работает совершенно на холостом ходу, все постановления и мероприятия партии и органов Сов. власти составляют предмет сплошных издевательств и насмешек со стороны советского аппарата, ибо несуразность, авантюризм, надувательство масс, хлестаковщина сталинской «генеральной линии» для советского аппарата, вынужденного проводить эту линию, особенно бьет в глаза.

Профсоюзы также переживают кризис. Кризис выражается в том, что они из школы коммунизма превратились в школу надувательства масс, в школу самого бесстыдного игнорирования воли и настроений масс, в простой придаток того же партийного и хозяйственного аппарата.

Задачей профсоюзов должно быть, по мысли Ленина, во-первых, воспитание масс рабочих в духе сознательного отношения к социалистическому производству и, во-вторых, защита их интересов от бюрократических извращений рабочего государства. В настоящее время профсоюзы не только не защищают интересы рабочих, но, наоборот, являются послушным орудием в руках Сталина по снижению реальной заработной платы и их материального жизненного уровня.

Воспитание в рабочих сознательного отношения к социалистическому производству тоже подменено клеветнической травлей отсталых рабочих как кулаков, вредителей, агентов классового врага и проч. Если Троцкий в свое время требовал огосударствления профсоюзов, против чего Ленин решительно боролся, то в настоящее время это огосударствление проведено, но при этом в самой грубой карикатурной, бюрократической форме. Профсоюзы, в свою очередь, потеряли в глазах рабочих почти всякий авторитет и доверие.

Кооперация также болеет общей болезнью Советского Союза: кооперативная сеть в огромной части является дефицитной. Ни о какой культурной торговле при современной политике цен и отсутствии товаров не может быть и речи. Выборности в кооперативные органы, по существу, нет. Для масс кооперация теперь только сборщик дифпая, т. е. замаскированного налога.

Комсомол в отраженной и видоизмененной форме переживает примерно те же явления, что и партия. Эти явления в основном сводятся к следующему: разрыв с ленинизмом; превращение диалектики в софистику; превращение аппарата в самодовлеющую силу, чуждую массам; превращение в карикатуру борьбы с оппортунизмом; кризис мировоззрения; у мыслящей части комсомола разочарование в партии и в социалистическом строительстве; беспринципное политиканство, карьеризм и лицемерие, как продукт аппаратного террора и неправильной антиленинской политики партии.

Красная армия и ГПУ из органов, которые использовались исключительно для подавления сопротивления эксплуататоров, для борьбы с врагами пролетарской диктатуры, все больше и больше наряду с этим с каждым годом используются для подавления недовольства рабочих и бедняцко-середняцких масс деревни. (Массовые аресты членов партии и беспартийных рабочих, расстрелы, беспощадное подавление стихийных восстаний бедняцко-середняцких масс деревни, доведенных до отчаяния и голода политикой Сталина.)

Печать из орудия воспитания масс, из могучего рычага, содействующего социалистическому строительству, обозрению его со всех сторон,— превратилась в гигантскую фабрику лжи и внесения разброда и деморализации в сознание масс.

Газеты в настоящее время используются Сталиным не затем, чтобы массы знали действительное положение вещей в Советском Союзе, а как раз затем, чтобы они не знали его, не для того, чтобы раскрывать им истину, а затем, чтобы вводить их в заблуждение. Произвольно выхваченные из общей связи или даже сфабрикованные отдельные факты, фальшиво скомбинированные сводки, раздувание одних явлений и событий и замалчивание в десятки раз более важных других — вот содержание

и работа наших газет. Большинство газетных работников над своей фабрикацией лжи цинично издеваются, но и этот винтик, вопреки своему сознанию, вынужден «крутиться» вместе со всей машиной под нажимом кнопки из кабинета Сталина. Само собой разумеется, что все перечисленные нами процессы только еще развиваются. В каждой организации, в каждом явлении старое причудливо переплетается с новым, больное со здоровым, пролетарская диктатура с ее отрицанием, кусочки, осколки ленинизма с его фальсификацией и извращением, но основное направление эволюции пролетарской диктатуры под руководством Сталина идет именно так, как мы охарактеризовали.

Самый злейший враг партии и пролетарской диктатуры, самый злейший контрреволюционер и провокатор не мог бы лучше выполнить работу разрушения партии и соц. строительства, чем это делает Сталин.

Ленинизм и пролетарскую революцию нельзя надолго убить руками врага — они каждый раз после поражения поднимаются с новой, удесятеренной силой. Сталин убивает ленинизм под флагом ленинизма, пролетарскую революцию под флагом пролетарской революции и социалистическое строительство под флагом социалистического строительства!

Сталин объективно выполняет роль предателя социалистической революции. Но это было бы самое страшное убийство, какое когда-либо видела история! Это отбросило бы все историческое развитие на десятки лет назад.

Все, что есть лучшего, честного, подлинно большевистского, ленинского в ВКП [(б)] и Коминтерне, должно во что бы то ни стало помешать этому, пока не упущено время.

IV. Пути выхода из кризиса и задачи честных последовательных ленинцев

Партия в своем огромном подавляющем большинстве решительно настроена против политики Сталина и его клики.

Еще в большей мере единодушно против этой политики настроены рабочие и служащие.

Что же касается деревни, то там этот курс абсолютно не имеет не только сторонников, но даже людей, нейтрально к нему относящихся.

Вся деревня доведена до отчаяния и кипит возмущением. Непрекращающиеся массовые восстания в деревне — лучший показатель ее политических настроений.

Красная Армия также в огромной степени отражает политические настроения пролетариата и крестьянских масс. И даже партийный аппарат в своей большей части лицемерит и внутренне не верит в успешный исход сталинской авантюры. Сталин и его клика держатся, следовательно, не на доверии, сочувствии и поддержке масс, а на каком-то другом основании, с помощью каких-то других рычагов. Каковы эти рычаги?

Режим невиданного террора и колоссального шпионажа, осуществляемых посредством необычайно централизованного и вместе с тем разветвленного гигантского аппарата, сосредоточившего в своих руках все материальные ресурсы страны и поставившего в прямую зависимость от себя физическое существование десятков миллионов людей,— вот главная основа диктатуры Сталина. Вся система государственного аппарата, включая и партию, терроризируя других и в то же время сама живя под постоянным дамокловым мечом террора, вопреки сознанию каждой отдельной его клеточки, как машина, вынуждена совершать свои движения, получаемые от первоисточника, и выполнять волю главного «механика».

Но, зайдя в безвыходный тупик и установив во всей стране в самых разнообразных формах господство террора, Сталин отрезал себе и всякие пути для отступления и эволюционного выхода из кризиса. Он возвел себя на пьедестал непогрешимого папы и не может признать не только преступности своей политики, но и малейшей своей ошибки. Диктатор не может ошибаться — ошибаются только его подчиненные. Устранение Сталина и его клики нормальными демократическими методами, гарантированными Уставом партии и Советской Конституцией, таким образом, совершенно исключено.

Они всякими предлогами, с оружием в руках, пушками и пулеметами будут защищать от партии и страны свое господство.

Было бы непростительным ребячеством тешить себя иллюзиями, что эта клика, обманом и клеветой узурпировавшая права партии и рабочего класса, может их отдать добровольно обратно. Это тем более невозможно, что Сталин прекрасно понимает, что партия и рабочий класс не могут простить ему ужасающих преступлений перед пролетарской революцией и социализмом. При

таком положении вещей у партии остается два выбора: или и дальше безропотно выносить издевательства над ленинизмом, террор и спокойно ожидать окончательной гибели пролетарской диктатуры, или **силою устранить эту клику** и спасти дело коммунизма.

Допустима ли такая постановка вопроса с точки зрения марксизма-ленинизма? Не только допустима, но и бесспорно правильна. Преступно, вредно, гибельно для пролетариата и его партии силой устранять свои руководящие партийные и советские органы, если они ведут правильную ленинскую политику и выражают волю партийных и беспартийных масс. И, наоборот, следует считать прямой обязанностью всякого честного большевика и беспартийного рабочего борьбу за насильственное устранение органов тогда, когда они ведут антиленинскую и гибельную для пролетарской диктатуры политику, когда они превратились в клику, не выражают воли масс и в то же время, опираясь на аппарат, не допускают их смены нормальными методами, предусмотренными Уставом партии и Советской Конституцией.

Опыт пролетарской революции показал нам здесь нечто совершенно непредвиденное и неожиданное. Отворачиваться от этих новых фактов, не видеть их — значит уподобляться страусам и стараться прятать головы в песок. Мы сроднились, свыклись с представлением, что при пролетарской диктатуре руководство партии и страны всегда будет выражать волю масс. На деле же вышло так, что это руководство выродилось в ходе внутрипартийной борьбы в личную диктатуру, губящую Советскую власть и партию, ненавистную массам, опирающуюся, главным образом, на террор и провокации. Это новое, своеобразное, совершенно неожиданное для партии явление. Как ни больно, как ни тяжело, но это необходимо признать всем, кто не хочет остаться в плену иллюзий и оказаться перед фактом полного краха пролетарской революции.

Люди, не умеющие марксистски мыслить, думают, что устранение Сталина в то же время будет свержением Советской власти. Сталин такой взгляд всячески культивирует и распространяет. Но он абсолютно неверен.

На деле идет речь не об уничтожении пролетарской диктатуры, а о ее восстановлении, ибо она по форме осталась, а по своему содержанию в огромной части в настоящее время как раз утеряна. Речь идет не о нарушении принципов ленинизма, а как раз о их защите.

Как устранение одного буржуазного правительства и замена его другим буржуазным правительством не означает еще свержения господства буржуазии, хотя и может в результате повлечь за собой это содержание, ибо всякий политический переворот развязывает силы враждебных данной политической системе классов, так и устранение одного «пролетарского» правительства и смена его другим пролетарским правительством не означает еще свержения пролетарской диктатуры, хотя такая борьба и связана с большими опасностями для самой пролетарской диктатуры.

В настоящее время, в эпоху мировой пролетарской революции, в эпоху открытой борьбы за власть между буржуазией и пролетариатом, всякий политический переворот — свержение одного правительства и замена его другим в целях сохранения господства данного класса — связан с опасностью свержения классом — антиподом всей системы экономического и политического господства этого класса.

Буржуазия и пролетариат постоянно подкарауливают друг друга, чтоб в момент наиболее обостренной борьбы в рядах противника свергнуть его господство.

Опасность «третьей силы» в настоящее время существует не только для Советского Союза, но и для всякой капиталистической страны, хотя и в различной степени. Для нас «третья сила» — это сила мирового капитализма и своих внутренних врагов Советской власти, мечтающих о реставрации капитализма. Для буржуазии «третья сила» — это сила революционного пролетариата своей страны и сила всего мирового революционного пролетариата во главе с Советским Союзом.

Но опасность потери экономического и политического господства данным классом в каждый данный период зависит, однако, не только от силы натиска враждебного класса. Оно в огромной, а иногда и в решающей степени зависит и от того, как осуществляют исполнительные органы данного господствующего класса, т. е. правительство, его волю, его классовые интересы, его классовую политику. Мало того, даже и сама сила наступления враждебного класса в огромной степени зависит от тактики правительства правящего класса, от его умения маневрировать, от его гибкости, способности трезво учитывать политическую и экономическую обстановку и т. д.

Поражение буржуазии и победа пролетариата в конечном счете неизбежны. Но история делается не автоматичес-

ки. Мы не фаталисты. Она делается живыми людьми! Стратегия и тактика пролетариата и его партий, с одной стороны, стратегия и тактика буржуазии — с другой, входят важнейшими слагаемыми в те исторические сроки, в течение которых может быть достигнуто низвержение буржуазии и построение коммунистического общества во всем мире.

При нашей правильной стратегии и тактике и ошибках со стороны буржуазии эти сроки могут быть короче и победа может быть достигнута с меньшими жертвами; при наших ошибках и трезвой тактике со стороны буржуазии эти сроки могут быть удлинены на десятилетия, и борьба потребует больших жертв.

Глупая авантюристическая или оппортунистическая политика пролетарского правительства может и верное дело пролетариата погубить и отбросить историю на 30—40 лет назад. Умная, хитрая политика буржуазии может и «гиблое» дело капитализма спасать от окончательного краха в течение длительного периода.

Именно поэтому даже в настоящий период, когда капитализм переживает всеобщий кризис и пролетарская революция стучится во все двери капиталистического общества, буржуазия все же допускает насильственное свержение своих правительств, когда она видит, что они ведут опасную, с точки зрения ее господства, политику и в то же время не хотят добровольно уступить место другим.

В самом деле, за последние два десятилетия мы имели три таких переворота: Испания, Польша, Китай. Все эти перевороты, как известно, для буржуазии были связаны с огромными опасностями. Все они, как известно, повлекли за собой массовые революционные движения и восстания рабочих и крестьян. В некоторых из этих стран дело едва не дошло даже до свержения новых буржуазных правительств и утверждения диктатуры пролетариата. И все же буржуазия, ее наиболее сознательная часть пошла на этот риск.

Можно ли эти перевороты оправдать с точки зрения текущих «исторических» интересов буржуазии? Безусловно, можно. Глупая, с точки зрения интересов буржуазии, политика свергнутых правительств могла бы быстро довести государство до пролетарской революции. Наиболее сознательные элементы правящего класса пошли на риск переворота. И пусть на время, ибо на длительный период для класса, исторически обреченного, это невозможно, но

они все же добились укрепления своего государства. Для нас устранение диктатуры Сталина и его клики также связано с риском. Мы развязываем силы внутренних врагов пролетарской революции и международного капитала. Эта опасность велика.

Но для нас уже в данный момент существует еще более серьезная опасность гибели пролетарской диктатуры от рук самого Сталина и его клики. Сталин пролетарскую диктатуру и социалистическое строительство, по их действительному содержанию, в огромной степени уже уничтожил.

Пролетарская диктатура уже гибнет, и ее нужно спасать. Пролетарская диктатура Сталиным и его кликой наверняка будет погублена окончательно, устранением же Сталина мы имеем много шансов ее спасти.

Партия находится в положении пассажиров автомобиля, шофер которого вдруг безнадежно спятил с ума, свернул с дороги и везет пассажиров по кочкам и ухабам, под уклон на полном ходу прямо в пропасть. Автомобиль трещит, скрипит, ломается, кувыркается из стороны в сторону, подпрыгивает на кочках так, что у пассажиров зубы брякают, пассажиры возмущены, многие растерялись, некоторые в панике, некоторые от толчков вылетают из автомобиля, а спятивший с ума шофер ругает пассажиров оппортунистами, «загибщиками» и успокаивает их уверениями, что все это неизбежные трудности езды в автомобиле. При таком положении глупо и нелепо пассажирам ждать, пока «возница» спустит их под откос. Надо попытаться на ходу отбросить такого шофера от руля, на ходу же сесть умеющим править машиной за руль и вывести ее на торную дорогу. Иного выхода для пассажиров нет.

Если в настоящее время выбирать, какая опасность для нас большая — опасность ли гибели партии пролетарской революции и социалистического строительства от руки Сталина или от «третьей силы» в результате неудачной попытки устранения его диктатуры, то первая опасность, несомненно, больше, реальнее, серьезнее, неотвратимее.

Нельзя забывать, что сталинское руководство и политика являются не только отрицанием ленинизма и пролетарской диктатуры, но они и непосредственно организуют, сплачивают силы контрреволюции и в то же время деморализуют, дезорганизуют, расстраивают силы партии, рабочего класса и всех трудящихся.

Внутренняя контрреволюция и международная буржуазия в лице Сталина имеют, по его объективной роли, лучшего союзника.

Сталинская авантюристическая «архилевая» политика (по давно известному закону диалектики — «крайности сходятся») с абсолютной неизбежностью ведет к реставрации капитализма. И чем дальше будет продолжаться этот курс, чем дальше будет Сталин оставаться у руля власти, тем неумолимее будет надвигаться эта реставрация.

Как это ни чудовищно, как ни парадоксально может показаться на первый взгляд, но главный враг ленинизма, пролетарской диктатуры и социалистического строительства находится в данный момент в наших собственных рядах и даже возглавляет партию.

Борьба за устранение Сталина связана с риском. Но еще ни одно великое дело, ни одно великое историческое событие не совершалось без риска.

Первая и главная опасность в борьбе за уничтожение диктатуры Сталина заключается в возможности нападения на нас империалистов.

Эта опасность серьезная. Но возможность нападения еще не означает его неизбежности. Если одни факторы будут толкать буржуазию к нападению на нас, то другие будут действовать в противоположном направлении.

Противоречия внутри основных империалистических хищников, поддержка нас мировым революционным пролетариатом, колониально-революционное движение и наше собственное искусное маневрирование спасали нас от нападения империалистов до настоящего времени, они могут предохранить нас от этого и в дальнейшем. Все дело в конечном счете будет зависеть от конкретной политической обстановки.

Вторая опасность — внутренняя контрреволюция.

Сталин основательно поработал над выращиванием контрреволюционных сил за последние годы. Силы контрреволюции, мечтающие о реставрации капитализма, возросли за последние годы в десятки раз. Масса преданных Советской власти и большевизму элементов из трудящихся города и деревни брошена преступной политикой Сталина в лагерь контрреволюции.

Но на наше счастье эти элементы распылены, раздроблены и не организованы.

Если мы окажемся достаточно сплоченными, организованными, если мы соберем вокруг себя достаточные силы и поставим перед собой ясные цели, то смелыми

решительными действиями мы можем взять на себя инициативу разбить в самом же начале все реставраторские, контрреволюционные попытки и удержать за собой наши основные позиции.

Если теперешнему правительству Испании и Пилсудскому при переворотах удалось успешно подавить все революционные выступления рабочих, то почему мы не можем подавить все контрреволюционные выступления?

Задача заключается в том, чтобы сейчас же приступить к мобилизации и сплочению партийных сил на почве марксизма-ленинизма, на почве подготовки к уничтожению диктатуры Сталина. Партия и рабочий класс в своем подавляющем большинстве против Сталина и его клики. Надо только эти распыленные и терроризированные силы объединить, вдохнуть веру в это дело и начать работать по устранению сталинского руководства.

Пора перестать фрондировать, брюзжать и шептаться по углам. Надо начать действовать. В настоящее время недовольна и возмущена политикой Сталина вся страна, все или почти все рабочие и подавляющее большинство партии. Все возмущены, все фрондируют, но дальше бессильного, беспомощного фрондирования и шушукания не идут. Сейчас только слепой или ребенок не видит банкротство политики Сталина. Пора, однако, покончить с одним беспомощным пересказыванием бесчисленных фактов, иллюстрирующих гибельность сталинского руководства. Надо наряду с этим ставить и разрешать конкретные задачи по устранению этого руководства.

В настоящее время почти любой партийный филистер, обыватель и даже партийный чиновник недоволен и скулит по поводу того, что творится в партии и стране. Настоящий большевик-ленинец должен не скулить, а бороться. Организовать силы, сплачивать их и обязательно, непременно и систематически, где только представляется к тому малейшая возможность, ставить перед ними ясную политическую цель.

Беспредметные, бесцельные разговоры с глазу на глаз о гибельном антиленинском характере сталинского руководства стали уже настолько всеобщим, массовым, почти поголовным явлением, что они набили оскомину и стали противными.

Такие разговоры не столько уже организуют, сколько дезорганизуют членов партии, вносят в их ряды раз-

брод, разочарование и бесперспективность. Без таких разговоров в известной мере не обойдется, но нетерпимо, преступно, постыдно и дальше этим ограничиваться.

Само собою разумеется, что в этой работе нужна величайшая конспирация, ибо Сталин, несмотря на то что мы последовательные ленинцы, обрушит на нас все свои репрессии. Но работать необходимо. Дело надо начинать. Или гнить на корню, или бороться.

В этой борьбе со сталинской диктатурой было бы нелепо цепляться за старые внутрипартийные разногласия и догматически защищать свои старые групповые и фракционные взгляды.

Задача заключается, наоборот, в том, чтоб каждая внутрипартийная группировка подвергла критической переоценке свои старые взгляды и, не боясь признать свои ошибки, сумела со всей большевистской трезвостью оценить современное положение вещей и объединиться на почве программы партии и коренных положений учения Маркса — Ленина для спасения пролетарской революции.

Старые группировки и фракционные образования в настоящее время безнадежно устарели, изжили себя и побледнели перед новым решающим водоразделом — за пролетарскую диктатуру и ленинскую ВКП(б) или за Сталина и гибель всех завоеваний рабочего класса и его партии.

Кто хватается за старые, фракционные деления, кто не видит, что жизнь ушла от них бесконечно далеко вперед, тот потерян навсегда для марксизма-ленинизма.

Именно на почве этого положения должно идти объединение всех подлинно ленинских сил партии для устранения Сталина и его клики, именно это положение должно послужить гарантией трезвой ленинской оценки всей совокупности современного положения вещей.

В борьбе со Сталиным и его кликой нужно предупредить против одной весьма распространенной иллюзии, что эту борьбу могут начать и возглавить еще раз все бывшие покаявшиеся троцкистские вожди или бывшие лидеры «правой оппозиции».

Это глубочайшая ошибка. В своем большинстве они пока что представляют для борьбы со Сталиным лишь отработанный пар.

Они ненавидят Сталина всеми фибрами своей души; они будут сочувствовать этой борьбе, на определенной

стадии борьбы они, несомненно, вновь выступят в той или иной роли на политическую сцену.

Но сейчас они будут или молчать, отсиживаться и выжидать, а некоторые из них даже подличать и лакействовать перед Сталиным.

Для борьбы за уничтожение диктатуры Сталина надо в основном рассчитывать не на старых вождей, а на новые силы. Эти силы есть, эти силы будут быстро расти. Выдвинутся неизбежно новые вожди, новые организаторы масс, новые авторитеты.

Борьба рождает вождей и героев.

Надо начать действовать. Эта борьба потребует жертв. Она потребует гигантских усилий, даже после свержения диктатуры Сталина потребуются многие и многие годы, для того чтобы вывести партию и страну из той невиданной трясины, в которую их завел Сталин.

Но пугаться таких трудностей — значит перестать быть пролетарским революционером.

Задача революционного, а не контрреволюционного устранения диктатуры Сталина может быть выполнена только партией и рабочим классом, и они ее выполнят, какие бы трудности им ни пришлось преодолеть и каких бы жертв это ни потребовало.

Конкретно вся сумма мероприятий, необходимых для выхода партии и страны из кризиса и тупика, сводится в основном к следующему:

I. В области партийной

1. Ликвидация диктатуры Сталина и его клики.
2. Немедленная смена всей головки партийного аппарата и назначение новых выборов партийных органов на основе подлинной внутрипартийной демократии и с созданием твердых организационных гарантий против узурпации прав партии партийным аппаратом.
3. Немедленный чрезвычайный съезд партии.
4. Решительное и немедленное возвращение партии по всем вопросам на почву ленинских принципов.

II. В области советской

1. Немедленные новые выборы Советов с решительным и действительным устранением назначенства.
2. Смена судебного аппарата и введение строжайшей революционной законности.
3. Смена и решительная чистка аппарата ГПУ.

III. В области индустриализации

1. Немедленное прекращение антиленинских методов индустриализации и игры в темпы за счет ограбления рабочего класса, служащих и деревни, за счет прямых и косвенных, открытых и замаскированных непосильных налогов и инфляции. Проведение индустриализации на основе действительного и неуклонного роста благосостояния масс.

2. Приведение вложений в капитальное строительство в соответствие с общим состоянием всех наличных ресурсов страны.

IV. В области сельского хозяйства

1. Немедленный роспуск всех насильственно созданных дутых колхозов. Действительная добровольность коллективизации на основе машинной техники и всемерная помощь колхозам.

2. Немедленное создание всех необходимых реальных условий и оказание поддержки для развития индивидуального бедняцко-середняцкого крестьянского хозяйства.

3. Ликвидация всех дефицитных совхозов. Оставление в наших руках такого количества лучших совхозов, которые мы действительно в состоянии сделать подлинно образцовыми социалистическими предприятиями.

4. Передача всего крупного машинного инвентаря ликвидированных совхозов и колхозов в руки местных сельскохозяйственных машинных товариществ.

5. Передача МТС в руки местных с/хоз. машинных товариществ и кооперации.

6. Немедленное прекращение хлебозаготовок, скотозаготовок и заготовок других продуктов сельского хозяйства современным методом ограбления деревни.

Землеустройство единоличников и закрепление за ними в длительное пользование отведенных им земель.

V. В области торговли

1. Прекращение экспорта за бесценок продуктов сельского хозяйства.

2. Прекращение экспорта за бесценок промтоваров широкого потребления.

3. Возвращение к ленинской политике цен. Решительное снижение цен. Восстановление кооперации и ее прав.

VI. В области финансово-налоговой

1. Прекращение инфляции, падающей тяжелым налоговым бременем на пролетариат и всех трудящихся.

2. Прекращение бесконечных поборов в виде всякого рода займов, размещаемых фактически принудительно, постоянного увеличения дифпая * в кооперации и пр.

3. Максимальное и реальное сокращение всех налогов на рабочих, служащих и трудящихся деревни.

VII. В области материальных и правовых условий жизни рабочих и крестьянских масс

1. Восстановить все права рабочих по отпуску спецодежды, оплате брака и пр., которых они были лишены в последние 4 года.

2. Восстановить старые правила увольнения рабочих с предприятия, существовавшие 4 года назад.

3. Восстановить старые права и ленинскую политику в работе профсоюзов.

4. Немедленно прекратить авантюристическую политику раскулачивания в деревне, направленную фактически против всей основной массы в деревне.

Примечания

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 33. С. 175. Кугельман Людвиг (1820—1902), немецкий врач, участник революции 1848—1849 годов в Германии, член I Интернационала, друг К. Маркса и Ф. Энгельса.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346.

[3] Там же. С. 345.

[4] Письмо И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» в редакцию журнала «Пролетарская революция» (см.: *Сталин И.* Соч. Т. 13. С. 84—102).

[5] Слуцкий А. Г. (1894—1979), советский историк, автор работ по истории революционного движения Западной Европы; Волосевич В. О. (1882—1953), большевик, в 1913—1922 годах — в эмиграции во Франции, после возвращения в Советскую Россию вузовский преподаватель истории, автор «Курса истории ВКП(б)».

[6] Иловайский Д. И. (1832—1920), русский историк, публицист, автор учебников по русской и всеобщей истории.

---

* Дифференцированный пай, вносимый членами кооператива.

[7] 18 брюмера VIII года республики (9 ноября 1799 г.) — дата начала государственного переворота, совершенного Наполеоном Бонапартом (1769—1821). К. Маркс рассматривал государственный переворот, совершенный Луи-Наполеоном Бонапартом (1808—1873) в 1851 году как карикатуру на «18 брюмера» Наполеона Бонапарта (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8. С. 115—217).

[8] Приводятся в произвольном изложении цитаты из заключительного слова И. В. Сталина на XIV съезде партии (см.: XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). 18—31 декабря 1925 г.: Стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 502—508; *Сталин И.* Соч. Т. 7. С. 353—391).

[9] Каутский Карл (1854—1938), один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и II Интернационала.

[10] Восстановительный (1921—1925 гг.) и реконструктивный (1926—1937 гг.) периоды — принятые в то время термины периодизации развития страны.

[11] *Сталин И.* Соч. Т. 7. С. 315.

[12] На Объединенном пленуме ЦК и ЦКК, состоявшемся 21—23 октября 1927 года, И. В. Сталин выступил с речью «Троцкистская оппозиция прежде и теперь» (см.: *Сталин И.* Соч. Т. 10. С. 197).

[13] Это положение было сформулировано И. В. Сталиным в речи на Пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 года «Об индустриализации и хлебной проблеме» (см.: *Сталин И.* Соч. Т. 11. С. 171).

[14] О восстаниях в Грузии И. В. Сталин упомянул в речи на заседании Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 октября 1927 года (см.: *Сталин И.* Соч. Т. 10. С. 196). Имеются в виду вооруженные выступления в отдельных уездах Мингрелии и Гурии в конце августа 1924 года крестьян, недовольных проведением аграрной реформы, налоговой политикой и антирелигиозными мероприятиями властей. Выступления были подавлены рабочими отрядами из Батуми и Поти при поддержке войсковых частей.

[15] *Сталин И.* Соч. Т. 10 С. 196.

[16] Там же. Т. 7. С. 177, 179.

[17] XVI Московская губернская конференция ВКП(б) состоялась 20—28 ноября 1927 года. 23 ноября И. В. Сталин выступил на конференции с речью «Партия и оппозиция» (см.: *Сталин И.* Соч. Т. 10. С. 259).

[18] *Сталин И.* Соч. Т. 10. С. 256.

[19] Имеется в виду заключительное слово И. В. Сталина на XIV съезде ВКП(б), в котором содержится ответ Л. Б. Каменеву по вопросу об «уступках крестьянству» (см.: XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). 18—31 декабря 1925 г.: Стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 263).

[20] См. речь И. В. Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 года «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)» (*Сталин И.* Соч. Т. 11. С. 245—290).

[21] Всесоюзная конференция аграрников-марксистов, созванная Коммунистической академией при ЦИК СССР, проходила 20—27 декабря 1929 года. 27 декабря И. В. Сталин выступил на конференции с речью «К вопросам аграрной политики в СССР» (см.: *Сталин И.* Соч. Т. 12. С. 145).

[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 304.

[23] Брюнинг Генрих (1885—1970) — немецкий политический деятель, германский рейхсканцлер в 1930—1932 годах.

[24] Имеется в виду резолюция Пленума ЦК ВКП(б) (28—31 октября 1931 г.) «О развертывании советской торговли и улучшении снабжения рабочих» (см.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5. С. 366—369).

[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 221.

[26] Статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов» была опубликована в «Правде» 2 марта 1930 года (см.: *Сталин И.* Соч. Т. 12. С. 191—200).

[27] См.: *Ленин В. И.* Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина (Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290, 286).

[28] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 349—356.

[29] Имеется в виду Куропаткин А. Н. (1848—1925), с октября 1904 года главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке во время русско-японской войны 1904—1905 годов.

[30] «Дело Бейлиса» — судебный процесс (Киев, 1913 г.) над евреем М. Бейлисом по ложному обвинению в ритуальном убийстве русского мальчика. Был организован царским правительством и черносотенцами. Вызвал протест передовой общественности в России и за рубежом; суд присяжных оправдал Бейлиса.

[31] Циммервальдская конференция (1915 г., Швейцария) — международная социалистическая конференция, выступила против развязанной империалистами мировой войны и социал-шовинизма. В. И. Ленин организовал на конференции циммервальдскую левую, которой противостоял так называемый циммервальдский центр.

[32] *Сталин И.* Соч. Т. 3. С. 4. Кинтальская конференция (1916 г., Швейцария) приняла антивоенный манифест и другие документы, которые, хотя и не содержали ленинского лозунга о превращении войны империалистической в войну гражданскую, но включали внесенные по настоянию В. И. Ленина и циммервальдской левой призывы к всеобщей интернациональной борьбе против войны, за социализм.

[33] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 38.

[34] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 171—172. См. также: Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 180.

[35] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 46.

[36] Цитата приведена произвольно. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 237.

[37] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 58.

[38] *Сталин И.* Соч. Т. 13. С. 79—80.

[39] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 124.

[40] Гинденбург Пауль фон (1847—1934) — президент Веймарской республики.

[41] Цанков Александр (1879—1959) — глава фашистского правительства Болгарии. В 1932 г. основал фашистскую партию Национально-социальное движение.

[42] Гринько Г. Ф. (1890—1938) — член партии с 1919 года. С октября 1930 года — нарком финансов СССР. Репрессирован. Реабилитирован и восстановлен в партии посмертно; Попов Н. Н. (1891—1938) — член партии с 1919 года. В 1929—1933 годах — член редколлегии газеты «Правда». Репрессирован. Реабилитирован и восстановлен в партии посмертно; Межлаук В. И. (1893—1938) — член партии с июля 1917 года. В 1924—1931 годах — член Президиума и заместитель председателя ВСНХ СССР, начальник Главметалла, с 1931 года первый заместитель председателя Госплана СССР. Репрессирован. Реабилитирован и восстановлен в партии посмертно; Серебровский А. П. (1884—1938) — член партии с 1903 года. С 1932 года — заместитель наркома тяжелой промышленности СССР. Репрессирован. Реабилитирован и восстановлен в партии посмертно; Киров (Костриков) С. М. (1886—1934) — член партии с 1904 года. В 1909—1911, 1912—1917 годах работал корректором, репортером, секретарем редакции частной газеты «Терек» во Владикавказе, одновременно член Владикавказской организации большевистской партии. С 1926 года — первый секретарь Ленинградского губкома (обкома) и горкома партии и Северо-Западного Бюро ЦК ВКП(б), с 1930 года — член Политбюро ЦК ВКП(б). Убит 1 декабря 1934 года в Смольном.

[43] Цитата приведена произвольно. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 46.

[44] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5. С. 392.

[45] *Сталин И.* Соч. Т. 11. С. 171.

[46] Цитируется работа Н. И. Бухарина «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз». М.; Л., 1925 (см.: *Бухарин Н. И.* Избранные произведения. М., 1988. С. 184).

[47] См.: *Сталин И.* Соч. Т. 11. С. 172.

[48] Имеется в виду вооруженное восстание парижских рабочих 23—26 июня 1848 года.

[49] Речь идет о неудачной попытке роялистского восстания в Нормандии в декабре 1793 года.

[50] Программа Коммунистического Интернационала была принята на VI конгрессе Коминтерна 1 сентября 1928 года (см.: Коммунистический Интернационал в документах. М., 1933).

[51] Произвольно цитируется резолюция XVII конференции ВКП(б) «Директивы к составлению второго пятилетнего плана народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.)» (см.: КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 391).

[52] *Сталин И.* Соч. Т. 12. С. 145.

[53] Здесь и далее цитируется по одному из изданий «Капитала» К. Маркса, вышедшему в свет в 20-е годы. Ср. текст во 2-м издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 24. С. 444.

[54] Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. II. С. 57.

[55] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 193.

[56] Давид Эдуард и Герц Фридрих Отто выступили с критикой марксистского аграрного учения, в своих работах обосновывали устойчивость мелкого производства в земледелии и его превосходство над крупным.

[57] Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 444.

[58] *Сталин И.* Соч. Т. 11. С. 91—92. Беседа И. В. Сталина со студентами Института красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета состоялась 28 мая 1928 года.

[59] Богданов А. (Малиновский А. А.) (1873—1928) — экономист, философ, политический деятель, ученый-естествоиспытатель, автор теории равновесия, согласно которой все существующее представляет собой сменяющее друг друга состояние подвижного равновесия.

[60] Цитата приведена неточно. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 28.

[61] Речь идет о статье И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» (см.: *Сталин И.* Соч. Т. 13. С. 84—102).

[62] В речи «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» на совещании хозяйственников 23 июня 1931 года И. В. Сталин сформулировал шесть новых условий развития промышленности: 1. Рабочая сила. 2. Зарплата рабочих. 3. Организация труда. 4. Вопрос о производственно-технической интеллигенции рабочего класса. 5. Признаки поворота среди старой производственно-технической интеллигенции. 6. О хозрасчете (см.: *Сталин И.* Соч. Т. 13. С. 51—80).

[63] Имеется в виду вступление японских войск в Шанхай в январе — феврале 1932 года, в результате которого была разрушена значительная часть города, уничтожены культурные и материальные ценности, произошла варварская расправа с безоружным населением.

[64] Речь идет о передовой статье «Советский Союз и Япония», напечатанной 4 марта 1932 года в газете «Известия» и перепечатанной 5 марта газетой «Правда».

[65] VI съезд Советов Союза ССР: Стенографический отчет. М., 1931. Бюллетень № 2. С. 3.

[66] Имеется в виду постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом», опубликованное в «Правде» 7 мая 1932 года.

[67] Митин М. Б.— советский философ, главный редактор журнала «Под знаменем марксизма»; Юдин П. Ф.— советский философ, в 1932—1938 годах — директор Института красной профессуры; Кольман А. (Э.) — в 1931—1933 годах — член редколлегии журналов «Под знаменем марксизма», «Социалистическая реконструкция и техника», «Вестник Коммунистической академии», директор института естествознания Комакадемии; Ральцевич В. Ф.— в 1931—1932 годах — редактор журнала «Революция и культура», заместитель директора научно-исследовательского института философии Комакадемии.

[68] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 518.

[69] См.: Коммунистический Интернационал в документах. М., 1933.

[70] Деборин (Иоффе) А. М. (1881—1963) — советский философ и историк, академик. В 1926—1930 годах — ответственный редактор журнала «Под знаменем марксизма». 25 января 1931 года ЦК ВКП(б) принял постановление о журнале «Под знаменем марксизма», в котором отмечалось, что группа Деборина по ряду важнейших вопросов занимала позиции «меньшевиствующего идеализма» (см.: КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 264—265).

[71] Имеется в виду Пленум ЦК ВКП(б) 11—15 июня 1931 года.

[72] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 6—7.

[73] Цитата приведена неточно. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8. С. 119.

[74] Стимсон Г. Л. (1867—1950) — в 1929—1933 годах — госсекретарь США.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем членам ВКП(б)

Товарищи!

Партия и пролетарская диктатура Сталиным и его кликой заведены в невиданный тупик и переживают смертельно опасный кризис. С помощью обмана, клеветы и одурачивания партийных лиц, с помощью невероятных насилий и террора, под флагом борьбы за чистоту принципов большевизма и единства партии, опираясь на централизованный мощный партийный аппарат, Сталин за последние пять лет отсек и устранил от руководства все самые лучшие, подлинно большевистские кадры партии, установил в ВКП(б) и всей стране свою личную диктатуру, порвал с ленинизмом, стал на путь самого необузданного авантюризма и дикого личного произвола и поставил Советский Союз на край пропасти.

Если за первое десятилетие Советской власти, при коллективном руководстве Центрального Комитета и всей партии, рабочий класс героическим напряжением сил добился крупнейших успехов в деле развертывания социалистического строительства, улучшения положения всех трудящихся и укрепления пролетарской диктатуры, то за последние годы при посредстве Сталина положение Советского Союза, наоборот, с каждым годом систематически и гигантски ухудшается. Развал и дезорганизация всей экономики страны, несмотря на постройку десятков крупнейших предприятий, приняли небывалые размеры. Вера масс в дело социализма подорвана, их готовность

самоотверженно защищать пролетарскую революцию от всех врагов с каждым годом ослабевает.

Авантюристические темпы индустриализации, влекущие за собой колоссальное снижение заработной платы рабочих и служащих, непосильные открытые и замаскированные налоги, инфляцию, рост цен и падение стоимости червонца; авантюристическая коллективизация с помощью невероятных насилий, террора, раскулачивания, направленного фактически главным образом против середняцких и бедняцких масс деревни, и, наконец, экспроприация деревни путем всякого рода поборов и насильственных заготовок привели всю страну к глубочайшему кризису, чудовищному обнищанию масс и голоду как в деревнях, так и в городах.

Промышленность работает лишь с половинной нагрузкой и притом в значительной части на суррогатах; качество продукции в результате погони за выполнением дутых темпов чрезвычайно низкое; производительность голодного рабочего сильно упала; зарплата в провинции зачастую не выплачивается по нескольку месяцев, налоги с обнищавшего населения выколачиваются уже с трудом; уже началось сокращение рабочих и служащих; перед пролетариатом встает во весь рост призрак грядущей гигантской безработицы; сырьевая база в корне подорвана.

В перспективе — дальнейшее свертывание промышленности и прекращение капитального строительства, так как источники финансирования промышленности будут с каждым днем стремительно ухудшаться.

В перспективе — дальнейшее обнищание пролетариата и рост голода.

Еще более мрачная и тяжелая картина в деревне.

Ограбление сельского населения, принудительная коллективизация привели к тому, что скота осталось не более 30 процентов от 1927 года, причем и эти остатки в колхозах и совхозах гибнут от бескормицы; новых крестьянских построек не возводится, а старые не ремонтируются и большей частью растаскиваются, сельскохозяйственный инвентарь разбит и разрушен, семян на посев не хватает больше чем наполовину; земля обработана плохо, а часто совсем не обработана, тягловой силы недостает.

Всякая личная заинтересованность к ведению сельского хозяйства убита, труд держится на голом принуждении и репрессиях; насильственно созданные колхозы

разваливаются. Все молодое и здоровое из деревни бежит, миллионы людей, оторванных от производительного труда, кочуют по стране, перенаселяя города, остающееся в деревне население голодает и питается суррогатами. Эпидемии начинают свою работу.

В перспективе — дальнейшее обнищание, одичание и запустение деревни.

В перспективе — угроза сильнейшего голода на будущий год.

Внутренняя торговля также находится в состоянии хаоса: червонец обесценен, беспринципная политика цен беспомощно мечется из стороны в сторону; цены повышаются; на почве бестоварья, голода и расстройства всей экономики страны пышным цветом расцветает во всех областях и во всех формах спекуляция. Внешнеторговый баланс имеет огромный дефицит; экспорт в корне подорван и держится лишь за счет обнищания масс.

Планирование превратилось в сплошное очковтирательство и обман; всюду получаются неизбежные прорывы, вину за которые сталинское руководство взваливает на низовых работников; планы выполняются на 60—70 процентов, возможность экономического продвижения и регулирования сведена на нет, экономика страны дезорганизована, и все ее развитие поставлено под власть стихии.

А в это время XVII Всесоюзная партконференция сталинских чиновников, нагло и цинично издеваясь над партией, пролетариатом и всеми трудящимися, заявляет, что мы вступили в социалистическое общество и что у нас «растет недостижимыми для капиталистических стран темпами народный доход, уничтожены безработица и нищета, уничтожаются «ножницы цен» и противоположность между городом и деревней, растут из года в год благосостояние и культурный уровень рабочих и трудящихся крестьян».

На всю страну надет намордник, бесправие, произвол и насилие, постоянные угрозы висят над головой каждого рабочего и крестьянина. Всякая революционная законность попрана! Всякая уверенность в завтрашнем дне потеряна! Рабочий класс и трудящиеся массы деревни доведены сталинской политикой до отчаяния.

Ненависть, злоба и возмущение масс, наглухо завинченные крышкой террора, кипят и клокочут. Восстания крестьян с участием в них членов партии и комсомола непрерывной волной разливаются в последние годы по всему Советскому Союзу. Забастовки рабочих, несмотря

на свирепый террор, аресты, увольнения и провокации, вспыхивают то там, то здесь.

Учение Маркса и Ленина Сталиным и его кликой бесстыдно извращается и фальсифицируется. Наука, литература, искусство низведены до уровня низких служанок и подпорок сталинского руководства. Борьба с оппортунизмом опошлена, превращена в карикатуру, в орудие клеветы и террора против самостоятельно мыслящих членов партии. Права партии, гарантированные Уставом, узурпированы ничтожной кучкой беспринципных политиканов. Демократический централизм подменен личным усмотрением вождя, а коллективное руководство — системой доверенных людей.

Центральный Комитет стал совещательным органом при «непогрешимом» диктаторе, а областные комитеты — бесправными придатками при секретарях обкомов.

Политбюро, Президиум ЦКК, секретари областных комитетов в результате происходящих изменений в жизни партии и «18 брюмера Сталина» превратились в банду беспринципных, изолгавшихся и трусливых политиканов, а Сталин — в неограниченного и несменяемого диктатора, проявляющего в десятки раз больше тупого произвола, самодурства и насилия над массами, чем любой самодержавный монарх.

Системой угроз, террора и обмана партия вынуждена играть роль безгласного, слепого орудия Сталина для достижения его личных честолюбивых замыслов. Партийные массы в своем подавляющем большинстве настроены против сталинской политики, но они забиты и затравлены партийным аппаратом.

Всякая живая, большевистская партийная мысль угрозой исключения из партии, снятием с работы и лишением всех средств к существованию задушена; все подлинно ленинское загнано в подполье; подлинный ленинизм становится в значительной мере запрещенным, нелегальным учением.

Партийный аппарат в ходе развития внутрипартийной борьбы и отсечения одной руководящей группы за другой вырос в самодовлеющую силу, стоящую над партией и господствующую над ней, насилующую ее сознание и волю. На партийную работу вместо наиболее убежденных, наиболее честных, принципиальных, готовых твердо отстаивать перед кем угодно свою точку зрения членов партии чаще всего выдвигаются люди бесчестные,

хитрые, беспринципные, готовые по приказу начальства десятки раз менять свои убеждения, карьеристы, льстецы и холуи.

Природа и внутренняя сущность пролетарской диктатуры извращены. Советы доведены за последнее время до роли убогих придатков партийного аппарата, из органов, близких и родных массам, превращены в бездушную бюрократическую машину. Профсоюзы из школы коммунизма, где рабочие должны воспитываться в духе сознательного отношения к социалистическому производству и в то же время получать защиту от бюрократических извращений рабочего государства, превращены в подсобный орган нажима на рабочих и расправы с инакомыслящими.

Печать, могучее средство коммунистического воспитания и оружие ленинизма, в руках Сталина и его клики стала чудовищной фабрикой лжи, надувательства и терроризирования масс.

Антиленинская политика руководства партией дополняется антиленинским руководством Коминтерна. Коминтерн из штаба мировой коммунистической революции низведен до роли простой канцелярии Сталина по делам компартий, канцелярии, где сидят трусливые чиновники, послушно выполняющие волю своего начальника. Кризис ВКП(б) привел к кризису Коминтерна. Все компартии, за исключением германской, не растут, а уменьшаются. Влияние их, как показали выборы в английский парламент, выборы президента в Германии, не поднимается, а падает. Центральные Комитеты компартий вынуждены обманывать массы как в отношении действительного положения в ВКП(б), так и в отношении Советского Союза вообще. Этот обман, тем или иным путем обнаруживающийся, вносит в массы разброд и разочарование.

Беспринципная, авантюристическая политика внутри СССР сопровождается за последнее время такими же беспринципными трюками в разрешении международных вопросов. Позиция ВКП(б) и Коминтерна по отношению к выступлению Японии в Маньчжурии, Шанхае была явно оппортунистической. В настоящее время при растущей угрозе войны, в свою очередь, нет надлежащей мобилизации сознания масс вокруг этого вопроса. Проводимые аппаратные мероприятия и комбинации вызывают среди рабочих лишь чувство растерянности.

Сталин и его клика не могут повернуть на верный ленинский путь, у них нет выхода, они безнадежно изо-

лгались и попали в безвыходный тупик. Они будут и дальше беспомощно метаться из стороны в сторону, все больше запутываться и запутывать других, все больше усложнять и ухудшать положение, не смея допустить, чтобы партия свободно выразила свою волю. Ложью и клеветой, расстрелами и арестами, пушками и пулеметами, всеми способами и средствами они будут защищать свое господство в партии и стране, ибо они смотрят на них как на свою вотчину.

По своему объективному содержанию роль Сталина — это роль Азефа * ВКП(б), пролетарской диктатуры и социалистического строительства.

Ни один самый смелый и гениальный провокатор для гибели пролетарской диктатуры, для дискредитации ленинизма не мог бы придумать ничего лучшего, чем руководство Сталина и его клики.

Партийные и рабочие массы обязаны спасти дело большевизма, они обязаны свою судьбу взять в свои собственные руки. Сталин и его клика не уходят и не могут добровольно уйти со своих мест, поэтому они должны быть устранены силой.

Позорно и постыдно для пролетарских революционеров дальше терпеть сталинское иго, его произвол и издевательство над партией и трудящимися массами. Кто не видит этого ига, не чувствует этого произвола и гнета, кто не возмущается им, тот раб, а не ленинец, холоп, а не пролетарский революционер.

Для борьбы со сталинщиной, за восстановление прав партии и пролетарской диктатуры, за возвращение партии на старый испытанный ленинский путь социалистического строительства мы, члены ВКП(б), собравшись на всесоюзную конференцию, постановили организовать «Союз марксистов-ленинцев».

Этот «Союз» — союз защиты ленинизма — является частью ВКП(б), не имеет интересов, отличных от интересов партийных масс и рабочего класса. Он, наоборот, будет лишь наиболее последовательно и решительно выражать и защищать эти интересы. Он не противопоставляет себя партии, а противопоставляет лишь Сталину и его клике.

«Союз марксистов-ленинцев» стоит на точке зрения необходимости систематического развертывания индустриализации страны на основе действительного улучшения материального положения пролетариата и всех трудящихся.

* Азеф Е. Ф. (1869—1918) — эсер, провокатор, агент царской охранки. Во время революции 1905 г. фактически дезорганизовал деятельность эсеровской «боевой дружины».

Но в настоящий момент он ставит своей задачей в первую очередь непримиримо бороться против сталинских методов и темпов индустриализации на основе невиданного разорения, обнищания и голода всей страны, ибо такая индустриализация не является подлинно социалистической и не может вести к построению социалистического общества.

«Союз марксистов-ленинцев» стоит на точке зрения необходимости всемерного содействия действительно добровольной коллективизации при одновременной систематической помощи развитию индустриального бедняцко-середняцкого крестьянского хозяйства, но в настоящий момент он будет в первую очередь решительно бороться против насильственной сталинской коллективизации, так как она в корне противоречит программе партии и Коминтерна и на практике потерпела полное банкротство.

«Союз марксистов-ленинцев» стоит на точке зрения непримиримости классовых интересов между пролетариатом и капиталистическими элементами внутри СССР. Союз будет решительно бороться против затушевывания классовых противоречий между трудящимися массами города и деревни, но в настоящий момент он ставит своей задачей систематически и неуклонно разоблачать и вскрывать антиленинский характер разжигания классовой борьбы и гражданской войны в условиях пролетарской диктатуры, ибо такое разжигание подрывает и дезорганизует рабочее государство и социалистическое строительство.

«Союз марксистов-ленинцев» является самым непримиримым врагом всякого подлинного оппортунизма, но в настоящих условиях он прежде всего ставит своей основной задачей беспощадно бороться со сталинским опошлением, превращением в карикатуру, в орудие клеветы, лжи и террора ленинского учения о борьбе с оппортунизмом, ибо это дискредитирует ленинизм, демонализует партию, укрепляет и выращивает подлинный оппортунизм.

Для осуществления перечисленных выше задач должны объединиться все подлинные большевики, все испытанные ленинцы, все настоящие пролетарские революционеры. В свете переживаемых нами событий старые внутрипартийные группировки безнадежно устарели и теряют свое значение, история поставила перед нами вопрос не о тех или иных ошибках или оттенках в понимании

отдельных вопросов ленинизма, а о самом существовании большевистской партии и рабочего государства. Основной водораздел партии проходит в настоящее время не по линии «за Троцкого или против», «за Бухарина или против», а за продолжение сталинского руководства и неизбежной гибели ленинской партии и Советской власти или за ликвидацию сталинщины, спасение ВКП(б) и пролетарской диктатуры.

Опасения Ленина в отношении Сталина — о его нелояльности, нечестности и недобросовестности, о неумении пользоваться властью — целиком и полностью оправдались: Сталин и его клика губят дело коммунизма, и с руководством Сталина должно быть покончено как можно скорее.

Мы призываем всех истинных ленинцев всюду и везде на местах организовать ячейки Союза защиты ленинизма и сплотиться под его знаменем для ликвидации сталинской диктатуры.

Немедленно за работу! Пора покончить с состоянием растерянности и страха перед репрессиями обнаглевшего беспринципного политикана и изменника делу ленинизма, покончить с бессильным брюзжанием и нытьем и начать самоотверженно бороться, не ждать начала борьбы сверху, а начинать ее снизу. Террору противопоставить мужество и сознание величайшей правоты нашего дела. Каждый член партии, которому дороги завоевания Октября и дело социализма, должен быть организующим центром для объединения вокруг себя преданных, честных, надежных товарищей. Каждый подлинный ленинец везде, где это возможно, должен пропагандировать разрешение стоящих перед нами задач в кратчайший срок, ибо события не ждут.

От товарища к товарищу, от группы к группе, от города к городу должен передаваться наш основной лозунг: долой диктатуру Сталина и его клику, долой банду беспринципных политиканов и политических обманщиков! Долой узурпатора прав партии! Да здравствует ВКП(б)! Да здравствует ленинизм!

Всесоюзная конференция «Союза марксистов-ленинцев»

Июнь 1932г.

Прочитав, передай другому. Размножай и распространяй.

Александр Борщаговский

Так кто же написал «платформу Рютина»? *

I

Казалось бы, зряшный вопрос: кто автор книги, каждый абзац и каждая строка которой отмечены печатью личности Рютина? Кто автор не листовки, не краткой декларации или политического ударного манифеста, а книги в восемь авторских листов, вполне выразившей индивидуальность писавшего, его руку, стилистику, даже некоторые свойственные ему, судя по многим личным письмам, отступления от принятых грамматических правил. «Рютинская платформа», созданная с весны по август 1932 г., ни разу не издавалась и не прошла благодетельной «цензуры» редакторов и корректоров.

Читатели (увы, и многие пишущие о Рютине) до последнего времени не подозревали, что рукописи, на титульном листе которой было бы начертано «Рютинская платформа» или просто — «Платформа», нет и никогда не существовало. Не потому ли ее так вольно именуют то «платформой», то «программой» и даже «большим документом», как будто эти понятия не просто близки, но и равнозначны. Во многих публикациях даже не упоминается настоящее, разящее название книги, выношенной Рютиным годами и написанной им в 1932 г.: «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». По литературному жанру она, думается мне, ближе всего к памфлету, соединенному с социологическим исследованием, заканчивающаяся несколькими торопливыми, тезисными страницами, когда пришлось срочно завершать работу над рукописью.

Все как будто просто и однозначно. И однако — вопросы, вопросы, вопросы...

Бывший начальник секретариата Секретного политического отдела (СПО) ОГПУ В. А. Кучеров 26 октября 1962 г. в письме в КПК при ЦК КПСС изложил подробно обстоятельства изъятия рукописи Рютина 15 октября 1932 г. в с. Головино под Москвой на участке, принадлежавшем Петру Афанасьевичу Сильченко. Изъятию предшествовали следующие события. Вечером 21 августа 1932 г.

© А. Борщаговский, 1991.

* Печатается с сокращениями. Полностью статья опубликована в «Вестнике Академии наук СССР». 1991. № 1—2.

в собственном доме Сильченко (№ 34) в его отсутствие (он уехал на охоту) с разрешения его жены состоялась организационная конференция, точнее, весьма малочисленное совещание, положившее начало недолгому существованию «Союза марксистов-ленинцев». Сильченко и был арестован по делу «Союза», а «на допросе... сознался, что ему были переданы 22 сентября с. г. (1932.— *А. Б.*) Галкиным — архив, платформа и обращение «Союза», каковые были им тщательно спрятаны у себя во дворе. В ОГПУ им были сданы эти материалы лишь 15.X с. г. после ареста и допроса».

В сопровождении конвоира и арестованного П. А. Сильченко, Кучеров и оперуполномоченный М. М. Ланцевицкий «...в огороде одного дома, в указанном Сильченко месте, откопали железную банку, в которой находились туго свернутые рукописные (это первое упоминание **рукописных** документов.— *А. Б.*) и отпечатанные на машинке документы».

«Точно помню,— продолжал свои свидетельства Кучеров,— что разбор находящихся в банке документов производился в кабинете Молчанова сразу же по нашему возвращению с операции, около 3—4-х часов ночи, и материалы переданы были Ланцевицкому для оформления актом. Уточню одну деталь. Указанный в акте формат рукописи — 1/4 листа следует понимать как 1/4 развернутого листа, то есть примерно 16х22 сантиметра.

Мне неизвестно, с подлинника или с копии размножалась «платформа» в СПО ОГПУ для рассылки руководителям ОГПУ (Агранову, Балицкому, Ягоде) и в Политбюро. Порядок же был такой, что для печатания особо важных документов выделялись доверенные машинистки секретариата (начальником которого был я), а считывание и заверка копий производилась оперативными работниками... Я также не могу ответить на вопрос — почему подлинник «платформы» не был приобщен к следственному делу как вещественное доказательство... Может быть, что подлинник документа был куда-либо направлен. В этом случае в делах СПО оставалась копия сопроводительного письма. Возможно, что Молчанов, и только он, передал подлинник одному из руководителей ОГПУ (Агранову в первую очередь, как зам. предс. ОГПУ, непосредственно руководившему работой СПО). Имела ли место такая передача, мог знать только следователь, в данном случае Ланцевицкий, или начальник отделения» [1].

В этом объяснительном письме, написанном три десятилетия спустя, В. А. Кучеров по инерции уже называет рукопись Рютина «платформой» — в акте от 15 октября 1932 г. ему, разумеется, это и в голову не приходило. В акте поименованы более десяти различных документов, и первые три из них имеют прямое отношение к предмету нашего разговора. Вот они:

«1. Брошюра под названием «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». Машинописный текст, 167 стр.

2. Материал на 7 листах, печатанный на ротаторе, озаглавленный: «Ко всем членам Московской организации ВКП(б)».

3. Манифест ко всем членам ВКП(б) за подписью: «Всесоюзная конференция Союза защиты Ленинизма», март 1932 года *, 15 машинописных страниц» [2].

Спустя тридцать лет бывший начальник секретариата СПО четырежды уверенно говорит о подлиннике «платформы» и недоумевает, почему эта рукопись, размером 16х22 сантиметра, то есть в лист школьной тетради (а как известно, Рютин писал текст «платформы» на тетрадных листах, что засвидетельствовано и его машинисткой), почему эта рукопись, как важнейшее вещественное доказательство, не была приобщена к делу. А ведь в акте изъятия бумаг, подписанном и самим Кучеровым, однозначно сказано только о машинописном тексте брошюры «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» в 167 страниц. Разночтения по поводу объема рукописи (150, 167, 194, «более 200» и т. д.) не должны нас смущать — количество страниц зависело от перепечатки. Самая первая машинистка Рютина (Клавдия Андреевна Замятина-Черных) перепечатывала рукопись с тех самых школьных тетрадных страниц 16х22 см через один, а не два интервала, и текст брошюры занял у нее 150 с небольшим страниц.

Когда же Кучеров неточен: в акте изъятия или в письменных показаниях КПК ЦК КПСС? Некоторую ясность внесет одна намеренно пропущенная мною фраза из объяснительного письма Кучерова в КПК: «Когда составлял акт Ланцевицкий — мне не известно, но я его подписывал позже — на другой или третий день».

Можно ли доверять памяти Кучерова? Он, например, оговорился, назвав оперативного работника СПО Матусова среди участников изъятия бумаг в селе Головино,

* Описка. Манифест написан Рютиным в июне 1932 г.

и Матусову пришлось опровергать в КПК эту ошибку Кучерова ссылкой на то, что в это время он «работал оперуполномоченным по борьбе с сионистами, Рютина... никогда не видел и не допрашивал». Правда, в январе 1937 г. именно он, Яков Матусов, по указанию начальника отделения, как он утверждал в письме в КПК ЦК КПСС от 23 октября 1962 г., подписал обвинительное заключение по делу Рютина.

Думаю, что память не изменила Кучерову. Ее должны были обострить необычность происходивших в те дни событий и уязвленное самолюбие: нечто свершающееся втайне от него, начальника секретариата; ощущение особой, государственной важности обнаруженных им бумаг; оскорбительное для чиновника отстранение его от тайны. Конечно, в СПО ОГПУ свершалось немало «таинственных» дел, до которых не допускались чиновники ранга Кучерова, но в данном случае его отстранили от того, что до сих пор было его святой прерогативой. Только что он нашел под пластиной дерна и землей жестяную банку с документами, среди них и подлинник брошюры «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», еще не получившей наименования «платформы» или «программы», но акт почему-то не подписан, с подписанием необъяснимо тянут, только через день-два Кучерову велено подписать акт, упоминающий лишь машинописный текст брошюры, и ни слова — о подлиннике документа, об оригинале, о рукописи, тогда как именно оригинал, рукопись может служить первейшей и неопровержимой уликой, изобличающей автора.

Известно, что к началу августа 1932 г. (и никак не ранее!) существовало 7 машинописных копий книги Рютина, отпечатанных Замятиной-Черных. К третьей декаде сентября могла появиться и новая перепечатка, хотя объем рукописи и строжайшие требования конспирации, на которых неотступно настаивал Рютин, крайне затрудняли ее. Но любая новая копия нужна была вовсе не для захоронения в землю, а для распространения,— как же возникла мысль о сокрытии рукописи на участке Сильченко?

Организационное собрание «Союза марксистов-ленинцев» состоялось 21 августа, а уже на следующий день, 22 августа, Рютин уехал на лечение в Ессентуки. В тот же день Галкин привез Сильченко бумаги и припрятал их под слоем земли и дерна. Этот шаг вполне объясним, если среди бумаг и машинописных материалов

находился и подлинник рукописи Рютина. Наученный горьким опытом 30-го года, доносом Немова, исключением из партии, арестом и отсидкой на Лубянке, Рютин, вероятно, не решился оставить рукопись у себя дома на Красной Пресне. По его просьбе Галкин припрятал ее в жестяной банке вместе с другими бумагами, часть которых, судя по описи, принадлежала самому Галкину. Трудно сказать, кому принадлежала машинописная копия — Рютину, оставившему одну свою копию до возвращения в Москву, или Галкину, к тому времени встревоженному возможностью провала. Но только лишь наличие среди всех бумаг рукописного оригинала брошюры «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» может объяснить столь поспешное после отъезда Рютина их «захоронение». Шесть других копий пребывали у кого-то, кем-то читались — что за нужда так припрятывать именно эту копию!

Разумно ли было Рютину вообще сохранять собственную рукопись, выполненную на листках из тетрадей своих детей, оставлять ее после перепечатки? Шаг опрометчивый, но вполне в духе Мартемьяна Никитича. Судя по его переписке с женой и сыном Вирей из Верхне-Уральского и Суздальского политизоляторов (1932—1936), он придавал особое значение сохранению всех своих работ и рукописей, писем в том числе, настоятельно, и не раз, просил близких сберечь их непременно, полагая, что они могут стать «документами времени». Если это и слабость, проявление авторского тщеславия, то вполне в духе Рютина. «В прошлом письме я просил Вирю отыскать мне большую первую (вторая у меня здесь) тетрадь,— писал Рютин из Верхне-Уральского политизолятора 30 января 1933 года, то есть в первые же месяцы одиночного заключения,— с выписками из философии Гегеля, Канта, Спинозы и проч. Теперь я попрошу Вирю отыскать и сохранить связку журналов и газет... с моими статьями. В этой же связке должны быть и брошюры: «Сменовеховцы и пролетарская революция», «Единство партии и дисциплина», «Рабочий класс и его партия», «Три года». Все это «дела давно минувших дней, преданье старины глубокой». Прошу это обязательно найти и сохранить. Это важно не только для меня, но и для Васи, Любы и Вири. Это важно для истории... как документы эпохи, как свидетельские показания... Это маленькая частица того, что мною написано» [3].

Только с написанием самой крупной своей книги

«Сталин и кризис пролетарской диктатуры» Рютин вправе был смотреть на написанное прежде как на «маленькую частицу» созданного им. Он дорожил авторством и, даже рискуя, решил сохранить и рукописные страницы.

Нам важно и другое, неоспоримое. Только после изъятия на участке Сильченко рукописного, как свидетельствует Кучеров, оригинала рютинской «платформы» (будем и мы так называть ее для краткости), ОГПУ впервые заполучило в свои руки этот важнейший документ. Располагай СПО текстом Рютина (пусть и безымянным) прежде, до 15 октября 1932 г., до суда и вынесения приговора, жизнь Рютина была бы, вероятно, обречена: едва ли нашлись бы и в Политбюро противники его казни. А простое обнаружение при обыске на участке Сильченко дубликата уже известного ранее СПО ОГПУ текста, еще одной копии «брошюры Рютина», и вовсе не было бы сенсацией для высшего эшелона ОГПУ. Просто еще один экземпляр уже известного политического, «контрреволюционного» документа...

Так земное, реальное существование большого рютинского памфлета («большого», в отличие от «малого» — «манифеста», или «Обращения ко всем членам ВКП(б)») началось с тайны, с неумышленной спонтанно развивающейся мистификации, с подмены одного документа другим, с путаницы протяжением в полвека.

Миф, отрицающий авторство Рютина, живуч. Поразительна его приспособляемость к политической ситуации и меняющейся общественной атмосфере. Со времени написания Рютиным его книги «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» прошло почти шесть десятилетий, но все еще слышны голоса «отрицателей» или «сомневающихся».

«Меня просили перепечатать семь экземпляров,— показала Замятина-Черных (жена Петра Михайловича Замятина, сосланного по делу «Союза марксистов-ленинцев» на 5 лет в Ухтомско-Печерский концлагерь, а впоследствии расстрелянного),— но я начала печатать восемь, имея в виду восьмой экземпляр для себя с целью передать этот материал куда следует (простим спустя полвека исстрадавшейся, запуганной женщине этот самооговор, наивную попытку защититься самой и не усугублять вину мужа! — *А. Б.*). Но в восьми экземплярах я напечатала лишь несколько страниц, и так как восьмой экземпляр выходил очень слепо, его нельзя было читать, я его уничтожила».

Члены Президиума ЦКК продолжали сурово допрашивать Замятину-Черных, пытаясь выявить весь круг причастных к «Союзу» лиц. Клавдия Андреевна отвечала, что знает «только Галкина и Рютина, потому что работала (с ними) в райкоме...» и еще Иванова. Много лет спустя, добиваясь партийной реабилитации, Клавдия Андреевна уточнит: «Материал (черновики брошюры Рютина.— *А. Б.*) мне первый раз передал муж, а затем по частям приносил и забирал Иванов, имени его я не помню. Материал был написан подчерком (так в оригинале.— *А. Б.*) Рютина. Печатала я его на работе, до начала и после работы, т. к. у меня своей машинки не было. Печатала на машинке «Ундервуд» [4].

Запомним важное свидетельство Замятиной-Черных: страницы памфлета, которые приносил для перепечатки Иванов, были писаны рукой Рютина. Эту руку, этот характерный «подчерк» она знала превосходно, его запомнит каждый, взглянув на любую рукописную страницу Рютина. А Замятина-Черных имела дело с его бумагами более двух лет, печатая сама в Краснопресненском РК ВКП(б) или сверяя машинописные тексты важных бумаг и документов с рукописными оригиналами Мартемьяна Никитича.

Так и этот реальный источник сведений свидетельствует однозначно: текст книги «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» написан Мартемьяном Рютиным. В противном случае надо было бы предположить, что одаренный литератор, «неистовый Мартемьян», покорно писал под чью-то диктовку, выступал в роли писца, переписчика чьих-то текстов. Но чьих? Никто не назовет в окружении Рютина человека, способного написать этот текст, такого человека не было. А знакомство с письмами Рютина, с его мыслями и воззрениями (затрагивающими темы европейского фашизма, государственного устройства, марксистско-ленинской теории, положения современной деревни, философии, публицистики и т. д.) открывают их абсолютную родственность брошюре 1932 г., родственность стиля и даже темперамента.

В конце июля или в августе 1932 г. М. С. Иванов унес от Замятиной-Черных писаные, как правило, пером «рондо», с чередованием тонких и жирных линий, заключительные, торопливые страницы «платформы».

Перепечатка была окончена, родилось семь машинописных экземпляров книги.

Какова их судьба? «Поплыли» ли они, действительно,

по рукам москвичей и харьковчан, чтобы затем — и очень скоро — быть в страхе уничтоженными на домашнем огне или изорванными и спущенными в унитаз? Сохранится ли еще где-нибудь экземпляр первой (и единственной на то время, до более поздних перепечаток в ОГПУ) замятинской закладки? Почему Кучеров ни в акте 1932 г., ни в своих позднейших объяснениях в КПК не отметил такой существенной подробности, как папиросная бумага машинописной копии, прямого свидетельства существования крамольного документа не в двух-трех и даже не четырех, а в шести или в семи экземплярах? Многие из этих вопросов пребудут навсегда без ответа. Кое-что, я надеюсь, прояснится.

Бесспорно, что аресты членов «Союза марксистов-ленинцев», аресты и исключения из партии многих отдаленно причастных к ним лиц прошли вне прямой связи с «платформой Рютина». Аресты начались сразу же после того, как Н. А. Стороженко (чл. партии с 1917 г.) и Н. К. Кузьмин (чл. партии с 1918 г.) 14 сентября передали в МК ВКП(б) полученный у А. В. Каюрова текст манифеста «Обращение ко всем членам ВКП(б)». Манифеста, написанного по общему и никогда не оспаривающемуся убеждению Мартемьяном Рютиным. Кузьмин и Стороженко, герои-разоблачители 1932 г., спустя пять лет были расстреляны именно в воздаяние их партийного подвига — разоблачения «контрреволюционного» «Союза марксистов-ленинцев». «В 1932 г. установил связь в Москве,— гласило обвинительное заключение 1937 г. по делу Н. А. Стороженко,— с участниками антисоветской группы Рютина—Каюрова и Кравцовым, последним в 1936—1937 гг. был информирован о его террористических намерениях в отношении тов. Сталина» [5]. Вторая часть обвинительной формулы — ленивая, стандартная «импровизация», суть не в ней. Убрать надо было каждого и всякого, кто читал, знал и помнил крамольный «манифест», даже и того, кто с собачьими преданностью и покорством принес его в зубах партийному начальству.

Реабилитационное решение Комиссии Политбюро ЦК КПСС [6] обстоятельно характеризует это дело, жестокое подавление инакомыслия, разгром только что возникшего очага сопротивления личной диктатуре Сталина, бесчинствам его клики. И только в одном существенном пункте, в характеристике «Рютинской платформы» и определении ее авторства, решение комиссии механически, без документального исследования, сохра-

ияло старые, отжившие, родившиеся в недрах ОГПУ—НКВД мифы, повторяло ошибочные, на мой взгляд, суждения и оценки.

II

Как возникли горькие для памяти Рютина сомнения, недоверие, скептические вопросы и даже видимость серьезных тупиков, якобы неодолимо встающих на пути историка-исследователя?

Можно говорить и о вполне объективных причинах этого. Ю. З. Жуковская (Рютина), внучка Мартемьяна Никитича, любовно изучающая наследие деда, не без оснований находит в его деле нечто «таинственное», ищет и некие «чисто психологические» причины, высказывает подозрения, что ненавидевший Рютина Сталин словно бы умышленно молчал о нем и велел молчать печати, историкам, чтобы имя ненавистного «башибузука» ушло, забылось само собой, исчезло в сиянии образа «отца всех народов» и его великих свершений. Из письма Ю. З. Жуковской (Рютиной) в редакцию журнала «Вопросы истории» [7] мы узнали, что «когда уже при Н. С. Хрущеве готовили для съездовского доклада раздел по «уклонам», мою маму приглашали в ЦК КПСС, расспрашивали о «Рютинской платформе».

Поразительно! Дочь Рютина, Любовь Мартемьяновну, хранительницу не только бесценных воспоминаний об отце, но и многих документов, расспрашивают о «Рютинской платформе», но никто не удосужился, пусть с сомнениями, с известной осторожностью, со всякого рода «поправками», обратиться к самой «платформе», вернее, к машинописной рукописи книги «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», экземпляры которой десятилетиями полеживали в архивах ЦК КПСС и КГБ. Трудно придумать ситуацию более нелепую, нечто из театра абсурда!

Может быть, тот, кто первым усомнился в авторстве Рютина, просто не поверил в чудо? Как мог этот мужик-сибиряк, чернорабочий революции, партработник райкомовско-горкомовского звена, не чета стэнам, радекам или бухаринским ученикам-икапистам, не дипломированный, не причисленный к лику интеллигенции, как мог он создать столь сильное, яркое, по-своему совершенное произведение политической литературы, обнаружив вдруг и литературный талант и ученую эрудицию?!

Правда, в 1924—1926 гг. Рютин написал и опубликовал несколько актуальных для внутрипартийной борьбы тех лет брошюр. Но едва ли эти его страницы запомнили даже читатели-партаппаратчики. Возможно, что лучше других сохранял начальственную память об этих брошюрах... Сталин, выделив Рютина из массы низовых партработников, благословив избрание его кандидатом в члены ЦК ВКП(б) на XV съезде и посулив, если верить словам Кагановича и Ворошилова [8], членство в ЦК, если Рютин публично пожурит самого себя за недостаток рвения в борьбе с «правыми» и посильно разоблачит (на XVI съезде) их антипартийные, фракционные действия.

Возможно, что-то и покоробило Сталина в этих рютинских брошюрах: страстная защита крестьянства от чрезмерного налогового бремени или настойчивое предупреждение о том, что, как ни ухабиста дорога к социализму, какую представляет собой нэп, «другой дороги нет! Проехать по этой дороге надо умеючи, а то и нашу советскую телегу можно пустить под откос и самим себе сломить голову».

Но, во-первых, эти высказывания, равно как поддержка «частной торговли» или протест Рютина против демагогов-льстецов, легко укладываются в тактические схемы Сталина в годы решительной борьбы с Троцким и троцкизмом, во-вторых, нельзя не видеть, что немногие эти трезвые, справедливые суждения в тексте рютинских брошюр 1924—1926 гг. буквально тонут в материале, решительно поддерживающем жесткую дисциплинарную политику внутри партии, искусно вводимую Сталиным. Тут и суровый взгляд на интеллигенцию, из рядов которой, мол, более всего рекрутируются оппозиционеры, частое повторение ленинских характеристик интеллигенции как «бесхарактерной», «дряблой», «бесхребетной», и многократные безоговорочные требования «железной дисциплины», и припугивания тем, что «всякие разногласия внутри партии... возбуждают особые надежды наших врагов... Именно по этим звеньям, они ожидают, должна разорваться несокрушимая коммунистическая боевая цепь». В этой брошюре 1926 г. Рютин выступает «за безоговорочное единство», против того, что он называет «фракционным угаром оппозиции» (конкретно имея в виду требование оппозиции предоставления ей содокладчика по докладу ЦК на съезде), утверждая, что такое требование содокладчика «вещь почти что неслыханная в партии», и даже ополчаясь против слов Н. К. Крупской

о том, что «в истории нашей партии бывали съезды, где большинство было неправо... Большинство не должно упиваться тем, что оно — большинство, а беспрестанно искать верное решение». «Ильич сам говорил,— напоминал Рютин,— кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата... Это положение партия усвоила... В дальнейшем мы постараемся усвоить его еще крепче и полностью руководствоваться им».

Мог ли Сталин не выделить взглядом и не поддержать самозабвенного борца против всякой фракционности, разномыслия, «легализации группировок», против меньшевиков, которые, как полагал тогда Рютин, «закончили круг своего развития, превратившись в прямую агентуру международного капитала»?!

Но едва ли Сталин (при всей своей житейской зоркости, но ввиду особенностей его вероломной, испорченной натуры) понимал, что перед ним не суетный политикан, примкнувший к сильной, побеждающей стороне, не карьерист, охочий до должностей, не погрязший в политических спекуляциях, способный жить «по расчету», скрывая свои потаенные мысли, человек. Все, что говорил и писал в своих брошюрах 1924—1926 гг. Рютин,— истинное исповедание его веры, и когда эта вера дала трещину и рухнула, Рютин не простил себе своих заблуждений и стал самым несговорчивым, мужественным, яростным, непоколебимым и, увы, самым обнаженным, открытым противником Сталина и сталинщины, самым последовательным изо всех, кто, оставаясь в стране, бросил Сталину вызов.

Сталин и Рютин — тема отдельного исследования, требующая привлечения архивных документов, только сейчас становящихся доступными для историков.

Писатель Л. Лиходеев, обладающий превосходной исторической интуицией, образно и точно назвал Рютина «костью в горле Сталина» [9]. Не будучи в числе самых крупных партийных или правительственных фигур, Рютин с ненавистной Сталину психологической неотступностью досаждал генсеку, вызывал его ярость неподкупностью, решимостью не идти на сговор и тем, что будучи, как и Сталин, в сущности, самоучкой, он достиг значительных высот образованности и культуры, вырос в личность, способную продуцировать самостоятельные идеи и мысли, в проницательного и дальновидного со-

циолога, знатока философии и литературы. Они были во всех отношениях антиподами, и не случайно Рютин в одном из своих тюремных писем к сыну Виссариону назвал Сталина своим «антагонистом».

Отказ войти в руководящий комитет «Союза марксистов-ленинцев» 21 августа 1932 г. Рютин мотивировал своей беспартийностью (его исключили из партии осенью 1930 г.) и соображениями конспирации, то есть слежкой, наблюдениями, которые велись за ним. Велись уже не меньше двух лет, недавно мы получили тому документальное подтверждение.

Известно, что донос в МК и ЦК ВКП(б) на Рютина подан А. С. Немовым 20 сентября 1930 г., после чего Рютин был незамедлительно исключен Президиумом ЦКК ВКП(б) из партии и вскоре арестован. Теперь уже несомненно, что Немов нес службу осведомителя (за что, кстати, три года спустя, после второго ареста и осуждения Рютина на 10 лет одиночного заключения, был награжден орденом Ленина). Он вернулся из Ессентуков в Москву раньше Рютина, чтобы к приезду Мартемьяна Никитича домой исключение его из партии могло состояться без промедления. Оказывается, что вопрос об исключении Рютина из партии был предрешен Сталиным значительно раньше и только оформлялся с помощью немовского доноса.

Можно понять, что те мыслящие, охочие до политической литературы коммунисты, кто помнил сравнительно недавние публикации Рютина, его журнальные и газетные статьи, не могли предположить, поверить, что та же рука, то же перо написало и текст брошюры «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» — яростный и непреклонный. Нет, только не Рютин, подсказывала им инерция мысли. Кто-нибудь другой, из давних противников, изошедший желчью, кто-нибудь из старых просвещенных лидеров оппозиции, из-за поражений окончательно потерявших голову! Не случайно Каменев в своем последнем слове на заседании Президиума ЦКК 9 октября 1932 г., пытаясь отстоять, спасти свой партийный билет (пока еще только билет, а не голову), говорил о Рютине с крайним небрежением, если не презрением: «Тогда я не знал, что этот документ составил Рютин. Плевать мне на то, что думает Рютин, что надо или не надо распускать колхозы, и неужели вы думаете, что я придаю значение этим словам Рютина» [10].

Разоблачение вождя в рукописи «Сталин и кризис

пролетарской диктатуры» столь непримиримо, уничижительно и аргументированно, что нетрудно представить себе, как тряслись поджилки любого партийного или чекистского высокого чиновника при одном лишь чтении этих страниц, при мысли, что твое знакомство, одно лишь знакомство со всеми этими вопиющими инвективами, стало известным кому-либо, что всего этого не вытравишь из памяти, из сознания, из мозга иначе, чем сняв голову с плеч! Вспомним, что Немов, написавший в ЦК ВКП(б) донос на Рютина в сентябре 1930 г., счел необходимым, поскольку донос был отпечатан на пишущей машинке, приписать в самом конце: «Печатал сам». Но принадлежащие Рютину антисталинские формулировки в немовском доносе не идут в сравнение с беспощадностью мысли и слова «Рютинской платформы».

«Сталин, несомненно, войдет в историю, но его «знаменитость» будет знаменитостью Герострата. Ограниченный и хитрый, властолюбивый и мстительный, вероломный и завистливый, лицемерный и наглый, хвастливый и упрямый — Хлестаков и Аракчеев, Нерон и граф Калиостро — такова идейно-политическая и духовная физиономия Сталина».

«Свое «18 брюмера» Сталин задумал провести уже в 1924—1925 годах. Как Луи Бонапарт клялся перед палатой в верности конституции и одновременно подготовлял провозглашение себя императором, так и Сталин в борьбе с Троцким, а потом и с Зиновьевым и Каменевым заявлял, что он борется за коллективное руководство партии, что «руководить партией вне коллегии нельзя», что «руководить партией без Рыкова, Бухарина, Томского невозможно», что «крови Бухарина мы вам не дадим», что «политика» отсечения противна нам — и одновременно подготовлял «бескровное» 18 брюмера, производя отсечение одной группы за другой и подбирая в аппарат ЦК и в секретари губкомов и обкомов лично верных ему людей...

Результатов Сталин, как и Луи Бонапарт, добился: переворот совершен, личная диктатура, самая неприкрытая, обманная осуществлена».

Как естественно было для тех, в чьи руки попал наконец текст «платформы», объявить ее небылью, мифом, призраком, конгломератом разновременных бумаг, вплоть до «контрреволюционных листовок», «антисоветских воззваний» и «белоэмигрантских документов»! Это нормальная для служивого люда реакция: ведь для

многих, кому довелось познакомиться (уже после апокалипсиса 1937 г.) со знаменитым письмом Ф. Раскольникова, и оно казалось на грани непостижимого, почти неправдоподобной дерзостью. Что же сказать о «Рютинской платформе», родившейся не за рубежом, а в стране и задолго до письма Ф. Раскольникова Сталину?

Все так, но как можно усомниться в авторстве Рютина, если этот «большой документ» назван всеми и навсегда «Рютинской платформой», и ничье другое имя, как авторское, ни разу не называлось ни в 1932 г., по горячему следу, ни даже в 1936 г., на лубянских допросах, когда следователи старались «привязать» к «Рютинской платформе» Николая Бухарина и его учеников-икапистов.

«*Вышинский.* Я Бухарина хочу спросить. У вас было свидание с Икрамовым в 1933 году?

Бухарин. Было, я жил у него в течение нескольких дней в 1933 году...

Вышинский. Были политические разговоры?

Бухарин. Были.

Вышинский. Икрамов правильно излагает их?

Бухарин. В основном я держался рютинской платформы.

(Страна читает стенограммы допросов в газетах, не имея представления ни о злокозненной «платформе», ни о ее авторе, однако как диковинно, как угрожающе звучат два эти слова: «Рютинская платформа»! — *А. Б.*)

Вышинский. Вы предлагали ему (Икрамову.— *А. Б.*) вместе с вами бороться против Советской власти? (Вышинский длит и длит свой обвинительный марафон, свой трагедийный театр: исполнитель сломлен, вышколен, его ответы заранее известны.— *А. Б.*)

Бухарин. Да.

Вышинский. Затем говорили, какие методы в этой борьбе применить?

Бухарин. Методы, которые входят в рютинскую программу. Там было глухо и о терроре» [11].

Многие ли читатели газет по достоинству оценили искусство обвинителя Вышинского, «теоретическую» тонкость этого эпизода?! «Большой документ» назван «платформой», пока речь шла об общих политических позициях Бухарина, и превратился в «программу», едва допрос повернул к практическим методам борьбы, к обвинениям в подготовке к террору.

По мере того как знакомишься с десятками

документов и свидетельств в Центральном партийном архиве и архиве КГБ, все позднейшие сомнения в авторстве Рютина исчезают бесследно. Почему же они так живучи во времени, почему спустя десятилетия и даже полвека обретают словно бы новую жизнь и силу, а то и странную противоестественную остроту? Почему справедливому решению вопроса об авторстве Рютина не помогли в надлежащей мере и начавшиеся процессы реабилитации несправедливо репрессированных и осужденных деятелей партии и государства?

Поразительно, но против Рютина (в данном случае против него) обратили и сам процесс, и высокие цели реабилитации. Вот главный аргумент самоновейшего, так сказать, «прогрессивного» запретительства: мы, мол, ведем масштабную работу по реабилитации невинно осужденных, успешно доказываем, что жертвы сталинских репрессий и террора — люди оклеветанные, «законопослушные», не повинные в измене партии, в создании антипартийного подполья, в террористических злоумышлениях, а вы извлекаете на свет божий сомнительные документы, где, выражаясь словами Бухарина, «глухо и о терроре», документы о подпольных антисталинских группах и союзах и тем самым оправдываете и сталинский ответный террор, невольно оправдываете его необходимостью... самозащиты.

Миф о «Рютинской платформе» как о некоем «коллективном» создании, документе, писавшемся несколькими, если не многими, людьми, документе, принявшем в себя и вовсе чужеродные страницы и абзацы, возмутительные мысли, вписанные, мол, кем-то исключительно для усугубления вины Рютина, мысли, принадлежащие не «правым» и не «левым», а сотрудникам СПО ОГПУ,— этот миф живуч и сегодня.

И. Б. Шишкин, внимательно изучивший «дело Рютина», историю создания «Союза марксистов-ленинцев», высказавший ряд интересных предположений в связи с недолгой деятельностью «Союза» и ее отголосками во времени, даже и он убежден в том, что «пока невозможно в деталях реконструировать программу «Союза марксистов-ленинцев», ибо неясно, какие идеи действительно принадлежали его членам, а какие — плод бумаготворчества сотрудников ОГПУ». Из последующих рассуждений Шишкина становится ясно, что он не знает рукописи Рютина «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», не имел случая убедиться в целостности, последовательно-

сти и стилистическом единстве рукописи и, действительно, не вправе судить о самой «платформе». Логика автора по меньшей мере наивна для 1989 года — членов «Союза», чьи политические воззрения и теоретические взгляды носили, мол, «дискуссионный характер», объявили «врагами коммунизма и Советской власти», и «абсурдность» подобных обвинений очевидна не только сегодня для нас, но «даже для тех, кто арестовывал и судил членов «Союза». «Если бы хоть одно из этих обвинений,— продолжает Шишкин,— содержало зерно истины, участников группы Рютина тут же расстреляли бы» [12].

Я мог бы привести многие десятки цитат из работы Рютина «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», и любая из них — отнюдь не «дискуссионного характера», любой хватило бы, по логике и «законам» послекировского судопроизводства 1936—1938 гг., на то, чтобы Рютин и его единомышленники были расстреляны, как оно, впрочем, и случилось. Но история не так проста и одномерна: в 1932 г. Сталину, жаждавшему крови Рютина (одного лишь Рютина изо всех членов «Союза»), не удалось расстрелять его — большинство членов Политбюро проголосовало против казни. В другом месте статьи «Дело Рютина» Шишкин говорит как о чем-то доказанном, неоспоримом об участии бухаринцев в создании «Рютинской платформы». «Полагаем,— пишет Шишкин,— что Бухарин должен был знать рютинскую платформу, в разработке которой участвовали многие его ученики». Но самое тщательное исследование архивных бумаг не дало и не даст и крупицы доказательства того, что ученики Бухарина — или хотя бы один из них — помогали Рютину в «разработке» и написании «платформы». Подобную версию, к тому же весьма уклончивую, мы находим только в показаниях Стэна (23 сентября 1936 г. следователю Люшкову) и Радека (27—29 сентября 1936 г. следователю Берману), но и тот и другой к той поре показывали то, что от них требовали следователи, готовившие известные процессы 1937—1938 гг. Эти импровизации сломленных Радека и Стэна противоречат фактам и их собственным показаниям 1932 г. К этому я еще вернусь.

Словно заразившись общим поветрием, и внучка Рютина (Ю. З. Жуковская) косвенно поддержала идею коллективного авторства «Рютинской платформы». «В свое время,— пишет она,— платформу Рютина читал весь первый партэшелон (зря Бухарин открещивался). И не просто читали, но и от себя добавляли» [13].

Первый партэшелон... Неловко сказано: ни члены Политбюро, ни члены Президиума ЦКК или члены ЦК не стали бы от себя «добавлять» к мятежному, яростному и опасному для любого из них документу. А если речь идет о бывших вожаках оппозиции, то о каждом из них мы можем судить на основании фактов.

Огорчительно, что путаницу в вопрос об авторстве «Рютинской платформы» внес на последнем этапе уже упоминавшийся развернутый реабилитационный документ Комиссии Политбюро «О деле так называемого «Союза марксистов-ленинцев». «Союз марксистов-ленинцев» ко времени пресечения его деятельности,— читаем мы в этом документе,— находился в стадии организационного оформления и выработки программных документов, никаких практических действий по осуществлению содержащихся в них установок, за исключением распространения «манифеста» и политической платформы, его участники не совершили. В состав каких-либо антисоветских организаций или объединений члены «Союза» также не входили.

Органы предварительного следствия и коллегия ОГПУ не располагали *подлинными экземплярами* (курсив здесь и в других местах этой цитаты — мой.— *А. Б.*) «манифеста» и «платформы» «Союза марксистов-ленинцев», а только их копиями, изъятыми при обыске на квартире П. А. Сильченко 15 октября 1932 года. Дошедшие до нас экземпляры документов являются копиями с копий, сделанных в те годы, и подлинная их идентичность с необнаруженными оригиналами спорна: документы ходили по рукам в московской и харьковской партийных организациях, их размножали, дописывали, редактировали. Были тут и *явные заимствования из контрреволюционных воззваний и антисоветских листовок, белоэмигрантских документов,* что вряд ли могло соответствовать настроениям М. Н. Рютина. Еще в сентябре 1930 г., защищаясь от ложного доноса, он писал в ЦКК ВКП(б): «О термидоре и забастовках я ни слова не говорил. Тут все вымышлено от начала и до конца. Я не троцкист и не устряловец, чтобы городить такую чепуху». А такой «чепухи» в этом документе оказалось много — группе хотели придать характер гигантского заговора внутри партии и государства, который охватил будто бы миллионы советских людей. Эту платформу, простое знакомство с ней вменяли в вину многим даже в 1937—1938 гг., в том числе и Н. И. Бухарину» [14].

Здесь что ни фраза — ошибка или упрощение, стремление выдать за истину поверхностное умозаключение. Поистине трудно в одном-двух абзацах собрать такое количество противоречивых, взаимоисключающих сведений, к тому же опровергнутых самим течением времени.

В 1930 г., защищаясь от предательства Немова, Рютин, как и следовало ожидать, атаковал доносчиков и отрицал свои обличения Сталина и его клики, разговоры о термидоре, о забастовках, о гибельности взятых темпов и методов коллективизации, о неизбежности крестьянских восстаний и т. д. Он пытался (безуспешно) сохранить партийный билет для продолжения той борьбы, которую он вел уже более двух лет, с весны 1928 г. Спустя два года в брошюре «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» он писал о сложностях и особенностях внутрипартийной борьбы в условиях сталинского диктата: «Признание» своих ошибок, маневрирование в обстановке внутрипартийного террора неизбежны и необходимы, капитуляция же нетерпима и позорна. «Признать свои ошибки» (Рютин не напрасно берет эти слова в кавычки! — *А. Б.*), чтобы через некоторое время вновь открыто выступить и еще раз показать массам, к чему привели политика и руководство Сталина, призвать массы членов партии покончить с гибельным для партии и страны руководством бесчестного диктатора,— только в этом и может быть для бывших вождей оправдание «признания своих ошибок».

Рютинская самозащита от Немова, против ополчившихся на него Ярославского, Шкирятова, Сольца, Постышева, Енукидзе, Землячки и других на заседании Президиума ЦКК и была таким тактическим маневрированием в надежде на то, что он сумеет отбиться, так как беседы с Немовым вел с глазу на глаз. Отбиться не удалось. Сталин к этой поре уже поставил крест на несговорчивом Рютине. Вскоре Мартемьян Никитич был арестован (13 ноября 1930 г.) и, хотя спустя недолгое время (17 января 1931 г.) его освободили ввиду того, что «материалами, добытыми следствием, виновность Рютина М. Н. не подтвердилась», партийный билет ему не возвратили.

Корректно ли сегодня использовать рютинскую вынужденную самозащиту (его слова о том, что он «не троцкист и не устряловец, чтобы городить такую чепуху») и, более того, обнаружив в «платформе» много подобной «чепухи», уже и категорически ставить под

сомнение авторство Рютина? Так можно пожертвовать многими важнейшими позициями «платформы», числя их по разряду «чепухи», хотя они давно стали неоспоримыми, азбучными истинами.

К тому же два года спустя (24 сентября 1932 г.) Рютин на допросе у заместителя председателя ОГПУ Балицкого без какого-либо понуждения вернулся к письму-доносу Немова и сказал: «Я категорически отрицал все сообщения Немова... Хотя это его заявление в основном мои разговоры с ним передавало верно» [15]. Показания Рютина Балицкому — документ уникальный, я еще буду обращаться к нему, сейчас для нас важно то, что донос Немова не был «ложным». Как всякий политический донос, он был низок и подл, но верно передавал взгляды Рютина, упрямо и, пожалуй, неосторожно внушаемые им ряду своих собеседников в Ессентуках и Кисловодске в августе — сентябре 1930 г.

Все, что, используя защитительный эпитет Рютина, почему-то именуется «чепухой» (обвинения Сталина в термидоре и установлении неприкрытой личной диктатуры, в разрыве с ленинизмом, в ограблении деревни и насильственной, губительной коллективизации, в терроризировании партийных масс), — все это не обмолвки, не фразы, заимствованные откуда-то из чуждых источников, а мысли и положения, последовательно развиваемые и аргументированные почти на двухстах страницах рукописи «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». Их нельзя изъять как нечто чужеродное, ибо пришлось бы изымать все, страница за страницей, оставив только название глав и знаки препинания.

Достаточно было бы потратить один рабочий день на внимательное прочтение рукописи, чтобы убедиться: в ней нет ни одного абзаца, который мог бы быть написан авторами «контрреволюционных воззваний». Более того, чем резче и бескомпромиссней звучит текст платформы, чем он беспощаднее к Сталину и его клике, тем явственнее открывается боль коммуниста, гражданина страны, потрясенного тем, что ждет ее, если не будет укрощено самовластие Сталина.

Настороженный упорными утверждениями о явных заимствованиях платформой контрреволюционной «чепухи», я придирчиво вчитывался в ее страницы, настраивал себя на поиск и обнаружение этих «заплат», не читал, а исследовал, изучал текст и с каждым разом все больше проникался цельностью рукописи и принадлежностью всякой ее строки Рютину. Только человек, живущий внутри партии (пусть и лишенный партбилета), испытавший на себе чудовищное давление внутрипартийного режима, мог написать такой полный горечи и боли абзац: «Террор в условиях невиданной централизации и силы аппарата действует почти автоматически. Терроризируя других, каждый в то же время терроризирует и самого себя, заставляя лицемерить других, каждый в то же время и сам должен выполнять определенную долю этой «работы». Чтобы выкрикнуть, простонать эту боль и этот стыд, вовсе не нужны подсказчики из белоэмигрантского стана!

Развернув свою аргументацию, посвятив этому несколько страниц, вернувшись к мысли, что «главный враг ленинизма, пролетарской диктатуры и социалистического строительства находится в данный момент в наших собственных рядах и даже возглавляет партию», что «пора перестать фрондировать, брюзжать и шептаться по углам», Рютин утверждает: «Пролетарская диктатура уже гибнет, и ее нужно спасать. Пролетарская диктатура Сталиным и его кликой будет погублена окончательно, устранением же Сталина мы имеем много шансов ее спасти».

Хотя Рютин и его единомышленники были бессильны изменить ход жизни и развитие событий, я бы не назвал его взгляды утопическими — они провидческие, и сегодня это более чем когда-либо ясно.

Но что же в приведенных мною мыслях могло быть заимствовано из «контрреволюционных воззваний»? Что в них, с другой стороны, носит этакий правоверный, законопослушный «дискуссионный характер»?

Не выдерживают критики и чрезмерные тревоги из-за отсутствия рукописного оригинала «платформы» — история не впервые оставляет нас без подлинников, без рукописных оригиналов. К тому же похоже, что в огороде у Сильченко 15 октября 1932 г. начальник секретариата СПО ОГПУ Кучеров все-таки откопал и рукопись, рютинский автограф брошюры, те самые страницы из школьных тетрадей (16х22), с которых Замятина-Черных и перепечатывала «платформу». Возможно, эта рукопись и будет когда-нибудь обнаружена в архивах. Во всяком случае, как я представляю себе натуру Рютина, он не мог быть заинтересован в сокрытии своего авторства: напротив, он настаивал на нем последовательно, начиная с первого допроса, только что доставленный из Ессентуков.

III

Мысль о создании программного документа родилась у Рютина задолго до 1932 г. Во всяком случае, уже осенью 1928 г. он определил для себя необходимость его написания.

Придавая большое значение показаниям Рютина на допросах конца сентября 1932 г. (допрос 24 сентября, который вел Балицкий, и 28 сентября, который проводил начальник СПО Молчанов), я хочу, чтобы читатель ощутил особую, не следователями, а Рютиным созданную атмосферу, прямоту и точность сообщаемых им о себе сведений.

«Я решил сообщить ОГПУ всю правду о той фракционной работе, которую я проводил начиная с мая 1928 года и до последнего времени, т. е. до момента моего ареста». Так начал свои показания Рютин, не в страхе и не в раскаянии, а полный достоинства и убежденности в своей правоте. В этом выразился весь «неудобный» Рютин. Прямота отныне стала его защитой и оружием. «Теперь, конечно, вопрос должен быть поставлен в открытую. Я должен прямо заявить: или я и дальше буду вести борьбу против ЦК и генеральной линии партии, или я действительно разоружаюсь и выбрасываю за борт те взгляды, которых я последовательно придерживался в течение последних 5 лет, т. е. примерно с мая 1928 года. Как я решу этот вопрос, я в настоящее время сказать не могу и прошу для этого дать мне некоторый срок, потому что дальше, если нужно будет бороться, то бороться необходимо будет уже в открытую» [16].

Он и тут, еще не зная, какими материалами и признаниями располагает следствие, при всем своем мужестве и самоуважении, остается предусмотрительным тактиком, оставляя за собой возможность некоего «признания ошибок». Вероятно, он еще не подозревает, что дело пойдет о жизни и смерти, а не о высылке из Москвы в какой-нибудь отдаленный край.

И четыре дня спустя, завершая показания Молчанову, Рютин так же тверд в своей позиции: «Я со всей категоричностью, со всей решительностью и со всей откровенностью отвечаю отрицательно на вопрос тов. Молчанова: «Стояли ли за мной еще какие-либо вдохновители?» Никаких вдохновителей за мной не стояло и не стоит. Я сам был вдохновителем организации, я стоял во главе ее, я один целиком писал платформу и обращение. Редактирование платформы и обращения было, конечно, коллективное, но оно никаких принципиальных изменений в оба документа не внесло... Теперь мне нет и смысла что-либо скрывать. Как говорит пословица: «Снявши голову, по волосам не плачут».

Теперь для меня нужно лишь решить вопрос: буду ли я дальше отстаивать свои взгляды, или я их сумею выбросить целиком за борт. Это я должен буду решить в ближайшее время. Если я останусь при этих взглядах, то я их в дальнейшем буду отстаивать открыто, чего бы мне это ни стоило...» [17]

Не безумец ли это говорит? Не жертва ли своей фанатической идеи? Не заложник ли политической группы, тайной организации, вызвавшийся прикрыть других, взять всю вину на себя, взойти на плаху за общее дело? Намек на возможность такого «жертвенного» варианта мы косвенно прочитываем в показаниях Стэна и Радека, но показаниях поздних, когда они говорят и подписывают то, чего требует от них следствие. В 1932 г. положение дел было иное. Рютин последовательно излагает историю создания «малого» и «большого» документов, вскоре признания других арестованных по делу (и всех опрошенных по нему) только подтвердят точность его показаний. Мартемьян Никитич не перекладывает на других и частицы вины, напротив, объективно он косвенно защищает от подозрений Томского, Рыкова, Угланова, Бухарина, Куликова и других резкой, искренней критикой их аморфности, «бесхребетности», преувеличенной осторожности, нежелания вести фракционную борьбу и т. д.

Вот первое известное нам упоминание о будущей «платформе». В октябре или ноябре (точно он не помнит) 1928 г. Рютин был на квартире у Бухарина, пришел не один, с Углановым и Куликовым, «специально посоветоваться, как быть дальше». «Бухарин лежал больной в постели,— вспоминает Рютин.— Около его кровати сидел Сольц и соболезновал ему. Когда мы спросили Бухарина, как быть, что нам делать, он расплакался и очень отрицательно отозвался о политике Сталина. «Я сейчас чувствую себя буквально обмазанным с головы до ног говном»,— сказал он и снова расплакался. Сольц продолжал высказывать ему сочувствие и соболезнование, ворчливо ругал и беспомощно разводил руками. Так мы не получили никакого совета от т. Бухарина» [18].

Именно тогда, на квартире Бухарина, почти за четыре года до начала работы над брошюрой «Сталин и кризис

пролетарской диктатуры», Рютин «...высказал мысль о том, что наша позиция должна быть оформлена в каком-то литературном документе».

Правда и только правда. Правда, смертельно опасная для самого Рютина, а для Бухарина только горькая, создающая невыдуманный образ полусломленного, растерявшегося человека, уже не способного подняться на серьезную политическую борьбу.

И слова Рютина о «нашей позиции», говорящие о некой идейной, мировоззренческой общности, не нашли отклика у Бухарина. Очень скоро Рютин узнает, что на заседании Секретариата ЦК не только Рыков и Томский, но и Угланов и Михайлов проголосовали за снятие его, Рютина, с поста секретаря Краснопресненского РК ВКП(б). «Я тогда потерял к ним, как к руководителям, большую долю доверия, но решил фракционную работу продолжать на свой риск и страх, опираясь в первую очередь на те кадры, которые были за мной в Красной Пресне».

Это не слова: приговор по делу «Союза», списки изгнанных из партии лиц подтверждают, что усилия Рютина шли именно в этом направлении.

Однако совсем порвать со вчерашними единомышленниками он сразу не мог. Помирился с Углановым, но даже в личной беседе (они прошли по Тверской от почтамта до Страстной площади) Угланов уклонялся от разговоров «на боевые темы». Поддержали критические взгляды Рютина на состояние дел в стране Яков Шумяцкий и член коллегии Наркомтруда Герасимович, однако отрицательно отнеслись к его идее смены руководства партии. Еще в сентябре 1928 г. Рютин побывал и у Томского в ВЦСПС, приехал до начала присутствия, чтобы переговорить с глазу на глаз, защитить от травли Гастева, руководителя ЦИТа. Заговорил с Томским о необходимости начать в партии дискуссию, но поддержки не получил. «Томский не дал на мой вопрос никакого ответа... занял бесхребетную позицию». Хотя и пытался пошутить: «Единственного вижу из головки Московской организации, который не потерял голову».

«Особенно бурную, энергичную работу я развил на курорте перед моим исключением. Это было в сентябре 1930 года. Тогда я имел там встречи... с Герасимовичем, Шумяцким, Чудиновой, Немовым и Сапожниковым, а также с бывшим членом коллегии Наркомтруда Желто-

вым и др.». Споры с Шумяцким приняли весьма бурный характер, и разошлись они довольно холодно, а Немов, как мы уже знаем, тогда же донес на Рютина. Исключенный из партии в конце 1930 г., посаженный на Лубянку и оправданный в январе 1931 г. Рютин не позднее февраля возобновляет фракционную работу: «Я поставил перед собой цель создать организацию...»

Эта небольшая историческая справка необходима, чтобы понять атмосферу и ситуацию, в которой началось создание рукописи «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». Напомню, что работа шла одновременно с подготовкой к оформлению организации «Союз марксистов-ленинцев» — совместного начинания Рютина, В. Н. Каюрова, М. С. Иванова, П. А. Галкина, В. И. Демидова, П. М. Замятина и некоторых других. Краткая по времени деятельность «Союза» в последние годы довольно подробно освещена в книгах и публикациях. Не стану повторяться — вычленю только вопрос о создании «Рютинской платформы».

Вот рассказ самого Рютина о написании им «платформы»: «С начала марта 1932 года я решил написать теоретический документ — платформу... О том, что нужен такой документ, я почти ни с кем не советовался. У меня была сначала просто какая-то внутренняя потребность теоретически оформить и уяснить всю совокупность взглядов, которые я имел на современное положение вещей...» В этом признании, хотя оно и сделано на Лубянке, следователю,— весь Рютин, его натура, его постоянная потребность (не изменившая ему и в тюремной одиночке) самому себе уяснить суть любой важной, существенной проблемы, рассмотреть ее со всех сторон, подвергнуть социологическому анализу — именно так и писалась «платформа». Можно с уверенностью сказать, что поначалу сам Рютин не предполагал, как разрастется рукопись, при всей плотности, сжатости текста. Нельзя не увидеть, не почувствовать, что писалась она вдохновенно, с творческим волнением, со страстью прирожденного полемиста, как ни преувеличены могут показаться эти оценки применительно к политическому программному документу. В свое время, когда будут опубликованы «платформа» и избранные письма Рютина из Верхне-Уральского и Суздальского политизоляторов, читатель сможет оценить философскую и стилистическую, языковую в том числе, близость всех этих материалов, их принадлежность одному уму и одному перу.

«Почти каждый вечер, а иногда даже днем,— продолжал Рютин,— я запирался у себя в кабинете и писал этот документ, примерно в течение 2½—3 месяцев, пряча каждый раз все написанное в одно удобное место в шкафу».

Необходимо уточнение: определяя сроки написания «платформы», Рютин говорит о 2½—3 месяцах, но вероятнее всего, что речь должна идти о 3—3 ½ месяцах. Задуманное и начатое в марте, быть может, не сразу далось Рютину — слишком необычен был замах, покушение на создание, будем помнить, не подписного, не авторского, а большого программного документа «Союза». Давая объяснения КПК при ЦК КПСС (правда, спустя много времени, в 1961 г.), Замятина-Черных писала, что муж просил ее «кажется, в мае месяце 1932 г.» перепечатать статью Рютина. «Я пришла домой и сказала мужу, что этот материал Рютин пишет против Сталина,— свидетельствовала Клавдия Андреевна,— что он продолжает старую историю, за которую его уже исключили из партии, и он сидел три месяца в НКВД. На это муж сказал: «Что ты меня учишь, что я дурак что ли!» [19]

Однако с этого дня листки из школьных тетрадей (те самые 16х22), о которых упоминал и Кучеров, измеривший их, как вещественное доказательство, при изъятии документов на участке Сильченко, стал приносить не муж и не домой, а М. С. Иванов в «Соцэгиз», где Замятина-Черных в то время работала. Приносил и уносил готовое, и весь материал, как мы уже знаем, был написан «подчерком» Рютина. «Последнюю часть (вернее было бы сказать последнюю порцию.— *А. Б.*) забрал Иванов в июле или августе 1932 года».

Принеся жене первые написанные Рютиным страницы платформы, Замятин не оговорился, сказав, что это часть статьи Рютина,— никто из единомышленников Мартемьяна Никитича, а скорее всего и он сам еще не предполагал, что будет создана книга, почти двухсотстраничный труд «Сталин и кризис пролетарской диктатуры».

11 октября 1932 г. на заседание ЦКК были вызваны кроме Замятиной-Черных и Зиновьев, Каменев, Равич-Черкасский. «Всем нам, в том числе и мне, тов. Ярославский объявил, что мы исключены из партии, но через три года можем восстановиться, если исправимся... Ярославский сказал,— вспоминала Замятина-Черных в июне 1961 г.,— что он ничего не может сделать, решение окончательное, его подписал сам Иосиф Виссарионович».

Знай Сталин тогда текст рютинского памфлета «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», не могло бы быть и речи о столь либеральной, «предупредительной» позиции в отношении машинистки-доброхотки, через руки которой, а значит, и через ее сознание, память, прошел такой преступный, оскорбительный, как плевок в лицо, донага раздевающий диктатора материал. Никому и в голову не пришло бы ждать ее «исправления» и приглашать через три года... восстанавливаться в партии! Любой, кто прочтет книгу Рютина, не оспорит этого. «Играть», иезуитски играть в привычные игры с Каменевым и Зиновьевым, разрушая их волю и силы к сопротивлению,— куда ни шло. Но сулить восстановление в партии рядовой совслужащей, причастной к распространению «страшных клевет» на генсека, невольно хранящей их в своей памяти,— такого и представить себе невозможно.

30VI 1961 г. в КПК при ЦК КПСС Клавдии Андреевне был предъявлен текст (машинописный) «платформы», по-видимому, одна из более поздних копий. Свою работу, текст на папиросной бумаге со строками в один интервал, она узнала бы тотчас же и не преминула бы это отметить. Замятина-Черных не по машинке, а, как сказано было, по содержанию идентифицировала текст. «О колхозах,— отметила она, в частности, свидетельствуя идентичность рукописи,— что в колхозы вступали принудительно, что колхозников выселяли и сажали в тюрьмы и что люди голодали и умирали с голоду».

IV

По свидетельству Рютина, только написав уже почти половину текста, он открылся товарищам и высказал вслух идею создания политической (по необходимости — подпольной) организации. Поначалу они «отнеслись отрицательно к идее создания организации, боясь провала, а узнав о моей работе, стали торопить с ее окончанием». Рютин ускорил работу, стремясь завершить ее, отредактировать коллективно и начать ее распространение еще до отъезда в конце августа 1932 г. на лечение в Ессентуки. Спешка обернулась некоторой скомканностью и тезисностью последней главы.

Этот манифест, впервые опубликованный в 1989 г. [20],— программный пропагандистский документ, в котором содержится прямой призыв к действию. «Прочитав, передай другому. Размножай и распространяй». Он был, по

утверждению всех руководителей «Союза», тоже написан Рютиным. Хотя манифест помечен июнем 1932 г., когда платформа еще не была завершена, другого автора у него и быть не могло — он представляет собой как бы конспект «платформы», дайджест, по современным понятиям, многие его фразы прямо взяты Рютиным из его большой рукописи.

Преследователи и палачи «Союза» и Рютина в сентябре 1932 г. располагали только двенадцатистраничным текстом манифеста. О «платформе» они знали лишь понаслышке, по сбивчивым показаниям арестованных, капитулировавших, но изо всех сил старавшихся скрыть слишком близкое и слишком опасное знакомство с писаниями Рютина. Распространение текста «платформы» (если бы он даже и был обнаружен до суда и приговора) в верхах партии и ОГПУ — НКВД (даже в качестве судебного вещественного доказательства) было бы столь нежелательно и небезопасно для самих судей и оперативников, что вскоре «платформа» как бы растворяется в воздухе, погружается в архивный ил, препоручив весь гневный обвинительный заряд резкому, страстному, бескомпромиссному манифесту. Его вполне достало для того, чтобы Сталин требовал смертной казни для Рютина, заметим снова и снова — для одного Рютина. Ни для кого более! Выделив так яростно Рютина (ведь все другие вожаки «Союза» получили максимально 5 лет заключения в Ухтомско-Печерском концлагере), сам Сталин высочайше засвидетельствовал авторство Мартемьяна Никитича и его непрощенную злодейскую вину.

Вспомним благородное признание В. Каюрова в письме-обращении в ЦК и ЦКК ВКП(б) от 1 августа 1933 г. из места поселения: «В организации антипартийной группы считаю себя главным виновником, т. к. будучи в категории старых большевиков, авторитет которых окрылил более молодых партийцев, мнение которых совпадало с моим,— таковых считаю: Рютина, Галкина, Иванова и А. Каюрова». Это не запоздалая капитуляция или прозрение — такова последовательная рыцарская позиция В. Каюрова, и в недолгие дни между арестом и вынесением приговора он неизменно брал главную вину на себя. И вот — крупнейший авторитет, вдохновитель «Союза», можно сказать, преступник № 1 — приговаривается к трем годам высылки из Москвы и ссылки, а Рютин к 10 годам одиночного заключения, и жизнь ему сохранена

только потому, что большинство членов Политбюро проголосовало против смертной казни.

Стивен Коэн в известном уже и русскому читателю труде о Бухарине коснулся рютинской темы, суда и приговора. «В первой половине 1932 года,— пишет он,— смещенный со своего поста секретарь одной из районных парторганизаций Москвы Рютин, к которому присоединились некоторые молодые бухаринцы, в том числе Слепков, Марецкий и Петровский, составил и тайно распространил документ на двухстах страницах с антисталинской платформой... Сталин, безо всяких на то оснований, утверждал, что здесь содержится призыв к его убийству. Вопреки глубоко укоренившейся большевистской традиции не прибегать во внутрипартийных разногласиях к таким мерам, как смертная казнь, он потребовал, чтобы Рютина (и, возможно, его союзников) расстреляли. Сначала дело слушалось в ЦКК — дисциплинарном органе, который уже оскорбил Сталина, удовлетворив заявление о восстановлении в партии многих коммунистов, исключенных после 1930 года. ЦКК отказалась выносить решение и передала дело на рассмотрение в Политбюро, состоявшее из десяти членов. И там Сталин потребовал расстрела Рютина. Большинство членов Политбюро, а именно Киров, Орджоникидзе, Куйбышев и, по всей вероятности, Косиор и Калинин, ответили ему отказом, и Рютина с единомышленниками исключили из партии и приговорили к 10 годам тюрьмы, но в 1938 году расстреляли».

Здесь у Коэна ряд фактических неточностей. К 1932 г. Рютин уже два года беспартийный — исключили его в 1930 г. после доноса Немова. ЦКК решала только вопросы партийности и не имела никакого прямого отношения к суду и судебным приговорам. Расстреляли Рютина 10 января 1937 г. Но важнее другое: Сталин не требовал расстрела для, выражаясь словами Коэна, союзников Рютина — в этом случае им было бы не отделаться ссылкой «в разные регионы страны», как гласит общее предварительное решение в отношении В. Каюрова, его сына А. Каюрова и многих других. Отказав Сталину в крови его заклятых врагов, Политбюро без труда пошло бы на жестокие тюремные сроки.

«Так называемое «рютинское дело»,— продолжает Коэн,— явилось поворотным пунктом политического развития 30-х годов. С одной стороны, сталинское поражение просто подтвердило священный принцип отказа от

расстрела членов партии. С другой стороны, однако, оно продемонстрировало, что умеренное крыло Политбюро теперь твердо вознамерилось сопротивляться попыткам Сталина приобрести еще большую, если не вовсе бесконтрольную власть в партии и над нею. Возглавляемое руководителем ленинградской парторганизации Кировым — независимо мыслящим и популярным деятелем — и Орджоникидзе и пользующееся поддержкой и симпатией многих членов ЦК, это крыло к 1933 г. уже отстаивало общую политическую линию, отличную от той, которую предпочитали Сталин и его единомышленники в Политбюро: Каганович, Молотов и Ворошилов. В то же самое время, как стало ясно впоследствии, именно в связи с рютинским делом Сталин принял твердое решение избавиться от всех ограничений, которыми связывали ему руки тогдашняя большевистская партия, ее руководящие кадры и политические традиции» [21].

Убийством Кирова Сталин, как известно, успешно решил тактические и стратегические задачи по избавлению «от всех ограничений, которыми связывали ему руки...».

Платформа дописана. По свидетельству Рютина, «редактировали оба документа мы совместно, т. е. я, М. Иванов и частью В. Н. Каюров». В другой раз Рютин специально оговорит, что серьезно править оба документа не пришлось, редактирование нисколько не повлияло на характер и содержание документов.

М. Иванов, возвращенный в камеру после допроса 5 октября 1932 г. (всего за несколько дней до приговора), решает, по мотивам, которые неведомы нам, дополнить свои показания, дополнить в том именно направлении, куда до сих пор следствие безуспешно подталкивало его: дать хоть какой-то материал о связях рютинско-каюровского «Союза» с «матерыми», уже осужденными прежде партией силами оппозиции.

«5/X на вопрос — оказало ли влияние посещение В. Н. Каюровым представителей «Рабочей оппозиции» и др. на состояние документа,— писал Иванов следователю Люшкову,— я ответил, что припомнить, как сказалось это на документе, не могу. Но вот, насилуя в этом направлении память, я устанавливаю, что, действительно, после этой «вылазки» в свет было сделано довольно много поправок и дополнений. Поправки и дополнения делал В. Н. Каюров, частично я дополнял, а М. Рютин, соглашаясь с большинством их (часть он не считал нужным вносить), сформулировал сам, под стиль документа, внося и свои дополнения» [22].

Оборву цитату. Как видим, и в 1932 г., а не только в 1936-м можно было, «насилуя память», сделать шаг навстречу требованиям следствия. К чести В. Каюрова, он таких насилий над своей памятью не совершал, но и то, что утверждает М. Иванов в этом своем письме следователю Люшкову, и в малой мере не отнимает у Рютина авторства. Естественно, что он выслушал замечания товарищей, и те из замечаний, что оказались к делу, по-своему («под стиль документа») использовал.

Далее в письме Иванова следуют два абзаца, которые представляют собой первую по времени и уже некорректную — в угоду следствию — попытку представить рукопись Рютина «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» настолько компилятивным документом, что в нем, мол, теряются концы и начала, и само авторство становится сомнительным.

«В результате этого документ увеличился,— продолжал Иванов.— Несомненно, что замечания из Харькова троцкистов (через Токарева) тоже могли бы оказать влияние на документ, равно как и при окончательной редакции должны были сказаться замечания со стороны Стэна, а также со стороны Угланова.

Таким образом, к концу редактирования должны были быть учтены замечания — «Рабочей оппозиции», Стэна — зиновьевской ориентации, троцкистов и правых».

Письмо, написанное 7 октября, было присовокуплено к протоколу допроса Иванова от 5 октября; Люшков не напрасно потрудился — теперь вину за рютинский труд можно было, при желании, возложить на тех, кого Сталин считал своими заклятыми врагами. Тут были все, включая Бухарина, иначе зачем бы называть здесь «правых».

Но М. С. Иванов, измученный недобрыми предчувствиями в канун суда и приговора, вновь «насилует память» (пишет новую бумагу, сделав второпях оговорку, очень существенную для наших поисков истины). «Во время обсуждения обращения (т. е. «манифеста», а не «платформы».— *А. Б.*) Каюров делал отдельные замечания, сослался на мнение «вождей» рабочей оппозиции и, в частности, сказал, что они считают ненужным искать новых путей, так как старая платформа рабочей оппозиции не изжила себя, Рютин по этому поводу волновался и считал их мнение неправильным».

Что Рютин считал неправильной позицию людей, цеплявшихся за вчерашний день и старые платформы,— понятно. Но отчего он волновался? С редкой прозорливостью Рютин видел, что наступил тот критический момент истории, когда необходимы действия — решительные и незамедлительные; понимал, что «Сталин объективно выполняет роль предателя социалистической революции», видел, что профсоюзы «из школы коммунизма превратились в школу надувательства масс, в школу самого бесстыдного игнорирования воли и настроения масс, в простой придаток того же партийного и хозяйственного аппарата».

Рютин не мог не волноваться, замечая, как старые вожаки оппозиции вновь готовы все утопить в словах, чтобы затем вновь и вновь каяться и вымаливать прощение.

Послушаем самого Рютина — строки из его показаний Балицкому (их можно, без преувеличения, назвать исповедью-вызовом). Рютин словно торжествует — получив возможность, имея право и испытывая необходимость говорить правду, делает это резко и наотмашь, притом ни на йоту не усложняя судьбы своих товарищей по «Союзу»: «И на этой конференции (речь идет об организационной конференции «Союза» 21 августа 1932 г.— *А. Б.*) и до нее... мы часто обсуждали вопрос о возможности привлечения бывших вождей правых, бывшей зиновьевской оппозиции и троцкистов. При этом я лично к этому привлечению относился очень скептически. Я считал, что вожди и бывшей троцкистской и бывшей правой и зиновьевской оппозиции настолько деморализованы, настолько впали в духовную идейную прострацию, что на настоящей стадии внутрипартийного положения они не способны к... активной борьбе против данного руководства партии. Я считал, что они примут участие только тогда, когда будут поставлены перед фактом достаточно широко развернутой подпольной работы, которая будет открывать известные перспективы, создавать известные шансы на успех, и их надо поставить перед этим фактом... Большинство считало, что нужно попытаться их привлечь. Я ответил: «Что ж, попытаться можно, но я мало верю в эту попытку».

Спустя четыре дня Рютина допрашивал начальник СПО Молчанов. С той же настойчивостью, что и Люшков, «насиловавший» память М. С. Иванова, он домогался расширения преступной сферы деятельности «Союза»

и самого Рютина. Что Стэн? Как он отнесся к «платформе»? Рютин ответил, что Стэна он встречал, но «платформы» ему не давал.

Молчанов не поверил, что извне Рютину не приходила помощь в написании «платформы», но Рютин парирует все его попытки и подозрения: «Для составления платформы я пользовался легальной литературой и подсчетами, проводимыми мной из опубликованных госпланновских материалов, с поправками, основанными на составленных мною статистических расчетах. Советов по составлению платформы,— повторяет Рютин,— мне никто не давал» [23].

Можно представить аргументы тех, кто упорно держится версии, согласно которой «платформа» — только мешанина, конгломерат всяческой «чепухи» — устряловской, троцкистской, случайный результат коллективного творчества. Вопрос крайне важный для установления и исторической истины, и штрихов биографии Бухарина, Угланова, Радека или Стэна, и конечно же для понимания личности Рютина. Поэтому нельзя обойти еще одного примечательного документа — письма М. С. Иванова в коллегию ОГПУ и в Президиум ЦКК ВКП(б) из Ухтомско-Печерского лагеря от 21 декабря 1932 г. Прошло около трех месяцев со дня оглашения приговора, следователя Люшкова рядом нет, никто ни о чем не расспрашивает старого члена партии (с 1906 г.) М. С. Иванова, ему все более тяжким и несправедливым кажется положение политзаключенного, он мучительно хочет, выражаясь его словами, «вновь стать в ряды передовых колонн активно-руководящих строителей социализма, снова слиться с партией и рабочим классом». Рядом с Ивановым теперь нет «суфлера», добивающегося своих целей. Иванов по собственному почину, разумеется, с интонацией искреннего покаяния, излагает вновь и куда как ближе к истине хронику появления «большого» и «маленького» рютинских документов.

«Первым практическим шагом в этом направлении (то есть в «неправой», подпольной борьбе с партаппаратом.— *А. Б.*) было появление из-под пера Рютина объемистого документа типа платформы, в котором был дан антипартийный анализ положения в стране и партии... Через некоторое время Рютин написал другой документ — «Обращение ко всем членам ВКП(б)». Этот документ и был в течение месяца-двух предметом разговоров в тройке (то есть Рютин — Каюров — Иванов.—

А. Б.), а чаще между мной и Каюровым. Нас двоих этот документ во многих отношениях не удовлетворял, хотя в общем отражал наши настроения» [24].

Слова эти — не притворное или запоздалое раскаяние, а подлинное, глубокое чувство неудовлетворения самим собой. Отметим только, что оно связано не с «платформой» и ее обсуждением, а с манифестом-обращением; тут ошибки нет, в надежде на снисхождение, на возвращение в ряды «строителей социализма» здесь выверено каждое слово. И покаянное признание Иванова в том, что он завез «документ» в Харьков и тамошние «троцкисты» стали его распространять, относится только к одному документу, к манифесту-обращению, ибо ни в июне, ни в начале июля «платформа» еще не была готова и перепечатана. Это подтверждается и цитируемым письмом М. С. Иванова. «В середине августа,— читаем мы в нем,— было намечено совещание-конференция. (Как мы уже знаем, совещание состоялось 21 августа 1932 г.— *А. Б.*) К этому времени был готов уже, отпечатан «большой документ» — платформа, с которым были познакомлены кроме меня Федоров П. П., Галкин П. А., Замятин П. и отчасти Каюров В. Н. ...» Далее М. Иванов сетует на то, что даже и «малый документ» (10—12 страничек!) не удалось «обсудить и осудить», что он, то есть документ «Обращение ко всем членам ВКП(б)», без обсуждения был принят за основу, с поручением к избранному комитету окончательно его отредактировать.

Но напомню, что никакого времени на редактирование уже не оставалось. Как показывает Рютин, около часу ночи, сразу же после организационной конференции, покинув дом Сильченко, все «поспешили на трамвай, к 2-м часам (ночи.— *А. Б.*) приехали в Москву. А на другой день я уехал на курорт и о дальнейшей работе комитета ничего не знаю».

Манифест-обращение, при всех возможных замечаниях и редакционных оговорках любого из членов «Союза», уже вышел из-под контроля, перепечатывался, распространялся, но к перечню лиц «познакомленных», как писал Иванов, с «платформой» можно добавить очень немногих: Г. Рохкина, Д. Марецкого, В. Демидова — собственно, всех тех, кто вскоре был осужден на 5 лет заключения в лагерях. Кто-то же непременно получил для ознакомления те 6—7 экземпляров платформы, которые сошли с соцэгизовского «Ундервуда»? Кто-то, но только не Бухарин, не Каменев и Зиновьев, не Стэн и Угланов, а уж их замечаний по тексту, прочитай они платформу, некому

было бы ни услышать, ни учесть — я постараюсь доказать это документально. М. С. Иванов помнил, конечно, что 7 октября 1932 г. в письменном заявлении следователю Люшкову он упоминал Стэна и Угланова, говорил о том, что «их замечания должны были сказаться при окончательной редакции», а затем еще, расширительно, о необходимости «к концу редактирования» учесть замечания всех и всяческих оппозиций, вроде бы тоже «ознакомленных с платформой». Он и в последнем по времени письме из лагеря вернулся к этой теме, но все окончательно трансформировалось в категорию предположений, оборванных замыслов, неоправдавшегося расчета, чего угодно, только не реальных фактов! «Я же по собственной инициативе большой и маленький документы передал Г. Е. Рохкину,— писал Иванов из лагеря,— чтобы он сам познакомился, а также познакомил Стэна, я имел в виду, что через него с документом могут познакомиться Зиновьев и Каменев, и мы будем, таким образом, иметь мнение о документе авторитетнейших с точки зрения наших настроений людей» [25].

Из этого замысла ничего не вышло. Стэн действительно располагал копией манифеста, показал его Каменеву и Зиновьеву — это документально подтверждено, это они признали на заседаниях в ЦКК: малый документ ходил по рукам и очень скоро стал совершенно спонтанно играть роль «платформы», программного, достаточно обстоятельного документа. Малый документ и включал в себя — тезисно, декларативно — многие важнейшие положения двухсотстраничной «платформы».

О том, что рукопись «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» не попала к Стэну через Рохкина, которому Иванов, быть может, и поручил передачу рукописи, свидетельствуют показания самого Рохкина следователю Богену от 24 сентября 1932 г. «Большой документ (платформу) по просьбе Иванова, после того как я с ней познакомился, я должен был передать Мебелю. Платформу эту 16 сентября я передал Мебелю, но Мебель 17 сентября мне вернул этот документ, так как возвратить его Иванову не мог, ибо Иванов был уже арестован». По краткости времени Мебель, возможно, и не успел сам вчитаться в платформу — в приговоре коллегии ОГПУ среди осужденных мы его имени не находим.

В «Известиях ЦК КПСС» [26] среди членов комитета «Союза марксистов-ленинцев», которым «утвержденные документы (то есть манифест и «платформа».— *А. Б.*) были переданы на окончательное редактирование»,

наряду с М. С. Ивановым, В. Н. Каюровым, П. А. Галкиным, В. И. Демидовым назван и Павел Платонович Федоров — профессор Московского торфяного института, которого Рютин знал еще по Иркутску времен гражданской войны, по Тайге и Томску. П. П. Федоров одно время был секретарем Иркутского губкома РКП(б), работал в Чите и на Дальнем Востоке, в Москву переехал в 1924 г. почти одновременно с Рютиным.

По «делу Рютина» Федоров был приговорен к 5 годам лагеря, а в 1938 г. расстрелян после дачи нужных следствию «признательных» показаний и полного раскаяния в «содеянном». Готовясь к суду над Бухариным, следствие обзаводилось «достовернейшими» сведениями об участии Бухарина, Рыкова, Томского в подготовке к терактам и поощрении к ним — П. П. Федоров, как и многие другие, подтвердил сочиненные следователями небылицы. Меня интересуют его показания 1938 г., сохранившиеся в реабилитационном деле, как еще одно (и совершенно неопровержимое) свидетельство сроков написания «платформы» и ее судьбы в короткий промежуток от окончания перепечатки рукописи до арестов руководителей «Союза».

Вот эти показания с небольшими «техническими» купюрами: «Получив мое согласие включиться в эту антисоветскую работу по мобилизации людей для изменения руководства партии и правительства, Рютин дал мне задание по вербовке людей в к. р. организацию... Рютин зачитал свой набросок известного документа — «Обращение к членам ВКП(б)»... Здесь же Рютин сказал мне о наличии второго документа... После этой встречи я встретился с Рютиным у него на квартире в конце августа (1932), когда я обратился к нему с просьбой дать мне для ознакомления оба документа... Рютин ответил мне, что этих документов у него пока нет, что они находятся у Иванова и что он постарается вручить их мне в ближайшие дни. Документ, который носил заголовок «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», вручил мне Иванов в первой половине сентября 1932 г. ...Иванов просил его просмотреть и пригласил меня приехать на другой день в деревню Головино (под Москвой), где, по его словам, должны были собраться несколько человек во главе с Рютиным для обсуждения врученного мне документа...» (Мы точно знаем, что собрание это состоялось 21 августа 1932 г., 22-го Рютин уехал на лечение в Ессентуки, и ни о каком редактировании «платформы» уже не могло быть и речи.— *А. Б.*)

«Собрание было открыто докладом Рютина, который изложил сущность большого документа... экономическую программу группы... как теперь совершенно ясно, программу реставрации капитализма...»

Далее последовали показания насчет подготовки «вооруженного восстания», «дворцового переворота», «захвата Кремля», «расправы над теперешними руководителями» и т. д. — показания, которые могли бы пригодиться для будущих громких процессов.

Для нас важно другое: даже избранный в руководящий комитет «Союза» П. П. Федоров едва ли успел внимательно пролистать большой документ.

V

Был ли Рютин утопистом, «фантазером», в воображении своем создавшим некий несуществующий мир готовых к сопротивлению людей, только и ждущих правдивого призывного слова, или он был трезвым политиком, реально оценивающим настроения народа?

Ведь широко публикуемые гневные резолюции трудящихся, принимаемые всякий раз, когда партия клеймила очередных «оппозиционеров» и «уклонистов», все газетные публикации о жизни страны и великих ее победах настаивали на полном единодушии и монолитности десятков и десятков миллионов людей. Но Рютин, никогда не порывающий прямых и множественных связей с жизнью, с рабочими Красной Пресни, с деревней (причем не только сибирской), а также с Поволжьем, Ростовом, Дагестаном, видел действительное положение вещей, знал о крутом несогласии с политикой Сталина большинства старых коммунистов, о задушенных стонах и криках отчаяния. О крестьянских восстаниях он говорил с Немовым и другими еще в августе 1930 г., писал в «платформе», предвидел неизбежный, «рукотворный» голод начала тридцатых годов. «В стране,— объяснял он Немову,— назревают серьезные события, поэтому нужно готовить кадры на предприятиях для выступления против нынешней политики». У Рютина и ряда его товарищей по «Союзу» отчетливо проявляется стремление опираться не только на низовой партактив и хозяйственников из недавних «заводских», но и на рабочих. Так среди завербованных В. И. Демидовым сторонников «Союза» оказались рабочие завода «АМО» — литейщики, мастер прессового отдела и др.

В те дни, когда осужденных по делу «Союза» уже увозили в места заключения и ссылки, в ЦКК приходили письма, не связанные непосредственно с репрессиями против членов «Союза марксистов-ленинцев», но гневно направленные против преследования честных коммунистов, против объявления их контрреволюционерами, против лжи и обмана. Письма приходили анонимные и подписанные — последние давали возможность незамедлительного преследования их авторов, по анонимке открывался настойчивый сыск. Вот несколько отрывков из писем:

«Необходимо говорить — да здравствует Сталин, хотя миллионы голодают, мрут с голода, голые и босые. 5 лет грабят крестьян, из года в год, из месяца в месяц голоднее...» Подписано: «Ленинец. Устинов». И номер партбилета. «Да здравствует ленинская партия, а не сталинская!» «Сталинская каста, не видя голода и нищего рабочего класса, с закрытыми глазами несется в пропасть». «Но знайте, гады, что час расплаты настанет». «Рабочий класс не простит вам издевательства над вождями рабочего класса...» На последнем письме резолюция партийного вельможи: «Штамп на конверте. Установить автора. Место отправления — г. Белев. Е. Ярославский 28. X. 32 г.» [27].

Сращивание партаппарата с ОГПУ уже вполне завершилось, и то, что случилось с Рютиным в 1930 г. (оправдательный приговор после исключения из партии и ареста), в 1932 г. не могло повториться. Человек, уличенный в злостной «клевете» на Сталина, выброшенный за это из партии, уже не мог чистым покинуть Лубянку. Рютин не ведал писем разгневанных людей, писем, так участившихся с 1928—1929 гг., он просто жил теми же мыслями и чувствами и написал свое, удивительно близкое по духу всем этим письмам послание к народу и потомкам — «Сталин и кризис пролетарской диктатуры».

Известны и коллективные протесты коммунистов, в том числе и крупных партийных деятелей, против сталинского курса кровавой, насильственной «сплошной коллективизации».

Рютин понимал, как широко распространены взгляды коммунистов, не приемлющих сталинского истребительного авантюристического курса. И смысл всех усилий «неистового Мартемьяна» заключался в стремлении консолидировать здоровые силы партии, добиться свободной партийной дискуссии, подлинных демократических

выборов, а с тем и смещения губительного, преступного, на его взгляд, сталинского руководства ЦК ВКП(б).

Силы были слишком неравны. Только в этом смысле задачу, поставленную перед собой «Союзом марксистов-ленинцев» и Рютиным летом 1932 г., можно считать утопической. Сталин ненавидел Рютина, как можно ненавидеть не утописта, а своего реального политического противника, при всей несоизмеримости их сил. Историкам, когда для них откроются все сталинские архивы, еще придется ответить на множество вопросов, касающихся темы «Сталин и Рютин», объяснить упорство и ярость Сталина в преследовании Мартемьяна Рютина. Письма Сталина к Молотову [28] подтверждают особый, пристальный интерес генсека к Рютину, еще не исключенному из партии, но, судя по всему, уже обреченному.

Рютин еще лечится в Ессентуках. Только через неделю, 20 сентября, Немов принесет в ЦКК свой донос. Рютин еще не написал ни одной страницы «платформы» или «манифеста-обращения», он вроде бы ничем новым не провинился после того, как был снят с партийной работы и выведен из членов МК ВКП(б), а затем из кандидатов в члены ЦК. А между тем Сталин выходит из себя, дважды в одном письме возвращается к Рютину, находя для него крайние слова и угрозы, думая уже не о партийности Рютина, а об уголовном наказании его. Какой же плотный должен был быть надзор за Рютиным, какой неотступный сыск окружал его, какие силы были задействованы, чтобы знать о нем все, о его мыслях, намерениях, чтобы возбудиться гневом и прийти к решимости покончить с ним. Прочитав это письмо Сталина, трудно уже поверить в то, что донос Немова в ЦК — чистая случайность, искренний порыв законопослушного коммуниста, возмущенного антисталинскими взглядами и выпадами Рютина. Если бы это было так, Немов прервал бы откровения Рютина при первой же их беседе (они старые знакомые по Красной Пресне) в Ессентуках, а не вел бы обстоятельную, полную запись многих разговоров.

В протоколах допросов по делу «Союза», в обвинительных документах, в стенограммах заседания Президиума ЦКК многие десятки, а то и сотни раз повторяются слова «Рютинская платформа», и с каждым новым ее упоминанием становится все очевиднее, что, произнося слово «платформа» или «программа», следователи и подследственные, члены Президиума ЦКК,

все до единого, имеют в виду манифест «Обращение ко всем членам ВКП(б)».

В сообщении Ем. Ярославского, которым открылось заседание Президиума ЦКК 9 октября 1932 г., читаем: «Все вы знаете содержание этого документа, и я его не оглашаю». Речь идет о манифесте. Только его — теоретически — можно было бы огласить в публичном заседании, потратив на это 20—25 минут. Книгу Рютина, его обширную «платформу», никак нельзя было огласить.

Каменев, оправдываясь, заявил, что Ярославский «знает, ему говорил Зиновьев, что, когда я возвращал эту бумагу Зиновьеву и уезжал на вокзал, я сказал: хотя это старая к. р. дребедень, но надо обратиться к секретарям ЦК, сказать, что мы читали эту бумагу, что эта бумага нас возмутила». Сольц — член Президиума ЦКК, Сольц, которого в 1928 г. Рютин застал утешителем у постели больного Бухарина, на этот раз тоже обличает Каменева и говорит: «Стэн пришел с контрреволюционной прокламацией, а вы!..»

Следующим за Каменевым допрашивается Угланов: ему манифест вручил П. Галкин. «В начале сентября он явился ко мне с листовкой, я сразу сказал — вы, ребята, не дело затеяли, взял ее, прочитал и сразу ушел. Затем он (Галкин) опять ко мне занес прокламацию, я вернул ее через два дня и сказал, что не согласен, и сказал — ты ее запрячь и никому не показывай».

Зиновьев резче других набросился на документ, переданный ему, так сказать, любопытства ради, Стэном. Он уверял членов Президиума ЦКК, что «по бешенству» тона, по яркости контрреволюционной сущности этот «документ» представляет особый интерес, но поскольку он, Зиновьев, уже 25—30 лет читает всякую белогвардейщину, он, не видя вреда, прочитал и это. Как и Каменев, он всячески открещивается от Рютина, уверяя Президиум, что все эти люди «никогда не были героями моего романа, я их никогда не видел нигде, и они не могли питать ко мне нежных чувств», а Рютина он «видел пять лет тому назад, никаких связей с ним не было и быть не могло...».

И в показаниях Зиновьева Президиуму ЦКК, как и решительно во всех других, нет ни единой фразы или факта, за которым стояло бы знание или хотя бы беглое знакомство с большим документом, с «платформой». Напротив, есть прямое свидетельство, что «платформа» Рютина была неизвестна даже и партийным судьям — членам

и руководителям ЦКК ВКП(б), хотя до вынесения приговора по делу «Союза» осталось всего два дня (11 октября 1932 г.). Ее не знал ни председатель ЦКК Рудзутак, ни секретарь комиссии всеведущий Ярославский.

В конце заседания Енукидзе сказал: «Другой документ — «Платформа». Никто из нас его не читал, но тов. Зиновьев вкратце так его изложил, что если он теперь и попадет ко мне в руки, то я его не стану читать».

Но Зиновьев никак не излагал «платформы» Рютина. Пытаясь спастись, не решаясь повторить рютинские инвективы, он, как мог, изругивал все то же «Обращение ко всем членам ВКП(б)». Енукидзе (как, впрочем, и Рудзутак) не сказал, что «платформа» Рютина известна хотя бы ему одному, а остальным членам Президиума оставалось не так уж долго жить, и до конца их дней, уверен, «платформа» не попадала в их руки.

В продолжение долгого заседания говорили о «листовке», о «прокламации», о «бумаге» и даже о «бумажке» (Зиновьев), о чем угодно, только не об объемистой рукописи Рютина «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». Разумеется, и манифест — не листовка и не бумажка. В зависимости от характера и плотности перепечатки — это документ в 8—9, а то и в 11—12 машинописных страниц. Однако для опытного глаза политика, схватывающего мысли на лету, это документ такой краткости, сжатости, тезисности, что тут допустимы все эти уменьшительные определения. Особенно когда обвиняемый, прижатый к стене человек, хочет выразить и этакое неуважение, пренебрежение к документу, «укоротить» его, унизить, тем самым снимая с себя малейшую толику вины.

Я уже упоминал о резких различиях в мере наказания по этому делу. Ян Стэн, уличенный в распространении манифеста-обращения, был на два года сослан в Акмолинск, и уже спустя год, 19 декабря 1933 г., Ярославский просил у Сталина «указаний, не следует ли ему (Стэну) предоставить возможность (как Преображенскому, Зиновьеву и Каменеву) выехать в Москву для рассмотрения его заявления?». Сосланы были сроком на три года некоторые из тех, кто признался в передаче документов «Союза» третьим лицам. Среди них даже А. Н. Слепков, чьим именем вместе с именем Рютина поначалу называлась «контрреволюционная организация» («Контрреволюционная группа Рютина — Слепкова»), даже В. Н. Каюров, один из тех, кому надлежало руководить «Союзом», если бы удалось развернуть его деятельность.

Мы уже знаем, что десять лет одиночки (предельный в ту пору срок) были для Рютина счастливым выбором судьбы. Сталин дважды требовал его крови на заседаниях Политбюро, настаивал на расстреле. Эта версия, прочно вошедшая в исторический обиход, возможно, каким-то образом достигла и Рютина в камере на Лубянке, повлияв на тактику его поведения. Версия эта развита в книге Конквиста, в работе С. Коэна о Бухарине, недавно мы получили подтверждение ее в статье Д. Волкогонова [29]. Опираясь на документы, историк подтвердил, что Киров возражал против расстрела Рютина.

Это укрепляет меня в мысли, что и члены Политбюро не читали рукописи Рютина «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». Для тех, кто последовательно, через весь текст «платформы» именовался «кликой Сталина», у Рютина не нашлось политического и нравственного снисхождения, вина их перед народом и партией не подлежала сомнению. «У партии,— утверждал Мартемьян Никитич,— остается два выбора: или и дальше безропотно выносить издевательство над ленинизмом, террор и спокойно ожидать окончательной гибели пролетарской диктатуры, или силой устранить эту клику и спасти дело коммунизма». Трудно предположить, что верховные жрецы партии, в условиях объявленной им войны, стали бы миндальничать и отказывать Сталину в праве устранить Рютина. Тем более что в тексте «платформы» есть и прямые характеристики членов Политбюро: Молотов назван «только тенью Сталина» (прозорливость на десятилетие вперед!); Каганович изобличается в беспринципном обмане членов партии и рабочих в интересах Сталина, чтобы «...подкрепить антимарксистскую теорию своего «патрона» об усилении классовой борьбы»; Киров — «кадет и редактор кадетской газеты во Владикавказе». «Все это, можно сказать,— заключал Рютин персоналию клики,— столпы сталинского режима».

Куда же подевался подлинник «платформы», о котором рассказал В. А. Кучеров, почему он не был приобщен к следственному делу как вещественное доказательство против столь ненавистного Сталину Рютина? Ход размышлений начальника секретариата СПО по-своему логичен: если рукопись Рютина отдана высокому начальству, в деле должна находиться копия сопроводительного письма. И правда, когда спустя четыре года, осенью 1936-го, Рютин был доставлен из Суздаля на Лубянку на

расправу, когда он написал резкое, полное достоинства письмо (на обрывках оберточной бумаги) Президиуму ЦИК Союза ССР, оно было тотчас же перепечатано и отправлено не в ЦИК, не Калинину, а «антагонисту» Рютина — Сталину (так назвал Сталина Мартемьян Никитич в одном из писем, посланных из Суздаля), и в деле Рютина навеки хранится копия сопроводительного письма Ежова Сталину: «Направляю Вам заявление арестованного Рютина М. Н., адресованное Президиуму ЦИК Союза ССР».

Недоумевал начальник секретариата СПО ОГПУ, не прибавилось ясности и нам сегодня. Что-то важное может открыться только после изучения всех архивов, в том числе и личных бумаг Сталина. Была своя судьба и у семи машинописных экземпляров «платформы», изготовленных Замятиной-Черных на папиросной бумаге. Едва ли и их судьба откроется когда-нибудь нам вполне. Шли годы и десятилетия крови, страха, убийств и проклятий, но и обожествления Сталина миллионами людей — кто решился бы хранить у себя взрывоопасный текст Рютина?!

Но несомненно, что это — текст Рютина и никого другого. Никакие авторитеты из бывших оппозиций физически не могли влиять на формирование «платформы», не могли ее редактировать, дорабатывать, корректировать.

VI

Где же корни сомнений, неверия в авторство Рютина? Скрытый смысл этого неверия поначалу состоял в желании дискредитировать «платформу»: если она не продукт сильной и последовательной мысли, а случайный конгломерат текстов, если среди ее «соавторов» есть и умельцы Лубянки, неведомо зачем и весьма рискованно ужесточавшие «контрреволюционную» сущность «платформы», то и впрямь лучше забыть о ней, не включать в число заслуживающих доверия исторических документов. Но кто и зачем начал и к какому времени следует отнести эту дезинформацию?

Есть разительное различие между показаниями арестованных по делу «Союза марксистов-ленинцев» в 1932 г. и тем, что показывают четыре года спустя на Лубянке те же или другие лица, причастные к чтению и распространению рютинских документов. В 1932 г. подследствен-

ные тоже хитрят, защищаются, стараясь умалить свою вину, сколько возможно отрицать активную причастность к «Союзу»: кажется, никто, кроме тех, кто был прямо изобличен в чтении и обсуждении «платформы», вообще не упоминает ее. Авторство Рютина, как можно было убедиться, никем не оспаривалось, большой документ, «платформу», вскользь упоминают Рохкин и Марецкий, однако и в их случае полной ясности, о чем идет разговор — об «Обращении ко всем членам ВКП(б)» или о рукописи «Сталин и кризис пролетарской диктатуры»,— так и не возникает. Никто не допытывается, не уточняет: два документа, «большой» и «малый», совмещаются, не разделяясь, не раздваиваясь, не обретая отчетливо отдельного существования.

По-другому повелось дело осенью и в начале зимы 1936 г. Следователи знают, чего они хотят и чего должны добиться от подследственных, их занимает уже изобличение Рютина-«террориста» и будущие процессы 1937—1939 гг., неминуемые казни Бухарина, Каменева, Зиновьева, Угланова, Радека, а с ними и новых сотен и тысяч «врагов народа».

Когда Рютина 27 сентября 1936 г. насильно увели из одиночной камеры Суздальской тюрьмы особого назначения (так стали именоваться бывшие политизоляторы) и отправили в Москву «в отдельном купе вагонзака под усиленным спецконвоем», а с ним и его «личное дело за № 508», содержавшее бесценные для нас документы и более чем четырехлетнюю переписку Рютина с женой и сыном, он не мог строить добрых предположений о ближайшей своей участи. «При взятии п/з Рютин,— писал в сопроводительном письме временно исполняющий обязанности начальника тюрьмы младший лейтенант госбезопасности Алилуев,— закричал на коридоре корпуса: «Меня увозят!», после чего надзором тут же был закрыт рот ему на момент вывода его из коридора корпуса, чтобы не допустить дальше кричать и на этом не спровоцировать остальных п/з-х, находящихся в корпусе, чтобы последние его поддержали мерами протеста». Кончились сравнительно терпимые условия содержания в бывшем политизоляторе, чтение книг и газет, прогулки во внутреннем дворе тюремного корпуса Спасо-Евфимьевого монастыря в Суздале. Впереди другое с Рютиным обращение («как с животным», напишет он в заявлении Президиуму ЦИК Союза ССР), объявленная Рютиным «голодовка протеста».

Не исключено, что от Мартемьяна Никитича потребовали бы изобличающих показаний против Бухарина, Каменева, Зиновьева и Радека, обманно посулив ему сохранение жизни в обмен на ложь, на обвинения бывших вождей оппозиции в авторстве «платформы», якобы только названной рютинской, для прикрытия настоящих ее творцов и вдохновителей. Но поведение Рютина на Лубянке, его решительный и даже презрительный отказ отвечать на вопросы следователей показали, что и спустя четыре года одиночки перед ними прежний Рютин и на сговор, на черный оговор он не пойдет.

Имя Сталина в заявлении не названо, но слова об озлоблении и жажде расправы (черты характера и состояния, окрашенные личностно) ни к кому другому относиться не могут — они наиболее точно выражают давнюю и никогда с 1928 г. не утихавшую ненависть Сталина к Рютину.

Рютин умолк и молчал до конца, отказавшись 10 января 1937 г. отвечать на вопросы судейской «тройки» и от последнего слова. Но в продолжение сентября — декабря 1937 г. о Рютине в кабинетах следователей много говорили другие. В обвинительном заключении от 9 января 1937 г., утвержденном комиссаром госбезопасности 3-го ранга Курским и прокурором Союза ССР А. Вышинским (к слову сказать, в обвинительном заключении написано, что Рютин «являлся соавтором так называемой «Рютинской» к. р. террористической платформы правых, созданной в 1932 году» — Вышинский все еще резервировал для «правых», для Бухарина лично, место в «авторском коллективе» платформы!) определено, что Рютин «изобличается показаниями Угланова, Куликова, Котова, Лугового, Матвеева, Новоселова и др.». Я изучал протоколы допросов названных подследственных (кроме Новоселова), а также и другие, быть может, наиболее важные: Стэна, Марецкого, К. Лукницкого и К. Радека. Хотя допросы велись многими следователями, все они добивались одного: признания, что Рютин, именно Рютин и прежде всего он из числа охваченных «Союзом марксистов-ленинцев», исповедовал террор как верный, если не единственный, путь борьбы со Сталиным и его окружением. К документам, которыми оперировало ОГПУ при рассмотрении дела в 1932 г., не прибавилось ни строки, но теперь, после расправы над Кировым, многие фразы и прочитываются по-новому, а главное, подкрепляются разоблачительными показаниями подследственных.

«Рютин в нашей организации являлся одним из наиболее озлобленных против руководства ВКП(б),— показал Е. Куликов 10 сентября 1936 г.— Рютин в беседе с Уграновым в 1932 году высказывал террористические настроения в отношении Сталина. Тогда же Рютин говорил Угланову, что единственным способом устранения Сталина является путь террора». Обвиняемый А. В. Луговой-Левенштейн подтверждает решительно все требуемые от него характеристики «правых» и «троцкистов», Рыкова, Угланова, Бухарина, мертвого уже Томского и говорит (14—15 сентября 1936 г.), что рютинская группа «была наиболее озлобленной, агрессивно настроенной и стояла на террористической позиции борьбы с руководством ВКП(б)... Томский сказал мне («летом 1934 года,— уточнил Луговой-Левенштейн,— в одной из моих встреч с Томским на его даче в Болшеве...»), что группа Рютина была непосредственно связана через Угланова с ним, Томским, что группа эта была явно террористическая...»

То же твердил на допросе у заместителя начальника СПО Коркина 22 ноября 1936 г. и Д. Марецкий: «Группу Рютина следует рассматривать как крайний, наиболее радикальный фланг нашей контрреволюционной организации... Все мы были в курсе этих террористических установок...» Таким же образом характеризует Рютина и его документы В. А. Котов (29 октября 1937 г.).

23 сентября 1936 г. заместитель начальника СПО Берман снимает показания с Угланова, которого, судя по всему, хотят превратить в одну из ключевых фигур антипартийного заговора правотроцкистского блока.

Вопрос: «Мы предъявляем вам так называемую Рютинскую платформу за подписью «Союз защиты ленинизма» (уже из этой «подписи», как изо всей последующей цитаты, ясно, что очередной раз манифест-обращение выдается за «платформу».— *А. Б.*). На странице 9-й этого документа сказано: «Сталин и его клика не хотят и не могут уйти со своих мест. Поэтому они должны быть устранены силой». Будете ли вы и сейчас утверждать, что вопрос о методах «устранения» руководства ВКП(б) в вашей организации не предвосхищался?»

На состоявшемся позднее процессе Угланов не подтвердит ответов, вынужденных следователем Берманом и зафиксированных в протоколе, но Рютин и судим был предусмотрительно отдельно ото всех, и расстрелян еще до начала процессов 1937—1938 гг.,

и обвинительные признания Угланова для его судей сохранили полную силу.

Ответ: «Утверждая это — я говорил неправду. В действительности, процитированное Вами место из т. н. Рютинской платформы (Угланов тоже знал только манифест-обращение и не случайно называет его «т. н. платформой».— *А. Б.*) говорит о том, что центр нашей организации в 1932 году признал целесообразность и необходимость применения террористических методов борьбы против руководителей ВКП(б) и в первую очередь против Сталина. Что касается самой т. н. группы Рютина, то она в составе организации правых являлась одним из наиболее тщательно замаскированных звеньев, будучи связана с центром организации через меня лично».

Членам подготовительного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР (Ульриху, Матулевичу, Рычкову и прокурору СССР Вышинскому) и этой откровенной лжи показалось мало. 9 января 1937 г., накануне «судебного разбирательства», в формулу обвинения было внесено кощунственное «уточнение»: «Рютин высказывал желание лично принять участие в убийстве т. Сталина».

Угланов, как и многие другие, впадавшие на разных этапах в «грех» троцкистской или «правой» оппозиции, хорошо знал, что мятежный, даже неистовый Мартемьян начиная с весны 1928 г. неизменно зовет к открытой дискуссии, к прямому и массовому выступлению коммунистов против сталинского диктата, призывает устранить Сталина и его клику от руководства ВКП(б), зовет к неповиновению. А если и к «устранению силой» (есть такая формула в обоих документах), то устранению не из жизни, а из кабинетов деспотической власти. Разговор всякий раз идет не о террористическом заговоре, а о необходимости разбудить массы коммунистов, открыть им глаза на предательство ленинизма Сталиным.

Среди допросных материалов 1936 г. есть два протокола показаний, направленность и цель которых состоит прежде всего в том, чтобы поставить под вопрос или вовсе отрицать авторство Рютина (хватит с него «террористических» помыслов и планов), переложить вину за написание «платформы» и обращения на Бухарина и бухаринцев, на Рыкова, Томского, Рохкина, кого угодно, а Рютина объявить этакой «ширмой», отчаянным честолюбцем, готовым пойти на смерть ради спасения бывших вождей «правых». Не имея сил сопротивляться следствию, Ян Стэн, подтвердив, что именно он приносил

Каменеву и Зиновьеву для совместного обсуждения так называемую «платформу» так называемой «группы Рютина», продолжал: «В действительности эта платформа вырабатывалась группой участников организации «правых» — профессоров ИКП, в том числе Рохкиным, по указанию Бухарина, Рыкова и Томского. Это была часть организации «правых», которая должна была сыграть роль ширмы для прикрытия настоящих авторов платформы в случае провала».

Стэн и Угланов бесспорно знали, что ни Рыков, ни Бухарин, ни Томский, ни даже профессор Рохкин не писали и не редактировали «платформу». А прочитай они ее сами, Угланов и Стэн, они обнаружили бы, что «бухаринцы» и не могли иметь отношения к тексту, весьма резкому, чтобы не сказать беспощадному по отношению к Бухарину, Угланову, Радеку и другим. В этой связи вынужден еще раз напомнить хотя бы одно (из уже цитированных мною) место «платформы» — рукописи Рютина «Сталин и кризис пролетарской диктатуры»: «Именно в такой момент, как настоящий, когда губится дело Маркса, Ленина, когда Сталин под лживые крики о победах социализма вонзает нож в спину пролетарской революции, больше чем когда-либо прямой обязанностью всех честных подлинных вождей партии является не презренное халуйство («халуйство» — таково неизменное написание Рютиным этого слова.— *А. Б.*) перед Сталиным и обман масс, чем занимаются Бухарин, Радек, и даже не молчание, как это делают Рыков, Томский, Угланов и бывшие вожди троцкистской оппозиции, а новая, мужественная борьба, не останавливающаяся перед исключением из ЦК, перед исключением из партии и даже перед перспективой ссылки».

Едва ли столь нелестные слова написали бы о Бухарине его ученики из ИКП, а ведь эта оценка не единственная в «платформе». Но и сам Стэн «платформу» не читал. Из показания Рохкина 1932 г. мы знаем, что данный ему экземпляр «платформы» для передачи Стэну (через Мебеля) адресату не попал: только сутки, с 16 по 17 сентября, она была на руках у Мебеля, и тот возвратил ее Галкину, так как начались аресты — уже был взят М. С. Иванов.

Стэном на исходе 1936 г. наверняка владело чувство безнадежности, он уже беспрекословно подчинялся требованиям следствия. Но немалую роль играла и недооценка личности Рютина, его духовного и теоретического потенциала: какой, мол, из этого мужика-упрямца идеолог и теоретик?! Взойти на плаху за други своя — куда ни шло! Набраться храбрости и закрыть собой «вождей»? Возможно... Но создать серьезную «платформу»? Такого подвига Стэн искреннейшим образом за Рютиным числить не мог.

Выскажу, быть может, парадоксальную мысль: именно Сталин более всех других допускал в Рютине сопротивляющуюся ему, непокорную, зрелую мысль и силу, интуитивно чувствовал ее, ненавидел неподкупность и цельность Рютина, его сложившийся бескомпромиссный характер, его политическое, а значит, и программное противостояние. Кажется, только Сталина (одного Сталина!) не обвинишь в недооценке Рютина.

Стэну вторит допрошенный Берманом 27—29 декабря 1936 г. Карл Радек. Бухарин, по его словам, при одной из давних встреч «приводил факты ареста группы Рютина в Москве, когда организация правых не была раскрыта только потому, что участники группы, а главным образом Рютин, старались представить группу как «дикую», а не часть организации правых и взяли на себя полностью вину за платформу организации правых».

Следственные «заготовки» Бермана и Люшкова не понадобились на процессе над Бухариным и другими. И тактически это было разумно. Назови Вышинский на процессе автором «платформы» Бухарина, и она неизбежно привлекла бы к себе пристальное внимание, стала бы, так или иначе, предметом «судоговорения», пришлось бы, определяя ее преступный характер, ее кощунственность и «неслыханные клеветы», подтверждать все это какими-то цитатами, положениями «платформы», бросать крамольные строки в массы. Этого не допустил бы Сталин. Реальность «платформы», ее действительное содержание странным образом уходили в тень, выход нашелся в глухом и зловещем упоминании некой неведомой, закрытой ото всех так называемой «Рютинской платформы», в которой «глухо о терроре» и которой почему-то держался теоретик Бухарин.

Однако и эти показания двух публицистов и теоретиков — Радека и Стэна — со временем укрепляли на Лубянке сомнения в авторстве Рютина. Таежный житель, окончивший начальную школу в Верхне-Рютине и Иркутскую учительскую семинарию, никак не числившийся в интеллектуальной элите партии, по всем статьям проигрывал профессорам-эрудитам и блистательным икапистам.

И было нечто привлекательное, романтическое в легенде о бесстрашном простолюдине, принявшем казнь, но не открывшем имени (имен!) настоящего автора «платформы». Стэн и Радек так незатруднительно, легко пошли на версии, отказывавшие Рютину в авторстве, передающие авторство более достойным, а главное — более близким к мифическому центру мифической организации правых, что и самим следователям, Люшкову и Берману, могла показаться вполне достоверной ими же инспирированная легенда.

Высший следственный эшелон, жизнью приученный к тому, что Радек — теоретик, один из идеологов Коминтерна, знаменитый публицист — не мог за Рютиным числить и десятой доли радековских доблестей, не ведал и не мог осмыслить масштабов личности Рютина. Они бы не осмыслили ее, даже прочитав в одном из писем Рютина из Суздальской одиночки (6. XI. 1934 г.) ироническую характеристику Карла Радека, так опрометчиво недооценивавшего способности Мартемьяна Никитича.

«К некоторым словам я отношусь с особым почтением и пиететом,— иронизировал Рютин.— Ибо есть не только слова-рабочие, но и слова-«ударники»! Такие слова, как «дальнейшее», еще — «недостаточно», «некоторые»... и пр.,— это подлинные герои теории и практики. Они по первому призыву самоотверженно бросаются в самые опасные «прорывы» нашей логики, поведения, фактов и иногда уже одним своим появлением мгновенно заполняют их.

Правда, еще Локк в своем «Опыте о человеческом разуме» говорил об их коварной роли в человеческом мышлении. Но нам-то какое дело до того, что говорил этот скучный, сухой английский сенсуалист, этот полуматериалист, полуагностик?! Что полезно, то и истинно! А потому — долой сенсуализм Локка и да здравствует прагматизм Джемса!

Вон, т. Радек, например, поженил прагматизм на материализме и диалектике, а посмотрите, какой прелестный симбиоз получился! И диалектика сохранена, и истина, как обширный, длинный коридор гостиницы, предоставлена к общему пользованию всех ее жильцов. Из какого номера хочешь из того и входи в нее. В одном номере живет Карл Бернгардович, в другом его друг и соратник по борьбе за мир и за освобождение Саарской области от германского империализма г. Пертинакс, в третьем корреспондент «New York Times» и пр. И удобно, и диалектично!»

И этого человека, эту личность Карл Радек и Стэн готовы были признать простой «ширмой», этаким храбрецом-заговорщиком, неспособным, однако, создать серьезный теоретический труд!

VII

Прочитав и переписав от руки (чтобы по возможности войти во внутренний мир Рютина) более 150 писем Мартемьяна Никитича, сохранившихся в машинописных копиях в его тюремном деле, я узнал бы его руку и мысль в брошюре «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», даже будь ее авторство анонимно, закрыто, затеряно во времени. Современные машинные методы анализа могли бы в считанные часы развеять последние сомнения.

Отныне сам спор о том, кто автор «Рютинской платформы», представляется мне научно некорректным и странным. Издав в едином томе литературное наследие Рютина: его брошюры 1924—1927 гг., автобиографию 1923 г., письма из Верхне-Уральской и Суздальской тюрем, «Обращение ко всем членам ВКП(б)», рукопись «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» и заявление в адрес Президиума ЦИК Союза ССР, мы получили бы книгу редкой духовной и публицистической целостности, в ней только некоторые страницы первых брошюр свидетельствовали бы о невольных заблуждениях молодого Рютина, вскоре отброшенных и искупленных ценой пожизненной борьбы и смерти.

В этих заметках я не вправе обойти молчанием один документ, сохранившийся в следственном деле Рютина. На первых же допросах у Балицкого и Молчанова Рютин оставлял за собой одним право решать, будет ли он и дальше и уже (по его выражению) «в открытую» «вести борьбу против ЦК и генеральной линии партии». Он давал правдивые фактические показания без тени раскаяния. «Я сам был вдохновителем организации,— как мы уже знаем, заявил он,— я стоял во главе ее, я один целиком писал платформу и обращение».

А 3 октября 1932 г., спустя шесть дней, Рютин пишет в СПО следующее заявление:

«Тов. Молчанов! Я бесповоротно решил капитулировать и своей работой искупить преступления, совершенные мною перед партией за последние четыре года». Хотя

Рютин вскользь проборматывает и о «раскаянии», ни о каком подлинном раскаянии и отказе от прежних взглядов и оценок не может быть и речи. Все, что он действительно думает о состоянии страны, об ответственности партии, о палачестве одних и ничтожестве и холуйстве других, достаточно ясно встает из рютинских тюремных писем, за искусным прикрытием эзопового языка.

Заявление Рютина по краткости и по тону — деловой документ, прагматическое обращение к беспощадной, страшной силе, способной раздавить и уничтожить. Не «чувствительные» слова, не вымаливание прощения или снисхождения, а попытка продиктовать — продиктовать и в поражении! — новые условия борьбы, новое соотношение сил: «Я бесповоротно решил капитулировать...» Не покаянные удары в грудь, не горестное признание в пагубности и ошибочности своих взглядов, не плач по собственным заблуждениям, а все та же несклоненная голова, личность, сохраняющая свое право решать, свою конечную, высшую независимость: «Я бесповоротно решил капитулировать!»

Что же подтолкнуло Рютина к нелегкому и, на первый взгляд, такому не рютинскому решению? Быть может, он узнал, что за вину «Союза», так и не успевшего развернуть активную деятельность, предположена жестокая, жесточайшая кара, а не высылка из Москвы или пятилетний лагерный срок? Возможно, он узнал то, чего просто не мог себе представить, даже и зная жестокость Сталина: требование казни для него, Рютина?

Трудно сказать. Но если Рютин узнал о настойчивом требовании Сталина расстрела для него, если открылась или только просквозила намеком такая возможность, до этой поры просто непредставимая,— то Рютин не мог не отвергнуть безвестную смерть «в подворотне», это скрытое от мира удушение в самом начале борьбы. Надо выжить, время перемен впереди. Рютин верил в это, и потому: «Я бесповоротно решил капитулировать!» Полная энергии рютинская фраза: если решил, то бесповоротно, и не просто отступить, покаяться, а капитулировать, как в чем-то равная борющаяся сторона.

Когда мы узнаем о дне заседания Политбюро, на котором голосовалась жизнь и смерть Рютина, мы получим новый материал для размышления о том, почему Рютин написал свое заявление именно 3 октября 1932 г., а не несколькими днями раньше или позже. Вспомним: в «платформе» Рютин допускал как тактический элемент

борьбы «признание ошибок», считая нетерпимой «капитуляцию». Он имел в виду публичную, с трибун и в печати, капитуляцию, которая деморализует политического деятеля, навсегда дискредитирует его в глазах партийной массы. «Я бесповоротно решил капитулировать...» В случае с заявлением Рютина Молчанову, начальнику Секретно-политического отделения ОГПУ,— это тактический ход, стремление сохранить жизнь, «чтобы через некоторое время,— цитирую вновь платформу Рютина,— открыто выступить и еще раз показать массам, к чему привели политика и руководство Сталина, призвать массы членов партии покончить с гибельным для партии и страны руководством бесчестного диктатора».

Что Рютин на самом деле не дрогнул и не капитулировал, об этом неопровержимо свидетельствует его поведение на судилище 10 января 1937 г., когда смертный приговор не мог уже вызывать у него сомнений. «Признает ли подсудимый себя виновным?» — спросил председатель Ульрих. «Подсудимый заявил, — читаем мы в протоколе № 000111,— что ответа на этот вопрос дать не желает и вообще отказывается от дачи каких-либо показаний по существу предъявленных ему обвинений».

Был год 1937-й. А в году 1932-м Рютин, не нанося никому ущерба, делает тактический ход, чтобы выжить и вернуться к борьбе.

Думается, что вопрос о том, кто был автором «платформы» — брошюры «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», можно считать выясненным. Труднее сказать, кто смог, кто успел прочитать эту работу Рютина. Читал ее Сталин по рютинскому подлиннику (почерк Рютина — отчетливый, разборчивый) или по машинописной копии? Времени на прочтение у всех, кроме него, было слишком мало. Если переданная Сталину «платформа» была им прочитана, зарядив его пожизненной ненавистью к Рютину, то вслед за этим она могла быть уничтожена, чтобы ничей взгляд никогда не коснулся ее страниц.

С какого экземпляра снимались впоследствии копии — трудно сказать. Твердо верю, что копия, принадлежавшая архиву КГБ с отметкой на титульном листе вверху слева: «Обнаружено при обыске 15. X. 1932 года в селе Головино во дворе у Сильченко П. А.», существует, а значит, однажды придет к исследователям.

Примечания

[1] ЦПА. Письмо В. А. Кучерова в КПК при ЦК КПСС от 26 октября 1962 г.

[2] ЦПА. Акт от 15 октября 1932 г. Т. 1 (реабилитационного дела М. Н. Рютина).

[3] Центральный архив КГБ. Тюремное дело на заключенного Рютина. № Н.—11345. Все цитируемые здесь и далее письма М. Н. Рютина находятся в материалах этого дела.

[4] ЦПА. Ф. 589. Т. 2.

[5] Центральный архив КГБ. Следственное дело Н. А. Стороженко (1937 г.).

[6] О деле так называемого «Союза марксистов-ленинцев» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6.

[7] *Жуковская Ю. З.* О неистовом Мартемьяне // Вопросы истории. 1990. № 3.

[8] ЦПА. Ф. 589. Т. 2. Стенограмма заседания Президиума ЦКК ВКП(б) 9.10.1932 г.

[9] *Лиходеев Л. И.* Поле брани, на котором не было раненых // Дружба народов. 1989. № 11. С. 64.

[10] ЦПА. Ф. 589. Т. 2. Стенограмма заседания Президиума ЦКК ВКП(б) 9.10.1932.

[11] *Икрамов К. А.* Дело моего отца // Знамя. 1989. № 5. С. 71.

[12] *Шишкин И. Б.* Дело Рютина // Вопросы истории. 1989. № 7.

[13] *Жуковская Ю. З.* О неистовом Мартемьяне // Вопросы истории. 1990. № 3.

[14] О деле так называемого «Союза марксистов-ленинцев» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6.

[15] Центральный архив КГБ. Показания М. Н. Рютина следователю Балицкому 24 сентября 1932 г.

[16] Там же.

[17] Центральный архив КГБ. Протокол допроса М. Н. Рютина следователем Молчановым от 28 сентября 1932 г.

[18] Центральный архив КГБ. Дело № 236173. Т. 4.

[19] ЦПА. Заявление К. А. Замятиной-Черных в КПК при ЦК КПСС от 30 июня 1961 г.

[20] *Рютин М. Н.* «Прочитав, передай другому». Публикация А. Ваксберга // Юность. 1989. С. 22—26.

[21] *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М., 1988. С. 410—411.

[22] Центральный архив КГБ. Дело № 236173. Т. 4.

[23] Центральный архив КГБ. Протокол допроса М. Н. Рютина следователем Молчановым от 28 сентября 1932 г.

[24] ЦПА. Письмо М. С. Иванова в Президиум ЦКК ВКП(б) от 21 декабря 1932 г.

[25] Центральный архив КГБ.

[26] Известия ЦК КПСС. 1990. № 3.

[27] ЦПА.

[28] См.: Коммунист. 1990. № 11.

[29] *Волкогонов Д. А.* Триумф и трагедия // Октябрь. 1989. № 10.

«Я НЕ БУДУ ПРОСИТЬ ДАЖЕ О ПОМИЛОВАНИИ»

Этот раздел открывают два документа: заявление А. С. Немова в ЦК ВКП(б), представляющее собой по сути политический донос, а также ответ, подготовленный М. Н. Рютиным для партколлегии ЦКК ВКП(б). Характер немовского заявления позволяет сделать вывод, что против Рютина была предпринята провокация. Немов, типичная «подсадная утка», действовал по указке соответствующих органов. В заявлении очень точно передаются основные положения разговоров с Рютиным, и на очной ставке в партколлегии ЦКК Немов почти слово в слово повторил их. Очевидно, не все, о чем шла речь в его заявлении, говорилось Рютиным. Тогда читатель вправе задать вопрос: откуда все это взялось? Попробуем высказать предположение.

В это время в ЦК ВКП(б) с большим письмом о положении в партии и государстве обратились В. А. Каврайский и И. С. Нусинов. Оба входили в группу Сырцова — Ломинадзе, за которой уже наблюдали сотрудники СПО ОГПУ. В письме, а также в агентурных записях разговоров членов этой группы содержались и такие оценки, которые Немов вложил в уста Рютина. Можно предположить, что это было сделано для большей дискредитации Рютина.

Однако не стоит отрицать, что Мартемьян Никитич разделял эти взгляды. Он вполне мог их высказывать если не в разговоре с Немовым, то в кругу единомышленников.

Эти документы (заявление Немова и ответ Рютина) были размножены и разосланы членам Политбюро и членам партколлегии и Президиума ЦКК ВКП(б). Копия заявления Немова хранится в Центральном партийном архиве в фонде В. В. Куйбышева, а также в личном партийном деле М. Н. Рютина.

В раздел включены также материалы последних четырех лет, которые М. Н. Рютин провел в одиночном заключении сначала в Верхне-Уральском, а затем в Суздальском политизоляторе. По-разному складывалась жизнь «тюремных сидельцев»: одни начинали каяться, писали прошения о помиловании, сочиняли хвалебные панегирики Сталину; другие, наоборот, бурно протестовали, вступали в бесконечные конфликты с тюремным начальством. Но были и такие, кто в невероятно трудных условиях продолжал напряженную интеллектуальную работу, самообразование, научно-теоретические исследования. К их числу принадлежал Рютин.

Его тюремная переписка — это послания человека, не сломленного судьбой. Этот уникальный исторический источник позволяет полнее раскрыть личность М. Н. Рютина — человека, педагога, политического деятеля, ученого-обществоведа. Сегодня эти письма — один из немногих документов начала 30-х годов, рассказывающие об условиях быта и содержания политических заключенных в советских тюрьмах. Следует иметь в виду, что подлинное положение дел в политизоляторах было не такое радужное, как это изображал в своих письмах М. Н. Рютин.

Особо стоит вопрос, насколько искренним был Рютин, когда писал о Сталине как об общепризнанном вожде, о выдающихся победах социализма. Представляется, что это был тактический маневр. Не надо забывать: все письма проходили цензуру СПО, и любая неосторожная фраза Мартемьяна Никитича могла погубить не только его самого, но и семью. Этим же можно объяснить и то место в его заявлении в Президиум ЦИК, где он говорит об отказе от политической борьбы.

В переписке поднимается широкий спектр вопросов: литература и искусство, новейшие достижения мировой науки и техники, проблемы экономики, истории, педагогики. Особый интерес представляют рассуждения Мартемьяна Никитича о философии, внутренней и внешней политике. Политическая интуиция позволила Рютину, этому «тюремному оракулу», располагавшему лишь информацией периодической печати, безошибочно предсказать последствия прихода к власти Гитлера в Германии, экспансии Японии на Дальнем Востоке. Эзоповым языком говорил он о внутриполитической ситуации в СССР, о режиме личной власти Сталина. Тюремная переписка наглядно демонстрирует эволюцию политических взглядов Рютина —

от непримиримости к диалогу и возможному сотрудничеству с социал-демократами. Это было своеобразным политическим «прозрением». В сборник вошла лишь малая толика его эпистолярного наследия, ныне хранящегося в семье Рютиных.

В переписке сильны личные мотивы. Большинство писем адресовано жене Евдокии Михайловне (Дуне). Здесь Мартемьян Никитич раскрывается прежде всего как человек, отвечающий перед обществом за воспитание своих детей и внуков. В письмах упоминаются дети: Василий, Любовь и Виссарион (Виря), внуки Артем и Юля, муж дочери Любы Захар, жена сына Василия Ната, братья жены Тихон Михайлович и Михаил Михайлович Константиновы. Значительный интерес для изучения педагогических взглядов Рютина представляет переписка с сыном Виссарионом.

В заключение раздела приводится заявление М. Н. Рютина в ЦИК СССР от 4 ноября 1936 года. Это последний известный нам документ, написанный его рукой. Он хорошо понимал и представлял бесполезность обращения в высший законодательный орган, зная, что все решает лично Сталин. Однако апеллирует именно к ЦИК СССР, тем самым отстаивая идею будущего правового государства, к пониманию которой он пришел, изучая труды философов и юристов. Этот документ был, по сути дела, заключительным актом его драматической борьбы со сталинщиной.

Все усилия сломить Рютина оказались напрасными: прощения он не просил и на колени перед всесильным диктатором не встал.

ЦК ВКП(б)

Будучи в отпуску по болезни в августе мес. с. г. в Ессентуках, встретил там т. Рютина, которого знаю по работе в Кр.-Пр. районе. Мы в Ессентуках встретились с ним в течение августа примерно 8—10 раз. Вот вкратце то, что он мне говорил:

«Политика правящего ядра в ЦК партии во главе со Сталиным губительна для страны и что, безусловно, к весне 31 г. наступит полнейшее банкротство этой политики. Будет такое положение, когда никакой формально оппозиции не будет, но Сталина никто не поддержит.

И политика этого шулера и фокусника — Сталина — будет разоблачена. Вот к тому времени надо быть готовым».

«Доклад Сталина на съезде партии — это сплошное шулерство и надувательство пролетариата. Сталин ничего не говорил о забастовках, которые мы имели и имеем в стране, вследствие тяжелого материального положения рабочего класса».

«Сталин издевался над рабочими, когда говорил, что реальная заработная плата повысилась».

«Весь мир знает, что никогда не было такого тяжелого материального положения рабочих в СССР, как в последнее время».

«Политика, проводимая им с колхозами, явно провалилась, крестьяне в колхозы не идут и хлеб не дают и партии больше не доверяют».

«В стране сейчас наступил финансовый крах, то, что приписывают отсутствие мелкой разменной монеты спекуляции, очковтирательство, ибо это является следствием той же губительной сталинской политики».

«Мы считали выступления тт. Рыкова и Томского на съезде партии ошибочными».

«Мы об этом говорили, что все равно их в ЦК оставят. И зря они выступили с раскаянием».

«Сталин и его группа хотели, чтобы Н. И. Бухарин писал статьи покаявшегося грешника, но Н. И. нам передал, что ни одной строчки, что бы с ним ни сделали, он больше не напишет».

«Основная работа правых сводится в настоящее время к тому, чтобы всюду и везде распространять среди рабочих, что бедой и несчастьем для страны является этот фокусник и шулер Сталин».

«Эту мысль надо крепко внедрять на предприятиях и в деревне».

«Когда Сталина смахнут, тогда с остальными легко будет справиться».

«В стране назревают серьезные события, поэтому нужно подготовить кадры на предприятиях для выступления против нынешней политики».

«Мы встретили много троцкистов и осторожно их прощупывали. Они начинают более откровенничать. И, конечно, в будущем нам придется вместе с ними работать на следующей основе: троцкисты с Троцким во главе должны будут признать, что выдвинутые ими в своей платформе экономические мероприятия

являются губительными для страны, что и подтвердилось на практике, т. к. троцкистская экономическая политика проводится сейчас Сталиным, а выдвинутая нами, правыми, экономическая политика является неправильной, но зато мы признаем, что оценка, данная троцкистами в платформе о внутрипартийном положении, является безусловно правильной, что мы, выступив против этой оценки, безусловно, ошиблись».

«Наличие в стране термидорианства факт бесспорный».

«Расправы с лучшими членами партии заставили всю партию молчать и «единогласно» подымать руки».

«На мой вопрос: «Кого же можно сейчас выбрать генеральным секретарем вместо т. Сталина»,

т. Рютин продолжал:

«Никаких генеральных секретарей не будет, мы будем настаивать, чтобы управлял коллектив, ибо если будет ген. секретарь, то нет гарантии, что не повторятся те же комбинации и фокусы, которые проводятся Сталиным».

«Вообще состав Политбюро придется чаще менять, чтобы там не засиживались, ибо в основном нынешний состав ПБ оторван от масс».

«На съезде партии выдвигали мою кандидатуру в ЦК, но предварительно хотели, чтобы я выступил в прениях, тов. Каганович в разговоре со мной явно мне на это указывал, но я очень ловко увильнул от этого предложения».

«В то же время находился в Кисловодске т. Максимов, быв. пред. ГЭТа. Т. Рютин заявил, что он едет для переговоров с кое-какими ребятами в Кисловодск и в том числе он имеет в виду тов. Максимова, который имеет большие связи среди московских рабочих. Вернувшись оттуда, он мне сказал, что все ребята, с которыми он говорил, полностью с ним солидарны в отношении оценки политического и экономического положения страны и с методами дальнейшей работы в отношении дискредитации т. Сталина и т. д., за исключением т. Максимова, с которым нужно быть очень осторожным. Хотя он его и осторожно прощупывал во время разговора, все же т. Максимов сразу дал резкий отпор».

Далее т. Рютин говорил:

«К нам теперь приехала игуменья Коган — зав. агитпроп. МК партии. Она старается за столом заводить разговор на политические темы, но почти все сидят и молчат, потому что знают, что малейшее слово может быть использовано ею против нас».

«Я же, разговаривая с такими официальными людьми и повыше, всегда делаю вид, что полностью согласен с нынешней политикой партии».

«Ряд тт., которых я встретил за последнее время из агитпропщиков и пропагандистов, вынуждены сознаться, что они превратились в перманентных брехунов и приходится на предприятиях перед рабочими выдумывать всякие причины, чтобы оправдать эту гнилую политику. Рабочие понимают эти фокусы и начинают очень резко их встречать на предприятиях».

Перед отъездом в последней беседе т. Рютин дал мне свой домашний адрес и просил с ним обязательно продолжать связь в Москве.

Причем сказал:

«Работу вести среди людей, хорошо тебе известных, и, учитывая ошибки прошлой оппозиции, надо пока вести работу и беседы с глазу на глаз. Если кто-либо провалится и выдаст, то нужно решительно отказываться от всего и т. к. не будет никаких свидетелей, то ничем не рискуешь, ибо не будет улик».

О братских компартиях Рютин говорил, что «вследствие сталинской политики мы потеряли больше половины состава во всех компартиях и оставшаяся часть находится в состоянии разложения».

Все вышеизложенное считаю необходимым довести до сведения ЦК ВКП(б).

Член ВКП(б) с марта 1917 г.
п. б. № 0032555

А. Немов

Печатал сам.

ЦКК ВКП(б)

т. Ярославскому

Вами и т. Шкирятовым мне предложено дать письменные показания по поводу поданного на меня Немовым заявления, обвиняющего меня в принадлежности к правым и в распространении взглядов правого уклона. Я еще раз письменно заявляю, что то, что написано в заявлении, на 99% самая гнусная ложь.

В заявлении, во-первых, написано много такого, о чем я абсолютно не говорил с Немовым ни слова.

Во-вторых, то, о чем я с ним говорил, перевернуто вверх ногами, невиданно извращено.

Мы с Немовым на курорте говорили по хозяйственным и политическим вопросам раза три-четыре. Встречались у источника и на улицах, конечно, больше, чем четыре раза.

Суть всех наших разговоров с Немовым сводится к следующему.

Немов спросил меня — как мои настроения?

1. «Я ведь целиком никогда не был с группой Бухарина. Теоретических взглядов Бухарина и его последователей в области исторического материализма (теория равновесия и пр.) я никогда не разделял. То же самое должен сказать и о теории организованного капитализма, о теории мирного врастания кулацких кооперативных гнезд в социализм, о теории самотека. Сталина даже тогда, когда я в 1928 году выступил против него на бюро Краснопресненского райкома,— я считал самым крупным вождем партии, способным проводить в жизнь ленинские принципы. Я тогда допустил отступления от линии партии в вопросе о темпах и в оценке положения в деревне. Я считаю, что т. Сталин напрасно ошельмовал меня и ловким маневром вытряхнул с партийной работы. Я считаю это нечестным с его стороны по отношению ко мне». Вот суть этой части моего разговора. За точность отдельных слов я, конечно, не ручаюсь, но за смысл ручаюсь. Немов мне ничего не возражал. (Необходимо заметить, что и по другим вопросам Немов во время наших разговоров нигде мне не возражал и не говорил, что я ошибаюсь, а высказывал свои взгляды в том же тоне, как и я.) Как вы видите, я говорил, что товарищ Сталин напрасно и неправильно ошельмовал меня. А Немов передернул слова и получилось «Сталин — фокусник, жулик». Перестановка небольшая, но существенная. Черное сделано белым, белое черным. Я к тому же говорил о прошлом, Немов же это превратил в настоящее. Может быть, и то, что я сказал о т. Сталине в вышеприведенных выражениях, я не должен был говорить? Это другое дело. Но это совсем не то, что пишет Немов.

2. Относительно общего хозяйственного положения — я говорил, что этот год будет весьма напряженным. Особенно трудное положение будет к весне. Немов снова это превратил в предсказание краха нашей политики. Что этот год для нас будет весьма напряженным — от этого взгляда я не отказываюсь и теперь. Но мне кажется, в этом нет ничего антипартийного и правоуклонистс-

кого. Конечно, имеет значение тот «акцент», с каким говорят о напряжении. Но смею заверить, что трудностей я не пугаюсь и понимаю их связь с теми условиями, в которых нам приходится заниматься социалистическим строительством.

3. О термидоре и забастовках я ни слова не говорил. Тут все вымышлено от начала и до конца. Я не троцкист и не устряловец, чтобы городить такую чепуху.

4. Все, что говорит Немов — насчет моих разговоров о колхозах,— также ложь. Я говорил лишь о контрактации и то по совершенно конкретному факту. Наркомзем РСФСР Муралов, бывший со мной в санатории и ездивший по некоторым колхозам и станицам, рассказывал в санатории, что в связи с неумелым подходом к снятию законтрактованного скота в станицах снова начали вырезывать скот. Я говорил, что это безобразие, головотяпство. Говорил я о районировании, что, пожалуй, рано ликвидировали округа. (Я эту мысль, между прочим, высказывал и в одной короткой беседе с т. Сталиным на П. Б.) Но ведь это же совсем не то, о чем лжесвидетельствует Немов.

5. О статье Брюханова я говорил следующее. «Что вредители и контрреволюционеры в срыве нашей валюты играют крупнейшую роль — это верно, но очевидно, мы переборщили и с выпуском денег». Это почти дословно и все.

6. О заграничных партиях я с ним также не говорил. Я это, по крайней мере, не помню. Речь здесь может идти, очевидно, лишь об одной-двух фразах. Но я ручаюсь, что я не мог говорить того, что пишет Немов, ибо я считаю очищение наших братских коммунистических партий от оппортунистических элементов и от примиренцев решающей задачей их большевизации. В политике Коминтерна у меня, между прочим, никогда не было колебаний и расхождений с партией, даже тогда, когда я колебался по внутренним вопросам.

7. Якобы я говорил, что напрасно выступили Рыков и Томский о том, что Бухарин что-то кому-то передавал, что надо готовиться к весне, что официально нужно голосовать за линию партии, а подпольно вести против нее работу,— все это гнусная клевета и отсебятина. Я с Бухариным не только прямых, но даже и косвенных связей не имею уже более полутора лет. Что он думает, каковы его взгляды и настроения — я совершенно ничего на этот счет не знаю. Кроме того, я заявляю, что у меня

нет никаких расхождений с партией и ЦК, и я полностью разделяю и поддерживаю решения 16-го съезда ВКП(б).

8. В заключение я хотел бы обратить внимание ЦКК на одно обстоятельство, которое, хотя и косвенно, но чрезвычайно основательно вскрывает лживость заявления Немова. По его заявлению и по показаниям выходит так, что я его убеждаю, что линия партии неверна, а он возражает, я убеждаю, он возражает. При этом я прекрасно знаю, что взгляды правых и примиренцев несовместимы с принадлежностью в ВКП(б). Не слишком ли наивным болтуном (если бы я был правым) изображает меня Немов? Тут явно что-то не вяжется.

Или, может быть, мы оба с ним вели правые разговоры. Но тогда Немов не подал бы заявления. Это тоже абсурд.

Остается третий вывод, что заявление Немова клевета. Спрашивается, почему оклеветал меня Немов. Я лично нахожу для этого только одно объяснение. Во время борьбы с троцкистами мне на Красной Пресне приходилось с ним бороться как со скрытым троцкистом, вызывать его в райком, политически бить и разоблачать.

Он при очной ставке заявил, что с троцкистами не имел ничего общего и во время борьбы с ними был за границей. Что то, что я говорю, правда, могут подтвердить, если не позабыли, Галкин (бывший заворг Красной Пресни), Соловьев (бывший зав. агитпроп), Козлов, теперешний секретарь Краснопресснен. райкома, и секретарь ячейки аборснабжения (фабрики) Шендерев. Теперь он в Москве где-то учится.

У меня нет никаких свидетелей, которые могли бы подтвердить правильность моих показаний и опровергнуть клевету Немова. Я прекрасно понимаю, что я оказываюсь в чрезвычайно неблагоприятном положении. Немов защищает линию партии, а меня густыми красками изображают ее противником.

Но я думаю, что из всего того, что я показал, станет ясно, что заявление Немова лживо от начала и до конца.

С Коммунистическим приветом *М. Рютин*

21/IX—30 г.

Тюремные письма

7 ноября 1932 года

Милая дорогая Дуня и милые дети!

Вот уже сутки, как я на месте. Доехал без приключений, спокойно. Конвоировали меня 5 человек. Обращение было предупредительное, тактичное и вежливое. Чувствую себя я пока сносно. Здоровье удовлетворительное, сплю нормально, опять начал заниматься утром и вечером гимнастикой. Начинаю осваиваться постепенно с новой «обстановкой». Нервы более или менее успокоились. Что ж! Раз совершил преступление, надо нести и наказание! Я живу теперь только одной надеждой: партия и Центральный Комитет в конце концов простят своего раскаявшегося блудного сына!

Строительство Социалистического общества идет такими гигантскими семимильными шагами (в этом я мог убедиться, наблюдая развертывающееся строительство на всем пути из окон вагона), что в осуществлении второй пятилетки не может быть никаких сомнений, если нам не помешают империалисты новой интервенцией. И я льщу себя надеждой, что эти успехи для меня, отдавшего 20 лучших лет своей жизни для дела коммунизма, также принесут облегчение и смягчение моего наказания!

Теперь несколько слов о моей обстановке, в которой я буду находиться. Сижу я в одиночке. И это лучше, удобнее! Ни я никому не мешаю, ни мне никто не мешает. Камера теплая, сухая. Мне на другой же день дали диетическое питание: масла примерно грамм 75 на день, сыру грамм 200, хлеба пшеничного, хотя, по-видимому, и с некоторой примесью — 800 гр., на обед на первое — общий мясной суп, на второе — рисовую кашу. В общем я с моим больным желудком смогу, по-видимому, сносно перебиваться. Прогулка 2 раза в день, каждый раз по часу, а летом по полтора. При изоляторе имеется библиотека, где и я смогу кое-чем воспользоваться. Все вещи я держу у себя в камере. Белье придется носить свое. Очень и очень пригодились все мои постельные принадлежности. Оказывается, можно было бы и еще с собой многие вещи захватить, а я их не захватил. Я теперь попрошу вас эти вещи прислать. Теперь насчет переписки со мной: в месяц разрешается посылать всего 10 писем. Я могу посылать 5 и вы 5. Если же я пошлю 6, то вы можете послать только 4 и т. д. Кроме этого, и я вам и вы мне можете посылать телеграммы, они в счет не идут. Вы можете посылать также и посылки (в том числе и сухари), они тоже в счет не идут. Письма лучше посылайте заказными, я даже обязательно прошу заказными. Мы давайте условимся, что вы мне обязательно в пятидневку посылаете одно письмо, я вам буду обязательно посылать одно письмо. Вы знаете, как для меня будут дороги письма!

Переписка разрешается только с близкими родными — женой, детьми, отцом, матерью, тестем, зятем. Я думаю, что вы в один конверт и даже на одном листе по очереди будете писать все — и Дуня, Вася, и Виря, и Люба — это и будет одно письмо. Если у меня будет что-нибудь исключительное или у вас, будем уведомлять друг друга телеграммами.

Теперь о свиданиях: мне кажется, для Дуни приезд сюда совершенно исключен. Она одна ехать не сможет при ее здоровье. Ехать нужно по железной дороге до Магнитогорска 5 суток, да от Магнитогорска 60 километров или на автобусе или на лошадях. Билет до Магнитогорска в жестком с плацкартой стоит что-то 85 р., да за автобус от Магнитогорска нужно заплатить 15 руб., итого одна дорога туда и обратно будет стоить для одного человека 200 руб., а так как Дуня одна ехать совершенно не сможет, то на двоих надо 400 руб. А содержание дорогой? А квартира и содержание в Магнитогорске, если даже приехать всего на 2 недели? Для двоих все это удовольствие будет, одним словом, всего стоить рублей 600—700. И, кроме того, как, Дуня, поедешь ты — 60 километров на лошадях или на автобусе, когда ты со своими больными почками, печенью и кишечником не можешь ездить на автобусе даже по Москве! Поэтому остается единственный выход — ходатайствовать о переводе меня в Суздальский изолятор (около Владимира). Сейчас, конечно, такое ходатайство было бы несвоевременно, но весной и я, и вы должны будем возбудить такое ходатайство. Мотивы во всяком случае весьма серьезные. А до этого времени подождать. Конечно, вам там виднее, но мне так кажется. Получили ли вы мои вещи в ОГПУ, я там оставил 19 книг, часы, бритву с прибором для бритья, туфли с галошами, фуражку, кружку? Денег у меня сейчас имеется 90 рублей. Больше пока не присылайте. Книги мои не жалейте, продавайте. В первую очередь рекомендую продать Куно Фишера — «История новой философии» (дадут, думаю, рублей 150—100), Чернышевский — Собрание сочинений, 10 томов — тоже (дадут рублей 200—150), Сочинения Герцена — 4 тома, Добролюбова — 2 тома, Писарева — 6 томов, Сочинения Маркса — Энгельса (новое издание), Большую советскую энциклопедию, Моргана «Первобытное общество» (15—20 р.) и пр. Посоветуйтесь с дядей Мишей, может быть, даже и сам он кое-что купит. Что касается ружья, то его выгоднее всего можно будет продать весной, в марте — в начале апреля. Нужно только его держать в чистоте: к зиме опять смазать везде и положить в сухое место. Кстати, советую вам собрать все принадлежности к ружью, в особенности патроны и порох, в одно безопасное в пожарном отношении место. Я опасаюсь, не остались ли у меня патроны и порох еще в «клоповнике» или в стенных шкафах — наверху, проверьте!

Об отце и брате Леониде я уже говорил вам при свидании. Теперь я попрошу вас о следующем: вы, пожалуйста, не сообщайте им моего адреса, я не хочу, чтобы они меня расстраивали и нервировали своими жалобами и пр. Мне также ничего не сообщайте о них — если даже отец или мать умрут, мне легче ничего не знать о них! Но вас прошу с ними переписываться и кратко сообщать им о моем здоровье. Точно в таком же духе прошу переписываться и с сестрой Клашей. Клаше только не пишите, что брат, мол, пишет, что старики теперь должны быть целиком на ее попечении. Теперь в ближайшее время по возможности, не откладывая дела в долгий ящик, я попрошу вас выписать на декабрь для меня газету «Правда» (выписка газет разрешается) и присылать мне ее по адресу: «Верхнеуральск, Политизолятор, ОГПУ, М. Н. Рютину», а с первого января я попрошу заблаговременно, чтоб не было перерыва в доставке, выписать «Правду» сразу на полугодие. За ноябрь же мес. я попрошу вас, начиная с 1 ноября, достать все номера «Правды», какие сможете, и прислать их вместе с посылкой при первом случае. Что касается посылки, то с первой посылкой я попрошу вас прислать мне следующее: 1. Фотографические карточки Васи с Натой, Вири, Любы с Захаром. Милая Дуня, ты также пришли мне еще некоторые свои карточки. 2. Бритву (предварительно отдайте ее в правку) с прибором для бритья. 3. Ножницы для стрижки ногтей или перочинный ножик. 4. Гребенку (моя сломалась). 5. Щетку платяную и зеркальце. 6. Подтяжки для чулок или десяток английских булавок. 7. Вехотку (мочалку) для мытья в бане. 8. Масла топленого полкило (в дальнейшем, возможно, не придется вам посылать, когда я освоюсь лучше с обстановкой). 9. Сухарей белых (если можете и сколько сможете). Сухарики придется вам периодически посылать, но если эта посылка может быть связана с лишением белого хлеба Дуни, то я от белых сухарей категорически отказываюсь. Ты, Дуня, больше больна, чем я, и ты больше имеешь права на белый хлеб.

чем я! И ты тоже отдала свое здоровье для дела пролетарской революции в гражданской войне! 10. Книги: 1. Н. Коган. «Очерк истории западноевропейск. литературы» 1 т. (Люба эту книгу знает). 2. Назаренко. «История русской литературы» (Любочка тоже знает эту книгу). 3. Львов-Рогачевский. «История новейшей русской литературы» (в таком же переплете, как и Газинштейн «Искусство и общество»). 4. Кулитер. «История экономического быта Западной Европы» 2 тома. 5. Лященко. «Экономика сельского хозяйства» 2 тома. 6. Лимперт. «История культуры». 7. Джолли. «История земли». 8. Иноземцев. (кажется, так) «Популярная геология». 9. Жуков. «Происхождение человека». 10. Рубановский. (или что-то в этом роде) «О материи» (такое примерно название). Книжка в темно-синем «серийном» переплете с моими инициалами на корешке переплета. 11. «Под знаменем Марксизма» — журнал, какие есть номера за 1931 и 30 гг. 12. Любимов. «Рента» (в темно-синем переплете). Вот все, что я хотел бы получить в первой посылке. Если сможете в первой посылке послать мне брюки (я говорил, кажется, уже тебе, Дуня) дешевые (пусть некрасивые), но крепкие, чтоб можно было носить и навыпуск и за голенища, а также туфли (полуботинки), которые я оставил в ОГПУ (их, конечно, нужно основательно поправить), то это было бы хорошо. Если не сможете их, можно послать позднее. ...Напоминаю, что и свидания здесь даются только с разрешения коллегии ОГПУ, т. е. в Москве.

Очень прошу Васю и Вирю через дядю Мишу информироваться о теоретических новинках на книжном рынке — по вопросам философии, полит. экономики, империализма и истории — и информировать меня. Прошу, кстати, Вирю справиться у Мих. Ник., не вышел ли 2-й том «Истории философии» Гегеля. Если вышел — нельзя ли достать для меня. Прошу, если сумеете, Вася и Виря, узнать также, что в Москве в магазинах имеется интересного по соц. кол. вопросам на немецком языке. Английским и математикой пока еще не занимался. Да и книги на руки пока не получил. На этом сегодня, 6-го, письмо прерываю. 11 час. вечера. Ложусь спать. Заканчивать буду завтра. Сегодня 7 ноября! 15 лет Октябрьской революции! Поздравляю вас с праздником! Погода стоит сегодня великолепная! Сухая, холодная, ясная. Здесь климат сухой, континентальный, кругом степи, вблизи поля, дальше холмы и снова степи и степи! Кругом ни деревца.

Природа напоминает некоторые места Кузбасса. Из окна наблюдаю окружающую природу и прогулки заключенных. Меня выпускают на прогулку тоже не одного, но публика столь специфичная, что я возбудил уже ходатайство, чтоб меня выпускали лучше одного. Еще попрошу вас кое-что прислать, о чем позабыл упомянуть вчера. Пришлите, пожалуйста, еще: 1. Ручку, перья, чернила и чернильницу. 2. Штук 20—30 пятнадцатикопеечных марок, столько же конвертов. 3. У меня была в коленкоровой обложке на столе чистая, большая, подаренная Захаром тетрадь — ее. 4. Ножик столовый и чайную ложку. 5. Чай. 6. Сахару фунта два. 7. Большой немецко-русский словарь Макарова.

Ну, кажется, во всем вас информировал. Буду ждать от вас писем. Получили ли вы мои письма с дороги? Напишите. Завтра вам пошлю еще телеграмму. О получении телеграмм и этого письма также прошу сообщить.

Милая Дуня, тебя прошу подробно сообщить о своем здоровье. Прошу беречь себя. Не убиваться, не нервничать и быть спокойной. Как дела у вас, Любы, Вири, Захара, Наты? Как мои крошки внучата? Как провели праздник? Какая была погода в праздник? Куда ходили? Бывают ли у вас наши родственники? Как ваше материальное положение? Васю прошу теперь заботиться о маме и навещать ее как можно чаще. Кстати, как Васина статья? Если вышла, прошу прислать ее мне. Напишите мне о ценах на масло, хлеб, картофель, овощи, чтобы я знал, как обстоит дело с вашим бюджетом, меня он беспокоит. Горячий привет Захару, Нате, племянницам и прочим родственникам. Поцелуйте за меня Таню и Нию. Крепко целую тебя, милая Дуня! Обнимаю всех вас, безгранично любящий вас М. Рютин.

11 октября 1933 года

Милая Дуня! Милые дети! Я в прошлом письме выражал беспокойство по поводу продолжительного неполучения от вас писем. Но, к счастию, напрасно! В тот же день, как я отправил вам письмо, через несколько часов после отправки я получил и ваше. Это то письмо, что ты отправила, Дуня, 3 октября. Отрадно, что вы пока все же перебиваетесь и утлую лодочку вашего существования не даете захлестнуть злым и бурным волнам житейского моря. Что ж?!. Надо грести! Всякая непогода имеет свой

конец, всякий океан свой берег, всякая стихия свой противоположный полюс. Может быть, удастся и вашему «кораблю» войти в тихую гавань и испытать еще радости ярких солнечных дней. «Ничто не вечно под луной»,— гласит обывательская диалектическая мудрость. Не вечны, я думаю, и ваши мучения! Если так тяжело ваше настоящее, то вам остается только тем более страстно желать лучшего будущего. Прошлое для вас умерло. Его не воротишь... И поэтому оставьте мертвое хоронить другим, смотрите не назад, а вперед... и в этом почерпните силы для борьбы с вашими жизненными невзгодами. Очень рад успехам Темочки и его развития. Я собираюсь ему все как-нибудь написать сказочку и стихотворение, но с музой поэзии я что-то давно не в ладу. Чем вдохновляется муза, то не приемлет рассудок, а что приемлет разум, то совершенно не трогает мою и без того скромную поэтическую музу. Но все же в ближайшее время что-нибудь напишу. Еще много-много раз целую именинницу Юлю. Целиком одобряю ваши своевременные приготовления к зиме. Устраивайтесь как можно теплее! Не лучше ли заранее к зиме купить дров? ...Если так дело обстоит с письмами, что ты писала 17 августа,— твердо решил было, что несколько строк там вырезано тюремной цензурой. Насчет меня вы особенно не беспокойтесь и с посылкой не хлопочите. Что вы сможете мне послать? Хлеба мне не нужно, масло я могу здесь купить (кстати, на днях я купил фунт масла и теперь живу пока «по-барски»), сыр я не могу есть. Разве очередную посылку книг соберете?! Это будет, конечно, неплохо. С поездкой сюда на свидания я тоже ничего не могу посоветовать. Решайте сами... Я, конечно, бесконечно рад всех вас видеть, ибо я люблю вас, но... во-первых, где вы деньги будете брать на поездки, а, во-вторых, как эти поездки будут отражаться на твоем здоровье, Дуня. Боюсь, что ты больше этим подорвешь его! Подумайте, взвесьте все хорошенько и напишите мне. А не отложить ли лучше поездку ко мне на свидание до весны? Скучно, не видя друг друга так долго, но что же поделаешь?! Радуюсь успехам Васи. А когда же у него кончается практика и он получает «диплом»? Затем меня интересует — пишет ли он что-нибудь в своих специальных научных журналах или нет? Большое спасибо, Дуня, за твое сообщение о ценах на продукты и о том, как и что вы достаете сейчас из предметов продовольствия...

18 октября 1933 года

...Жду ответа насчет Гегеля, «Под знаменем Марксизма» и прочих книг, перечисленных мною в предыдущих письмах. Гегеля II том вышел, в этом нет никакого сомнения. Хотелось бы его иметь. На днях также достоверно узнал, что вышли из печати почти год тому назад оба тома Клаузевица «О войне». Эти книги мне менее нужны. Я их уже читал. Но если бы вам где-нибудь удалось даром достать, я не прочь бы еще раз их перечитать. Появился большой аппетит перечитать Гетевского «Фауста». Ведь и я сам сейчас немножко Фауст!..

Продолжаю читать Герцена. Он стал для меня своеобразным «духовным камином» в холодной тюремной камере. Как на душе станет холодно, так за Герцена — «погреться». Думаю прочесть «от корки до корки». Немного уже осталось. Его произведения на каждом шагу будят мысль, заставляют жить, чувствовать, радоваться и горевать. При всех его недостатках и слабостях, а у него их немало, он все же обрел мысли. Не напрасно он прошел блестящую школу Гегелевской философии. По стилю же рядом с ним можно поставить лишь Маркса, Лафарга и Гейне. Слежу внимательно по газетам за мировыми событиями. Противоречия нарастают с неимоверной быстротой... Выход Германии из Лиги наций и назначение выборов и плебейщина особенно знаменательны. Сами по себе итоги выборов, конечно, предопределены. История повторяется, но, как говорит Маркс, «один раз как трагедия, другой раз как фарс». Калигула был один и ввел лишь одного коня в Сенат. Сейчас в эпоху империализма развитие человечеству подарило добрый десяток больших и малых фашистских «Калигул», при этом каждый из них вместо одного коня на выборах в свой сенат сразу вводит по нескольку сот ослов. Важны, однако, не все результаты, а самый смысл политической демонстрации. Смысл же ее выражается тремя словами: «Грядущая близкая война». Английский язык успешно двигается. Проштудировал еще вашу грамматику Нурока (оказалась старая, но прекрасная грамматика!) и сейчас взялся за чтение книжки Кукин А. В. и Кукин А. А. «Коммунистическая партия Великобритании». Чтение идет легко. Одновременно зубрю слова. С 15.X хотел было взяться одновременно за математику, но раздумал. Решил еще до Нового года посидеть на английском, чтобы основательно уже закрепиться. Самочувствие хорошее. Здоровье поправилось,

язвы пока прошли. Сейчас отъедаюсь на масле. Как я уже вам писал, я купил фунт масла. Кроме того, мне теперь взамен сыру стали давать ежедневно 50 грамм казенного топленого коровьего масла. Это меня будет значительно поддерживать. Вместо соляной кислоты глотаю таблетки салола. Кроме того, мне дали лимонной кислоты, ее пью иногда с чаем. Погода стоит осенняя: частые дожди, пасмурно, грязно... Грачи улетели, в камерах вставлены вторые окна, ждем пришествия первых холодов и первого снега... Как вы устроились с квартирой? Не мерзнете ли? Как твое здоровье, Дуня? Береги его, сохраняй бодрость, будь весела! Кланяюсь родным. Горячие приветы Наташе, Захару. Обнимаю Вирю, Любочку, Васю! Горячо целую тебя, Дуня! Ваш М. Рютин.

24 октября 1933 года

...Я в этот день всеми своими чувствами и всеми своими помыслами также был с вами! Передо мной пролетела вся наша жизнь с ее бурями, страданиями и радостями... Неприглядное детство, школа, кондитерская Караматских и К°, мелочная лавка, семинария, женитьба и ее радости, учительство, империалистическая и гражданская войны, самообразование и борьба за мировоззрение, партийная работа, колчаковщина, землянки и терзания «таежной» жизни, опасения и надежды, торжество выхода из подполья, партийная и литературная работа, Иркутск и Новосибирск, Ростов и Кавказ, Москва... и Суздаль... Да, бури швыряли наш челн немало! Листы нашей жизни во всяком случае не останутся пустыми — они исписаны густо — слезами и восторгами, крушением всех надежд и воскресением, кровью ран сердца и вдохновениями борьбы. Мы все же не ползали в «серых ущельях», а летали «по поднебесью». Вопреки всем «падениям» я могу сказать, как горьковский Сокол: «Я славно пожил, я знаю счастье. Ты не увидишь его так близко. Эх ты, бедняга!» Про нас и сказки расскажут и песни про нас пропоют. Разбился? Ну что ж, «соколы» ведь часто разбиваются... А дальше? А дальше положимся на волю волн — куда они нас прибьют! Вот оно и выходит — вы пили «рыковку», а я упивался мечтами... Правда, как только эта «птица» слишком широко расправляет свои крылья, так она тотчас же больно ударяется о железную решетку, прутья острым ножом врезаются в тело, старые, еще незажившие язвы вновь начинают

кровоточить, но... человек ко всему привыкает. Привык и я. Привычка — могучий рычаг и развития, и деградации. Если привычка — приспособление к среде — привела человечество из животного состояния к эпохе империализма и пролетарских революций, то почему же я в отношении способности переносить страдания с помощью привычки не могу «эволюционизировать» до человека эпохи каменного века?! Во всяком случае, успехи мои очевидны. Иногда с такими мечтами целыми часами стою у окна, опершись локтями на оконную раму и вперив свой взор в пространство... Вот часовой под окнами мирной поступью ходит взад и вперед... Красный околыш фуражки и черный блестящий цвет штыка — цвета-антагонисты — сплелись здесь в гармоническое единство, как радуга, стоят на моем небосклоне. Вот дорожка: то и дело проходят люди военные и штатские: военные в прекрасном обмундировании, бодры, жизнерадостны; штатские в старых поношенных одеждах, согбенные спины, сумрачные лица, с древнеегипетским «выражением». Кто они, куда они идут?.. И мысль несется дальше... Деревья... И они теряют свой последний весенний наряд... Так и жизнь человека, и история непогоды срывает старые листы, наряды, но приходит весна, и человечество меняет новые идеалы, новые помыслы... Осень, и опять ветер уносит листья — иллюзии... Галки стаей расселись на деревьях и оживленно обсуждают какую-то важную «проблему». При этом даже не выбрали и председателя... Вот где пока нашли свое осуществление принципы «общественного договора» Руссо и утопистов, мечтавших о равенстве! Но вместо того чтобы копировать «общественный строй» галок, история снова предпочитает лучше, как показывает Германия и другие капиталистические страны, копировать строй древнеримской империи... И взор скользит дальше, ищет, на чем бы остановиться, успокоиться, отдохнуть... Вот церковь. Она заслоняет почти половину видимого горизонта: в ее наружности есть что-то ужасное, мрачное. Словно Вий со всей своей нечистой силой только что посетили эту святую обитель. Тюрьма для человеческого духа, она высится каким-то символическим двойником рядом с тюрьмой для человеческого тела... Довольно! Взор ищет отдыха, перескакивает с одного предмета на другой и натыкается... на каменную стену... Суровый, покрытый мхом памятник феодализма, она пережила капитализм и теперь помогает еще в построении социалистического общества. Ее бой-

ницы бесстрастно смотрят своими впалыми глазами и как бы говорят: «Много мы видели на своем веку. Величие князей суздальских, возвышение Москвы, Иоанна Грозного, опричнину, гибель Суздальского княжества, набеги казанских татар, грозные отзвуки пугачевщины... И еще много «увидим»! А дальше за стеной что? Свобода? А может быть, другая, еще более высокая каменная стена? Мысль хочет подняться дальше и падает, как подстреленная птица... Проза тюремной камеры возвращает к суровой действительности. Начинается хождение по камере, зубрежка английского или чтение Герцена... И так изо дня в день. Быт мой обнаруживает все черты былой «китайской неподвижности». Все без перемен. «Наши события» носят совсем другие масштабы. Баня для нас, например, величайшее событие. От бани до бани мы ведем свое «летосчисление». Но для вас все это, конечно, неинтересно, и вы по справедливости не увидите в этом ничего достопримечательного. А мои события все именно такого порядка: разбудили, дали щетку, выпустили в уборную; дали суточный паек хлеба, принесли кипятку; пустили на прогулку, где час проходит в разговорах, хождении, игре в крокет и пр.; прогулка кончилась; обед, опять сразу или через некоторое время прогулка; ужин в 7—8 часов; в уборную, в 12 лампочка мигает, спать. И опять то же самое. Таков суточный круговорот «событий» тюремной камеры... Самочувствие же хорошее, здоровье приличное. Масло пока перестали давать — говорят, не могут пока купить. Говорили по сему случаю с фельдшером. Каковы будут результаты, не знаю. Целиком одобряю ваши мероприятия по утеплению конуры, в которую вас загнали. Самое главное — как бы теплее провести зиму. А нельзя ли завести маленькую железную печь? Черкните на сей счет. Очень неприятно, что украли кровать. Вы берегитесь, а то вас совершенно обчистят. Что скажете насчет просимых мною книг? ... Жду очередного письма. Последнее письмо мною было получено 19.X. Кланяюсь родным. Горячие приветы Захару и Наташе. Обнимаю Вирю, Любочку, Васю. Целую своих милых внучат. Горячо целую тебя, Дуня!

Ваш М. Рютин

28 ноября 1933 года

Милая Дуня и дети!

На этой неделе получил от вас два письма, во-первых, твое письмо, Дуня, посланное 21 ноября, и, во-вторых,

письмо Вири от 25/XI. Письмо Вири получил всего пару часов тому назад, когда уже сам готовился засесть за письмо к вам.

От первого письма у меня осталось какое-то чувство тревоги, беспокойства, от которого я не мог освободиться в течение нескольких дней; зато сегодня полученное письмо меня снова ободрило, развеселило и успокоило.

Радуюсь за твое здоровье, Дуня, береги его особенно теперь зимой, когда можно легко простудиться. Как у вас в «квартире-то», тепло ли? Зима ударила ранняя и холодная. Небось, вам приходится кутаться? Кстати, о твоих почках. Я бы все-таки советовал тебе показывать их врачу периодически. Точно так же периодически отдавать в анализ мочу, чтобы можно было следить за их состоянием. Виря и Любочка! Я прошу вас заставить маму сделать это!

Очень рад успехам Васи. Я не сомневаюсь, что по своей специальности у него блестящее будущее. Надо только и здесь «дерзать», не быть ремесленником, а стремиться быть творцом! Теперь насчет твоего самообразования, Виря. Решай сам, но я считал своей обязанностью подать тебе свой совет. По-моему, будет плохо, если не будешь заниматься по своей специальности, будешь отставать.

Итак, будущей осенью — ты идешь в армию? Мне почему-то казалось, что в этом году осенью призывался только еще 1911 год, а ты ведь 1913 года рождения. Кроме того, по-моему, твоя специальность такова, что тебя не должны были мобилизовать? Ведь ты, по существу, на военной работе. Неужели не будет льготы? Черкните насчет всего этого — что вы думаете? Кстати, о чтении «Капитала». Прекрасно, что ты крепко уцепился за него. Надо уже доконать. Жаль только, что ты предварительно не проштудировал хотя бы малой «Логики» Гегеля. Ленин по этому поводу при чтении «Науки логики» Гегеля делает, между прочим, следующее замечание: «Афоризм: «Нельзя понять «Капитал», не проштудировавши предварительно «Науки логики». Следовательно, $^{9}/_{10}$ читавших «Капитал» ничего не поняли в нем». Цитирую я, конечно, на память, но за точный смысл ручаюсь. Хотя это только «афоризм», но в нем заключен глубокий смысл. Нельзя ли тебе проделать, по крайней мере, такой штуки. Параллельно с чтением «Капитала» проштудировать «IX Ленинский сборник». В этом сборнике как раз

помещены записки и примечания Ленина при чтении им «Энциклопедии» и «Науки логики» Гегеля. Это будет тебе и «введением» к «Капиталу» и «введением» к Гегелю, плюс огромное углубление твоих знаний о диалектике и огромное удовольствие при чтении. Чтение не займет много времени, а всего несколько вечеров. Оно обеспечено будет тебе тем, что этот сборник мною прочитан, и все важное в книге подчеркнуто. Вид книги, чтобы ее нашли: темно-синий новый переплет — страниц 300—350. Как идут занятия у Любочки? Легче ей теперь заниматься или так же, как раньше, трудно. Черкните...

...О себе интересного ничего не могу сообщить. Перечитываю кое-что Чернышевского. С завтрашнего дня берусь за древнегреческого сатирика Лукиана и за Бомарше. Хочу также прочесть «Сущность христианства» Фейербаха. Я эту вещь у него не читал. Здоровье сносное. Самочувствие приличное. «Ессентуки» все еще не пью. Масло получаю. С хлебом в общем обхожусь, так что мне не нужно. К тому же и вы сами лишнего хлеба не имеете.

Кланяюсь родным. Горячие приветы Захару и Наташе. Обнимаю Вирю, Любочку, Васю. Целую Тему, Юлю. Горячо целую тебя, Дуня.

Ваш М. Рютин

26 декабря 1933 года

Милые Дуня и дети!

Прежде всего шлю вам свои самые лучшие пожелания к Новому году!

Во-вторых, поздравляю Васю с Днем рождения!

Итак, кончился 1933 год. Скатертью дорога! Он уходит как победитель, но с дурной болезнью, с провалившимся носом и с клеймом преступника! Едва ли многие будут жалеть, что этот «проходимец» убрался, наконец, в вечность.

Он был велик по-своему, но его величие было всюду, за исключением, конечно, СССР, величием Атиллы и Батыя, Герострата и Торквемады, Нерона и Калигулы!

Как часто неслось по его адресу со всех сторон: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца!» Как часто за официальным торжеством его клакеров во всем капиталистическом мире слышались стоны и проклятия!

В его активе прибавился еще один некоронованный фашистский диктатор в Германии, и теперь мы на земном шаре имеем не менее десятка самого различного типа некоронованных фашистских царьков и царей, начиная от Муссолини и кончая Кемаль-пашой *, каждому из которых массы под ударами кнута погонщиков вынуждены курить фимиам, величать их «великими», непогрешимыми, пресмыкаться перед ними, льстить им в цепях на руках и ногах и с замком на устах восхищаться прелестями фашистского рая и инсценировать ему свою преданность.

Баланс будет подводить 1934 год. «Бухгалтера» генеральных штабов уже лихорадочно занимаются предварительными расчетами.

Лишь в СССР, где мы под руководством гениальнейшего, любимого, дорогого вождя т. Сталина добились новых невиданных успехов в соц. строительстве, 1933 год был годом радости и счастья. Здесь я самый глубокий оптимист. Правда, скептикам такой оптимизм не нравится. Скептики по натуре пессимисты. Вольтеровский Кандид говорит, что оптимизм — «это страсть утверждать, что все хорошо, когда приходится плохо». Но это меня ничуть не смущает. Если скептик выступает с фактами, то и тут я ему отвечу — тем хуже для фактов!!!

В 1933 г. загадка сфинкса окончательно разгадана, и сфинкс низвержен в бездну. В результате и на сей раз приходится сказать словами изречения: «Мы сеяли драконов, а сбор жатвы дал нам блох». Сократовская «мыслильня» даже в самом совершенном своем выражении снова дала осечку... Ну что ж, ничего не поделаешь! Очевидно, это является диалектическим законом исторического развития: сначала создавать иллюзии, а потом, когда они выполнили свою роль, их разрушать, как картонные домики.

На 1934 год у меня самые скромные пожелания. Пусть он будет не похож на 1933 год, и пусть то, что делал 1933 год, он делает и заканчивает скорее!

Васе стукнуло 24 года! Еще год — и завершение полной физической зрелости!

Мое основное пожелание ему — сохранить свое сердце и быть здоровым! И второе пожелание — стать в своей специальности тем, чем он может быть по своим способностям,— великим, не крупным, а именно великим

---

* Имеется в виду лидер национально-освободительной революции в Турции Ататюрк Мустафа Кемаль, установивший режим личной диктатуры. Отношение к нему было неоднозначным, так как его правление отличалось гонениями на коммунистов.

ученым и практиком по дирижаблестроению и оставить свое имя в этой области человеческой культуры. Я пишу «великим» потому, что крупным ученым и практиком в этой области он, бесспорно, будет.

Здесь всякие пожелания излишни. Но я ему желаю большего, ибо у него для этого имеются достаточные основания.

Письмо твое, Дуня, от 16 декабря получил. Еще раз радуюсь с вами получением вами новой квартиры. Вот только как ты, Дуня, будешь ездить со своими почками на автобусе? Целиком одобряю, что Юлю взяли к себе. И вам веселее, и Любочке легче! Юля, значит, не забывает меня? Молодец! Расцелуйте за это ее от меня!

Масла я покупать пока не думаю. Во-первых, я немного получаю казенного, а затем денег у меня осталось 20 р., а с нового года потребуются расходы опять на газету, бумагу и пр. 15 же рублей я намерен всегда держать как минимальный запас на всякий «черный» день. Мало ли что может случиться!

Топки с постройки не рекомендую тебе, Дуня, брать, а то «запетачут» тебя за кражу социалистической собственности на 10 лет — тогда узнаешь! На этот счет сейчас строго! Я в украинской газете как-то осенью читал, что двух колхозниц — одну за кражу двух колосьев, другую пяти — осудили каждую на 5 лет. Этим шутить теперь нельзя!! Серьезно!! Суд не смотрит, что у вас дров нет, как не смотрел, что колхозницы кушать хотели. Все до поры до времени. На других не смотри и не подражай. Лучше обойтись как-нибудь без дров.

У меня все одно и то же. На английском заканчиваю читать А. Л. Стронг «Китай в огне». На русском перечел Кюльмана «Стратегию». Сейчас заканчиваю «Стратегию» Свечина (тоже перечитываю). Самочувствие приличное, здоровье удовлетворительное.

Привет Захару, Наташе, целую Темочку, обнимаю Васю, Любочку, Вирю! Целую тебя, Дуня. Ваш М. Рютин.

11 апреля 1934 года

Милая Дуня и дети!

Письмо от 2/IV получил 7/IV. Теперь ты, Дуня, насчет моего здоровья не беспокойся. Последние две недели, после того как мне улучшили диету, здоровье мое весьма приличное, а самочувствие, можно даже сказать, хорошее. Теперь моя диета состоит из следующего: сливочное

масло, белый хлеб, примерно такой же, как у вас в Москве, супы — мясной, капустный с картофелем, свекольный, а на второе чередуются каши — картофельная, морковная, манная. Сегодня при обходе я, кроме того, просил разрешить мне покупать из лавочки в месяц две-три банки рыбных консервов. Мою просьбу удовлетворили. Если их действительно можно будет более или менее регулярно покупать и если консервы будут сносные, то мой желудок и совсем «воспрянет духом». Конечно, это потребует некоторых дополнительных расходов, но я думаю, что увеличение будет составлять не больше 2—3 рублей в месяц. Кстати, сообщаю вам мои ежемесячные расходы, чтобы вы имели представление о моем месячном расходном бюджете. В месяц уходит:

1. На белый хлеб	3 р.
2. На газеты	3 р.
3. На почтовые марки и конверты	1 р. 80 к.
4. На писчую бумагу	50 к.
5. Прочие расходы (мыло туалетное, чернильница, иногда масло и пр.)	3 р.
Итого:	11 р. 30 к.

Надо заметить, что последние месяцы у меня уходило даже меньше десяти рублей, а осенью, наоборот, вероятно, в среднем до 20 рублей, так как тогда, кроме масла, я произвел одновременный расход в 30 р. на покупку «Ессентуки № 17». В дальнейшем мои месячные расходы, думаю, также будут колебаться в пределах 10—13 рублей в месяц. Сейчас у меня денег имеется 16 рублей. Снова справлялся насчет автобусов. Пока ходят еще нерегулярно. Раньше конца апреля — начала мая ехать сюда все же не советую. Надо беречь тебе свое здоровье. А насчет автобусов можно быть уверенным, что тогда они при всяких условиях будут ходить регулярно. Погода здесь все время стояла дрянная — шли снега, было холодно, грязно, пасмурно... Зато сегодня повеяло уже настоящей весной! Потеплело, подсохло, глянуло солнце. Через пару дней и весеннее пальто, пожалуй, можно одевать! Жаль только, что грачиные гнезда разорили. Скучно будет без них! Они своими криками, возней около гнезд, ухаживанием за птенцами наполняли нашу тюремную природу жизнью, движением...

12 июня 1934 года

Милая Дуня и дети!

Нового у меня, конечно, ничего нет. После прошлых треволнений эта неделя прошла как-то особенно спокойно и тихо. И всюду, куда ни посмотришь, везде тишь да гладь, да божья благодать! На международном горизонте «затишье»... даже у нас, в нашем мертвом доме, стоит какой-то особый мертвый штиль...

Только вчерашнее постановление ЦИК СССР «О дополнении положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо опасных для Союза ССР преступлениях против порядка управления) статьями об изменении родине» и боевая передовая «Правды», «За Родину» — как оглушительные раскаты грома прорезали тишину... И снова не шелохнет!..

Для дальнейшего укрепления пролетарской диктатуры и обеспечения успехов социалистического строительства Постановление ЦИК СССР имеет первостепенное политическое значение! Но в чем дело? К сожалению, не знаю. Приходится теряться в догадках — и этим удовлетвориться...

Слежу внимательно последнее время за подготовкой к съезду писателей. Особенный (в связи с этой подготовкой) интерес представляют высказывания Р. Ролана «О творческой работе писателя», помещенные в «Правде» от 8/VI с. г.

Любопытно, что Р. Ролан первыми двумя требованиями, предъявляемыми к писателю, чтобы он мог создать подлинно крупное произведение, считает:

1) браться за перо тогда, когда написать абсолютно необходимо либо в силу социального долга, либо в силу внутренней необходимости, и 2) быть искренним и правдиво изображать то, о чем думаешь, что видишь, во что веришь.

Но именно этих-то качеств как раз огромному количеству наших писателей и не хватает. Неудивительно, что вместо художественной литературы получается лубок, а вместо художника — дядя Михей «доброго» старого времени. Так, например, просматривая февральский журнал «Красная новь», я там нашел стихотворение Д. Климова «Река и берег» и в нем прочел, между прочим, следующий стих:

С зарею с ночлега уходит туман.
В закуте, встряхнувшись, поет баран.
Петька поет, покидая нашест...

Итак, у писателя и Петька поет, и баран поет. Жаль только, что писатель не пишет, сидит ли баран, как и Петька, на «нашесте» или нет. Об этом он предоставляет догадываться самому читателю. И это называется «реализмом», «творчеством», «поэзией»! При этом необходимо отметить, что этим «пением барана», хотя и в другом стиле, заполняются не только стихотворения, но и проза — романы, повести и рассказы, произведения Гладкова, Панферова и пр...

Здоровье приличное. Самочувствие бодрое. Жду очередного письма...

Ваш М. Рютин.

3 июля 1934 года

...Гитлеризм является наиболее классическим и совершенным типом фашизма. Он в будущем для историков будет служить «образцом» для изучения фашизма, как в свое время для Маркса Англия была классической страной для теоретического анализа промышленного капитализма. И если бы попытаться на основании этого «образца» кратко формулировать основные черты фашизма, то их можно было бы свести к следующим пунктам.

1. Фашизм — это цезаризм или бонапартизм эпохи империализма и кризиса буржуазной демократии.

2. Основная социальная база фашизма в момент его прихода к власти в той или другой стране — мелкобуржуазная интеллигенция в первую очередь и мелкая буржуазия вообще, а также частью отсталые одураченные слои рабочего класса.

В дальнейшем в ходе его пребывания и «укрепления» у власти его социальная база все больше и больше суживается, и он начинает опираться главным образом на необычайно централизованный бюрократический аппарат, тайную и явную полицию, армию, террор, ложь, клевету и демагогию.

3. Фашистская партия — это послушный слепой инструмент в руках диктатора — «фюрера». Выборности фактически не существует. Вместо коллективности — принцип единоличного руководства. Руководители организации — лично доверенные люди диктатора — «фюрера» или доверенные его доверенных.

4. В верхушке фашистской партии обычно стоит интеллигентская клика прожженных, беспринципных, но решительных, ни перед чем не останавливающихся

политиканов с «фюрером» во главе, никем фактически не контролируемых и ни перед кем не ответственных.

5. Возглавляет, как правило, партию непогрешимый, деспотический, всевластный диктатор... В партии господствует культ диктатора. В его руках сосредотачивается в десятки раз более власти, чем в руках любого самодержавного монарха.

6. Фашизм, как правило, приспособляет к своим потребностям все формы государства, которые он находит, меняя их фактическое содержание.

7. Фашизм колоссально усиливает и возводит в культ организующую роль государства и всей правительственной машины угнетения и террора. Он неустанно ведет пропаганду о всемирно-исторической мессианской роли данного государства, прихотливо переплетая национализм с «интернационализмом».

8. Под флагом «высших интересов» государства, «национально-социалистической революции» и пр. он осуществляет самый дикий азиатский произвол и насилие, уничтожает всякую законность, сотнями тысяч арестовывает, без суда бросает в тюрьмы, концентрационные лагеря и пр. Самые суды он превращает в фальшивые инсценировки; клевета, подлог и сфабрикованные им документы становятся одним из важнейших его орудий в борьбе со своими политическими противниками. Он уничтожает всякую гласность, ибо в темноте ему легче творить свои кровавые дела.

9. Характернейшей чертой фашизма является чудовищное развитие шпионажа, сыска, доносов. Страна приводится в состояние трепета, и человек с человеком начинает бояться говорить по самым невинным вопросам (Германия).

10. Своими принудительными организациями фашизм охватывает самые широчайшие рабочие и трудящиеся массы. Зажатые в тиски террора и принудительных организаций массы не только не могут молчать, но вынуждены иногда под фашистским тором кричать «ура» и маршировать на парадах и демонстрациях под фашистскими знаменами (Германия, Италия, Турция).

11. Фашизм придерживается принципа «разделяй и властвуй». С этой целью он раскалывает ряды рабочего класса и мелкобуржуазных масс, натравливает одну группу на другую и подкупает теплыми местами, высокой заработной платой и дождем наград.

12. Фашизм почти всюду в той или иной степени с помощью голода, террора и насилия проводит принудительный рабский труд.

13. Монополизация печати в руках фашистской клики, в свою очередь, является неотъемлемым инструментом фашистской диктатуры. С помощью ее фашистские клики в широчайших, невиданных в мире размерах фальсифицируют настроения пролетариата, всех трудящихся, развертывают свою демагогию, хлестаковщину, терроризирование масс и их одурачивание...

23 января 1935 года

Милая Дуня и дети!

Живу текущими событиями. Снова много пищи для ума и не меньше для сердца. Есть над чем поразмыслить, есть что перечувствовать... Прочел на днях статью Горького «Литературные забавы». Тягостное впечатление. Поистине нет для таланта большей трагедии, как пережить физически самого себя! Худшие из мертвецов — это живые мертвецы да притом еще с талантом и авторитетом прошлого. Горький в публицистике всегда был тем нашим «любимым» русским сказочным героем, который на похоронах кричит: «Таскать бы вам не перетаскать!», а на свадьбе: «Канун да свеча!» Горький-публицист позорил и скандализировал Горького-художника. Горький-художник — это Горький — Буревестник, Горький — Челкаш, Горький — Коновалов, Горький-публицист — это Горький-«богостроитель», Горький — «дьячок буржуазной культуры», Горький-ханжа. Его трагедия — огромное художественное чутье и почти никакого философского и социологического. Притворство, но факт. Схватив верхушки и обрывки философии и социологии, он вообразил, что этого достаточно не только для того, чтоб «изображать», но и для того, чтобы теоретически «поучать». Но раньше, по крайней мере, это были только пусть неудачные, спорадические «вылазки» в публицистику. Теперь же он превратил их в систему. И нарушение морали крыловской басни отметило за себя! Жестоко отметило! Горький — певец «Человека» — превратился в Тартюфа, Горький «Макара Чудры», «Старухи Изергиль» и «Бывших людей» — в тщеславного ханжу и стяжателя «золотых табакерок». Горький — Сокол в Горького — ума, хотя и «великого». Человек духовно уже умер, но он все еще воображает, что переживает

первую молодость. Мертвец, хватающий живых. Да, трагично!

Продолжаю возиться с книгами. Прочел за последнее время... «Историю философии» некоего Фулье, перечитал «Историю первобытной культуры» Линифта, проштудировал ряд исторических монографий — о Робеспьере, Франклине, Радищеве, Желябове. На днях снова сажусь продолжать Шлоссера. На немецком читаю Генриха Бальдермана «Первобытный коммунизм и первобытная религия», а на английском Тильмана «Кризис». Последняя книга весьма интересна.

Недописанную Темочкину сказку вместе со всеми моими тетрадями у меня, к сожалению, забрали. Придется ждать, пока возвратят. Тогда опять засяду. Погода здесь переменилась. Начались бураны, снега. Но тепло. Дни стали значительно длиннее. На днях на прогулке как-то даже чуть-чуть пахнуло отдаленными намеками и грядущей весны — появились маленькие сосульки, и по-весеннему ласково светит солнце. Очередного письма от вас еще не получил, но завтра-послезавтра жду. Ну пока. Кланяюсь родным и знакомым. Горячие приветы Захару, Наташе! Целую наших малышей! Обнимаю Васю, Любочку, Вирю! Горячо целую тебя, Дуня! Ваш М. Рютин.

2 апреля 1935 года

...Есть два Кромвеля. Кромвель-революционер и Кромвель-контрреволюционер. Кромвель — борец за свободу и Кромвель — протектор-монарх, Кромвель — тиран и деспот; Кромвель, рубящий голову королю, и Кромвель, казнящий и бросающий сотнями и тысячами в тюрьмы индепендентов и левеллеров. Гизо в своей «Истории английской революции» очень метко замечает, что, с того времени как Кромвель сосредоточил единолично в своих руках власть, в нем умер революционер и остался лишь «диктатор и деспот». Если Робеспьер проделал и завершил только один этап революции, то Кромвель своими собственными руками проделал и революцию и контрреволюцию. Кромвель — двуликий Янус, а этого-то как раз некоторые «историки» и не замечают. А поэтому оставь Кромвеля в покое и продолжай поиски (даром!) тех книг, который я просил. В прошлый список я вношу маленькое изменение. В 1935 году ты должен достать для меня следующие книги:

1. Платон «Государство» (или иначе называется «Республика»).

2. Аристотель «Политика».
3. Гегель «Философия права».
4. Французско-русский словарь (в первую очередь).

Я должен досконально изучить проблему государства. Макиавелли я читал еще на свободе (и его «О государстве» и «Рассуждения на первые три книги Тита Ливия»), Руссо «Общественный договор» и Монтескье «Дух законов» прочел в тюрьме, «Философские основные учения о Гражданине» Гоббса, думаю, удастся достать здесь. А вышеназванные три книги здесь нигде не добудешь. Единственная надежда на тебя, Виря! Больше я тебе и надоедать с книгами не буду. Это «твердое задание». И чем скорее достанешь, тем лучше. Летом из моих книг мне, конечно, кое-что потребуется, но это уже другой «табак». Без вышеупомянутых книг в изучении вопроса о государстве у меня остается зияющая «прореха», и я это остро чувствую. Нет сейчас более жгучей проблемы, чем проблема государства. А тут снова и снова приходится «танцевать» от «печки». Мой список, понятно, минимум. От большего я не отказываюсь, но это уже зависит от того, что вам попадется под руки. Жду на сей счет ответа. Маленькая просьба к тебе, Дуня. Если будете посылать мне посылку, то прошу по пути прислать мне нечто вроде чепчика, колпака, капюшона или, как там еще называют, на мою голову. Знаешь, Дуня, как маленьким детишкам, особенно девочкам, шьют иногда вместо платка — от холода, чтобы плотно облегал голову? Дело в том, что осенью и весной, когда плохо топят печи и в камере бывает холодно, или в такие морозы, как сейчас, ночью страшно мерзнет голова, иногда даже простываешь, а в шапке или в фуражке спать я пробовал — неудобно, залезать с головой под одеяло тоже нехорошо, душно. А «чепчик» был бы хорош. Одел, подвязал вязочками под подбородком — и спи. Тепло голове и удобно. Я думаю, ты сумеешь сшить. А примерить на Вире можно. В моей «республике» без перемен. С клопами опять на некоторое время покончил. Мой топчан взяли и дали мне очищенный от клопов. Быстро и радикально. Вот что значит рационализация. А посему да здравствует рационализированная и стандартизированная борьба с тюремными клопами! На прогулках и при 30° морозе сражаемся ежедневно в волейбол. Я стал настоящий «чемпион»! Гляди, чего доброго, совет физкультуры наградит меня «чином» «мастера спорта». А там, смотришь,

и заграничная командировка. Морозы и здесь завинчивают основательно. Моя приятельница — хромая галка — чуть свет с голодухи промерзшею прилетает к окну, садится на куст и ждет своего пайка. А здоровые галки от мороза и голода совсем превратились в «хищников». На днях на прогулке смотрим, сидит на кусте галка и преспокойно «закусывает» мерзлым воробьем...

13 августа 1935 года

...Опять много читаю на русском, английском, на немецком. На немецком наслаждаюсь стихотворениями Гёте, на английском читаю Локка, а на русском все еще по самые уши ушел в историю.

Нынче прочел между прочим А. Франса «Остров пингвинов». Великолепная вещь. Я еще ее дома собирался прочесть. Но тогда так и не удалось.

февраля 1936 года

...В прошлом письме я перечислил, что мне очень необходимо и что менее необходимо. Помимо этого предоставляю вам полную свободу добавлять к этому, что только вы найдете нужным и возможным из новинок книжного рынка по философии, политической экономии, истории, истории литературы, военным вопросам, истории искусства, астрономии и беллетристике как на русском, так и на иностранных языках. Только при выборе надо соблюдать одно условие: это не должна быть халтура, мадригалы, оды и панегирики — этого добра здесь довольно...

4 апреля 1936 года

Милый Виря!

Хорошо и то, что опять двинулись вперед твои занятия самообразованием. В особенности снова и снова одобряю твое упорство в отношении математических наук. Что бы там ни говорили о математике, как бы пренебрежительно, в частности, ни относился к ней Гегель, это, по существу, единственная подлинная наука...

Математические истины — неоспоримые истины для всех. И бесконечно прав был Кант, когда сказал: «В науках физических есть ровно столько науки, сколько там математики».

А с гуманитарными науками и сравнивать не приходится. Там сплошь все зыбучий песок. Полное господство субъективности. Любая истина растягивается как хорошая резина. И даже сами авторы различных теорий в начале книги говорят одно, в конце другое; концы не сходятся с концами, начала с концами. Сегодня такая «истина» служит одним целям, назавтра ее используют для прямо противоположных; выворачивают ее и так и этак, как карман; наконец, от нее остаются одни лоскутки, но она продолжает «гордо» носить свою этикетку. Поэтому, если мы будет знать в совершенстве математические науки,— это будет великое дело...

21 апреля 1936 года

...Вычеркивания цензуры в твоих и моих письмах, а также отсылка моего предыдущего письма в СПО привели меня к твердому убеждению и решению — решительно отказаться в дальнейшем от всякого обмена мнений по научным и другим вопросам в переписке с тобой и в дальнейшем строго ограничиваться вопросами личного быта. И жизни. Это же категорически рекомендую сделать и тебе.

Президиуму Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

Заключенного Внутренней тюрьмы НКВД — М. Н. Рютина

Заявление

В настоящее время после отбытия почти пяти лет своего десятилетнего заключения я вновь НКВД привлечен к уголовной ответственности за то, что, во-первых, теперь отдельные места и выражения написанных мною в свое время нелегальных «документов» истолковываются ведущими следствие как призыв к террору и, во-вторых, что на основе этих документов где-то якобы образовались и раскрыты правые террористические группы.

По существу предъявленного мне нового обвинения считаю необходимым сообщить Центральному Исполнительному Комитету следующее:

1. Я не признаю себя виновным ни в чем, кроме того, за что я несу уже длительный срок наказания. Я никогда террористом не был, не являюсь и не буду. Никогда террористических взглядов и настроений не имел и не имею. Нигде, никогда, никому никакого сочувствия террору не высказывал и относился к нему всегда враждебно. Новое «толкование» отдельных цитат из «документов» как террористических является явно пристрастным и тенденциозным.

К этому считаю необходимым добавить, что от своих взглядов, изложенных в «документах», я уже четыре года тому отказался. С тех пор ни к каким политическим партиям, группировкам и течениям не принадлежу. От всякой политической борьбы и политической деятельности навсегда отказался.

2. Я осужден (и приговор до сих пор никем не отменен) и отбыл почти половину своего заключения за всю совокупность своих взглядов, изложенных в «документах»; как бы ни толковать эти «документы» или отдельные их места, за всю совокупность «документов» вплоть до последней строчки, до последнего слова, до последней буквы, за все это я уже осужден, приговор никем не отменен, и новое привлечение меня к ответственности за эти же «документы» или отдельные их места и выражения является явно незаконным, произвольным и пристрастным.

3. Я осужден и отбываю уже пятый год наказания за всю совокупность своих действий (и за все их последствия), в том числе и за распространение «документов» и за все последствия этого распространения в виде возможности и образования на основе и под влиянием этих документов через месяц, через год, через пять, через десять лет после их распространения каких-либо нелегальных групп и ячеек. Новое привлечение меня к ответственности за те же действия и их последствия является явно незаконным, произвольным и пристрастным.

4. Ни одно уголовное законодательство, начиная с римского права и вплоть до наших дней во всех странах, в том числе и советское уголовное законодательство, не допускает привлечения к ответственности и наказания преступника два раза за одно и то же преступление, хотя бы второй раз и под другим названием.

5. Статьи Уголовного кодекса, по которым я был осужден, обнимали и обнимают, несомненно, всю совокупность совершенных мною преступных деяний и моих

преступных взглядов, но в этих статьях не содержится никакого обвинения в терроре. Следовательно, ни в моих «документах», ни в моих действиях не было и нет ничего «террористического». В противном случае ко мне были бы применены другие соответствующие статьи Уголовного кодекса.

6. Политбюро ЦК ВКП(б) во время моего дела, несомненно, знакомилось или, по крайней мере, его знакомили и с написанными мною преступными «документами», и со всей совокупностью совершенного мною преступления. И однако же Политбюро не нашло в них никаких данных для обвинения меня в терроре. В противном случае оно, несомненно, дало бы соответствующие указания коллегии ГПУ, и я был бы привлечен за террор. Я не был привлечен за террор, следовательно, ни в моих взглядах, ни в моих действиях не было ничего террористического.

7. Коллегия ГПУ, осудившая меня на десять лет заключения, несомненно, в свою очередь, внимательно знакомилась с написанными мною нелегальными «документами» и тщательно изучала все мельчайшие детали моего дела. Она также не нашла в них ничего «террористического», иначе я был бы привлечен по соответствующим статьям за террор. Я не был привлечен, следовательно, в моих взглядах и действиях не было найдено и не было ничего террористического.

8. Начальник СПО ГПУ Молчанов, ведший надомной следствие, опять-таки, бесспорно, изучал внимательно все мельчайшие детали моих «документов» и всего дела. Он также не нашел в нем никаких данных для предъявления мне обвинения в терроре и не предъявил его. Следовательно, и это свидетельствует о том, что в моем деле не было ничего террористического.

А теперь тот же Молчанов по тем же документам или отдельным их местам, за те же действия (распространение документов и его последствия) предъявляет мне обвинение в терроре! Чудовищно!

9. Печать, газеты в течение ряда месяцев после моего дела вели по нему обстоятельную разъяснительную кампанию. Они действовали, не подлежит сомнению, на основе полученных директив и были достаточно осведомлены. Они также не нашли в моем деле никаких следов террора и не отмечали его. Неужели и они «слона-то и не приметили».

10. Наконец, Президиум ЦИК СССР как высший законодательный орган, контролирующий деятельность всех исполнительных органов власти, в том числе и ГПУ (НКВД), в порядке контроля также, бесспорно, знакомился с моим делом. Он также не нашел в нем инкриминируемого мне теперь обвинения в терроре. Иначе он дал бы соответствующим органам указание отменить приговор коллегии ГПУ и предъявить мне новое соответствующее обвинение.

Таким образом, самые высшие советские и партийные органы, самые авторитетные лица страны во всей совокупности моего дела не нашли ничего террористического, и в том числе Молчанов, а теперь тот же Молчанов, по тому же делу, после отбытия мною почти половины своего десятилетнего заключения предъявляет обвинение в терроре!

На основе всего вышеизложенного с полной очевидностью и бесспорностью следует:

Во-первых, что в моих взглядах, документах, действиях и во всей совокупности дела не содержалось и не содержится никаких данных нового обвинения меня в терроре, и поэтому предъявление подобного обвинения является явно незаконным, произвольным, тенденциозным и пристрастным.

Во-вторых, если бы в моем деле и заключалось что-либо террористическое (чего в действительности нет), то я за это уже осужден, за каждую строчку и слово моих «документов», при каком угодно толковании, за каждое произнесенное мною слово, за малейшее свое действие, за каждый свой шаг по распространению «документов» и его последствия, каковы бы они ни были, приговор не отменен, я отбыл уже длительный срок наказания, и потому новое привлечение меня к ответственности за то же самое является опять-таки совершенно незаконным, произвольным и пристрастным.

По существу инкриминируемых мне вновь отдельных выражений из «документов» как призывов к террору я также смог убедительно, думаю, доказать явную пристрастность и абсурдность их нового «толкования». (Не случайно самые высшие партийные и советские органы, самые авторитетные лица и приговор коллегии ГПУ не нашли в них ничего террористического.) Но я, к сожалению, крайне ограничен местом, так как мне, несмотря на все мои настойчивые просьбы, администрация тюрьмы, очевидно, по указанию ведущего следствие решительно

отказала дать бумаги столько, сколько необходимо, и ограничила меня этим листком, и поэтому вынужден отказаться от этого желания.

На основании всего вышеизложенного, будучи глубочайше убежден в своей невиновности в том, в чем меня теперь обвиняют, находя это обвинение абсолютно незаконным, произвольным и пристрастным, продиктованным исключительно озлоблением и каждой новой, на этот раз кровавой расправой надо мной, я, естественно, категорически отказался и отказываюсь от дачи всяких показаний по предъявленному мне обвинению. Я не намерен и не буду на себя говорить неправду, чего бы мне это ни стоило.

Ко всему сказанному в заключение считаю необходимым добавить, что самые методы следствия, применяемые ко мне, являются также совершенно незаконными и недопустимыми. Мне на каждом допросе угрожают, на меня кричат, как на животное, меня оскорбляют, мне, наконец, не дают даже дать мотивированный письменный отказ от дачи показаний, а разрешают написать только «отказываюсь от дачи показаний», без всякой мотивировки, что явно преследует цель, получив такой немотивированный отказ, толковать его потом так, как будет наиболее выгодно ведущему следствие. Этим самым нарушаются самые элементарные права подследственного, ибо последний имеет право писать любые письменные заявления, касающиеся его дела, следственным, судебным и законодательным органам власти. Все это, вместе взятое, граничит с вымогательством личных показаний.

На основании всего вышеизложенного я прошу Центральный Исполнительный Комитет СССР:

1. О защите меня как заключенного, отбывающего уже длительный срок заключения, и как человека от незаконной расправы надо мной, от незаконного нового привлечения меня к ответственности за то дело, за которое я несу уже наказание, с новым сложным и пристрастным его использованием и даче указаний соответствующим органам об отмене нового незаконно предъявленного мне обвинения и о возвращении меня в нормальные условия заключения для продолжения отбывания моего наказания.

2. О защите меня от дальнейших угроз, обращения со мной как с животным, оскорблений и криков, каким я подвергаюсь.

Я, само собой разумеется, не страшусь смерти, если следственный аппарат НКВД явно незаконно и пристрастно для меня ее приготовит. Я заранее заявляю, что я не буду просить даже о помиловании, ибо я не могу каяться и просить прощения или какого-либо смягчения наказания за то, чего я не делал и в чем я абсолютно неповинен. Но я не могу и не намерен спокойно терпеть творимых надо мной беззаконий и прошу меня защитить от них.

В случае неполучения этой защиты я еще раз вынужден буду пытаться защитить себя тогда теми способами, которые в таких случаях единственно остаются у беззащитного, бесправного, связанного по рукам и ногам, наглухо закупоренного от внешнего мира и невинно преследуемого заключенного.

4.XI.1936 г.
Москва, Внутренняя тюрьма
особого назначения НКВД.

М. Рютин

Содержание

Борис Старков. ТЯЖКИЙ ПУТЬ ПРОЗРЕНИЯ 3
«Интеллигентный пролетарий» 4
В годы революции и гражданской войны 5
Секретарь райкома на Красной Пресне 12
Противостояние 16
Во главе «Союза марксистов-ленинцев» 25
«Я не намерен и не буду говорить неправду» 39
В СИБИРСКОЙ ДАЛЬНЕЙ СТОРОНЕ 49
Автобиография 50
К моменту 64
Открытое письмо гг. меньшевикам 65
«В ДУХЕ НЕПРИМИРИМОГО БОЛЬШЕВИЗМА» 67
Партия и рабочий класс 71
Сменовеховцы и пролетарская революция 82
Из выступления на XIV съезде ВКП(б) 102
Из выступления на XV съезде ВКП(б) 105
«С РУКОВОДСТВОМ СТАЛИНА ДОЛЖНО БЫТЬ ПОКОНЧЕНО КАК МОЖНО СКОРЕЕ» 110
Сталин и кризис пролетарской диктатуры 113
Ко всем членам ВКП(б). Манифест-обращение 252
Александр Борщаговский. Так кто же написал «платформу Рютина»? 260
«Я НЕ БУДУ ПРОСИТЬ ДАЖЕ О ПОМИЛОВАНИИ» 314
Заявление А. С. Немова в ЦК ВКП(б) 316
Письмо М. Н. Рютина в ЦКК ВКП(б) 319
Тюремные письма 322
Заявление М. Н. Рютина в Президиум ЦИК СССР 345

Ютин Мартемьян Никитич

НА КОЛЕНИ НЕ ВСТАНУ

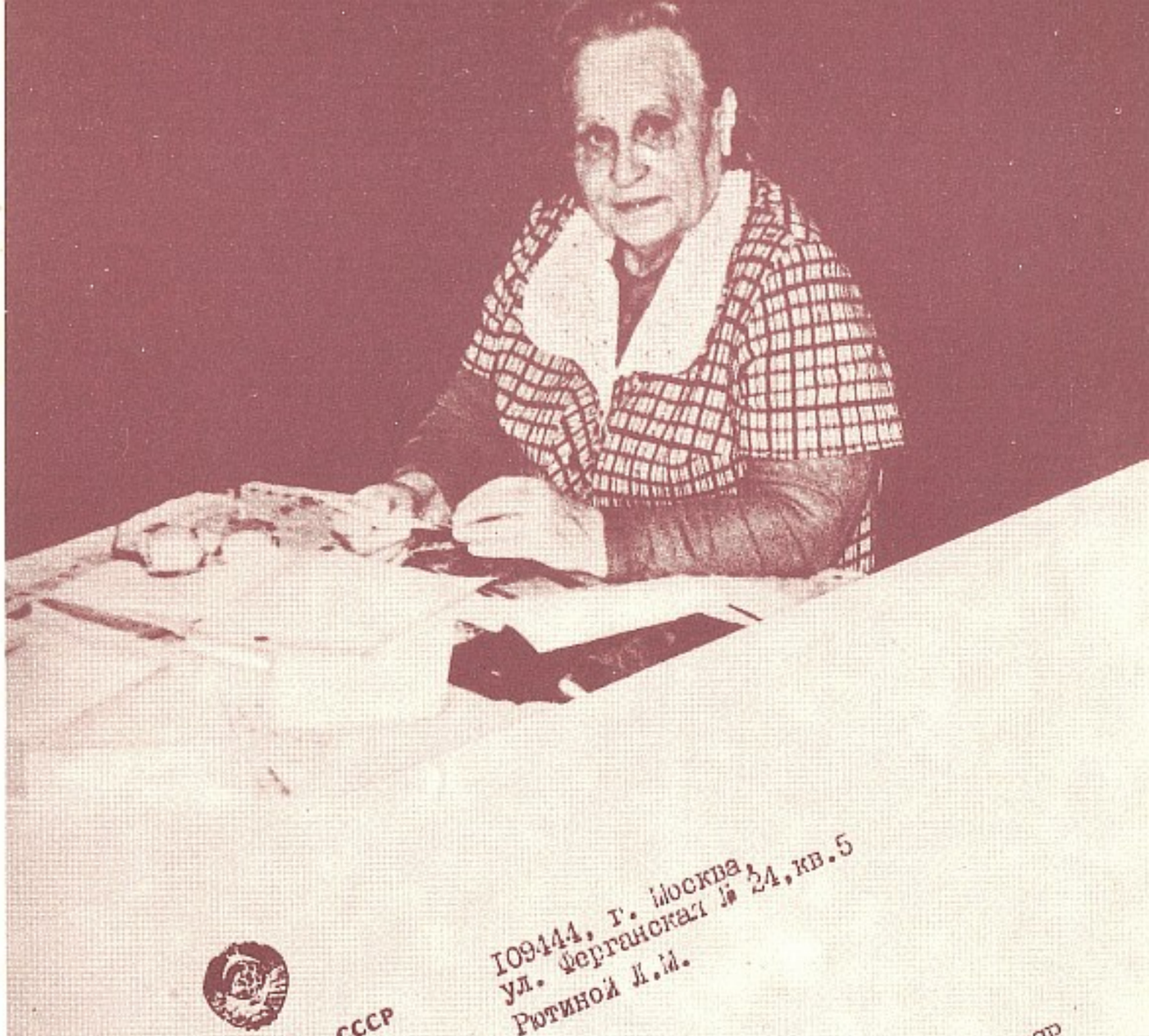
ведующий редакцией *В. М. Подугольников*
дакторы *М. Ю. Мухина, Н. Б. Чунакова*
удожник *Е. Г. Капустянский*
удожественный редактор *А. Я. Гладышев*
ехнический редактор *Н. А. Шавкунова*

Б № 9019

ано в набор 21.06.91. Подписано в печать 30.10.91. Формат 84x108¹/₃₂. Бумага
ижно-журнальная офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ.
19,32. Уч.-изд. л. 20,70. Тираж 15 000 экз. Заказ № 2053. Цена 4 р. 70 к.

олитиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
3473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.



ПРОКУРАТУРА СССР
Отдел по надзору за следствием в органах государственной безопасности
103793, Москва, К-9, Пушкинская, 15-а
1с 04.87 № I3/I5968-55

109444, г. Москва
ул. Фергансная № 24, кв.5
Ротиной Л.М.

На № _____

Ваше заявление, адресованное Генеральному прокурору СССР рассмотрено.
Установлено, что за участие в контрреволюционной организации и проведение антисоветской деятельности Ротин М.Н. осужден обоснованно.
Оснований к постановке перед судебными органами вопроса об отмене состоявшихся в отношении Ротина М.Н. судебных решений не имеется.

Прокурор отдела
старший советник юстиции Ю.И.Седов